

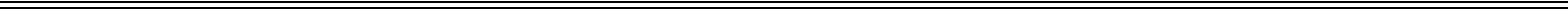
Семён Созутов

АРРЕКС

Annotation

Кто он. Необычный воин с угольно черной кожей обожженной пламенем пришедший неведомо из каких бездн, и что он в итоге принесет миру. Спасение или гибель...

Семен Созутов
Аррекс

Пролог

Молодой, но уже довольно крупный олень напряженно нюхал воздух. Это место было ему хорошо знакомо. Он часто приходил сюда на водопой или в поисках самки. Но сегодня нечто изменилось. Лесная тишина не нарушалась ни единым посторонним звуком, однако что-то неуловимое беспокоило зверя, не давая расслабиться и насладиться свежей прохладной водой из располагавшегося совсем неподалеку чистого лесного пруда.

Уши животного дрогнули. Внезапно прямо перед ним в каком-то десятке метров в воздухе возникла слепящая огненная воронка. Вихри обжигающего инородного пламени злобно заревели и исторгли из себя сгусток непроглядного мрака. Олень издал испуганный рев и опрометью кинулся в чащу. Инстинкт гнал зверя куда подальше от вдруг ставшей внезапно такой жуткой и чужой поляны.

Огненная круговерть тем временем угасла, оставив после себя огромное выжженное пятно в густой лесной траве. В самом его центре матово мерцал непроглядный сгусток первородной тьмы своей формой похожий на небольшой саркофаг. Однако и он постепенно рассеялся, истаяв без следа и открыв взору совсем крошечное покрытое черной коростой обожженное неведомым мистическим пламенем тельце новорожденного мальчика. Жалобный вой полный непереносимой боли даже отдаленно не напоминающий человеческий прорезал воздух, и лесная чаща тут же огласилась разномастными звериными голосами. Мир встречал в своих пределах новую сущность.

Глава первая

Бродячий цирк

— Мясо протухло... — Худощавый седой мужик средних лет брезгливо отшвырнул от себя небольшой розовый шмат свиного окорока. — Придется зверям скормить... Жрать совсем нечего стало... Слышь, Тфим, может у тебя чего найдется? — повернулся он к плотному коренастому мужчине с внушительными залысинами. Оба сидели на козлах одной из довольно больших повозок неторопливо ехавших по ухабистым колдобинам имперского лесного тракта. — Знаешь ведь, в долгу не останусь.

— Ага размечтался... — Насмешливо сплюнул названный Тфимом. — Уже с неделю мотаемся по здешним лесам без нормальной кормежки. Скоро ноги протянем... И о чем только хозяин думает. Звери вот-вотдохнуть начнут. Пардусов кормить нечем. А без хищников доходы сильно упадут, попомни мои слова. Половину трупы потеряем.

— Не каркай. — Оборвал товарища седой. — Хозяин чай не дурак, знает что делает. Завтра должен уже быть Орроу. Вот там и разживемся припасами... — Мужчина мечтательно умолк. Мысленно он уже пировал в трактире и щупал тамошних дородных подавальщиц, которые и сами не прочь были при случае познакомиться поближе с загадочным странствующим артистом...

— Если к тому времени с голоду не окочуримся... — Хмуро проворчал Тфим. — Тебе хорошо, поводит своих зверюг перед толпой на радость почтенной публике и отдыхай, а нам жонглерам сытная еда как воздух нужна чтоб свое дело справлять.

— Дык, а ты своими запасами пробавляйся. — Хохотнул седой, указывая на довольно внушительное брюхо Тфима. — И как ты только с таким пузом свои булавы вертишь... Я эвон худой как щепка и то не жалеюсь.

— Много ты понимаешь... — Обиженно проворчал жонглер. — В нашем искусстве верный глаз и твердая рука важны. Не знал бы я дела, меня бы хозяин уже давным давно бы взащей вытолкал.

— Это да. — Не стал спорить седой. — У Аро не забалуешь. А о пардусах не твоя забота. Я свое дело знаю не хуже твоего.

— Привал. — Коротко скомандовали на передней повозке, и телеги остановились.

— Здесь и расположимся. — Зычным уверенным голосом произнес дорожный одетый дородный чернобородый мужчина лет сорока с длинным хлыстом на поясе. — Зверей напоить, накормить и как следует вычистить. Завтра мы прибудем в Орроу, животные должны быть готовы к представлению. Потом можете отдыхать.

— Хозяин, мясо почти закончилось. — Виновато пробасил седой смотритель зверей. — Боюсь, пардусам его не хватит.

— Мяса должно было хватить ровно до Орроу. — Жестоко усмехнулся чернобородый. — Если, конечно, вы втихаря не жрали его сами. — Гибкий черный хлыст опустился на жилистые плечи смотрителя, заставив того закусить губу от боли. — Обворовываешь меня, тварь! — здоровенный кулак хозяина сбил седого на землю. К упавшему тут же подскочило двое крепких охранников с дубинками наперевес и принялись остервенело пинать его тело ногами.

— Всыпьте ему как следует. — Процедил чернобородый. — Но сильно не калечьте. Завтра этой падали еще работать.

— Аро, я слышала неподалеку странный звук... — К хозяину цирка неторопливо приблизилась красивая черноволосая девушка.

— Ага, будто ребенок плакал. — Подтвердил могучий поперек себя шире здоровяк, чьими руками можно было запросто гнуть подковы.

— Проверьте поляну. — Коротко распорядился Аро. — И будьте все наготове. Мы здесь можем быть не одни.

Охранники по его приказу тут же закончили избивать седого зрителя и принялись обшаривать окрестности, настороженно переглядываясь.

— Хозяин... — Спустя пару минут вернулся один из стражей. — Вам бы лучше взглянуть на это самому...

— Что это... — Брезгливо скривился Аро. — В центре поляны посреди огромного пятна выгоревшей травы лежал абсолютно голый, черный словно головешка младенец. Несмотря на кошмарные ожоги, его грудь слабо вздымалась. Цирковые за спиной хозяин принялись испуганно перешептываться. Глаза ребенка были яркого багрово-алого цвета.

— Демон не иначе... — Выдохнул гибкий мускулистый парень. Он явно едва перешагнул порог отделяющий юношу от отрока, но уже сейчас был невероятно красив и пропорционально сложен.

— Не болтай лишнего, Гвион. — Нахмурился Аро. — Видно здесь ударила молния, а этот оказался рядом вот и обуглился весь. Непонятно как вообще жив остался.

— А где ж его мать? — прищурился старый Тфим. — Неужто бросила свое дитя...

— Верно так и было. — Кивнул хозяин цирка. — Иначе мы нашли бы и ее труп.

— А глаза... — Рискнул еще раз обратить на себя внимание молодой акробат Гвион.

— Так бывает, когда кто или зенки за края зальет или удар кого хватит. — Со знанием дела усмехнулся сухопарый невысокий старик. — Сосуды в белках лопаются, и кровь выплескивается наружу. Выглядит жутковато, но никакой темной магии здесь нет и в помине. Любой лекарь это подтвердит.

— И что с ним делать? — повернулся охранник к хозяину цирка.

— Оставим здесь, он так и так скоро подохнет. У нас все равно нет для него молока.

— У Снежной недавно появилось молоко... — Черноволосая девушка как кошка ласково потерлась о плечо Аро. — Приплод она еще не принесла, а если этот уголек выживет, то в будущем принесет цирку немалую пользу.

— Это так, Аро. — Согласно кивнул могучий здоровяк. На представлениях он играючи жонглировал пудовыми гирями, без особых усилий связывал в узел толстые железные прутья и показывал иные не менее впечатляющие трюки. Остальные артисты крепко уважали и побаивались силача, хотя тот и был спокойного незлобивого нрава. — Погляди на него, вылитый демон. Публике такое не может не понравиться.

— Помолчи, Овр, я и без тебя знаю, как мне вести дела. — Богатырь был единственным человеком в труппе, с которым Аро приходилось считаться и который внушал ему определенную толику опасения. Ведь в случае чего далеко не факт, что даже вся его охрана сообще сумеет справиться с силачом. — Этот младенец может навлечь на нас гнев пресвитеров Всеединого. Хочешь на дыбе признаваться в своих связях с тьмой?

— Да брось, мало ли в империи убогих искалеченных пожарами... — Рассмеялась девушка, приобнимая Аро за шею. — Вот увидишь, этот уголек пригодится тебе. Я чувствую...

— А, проклятая гитанская кровь... — Аро раздраженно сбросил руки девушки. —

Ладно накормите его, и пусть Лефор осмотрит его ожоги. Пусть все видят, я добрый атонианец и чту заветы Всеединого... Разбейте лагерь! Если пацан доживет до завтрашнего утра, я сильно удивлюсь.

* * *

— Кто же ты такой... — Зивира осторожно взяла на руки завернутого в темное тряпье младенца и сунула ему небольшую кожаную бутылку с пардусовым молоком.

Будучи гитанкой по крови она чувствовала многое из того, что было недоступно простым смертным. Этот младенец не был обычным. Нечто темное, исконно додревнее таилось в самых глубинах его сути. То, что и помогло ему уцелеть в гибельном огне лесного пожара. То, для чего даже у нее не было названия, ибо девушка все же не была настоящим чародеем. Быть может, лишь ее далекие предки в те давно забытые времена, когда магия в мире еще была жива, а ее адепты не были уничтожены вездесущими жрецами Всеединого сумели бы понять, кем именно был тот, кого всемогущая судьба послала им на лесной дороге.

— Спи, маленький... спи и набирайся сил... — Нежно проворковала гитанка, баюкая младенца. — Тебе их понадобится много...

Глава вторая

Представление

Зивира... из его горла вырвался звук, который можно было отдаленно принять за радостный возглас. Черные как головешки пальцы ребенка впились в стальные прутья решетки. Черноволосая гитанка была, пожалуй, единственным человеком в труппе, кто относилась к нему с теплотой. Все остальные шпыняли и норовили обидеть при каждом удобном случае, считая искалеченного пожаром парня за нелюдя.

Восемь лет прошло с того момента как безымянного младенца подобрали бродячие артисты, но его ожоги так и не сошли. Кожа и плоть ребенка намертво спеклись и превратились в угольно-черный природный панцирь невероятной прочности. Абсолютно черное напрочь лишенное волосяного покрова тело вкупе с яркими багровыми глазами производили жуткое впечатление на любого впервые увидевшего его. Оттого, наверное, к парню раз и навсегда приклеилось прозвище Уголек, которое и заменило ему имя.

Надо сказать, его новый хозяин не страдал недостатком практичности и потому, едва тому исполнилось три года, всю взял парня в оборот, заставляя его трудиться до седьмого пота. Не по годам крепкий и смысленный мальчик несмотря на свои увечья должен был выходить на помост вместе со взрослыми артистами и рычать и кривляться, изображая демона из неведомых преисподний. Народ приходил в настоящее неистовство от вида маленького уродца, швыряя в него гнилыми овощами и испуганно шарахаясь в стороны, если тот подходил слишком близко к передним рядам.

А в перерывах между представлениями на его плечи ложилась вся грязная работа. Уголек должен был чистить клетки животных, кормить и вычесывать лошадей и пардусов, а также подрабатывать у зажиточных горожан, которым на пару часов продавал его хозяин цирка за звонкую монету, которая, разумеется, целиком без остатка шла в бездонный карман Аро.

В труппе бродячих артистов Уголек стоял ниже всех, считаясь практически говорящим животным и собственностью хозяина. Аро был властным, жестоким человеком не терпящим от своих людей и малейшего прекословия. Он не раз жестоко бил парня кнутом за как ему казалось недостаточное усердие в работе или просто вымещая злобу.

Остальные, которым тоже нередко доставалось от хозяина, также не упускали случая лишний раз укусить сироту. Особенно в этом отношении отличались фигляры мимы Трим и Тром. Частенько они подстерегали парня где-нибудь в укромном месте и жестоко колотили, благо тот хоть и рос весьма крепким для своих лет, все же был еще слишком мал чтобы дать отпор молодым лоботрясам. К тому же при всей своей ужасающей внешности парень был совершенно неответным на злобу и лишь тихо хрипел, покорно снося все побои и издевки. Спал же Уголек и вовсе в ржавой железной клетке, в которой раньше содержали пардусов. Но потом для хищников нашли жилье поновее, и мальчику досталось их старое обиталище.

— Уголек... — Зивира нежно провела изящной смуглой ладонью по черной матово блестящей щеке паренька. — Они опять били тебя... вот поешь. — Из под полы длинного платья гитанки появилась краюха черного хлеба с куском жирного козьего сыра. — Мне удалось стащить это из под самого носа старого Вома... ешь, не бойся. — Девушка, улыбаясь, глядела, как парень жадно впивается в угощение крепкими острыми зубами. — Потом я принесу еще...

Зивира... пожалуй, эта невероятная девушка, которой и самой жилось далеко непросто, заменила парню мать. Зивира была гитанкой, представительницей самого древнего народа Иорля владеющего изначальной магией. Извечные странники, бродяги, певцы и чародеи, они долгое время удивляли всех прочих своими невероятными талантами и умениями.

Однако столетия назад пресвитеры Всевышнего Атона, нового культа никому ранее неведомого, но каким-то непонятным образом очень быстро набравшего силу в империи и вытеснившего все иные религии и верования, почти уничтожили гитан, низведя магию в мире практически на нет. Лишь отдельные небольшие группы еще продолжали скитаться по просторам мира, но ни о какой былой силе детей дорог не приходилось и говорить.

Зивира же была танцовщицей в труппе Аро, а также его любовницей, что, впрочем, не давало ей никаких особых привилегий перед прочими. Аро был из тех людей, что не любят никого кроме себя, и не считался даже с кровными узами не говоря уже о мимолетных связях с артистками собственной труппы.

— Мне пора, представление вот-вот начнется... — Девушка одним гибким движением поднялась с земли. — Постарайся сегодня не разочаровать хозяина и не дать ему повода вновь поколотить тебя.

* * *

Представление и впрямь вот-вот должно было начаться. Орроу являлся довольно крупным городом, и публика в нем была весьма щедрой. Особенно если артисты хорошо знали свое дело. У Аро знали, благо методы его обучения превосходно вколачивали необходимые навыки даже в самых нерадивых и непонятливых.

Первыми на уличный помост, сооруженный артистами на главной площади, возле которого собралась разношерстная крикливая толпа, вышли два размалеванных мима в пестром тряпье. Они тут же принялись прыгать и кривляться, своими ужимками и нелепыми вертлявыми движениями вызывая у публики гомерический хохот.

Мимы шутливо боролись и пинали друг друга, разбивая о голову один другого фанерные стулья и прочий специально сооруженный для представления бутафорский инвентарь. Худые нескладные клоуны были похожи на диковинных кукол марионеток и двигались словно на шарнирах. Подобные движения были результатом не только природного таланта, но и долгих изнурительных тренировок, что, впрочем, впоследствии с лихвой оправдывало себя. Зрители были в самом натуральном восторге.

Покривлявшись еще некоторое время, мимы, наконец, оставили арену, освобождая ее для другого участника. Им оказался грузный пожилой жонглер в просторной белой рубаше и широких черных штанах с длинными подтяжками. Глядя на его толстую неуклюжую фигуру, было вообще непонятно, что он забыл в этом месте. Однако стоило ему взяться за дело, все сомнения у публики тут же рассеялись.

Пара деревянных обитых блестящей золотистой бумагой булав порхали в его ловких руках как бабочки, да и сам артист преобразился словно по волшебству. От него будто бы шел некий внутренний свет, и на его фоне был уже не так заметен и объемистый выпирающий из под брючных подтяжек живот, и внушительная розоватая лысина. Да и вообще это просто перестало иметь какое бы то ни было значение. На арене находился истинный художник. Мастер искренне любящий свое дело и посвятивший его постижению

всю свою жизнь.

К паре деревянных булав добавилась еще одна, а затем еще и еще... Публика восхищенно замерла. Целых восемь предметов словно по волшебству летали по воздуху, подчиняясь едва уловимым глазам движениям жонглера, а затем артист внезапно поджал левую ногу, оставшись стоять на одной правой. Его руки ни на миг не забывали вершить свою работу, и даже в этом положении он ухитрился не уронить ни одну из булав.

Когда жонглер, наконец, завершил представление, ловко поймав все свои предметы и поклонившись почтенной публике, восторгу зевак не было предела. В широкополую шляпу предусмотрительно выставленную на краю помоста специальной служкой-мальчиком щедро полетели медные и стальные монеты. Благородное серебро или тем паче золото дозволялось иметь только знати и жрецам Всевышнего Атона. И немалую роль в этом запрете в свое время сыграли слуги Всеединого бывшие весьма и весьма падкими на презренный металл.

Получивший свою толику славы грузный жонглер неторопливо покинул арену, и из-за кулис ему на смену вышел молодой раздетый по пояс мускулистый светловолосый парень сложенный на редкость красиво и пропорционально. Женская половина публики восхищенно ахнула. Юноша и впрямь был невероятно красив, а его ослепительная белозубая улыбка могла разбить сердце любой даже самой капризной и своенравной красотке.

Поклонившись народу и продемонстрировав свою великолепную мускулатуру со всех сторон, юноша сделал колесо и легко прошелся на руках из одного конца арены в другой. Затем он выполнил еще пару акробатических элементов, в то время как двое молодых служек поспешно протягивали пеньковую веревку между высокими деревянными столбами расположенными на противоположных концах помоста.

Наконец, дело было сделано, и парень, вновь поклонившись зрителям, одним движением вскочил на туго натянутую веревку. Народ затаил дыхание. Высота, на которой находился импровизированный канат, была совсем пустяковая около полутора метров, но сам факт того, что человек в принципе способен удерживать равновесие на тонком тросе да еще и ходить по нему словно по твердой земле не мог оставить никого равнодушным.

Акробат же тем временем преспокойно выпрямился во весь рост и медленно пошел по веревке, с кошачьей ловкостью переставляя по ее тонкой шершавой поверхности свои загорелые босые стопы. Он дошел, раскинув руки до противоположного края арены, а затем столь же медленно двинулся обратно. Внезапно на полпути артист высоко подпрыгнул и сделал сальто назад, опустившись аккуратно на узкий пеньковый трос. Затем, практически не останавливаясь, крутанул колесо, вновь умудрившись не сорваться и оказавшись в том месте, откуда и начинал свое шествие и, спрыгнув с каната, изящно поклонился неистовствующей публике, приложив правую руку к груди.

Народ взорвался восторженными овациями. Было видно, что выступление красавца акробата произвело самый настоящий фурор, и монет в подставленную шляпу в этот раз прилетело гораздо больше нежели за все время представления. Аро за кулисами наблюдавший за представлением довольно скалил крепкие белые зубы. Сегодня ночью акробата наверняка будет ждать еще одна работенка в постели какой-нибудь богатой местной матроны, а его и без того увесистый кошелек изрядно пополнится звонкой блестящей медью.

Акробат, ослепительно улыбаясь, удалился за кулисы, и ему на смену вышел могучий сорокалетний здоровяк с двумя также далеко неслабыми молодыми помощниками, которые

буквально сгибались под тяжестью свинцовых гирь и иного инструментария циркового богатыря. Овр довольно осклабился, продемонстрировав публике свой могучий хотя и не слишком рельефный торс и толстенные ручки и принялся жонглировать гирями, не прекращая улыбаться.

Затем он завязал в узел толстый железный прут и под конец выступления, подхватил лежащее на краю помоста здоровенное бревно и присел с ним, положив его себе на плечи. Двое помощников тут же сели на противоположные концы снаряда, и силач, крикнув, поднялся на ноги, удерживая на плечах всю эту импровизированную конструкцию. Публика одобрительно засвистела, выражая богатырю свое одобрение. Седоки вместе с бревном весили никак не меньше двухсот килограмм.

— Ну, кто желает побороться со мной? — насмешливо рыкнул Овр. Его обнаженный торс обильно лоснился от пота. Сегодня он сполна отпахал на арене и был вполне доволен собой.

Один из мужиков стоявших в толпе, смачно хлопнув себя по ляшкам, полез на помост. Он тоже отличался далеко не малой комплекцией, но был все же пониже силача и к тому же обременен внушительным брюхом. Противники сцепили руки и принялись ожесточенно давить на ладони друг друга. Лицо мужика налилось дурной кровью. Он отчаянно напрягал мышцы, стараясь не дать богатырю одолеть себя, но силы были явно неравны. Сперва Овр поставил своего соперника на колени, а затем одним сильным толчком заставил рухнуть на спину. Народ восторженно засвистел, приветствуя победу богатыря, а его противник, сгорбившись, незаметно покинул арену, украдкой потирая кисти. Железная хватка силача явно не прошла для них даром. Более желающих померяться силами со здоровяком не нашлось, и тот, самодовольно улыбаясь, широким шагом покинул помост.

Занавес кулис распахнулся, и на арену выскочили крупные белоснежные кошки, которых сопровождал крепкий седой мужчина с хлыстом в руке. По его знаку животные принялись прыгать и кувиркаться, катаясь по деревянному настилу помоста и выделявая замысловатые кульбиты. Народ испуганно загомонил.

Пардусы были грозными хищниками. Каждому из них ничего не стоило задрать взрослого мужчину не говоря уже о женщине и тем более ребенку, и посему столь близкое знакомство с ними, благо арена, на которой выступали артисты, была абсолютно открытой, не могло не ввергать в трепет. Впрочем, зритель хорошо знал свое дело. Могучие звери слушались его чуть ли не с полувзгляда, безропотно выполняя все его команды, лишь изредка недовольно взрыкивая и прижимая уши, когда старый Дим щелкал хлыстом особенно громко.

Проворные служки, испуганно косясь на гигантских кошек, внесли на арену огромное загодя облитое горючим маслом железное кольцо на длинном шесте, установив его посреди помоста. Еще один поднес к нему зажженный факел. Ярko вспыхнуло пламя, и снежные пардусы по знаку зрителя принялись ловко сигать через горящее кольцо под свист и улюлюканье почтенной публики. Представление еще не завершилось, но уже сейчас было понятно, что это был бесспорный успех.

Наконец, настала пора для завершающего шоу. Для него по краям арены были установлены яркие факелы. Публика смолкла, предчувствуя нечто совершенно невероятное. И когда напряжение зрителей достигло своего апогея, на сцене появилась хрупкая черноволосая девушка облаченная в белые полупрозрачные одежды, оставлявшие открытой совершенную наготу смуглого девичьего тела. Она медленно обвела публику взглядом своих

черных бездонных глаз и начала танец. Народ затаил дыхание. Ее движения были настолько легкими и неуловимо грациозными, что создавалось впечатление, будто сам ангел атонов спустился на грешную землю чтобы донести до людей светоч истинной красоты и гармонии.

Красотка словно бы ввергала людей в некий таинственный мистический транс, в наваждение, от которого совершенно невозможно было избавиться. Негромко зазвучала флейта. Ее чистые кричащие звуки пронизывали до самого нутра и вкупе с танцем земной богини заставляли публику чуть ли не рыдать от восторга. В глазах людей стояли слезы, их лица были непривычно светлы и покойны.

Но вдруг музыка резко сменила окрас, разом превратившись из тихой печальной песни в грозный зловещий марш. На сцене словно из ниоткуда возникла низкая уродливая темная фигура. Народ испуганно ахнул. Ее появление оказалось настолько неожиданным, что произвело впечатление удара под дых.

Тем временем кошмарный уродливый карлик, широко раскинув руки, медленно двинулся к красавице, зловеще ухмыляясь. Девушка же как ни в чем не бывало продолжала танцевать, ничего не замечая вокруг. Среди толпы раздались предостерегающие возгласы. Несколько особенно горячих юнцов попытались даже броситься на выручку прекрасной деве, но были тут же остановлены бывшей начеку охраной Аро. Тот, прекрасно понимая, какие именно чувства порой вызывает в людях финальное действо его шоу, загодя подстраховался и принял все необходимые меры.

Угольно черный урод меж тем вдохновленный поддержкой подбирался к девушке все ближе и ближе. В зловещей темной музыке минорными чайками прорезались тонкие кричащие скрипичные ноты, своими пронзительными звуками высекая глубокие рубцы на душах даже самых черствых и недалеких зрителей. Вот демон оказался совсем рядом с девой и грубо ухватил ее своими сильными корявыми лапами. Народ негодуя заревел. Сейчас эти люди словно бы находились в состоянии некоего транса и непоколебимо верили в истинность происходящего.

Из-за кулис неожиданно стали выскакивать снежно-белые поджарые туши ирбисов. Три могучих кошки неподвижно расселись вокруг девушки, взяв ее в кольцо и преданно глядя на неведомого демона из преисподний с антрацитово-черной кожей и багровыми глазами зловеще полыхающими в вечернем сумраке словно раскаленные угли. Девушка в отчаянии заламывала руки, безмолвно умоляя о спасении, а ее пленитель торжествующе хохотал, раскинув руки и наслаждаясь своей властью над ней.

Внезапно на сцене возник могучий молодой юноша в дивных серебристых доспехах. В его руке был зажат длинный меч ярко сверкающий золотом в свете факелов. Жуткое лицо уроды исказилось от страха, и он что-то повелительно рыкнул своим грозным стражам. Пардусы начали медленно окружать витязя, злобно рыча. Народ на площади с напряжением следил за разворачивающейся драмой, боясь лишний раз вздохнуть. Юноша же тем временем разразился грозным кличем и первым бросился на хищников размахивая мечом.

Однако гигантские кошки вместо того чтобы разорвать дерзкого на куски вопреки ожиданиям зрителей испуганно прижали острые уши и кинулись наутек, моментально исчезнув за кулисами. Злодей и герой остались один на один. Монстр ошеломленно попятился. Вид грозного воителя со сверкающим мечом в руке, и то, с какой легкостью могучий витязь только что справился с его слугами, явно произвели на него впечатление. Однако урод быстро сумел справиться с собственным страхом и двинулся на юношу, широко расставив длинные когтистые лапы.

На лице героя не дрогнул ни единый мускул. Его меч сверкнул серебристым полукружьем и пронзил сердце темной твари. Чудовище рухнуло на землю, содрогаясь в агонии. Из под темной накидки на деревянном настиле растекалась обильная лужа крови. Темный марш резко оборвался на полуслове. Юноша же тем временем вбросил в ножны окровавленный меч и одним движением подхватил сияющую девушку на руки. Полилась чистая светлая мелодия в мажоре. Народ на площади неистово закричал, взорвавшись оглушительными овациями. Справедливость восторжествовала. Зло было наказано, злодей повержен, а юная красавица наверняка в скором времени сыграет свадьбу с отважным рыцарем спасшим ее от лап жуткого чудовища. Восторгам и ликованию зрителей не было предела.

Представление бродячего цирка завершилось полным и абсолютным успехом и не в последнюю очередь благодаря каторжному, титаническому труду его артистов. И теперь, отбив, наконец, почтенной публике совместный финальный поклон, они желали лишь одного — как можно скорее вкусить заслуженный отдых.

Глава третья

Убийца

Когда представление закончилось, Уголь торопливо сбросил с себя заляпанные коровьей кровью, которую в бычьем пузыре специально подкладывали ему под одежду для пущей реалистичности представления, тряпки, оставшись в одних портках, и поспешил к клетке с пардусами. Хищников требовалось успокоить и вычистить. Все остальные артисты трупы сейчас коротали время в ближайшем кабаке за кружечкой холодного эля, но парню не приходилось мечтать о подобной роскоши. Пусть Аро и находился сегодня в весьма благодушном настроении, он наверняка выпорот его кнутом, если мальчуган забудет о своих обязанностях.

Хищные кошки грозно зарычали, почуяв постороннее присутствие, но различив невысокую фигуру Уголька, тут же притихли. Парень бесстрашно отпер клеть и, ласково погладив всю ластившихся к нему кошек, принялся тщательно вычесывать роскошную шерсть пардусов своими крепкими ногтями. Его блестящие черные когти были настолько хорошо приспособлены для этого дела, что Угольку даже не требовался скребок.

Животные блаженно урчали от удовольствия и облизывали руки мальчугана своими мокрыми шершавыми языками. По какой-то причине пардусы как и прочие звери никогда не проявляли к нему агрессии. Среди этих могучих хищников он ощущал себя своим. Особенно его любила Снежная, матерая самка в самом расцвете сил. Именно ее молоком и был вскормлен Уголь, а новорожденных котят, едва те научились питаться твердой пищей, Аро тогда продал одной семье влиятельных аристократов за весьма приличную сумму. Парень отвечал красивой гигантской кошке полной взаимностью, не раз украдкой принося ей кусочек сырого мяса, хотя сам постоянно недоедал.

Закончив вычесывать зверей и вдоволь наласкавшись со Снежной, Уголь двинулся к своей клетке. Сегодня ему повезло. Хозяин, вопреки обыкновению, не нарядил его на работу, а, значит, он мог до завтрашнего утра побыть наедине с собственными мыслями. Замечтавшись, парень совсем расслабился и не заметил мелькнувшую сбоку тень. Сильный толчок сшиб его на землю, и парень несмотря на сгустившийся ночной мрак различил в темноте размалеванные ухмыляющиеся рожи Трима и Трома.

— Ба, посмотрите ка, кто тут у нас! — радостно загомонил Тром. По всей видимости они с приятелем специально покинули трактир раньше прочих чтобы в отсутствии хозяина как следует позабавиться с проклятым нелюдем. — Наш уродец... — Фигляр с наслаждением пнул расprostертое тело ногой.

— Да ему и не больно ни капельки! — расхохотался Трим. — Посмотрим, как тебе понравится это. — На плечи тихо хрипящего парня опустилась увесистая суковатая дубина. — Что нравится, отродье тьмы? На, получи! — выкрикнул мим, не прекращая лупцевать скрючившегося на земле Уголька. — Во славу Всевышнего... — Он нанес особенно сильный удар, и мальчуган зашелся хриплым надсадным кашлем, содрогаясь всем телом.

— Ты погляди, Трим, мне кажется, или эта падаль насмехается над нами... — Ощерился Тром.

— Похоже, побои его уже ничему не учат. — Поддержал товарища шут.

— В таком случае пусть его научит огонь. — Усмехнулся Тром и со злобным смехом

потащил паренька к костровищу посреди цирковой стоянки.

Уголь попытался слабо сопротивляться, но Трим пару раз ударил его дубиной по голове, и парень затих.

— Давай быстрее, пока хозяин не вернулся... — Поторапливал он своего товарища в лихорадочно возбуждении высекавшего искры кремневым кресалом.

— Сейчас, сейчас... — Усмехнулся тот, когда, наконец, над кострищем показался слабый язычок пламени. Лагерь цирковых располагался за городской чертой на опушке леса, и придти на помощь парню было просто некому. — Сейчас эта тварь узнает, каково это служить тьме...

— Его шкура слишком твердая... — С сомнением протянул Трим, подпалив в разгорающемся огне небольшую тонкую лучину. — Хотя, думаю, я знаю, как это исправить... — Довольно ухмыляясь, фигляр сунул зажженную лучину прямо в и без того обожженное ухо мальчугана.

Дикая непереносимая боль, которую он никогда не испытывал допрежь, пронзила тело Угля. Из его горла вырвался пронзительный нечеловеческий вой, и он, легко вырвавшись из лап мучителя, кинулся на опешившего Трима, вцепившись ему в лицо острыми черными когтями. Клоун заорал от невыносимой боли, попытавшись сбросить с себя паренька, но тем будто овладел дикий зверь. Со свирепым рычанием он повалил мима на спину и принялся остервенело бить фигляра затылком о землю.

Опомнившийся Тром подхватил дубинку и попытался придти на помощь приятелю, но Уголь совершил стремительный рывок и сильно боднул его головой в живот. Не ожидавший этого мим рухнул навзничь, угодив спиной прямо в разожженный костер. Клоун визгливо заорал от боли, принявшись кататься по земле и пытаясь сбить охватившее его одежду пламя. Уголь же схватил оброненную Тромом дубину и обрушил ее на голову так до конца и не оправившегося Трима. Несколько чудовищных по силе ударов раскололи ему череп.

Покончив с Тримом, парень повернулся в сторону второго противника. Тот уже успел вскочить на ноги, но лишь для того чтобы угодить под град ожесточенных ударов озверевшего мальчугана. Когда Уголь, тяжело дыша, более менее сумел прийти в себя, на месте его мучителей остались лишь изуродованные до полной неузнаваемости трупы. Брезгливо отшвырнув от себя потемневшую от крови деревянную дубину, Уголь помчался к клеткам пардусов. Проснувшийся инстинкт хищника нес его будто на крыльях. Это была свобода. Больше не будет изнуряющей тяжелой работы на износ, не будет побоев и постоянных издевательств. Отныне он абсолютно свободен и сам себе хозяин.

Однако прежде чем окончательно оставить цирк, он должен был сделать кое-что еще. Те, кого он считал своей семьей, те, кто всегда были добры к нему тоже не должны были больше прозябать в заточении. Они также как и он заслуживали свободы. И он ее им подарит. Вцепившись в прутья массивной стальной клетки, он одним могучим рывком распахнул прочную железную решетку, едва не сорвав ее с петель. От всего произошедшего его силы, казалось, удесятерились. Пардусы сперва недоверчиво косились на парня, не решаясь оставить свою темницу, но затем инстинкт взял свое, и звери с глухим рыком разбежались по окрестностям.

— ...Проворонили, твари! — Аро в ярости лупцевал кнутом что-то испуганно бормочущих охранников.

Оба стража на момент произошедшего находились в лагере чтобы следить за цирковым имуществом, но решили немного поразвлечься и в итоге крепко нахлестались дешевым вином, проспав всю разыгравшуюся заварушку. Аро был просто вне себя от гнева. Мало того что он в одночасье лишился троих артистов, так еще и пардусы сильно погрызли красавца Гвиона, когда тот помогал остальным ловить зверей и загонять их обратно в клетки. Хищники крепко порвали его, изуродовав лицо и практически напроочь оторвав одну из рук. Вряд ли теперь молодому акробату, даже если он и выживет, когда-нибудь снова придется выйти на арену... И все это в самый разгар летних гастролей, когда начинался самый чес! Нет, подобное никак нельзя было оставлять безнаказанным.

На место происшествия не мешкая прибыла городская стража. Двойное убийство — тяжкое преступление, которое никому не могло так просто сойти с рук, и теперь стражи порядка старались вовсю, тщательно исследуя место, где все произошло.

— Преступник известен? — холодно обратился центурион к хозяину цирка.

— Никто не видел, как все произошло, но к гадалке не ходи, это был Уголь. Тот самый урод из моего шоу. — Нахмурился Аро.

— С чего ты так решил? — поднял бровь командир.

— Его нет в цирке, к тому же эта падаль сильно любила моих зверей. Наверняка он их и выпустил чтобы посильнее мне насолить.

— По всей видимости, этот урод опасен. — Задумчиво процедил центурион.

— Он совсем мальчишка, но сила у него недетская. — Пророкотал Овр. — Еще бы малость подрос, мог бы выступать у меня на подхвате...

— Теперь уж не выступит. — Эти слова произнес высокий чуть сутулый мужчина лет тридцати с хищным орлиным профилем облаченный в простую серую сутану. — Мое имя Преон. Я старший пресвитер Святой Церкви Всеединого. Урода следует как можно скорее изловить и доставить на праведный суд Инквизиции. Он явно одержим демонами и может представлять угрозу.

— Разве тому есть доказательства? — нахмурился центурион.

— Помолчи, это тебя не касается. — Возвысил голос пресвитер, и военный нехотя отвел глаза, подчиняясь. С церковью Всевышнего шутки были плохи. — С этого момента сие дело находится на особом контроле у верховного пресвитера и епископа Орроу. Вы поняли меня? На особом. И посему прямая обязанность любого добропорядочного чада Всеединого исполнить волю благочинного Евтериана и как можно скорее доставить нам тварь. По возможности живой. Это ясно? В таком случае смею откланяться. Зверя уже ищут псы господни. Вы все также должны присоединиться к поискам. Думаю, далеко ему уйти не удастся...

* * *

Уголь тяжело рухнул на землю, устало переводя дух. В его груди клокотало, а легкие горели от недостатка воздуха. Почти целые сутки бежал он без остановки, стремясь уйти как можно дальше от возможных преследователей. То, что его будут искать, он не сомневался ни секунды. Его обостренное звериное чутье просто кричало ему об этом, призывая двигаться

как можно быстрее. Однако ныне его силы были на исходе. Он чувствовал, что если не передохнет хоть немного, то просто умрет от истощения.

Наклонившись к лесному пруду, парень с наслаждением напился чистой прохладной воды. Немного полегчало. Теперь еще бы раздобыть хоть какой-нибудь еды... Усталые мышцы гудели от перенапряжения, и Уголь блаженно вытянулся, давая им долгожданный отдых. Мальчик не мог знать этого, но по иронии судьбы он оказался ровно на том же самом месте, где и нашли его в свое время бродячие артисты. Земля за восемь лет успела залечить свои раны, и от страшного ожога на теле леса не осталось и следа. Ныне здесь как и до пожара буйно зеленилась густая лесная трава. Ласково светило летнее солнце, легкий ветерок приятно овеивал усталое лицо, и изможденный долгим переходом Уголь сам не заметил как провалился в глубокий сон.

* * *

Очнулся Уголь от резкой боли в запястьях. Он попытался встать и размять затекшие суставы и понял что не может шевельнуть и пальцем. Парень оказался намертво прикручен к лошадиному седлу крепкими веревками.

— Что очухался... — Хмуро пробасил крепкий жилистый мужик под пятьдесят одетый в дубленую кожаную куртку. — Не трепыхайся, не поможет, я тебе не городской лопух, дело свое крепко знаю...

После нескольких безуспешных попыток Уголь понял, что его пленитель ничуть не погрешил против истины, и оставил тщетные попытки освободиться. Ему следовало беречь силы на случай всяких неожиданностей. Сейчас удача оставила его, но кто знает, как оно повернется дальше...

Однако по всей видимости безымянный охотник и впрямь был настоящим докой в своем деле. После нескольких часов неторопливой скачки они вновь прибыли в Орроу.

— Кто это у тебя. — Кивнул стражник на стреноженного паренька.

— Так демона поймал. — Скупое усмехнулся охотник. — Того самого. Еду за наградой.

— Демона, говоришь... — Прищурился стражник. — Сейчас сдашь его нам, мы сами доставим его пресвитерам. За наградой придешь после.

— Ага, держи карман шире. — Усмехнулся охотник. — За дурака меня держишь. Вы же все денежки себе и прикарманите. Или пропусти, или зови сюда псов господних. Иначе сам потом будешь объяснять епископу, почему вы упустили демона, который находился перед самым вашим носом.

— В опасные игры играешь, Гаст. — Недобро нахмурился страж. — Решил перейти дорогу Святой Церкви Всеединоного...

— Не Святой Церкви, а тебе с дружками. — Ничуть не смущаясь, парировал охотник. — Давай уже пропусти меня, мне не терпится как следует промочить горло после долгой скачки.

Стражник еще некоторое время тяжело буравил охотника взглядом, но затем все же нехотя посторонился, освобождая дорогу. Гаст меж тем направил свою лошадь в центр города напрямик к мрачному серому собору, главному оплоту Святой Церкви в Орроу. Молчаливые стражи в серой форме со знаком Звезды Атона беззвучно посторонились словно заранее знали о прибытии охотника и его пленника.

Внутри цитадели двое дюжих воинов из числа внутренней охраны сноровисто подхватили связанного парня и потащили по серым извилистым коридорам. Спустившись вниз по узкой винтовой лестнице располагавшейся в одном из закутков собора, они оказались в мрачном сыром подzemелье. Длинный полутемный коридор освещали лишь редкие тусклые факелы. Стражи остановились возле кованой решетки перегораживающей путь и сдали пленника тюремной охране. Те в свою очередь бесцеремонно протащили связанного парня вглубь подземелья словно куль с тряпьем и швырнули в одну из тесных вонючих камер в изобилии располагавшихся по бокам коридора, предварительно освободив от веревок, но нацепив взамен массивные ручные кандалы.

— Уголек...

Этот голос он узнал бы из тысячи. Даже сейчас в грязном измызганном рубище с разбитым заплывшим от многочисленных кровоподтеков лицом она была прекрасна.

— Зивира... — Хрипло выдохнул Уголь. Он умел говорить, но не слишком любил, поскольку его гортань обожженная огнем выдавала звук лишь отдаленно напоминающий человеческий голос. — Почему...

— Пресвитеры... — Голос гитанки звучал печально. — Они дознались кто я и решили сжечь на главной площади как ведьму. Они думают, это я наложила на тебя порчу и заставила убить мимов.

— Аро, он...

— Аро не шевельнет и пальцем чтобы спасти нас. — Покачала головой девушка. — Его самого терзает страх собственного происхождения. Он полукровка, его мать была гитанкой. Если об дознаются слуги Всеединоного, ему конец.

— Ты ненавидишь меня...

— Нет, что ты. — Улыбнулась Зивира. — Рано или поздно это все равно бы случилось. К тому же смерть не кажется мне такой уж жуткой. Ведь если даже ад и существует, его обитатели вряд ли более жестоки чем атоновы слуги.

— Ты не сдашь его...

— Аро мерзкий человек. Лет семь назад он не помог даже своему родному брату. Не вызволил его из долговой тюрьмы хотя мог бы это сделать, и тот вскоре умер, не вынеся тягот неволи. Но я не желаю ему зла. Я просто хочу, чтобы все это поскорее закончилось... — Зивира опустила на устланный прогнившей соломой пол своей клетки и словно бы впала в некую рассеянную апатию. Похоже, ее действительно перестало что либо волновать, и она была готова безропотно принять любую участь, кою уготовят ей слуги Всеединоного.

* * *

Когда старшему пресвитеру Преону доложили, что к нему прибыл посетитель, он как и всегда находился в своей приемной в главном соборе Орроу.

— Ты? — брови пресвитера приподнялись в легком удивлении. — Чего тебе надо.

— Вы поймали его... — Рослый бородатый мужчина нервно постукивал хлыстом по черному голенищу сапога.

— Да. Я же говорил, что это был лишь вопрос времени. — Пожал плечами пресвитер.

— Я хочу, чтобы его продали на рудники, а вырученные деньги выплатили мне. —

Упрямо поджал губы Аро. — Мой цирк понес большие убытки за последнее время, мне непросто будет удержать его на плаву.

— Меня не волнуют твои проблемы. — Усмехнулся Преон. — На мальчика положил глаз сам Первосвященник, Его Святейшество Этос Шестой.

— Зачем он ему. — Скривился Аро.

— Этот парень редкий экземпляр. Он не просто одержим демонами как к примеру твоя танцовщица, нет, судя по всему он и сам нечеловек. А раз так, то его тело после казни будет представлять большой интерес для нашей матери Церкви в том чтобы лучше понять природу тьмы и как именно с ней бороться. К тому же — пресвитер позволил себе слабую усмешку — у Его Святейшества по слухам имеется весьма неплохая коллекция заспиртованных голов подобных нашему уродцу.

— Сжигать мою танцовщицу излишняя мера. — Сменил тему Аро. — Она слишком дорого мне обошлась. Достаточно будет публичной порки.

— Не указывай, что мне делать, полукровка! — вскинулся Преон. — Не забывай, кто ты есть и чем именно ты нам обязан. Запомни, ты живешь лишь пока поставляешь нам информацию об остальных гитанах и им подобных богомерзких созданиях. После случившегося многие в нашей братии вообще требовали, чтобы в очищающем огне сгорела вся твоя трупка вместе с тобой. Поэтому не зарывайся и скажи спасибо, что сам избежал костра... Никакого возмещения тебе не будет. Сам решай свои проблемы. Ровно через месяц я жду очередной отчет от тебя, и моли Всевышнего, чтобы он меня удовлетворил. А теперь пошел вон. У меня и без тебя хватает головной боли.

Глава третья

Гитаны

Деревянная повозка сопровождаемая эскортом из десятка дюжих стражей медленно ехала по широкому тракту, подпрыгивая на колдобинах. Уголь неподвижно сидел на полу железной клетки, глядя перед собой застывшими мертвыми глазами. Он не обращал никакого внимания на пронизывающий холод и сырую вонь идущие от полусгнившей прелой соломы на полу. Перед его взором стояло лицо Зивирь. Такое, каким он запомнил его в последний раз. Девушку сожгли на следующий день на главной площади Орроу, а его заставили смотреть. В назидание.

Народ перед помостом ревел и бесновался и едва не прорвал заграждение стражей чтобы собственноручно разорвать ведьму на куски. Никогда ранее Уголь не видел и не чувствовал подобной ненависти. Гигантский многоглавый зверь по имени людская толпа оказался воистину ужасающим. Оскаленные перекошенные звериной злобой лица, казалось, навсегда утратили способность выражать какие бы то ни было человеческие эмоции.

И тем удивительнее выглядело на их фоне прекрасное лицо, нет даже лик черноволосой гитанки. До самого последнего мига на нем не отразилось ни тени ненависти к своим мучителям. Даже когда ее прикручивали к деревянному столбу, и когда палач уже поднес факел к загодя приготовленному хворосту, она ничем не выдала своих чувств. И лишь когда разгоревшееся пламя тронуло жадными рыжими языками полунагую смуглую совершенную плоть Зивирь, толпа, наконец, услышала жуткий крик заживо сгорающего тела...

— Готов поклясться, этот урод пялится на меня. — Поежился один из стражей. — Надо было взять в городе какое-никакое тряпье чтобы прикрыть клетку.

— Что, Тир, опасаясь сглаза. — Понимающе усмехнулся его товарищ, зрелый крепкотелый мужчина с короткой черной бородой. — Я слышал, черные колдуны могут одним своим взглядом насылать порчу и даже привести человека к смерти.

— Хватит молоть языком. — Холодно оборвал воинов мощный белокурый рыцарь одетый в тяжелые доспехи и длинный белый плащ с вышитой на нем крупной золотой звездой Всевышнего Атона. — Благословение Святой Церкви защитит нас от любых чар тьмы. Мы воины господни и негоже нам бояться грязных чернокнижников! Когда мы прибудем в столицу, — голубые глаза блондина холодно сузились — эта тварь сполна ответит за все свои злодеяния.

Некоторое время отряд ехал в молчании, но затем паладин нетерпеливым взмахом руки заставил своих воинов остановиться.

— Мне не нравятся здешние места. — Дернул щекой рыцарь. Он кивнул на густые заросли окружавшие тракт по обе стороны. — Они слишком хороши для засады... Тир, Бальт, на разведку! Прочешите окрестности и выясните что к чему.

Надо сказать, причины для беспокойства у паладина имелись. Орроу находился всего в нескольких днях пути от Пустынных земель, бывших вотчиной для самых разнообразных малых и больших кочевых племен, которые империя не контролировала. К тому же там нередко находили убежище разбойники и прочий беглый люд из самой Аррексии, кои движимые жаждой наживы и мести то и дело совершали дерзкие налеты на приграничье.

Чутье не подвело рыцаря. Не успели разведчики отъехать и на пару десятков шагов, как в воздухе засвистели стрелы. Оба воина рухнули с седел пораженные меткими лучниками

насмерть.

— Занять оборону! — прогремел паладин, потянув полуторный клинок из перевязи за спиной. Покажем ублюдкам на что способны воины Света!

Однако нападавшие и не думали атаковать в лоб. Вместо этого они скрытые лесными зарослями методично продолжали обстреливать отряд с дальней дистанции. Псы господни схватились было за арбалеты, но их противники были надежно укрыты от глаз густым кустарником, в то время как атонианцы были как на ладони. Все завершилось довольно быстро. Настоящие доспехи были лишь у белокурого рыцаря, но и они в итоге не уберегли его, и он пал вместе со всеми своими воинами дважды пораженный длинными тисовыми стрелами в незащищенную шею.

Убедившись что все противники мертвы, из зарослей осторожно вышло десятка два крепких загорелых воинов с жестокими зарубелыми лицами.

— Хорошая добыча! — довольно прорычал главарь, снимая с пояса убитого рыцаря увесистый кошель полный серебра и золота. Он был высоким и кряжистым и чем-то напомнил Углю Аро, однако в отличие от бывшего хозяина парня крепкая фигура чернобородого воина была лишена и малейшего намека на лишнее мясо. Но не это и даже не его неожиданное спасение поразило мальчугана.

— Зивира... — Пораженно выдохнул он, глядя на стройную черноволосую девушку затянутую в боевую черную кожу стоявшую чуть позади атамана. — Ты жива...

— Что ты сказал... — Нахмурилась гитанка, напряженно глядя на странного уродливого мальчика сидящего в железной клетке.

— Ты жива... — Все еще не мог оправиться от потрясения Уголь. — Но как...

— Мальчишку придется прикончить. — Скривился главарь. — Он явно не в себе, к тому же он видел нас в лицо.

— Подожди, Гарон. — Остановила мужчину гитанка. — Он назвал меня именем моей сестры. Ты знал Зивиру? — обратилась она к мальчугану. — Где ты встречался с ней?

— В Орроу... — выдохнул парень. Потрясение от невероятного сходства двух женщин прошло, оставив после себя лишь горький осадок глубокого разочарования. Это была не она. Не его Зивира...

— Меня зовут Чотанна. Зивира моя младшая сестра. Мы потеряли ее лет десять тому назад. Скажи мне где она, и обещаю, мы сохраним тебе жизнь.

— Она мертва. — Безжизненно проронил Уголь. — Псы господни сожгли ее заживо...

С секунду до гитанки доходил смысл сказанного, а затем из ее горла вырвался поистине звериный вопль, и она, обхватив голову руками, изо всех сил рванула волосы чтобы хоть как-то заглушить свою боль. Когда Чотанна, наконец, выпрямилась и взглянула на парня, он невольно отшатнулся. В ее взоре застыла смерть.

— Жаль, что эти ублюдки умерли так легко. — Кивнула она на неподвижные тела церковников. — Но отныне я не буду знать покоя, пока те кто повинен в смерти моей сестры не сдохнут все до единого. Ты поедешь с нами. — Решительно отрезала Чотанна. — И в подробностях расскажешь, как все было.

— Ты уверена... — С сомнением протянул Гарон, с подозрением косясь на парня. — Мы ничего толком не знаем о нем.

— Брось, разве ты не видишь. — Мрачно усмехнулась гитанка. — Такому как он не место в мире людей. Впрочем, как и всем нам... Поедешь на моей лошади позади меня. — Бросила она Углю. — Мы поскачем быстро, поэтому если сверзишься с седла, ждать тебя

никто не станет. А если начнешь распускать руки, — хмыкнула воительница — я собственноручно перережу тебе глотку.

* * *

Поездка верхом далась Углю нелегко. Разбойники спешили изо всех сил, стремясь как можно скорее оказаться в Пустынных землях, где заканчивалась власть империи, и потому вовсю погоняли лошадей, позволяя себе лишь редкий отдых. Мальчуган же несмотря на свою любовь к коням никогда не был хорошим наездником, но природная ловкость и сила невзирая даже на его увечье с лихвой компенсировали этот его недостаток, и посему он выдержал. Через трое суток они оказались за пределами Аррекции и смогли, наконец, немного расслабиться.

— Вы здесь живете? — Уголь настороженно смотрел на гитанку. Та была как обычно мрачной и неразговорчивой. Впрочем, ее можно было понять. Девушка явно до сих пор глубоко переживала смерть сестры.

— Через пару дней пути будут наши земли. — Нехотя ответила она. — Пока же мы на нейтральной территории, так что расслабляться не советую. Сюда без нужды не суются даже псы господни. А этих ублюдков не назовешь трусами...

— Твоя сестра погибла из-за меня. — Выдохнул парень и рассказал Чотанне все. Он всегда отличался умом и прекрасно понимал, что гитанка легко может убить его за подобные откровения, ведь как ни крути в смерти Зивирь на самом деле была немалая толика его вины, однако ему было все равно. Словно бы с гибелью гитанки умерла и некая часть его самого, оставив после себя один лишь холод и пустоту в душе.

Чотанна долго молчала.

— Я не держу на тебя зла. — Наконец произнесла она. — Империя — ужасное, жестокое место, где нет места жалости и состраданию, и рано или поздно нечто подобное все равно бы произошло. У нас говорят, не старайся обмануть свою судьбу, однажды она все равно тебя настигнет, желаешь ты этого или нет. Я верю в это. Провидение не уберегло мою сестру от смерти, но оно же послало мне тебя, чтобы у меня была возможность отомстить за нее. И будь уверен, я не упущу эту возможность.

Еще через двое суток отряд наконец прибыл в основной лагерь располагавшийся на берегу широкой полноводной реки. Он представлял собой довольно обширное стойбище на пару сотен человек. Здесь собрались различного рода изгои, которым не нашлось места в империи преимущественно гитане и полукровки наподобие Аро. В целом Углю понравился здешний быт. Эти люди были суровы и мрачны, но здесь по крайней мере никто никого не угнетал и за каждым по умолчанию признавалось право на личную свободу и неприкосновенность. В рамках здешних законов разумеется.

А законы степи были суровыми. Уже на следующее утро сонного Угля растолкал усмехающийся Гарон. Впрочем, эта усмешка явно не сулила парню ничего хорошего.

— У нас никто не ест свой хлеб просто так. — Рыкнул он. — Здесь каждый должен работать. А мужчина обязан быть еще и воином. Ты пока еще слишком мал, чтобы ходить с нами в походы, но раз Чотанна тебя отметила, я, так уж и быть, займусь тобой лично.

— Я готов. — Решительно кивнул Уголь. — Я должен стать сильным чтобы отомстить за смерть Зивирь.

— Хорошо. — Одобрительно улыбнулся Гарон. — Тогда начнем. — Они вышли на улицу, и атаман бросил юноше короткий деревянный шест, держа в руках точно такой же. — Атакуй. — Повелительно рыкнул он, и Уголь не мешая нанес своему наставнику сильный, но не слишком умелый удар.

Шест Гарона в ответ пребольно ударил его по пальцам, и оружие выпало из рук мальчугана.

— Никуда не годится. — Констатировал гитан, приставив свой шест к шее парня. — Нам предстоит долгая работа...

Глава четвертая

Пустынные земли

— Моревы близко... — Старый Итар настороженно принюхивался словно охотничий пес, а его покрытые густыми седыми волосами острые уши нетерпеливо подрагивали в ожидании. Охотники тут же сбили коней в круг, занимая оборону.

— Будь наготове. — Кивнул могучий чернобородый воин высокому плечистому детине в черной кожаной броне с нашитыми крупными костяными пластинами.

Детина в ответ что-то неразборчиво рыкнул и поднял огромный двуручник в предвкушении скорой схватки.

Моревы появились как всегда неожиданно. Жилистые и худощавые на быстрых степных лошадях они действительно были истыми доками в воинском и охотничьем искусстве и непревзойденными знатоками маскировки. Впрочем, вольные охотники степей тоже прекрасно знали с какого конца братья за меч.

С дикими воплям степняки налетели на ошетилившийся оружием отряд. Их полуголые размалеванные алыми полосами тела смотрелись довольно грозно, однако Уголь, глядя на них, лишь усмехнулся. Разить незащищенную доспехами плоть гораздо легче. Свистнули стрелы степняков, и пара человек в их отряде упало. В ответ мелькнули арбалетные бельты вкупе с более длинными и тяжелыми стрелами вольных выпущенными из тугих охотничьих луков, заставив моревов лишиться разом пятерых всадников. Несколько стрел сломались о костяную броню Угля, но он лишь крепче сжал меч, чувствуя, как внутри начинает зарождаться низкое глухое рычание. Его суть жаждала битвы словно истомленный узник пустыни вожденной прохладной влаги.

Первого нападавшего он развалил от плеча до пояса, и его останки рухнули с лошади, орошая землю кровью. Воины вступили в рукопашную. Нападавших было в полтора раза больше нежели свободных охотников, но у них не было доспехов, в то время как их противники все без исключения имели как минимум легкую кожаную бронь. Моревы были умелыми бойцами. Они ловко орудовали легкими деревянными копьями, поражая охотников в шеи и сочленения брони. Те в ответ секли дикарей короткими клинками, умело отражая их атаки круглыми деревянными щитами. Сбивая ими копья степняков, они тут же сближались и наносили смертельный удар мечом в бок под ребро воителя, сваливая всадников на землю.

Некоторые охотники были вооружены длинными пиками, коими они тыкали в морды лошадям, заставляя их вставать на дыбы и сбрасывать своих седоков. Обитые железом массивные пики вольных были не в пример более грозным оружием нежели легкие копыца дикарей с наконечникам из негодного железа, а то и вовсе костяными или кремниевыми. К тому же охотники действовали слаженно, подражая фаланге знаменитых имперских легионов, в то время как моревы сражались каждый сам за себя.

В итоге все завершилось полной победой отряда. Все дикари остались лежать на дикой неплодородной земле великой степи, тогда как охотники потеряли всего шестерых.

— Молодец. — Скупой похвалил Гарон тяжело дышащего Угля. Впрочем, это не было усталостью, просто его ярость не нашла полного выхода и застилала взор парня лютой багровой пеленой. — Без тебя потерь было бы больше.

В последний год предводитель охотников заметно сдал, а в его густых черных волосах и бороде появилась заметная седина. Нет, он до сих пор еще оставался грозным воителем,

могучим и опасным противником для бы то ни было, но... но это был уже не тот жуткий неуловимый Гарон, что кочевал по степи лет пять-десять тому назад. Уголь же напротив с каждым годом все набирал и набирал мощь. За те десять лет, что он провел среди охотников, парень превратился в настоящего богатыря. Наголову выше любого из охотников он обладал чудовищной силой и свирепостью в битве, тем самым снискав глубокое уважение среди лихого вольного люда.

В прошедшем бою он лично прикончил семерых противников, одним единственным ударом рассекая их полуголые незащищенные доспехом тела. А ведь когда-то он и помыслить не мог о том, чтобы причинить вред кому бы то ни было... С самого начала по достоинству оценив потенциал парня, Гарон крепко взялся за него, заставив мальчугана изучить и развить до максимума все свои сильные стороны и низвести до минимума слабые.

— Твое увечье это подарок судьбы. — Внушал ему гитан, восторженно постукивая по твердой ороговевшей коже парня. — Это же самый настоящий природный доспех! Ни один меч, ни одно копье не возьмет тебя, а если даже и возьмет, то рана будет неглубокой и совсем пустяковой. К тому же ты очень силен. Правда над ловкостью и техникой необходимо еще поработать. Вольный охотник должен уметь стрелять из лука, биться мечом и копьем так, как будто бы он родился с этими умениями. К тому же я заметил, что ты прихрамываешь на правую ногу.

— Да это немного мне мешает, но я справлюсь. — Кивнул Уголь.

— Твой недостаток это твое преимущество. — Покачал головой Гарон. — Противник видит, что ты хромаешь и приноравливается к твоей манере боя. А ты обмани его. Научись не хромать в бою, когда это нужно. Так ты обескуражишь врага и приведешь его к поражению.

— Разве это возможно. — Улыбнулся Уголь.

— У нас говорят, что судьба человека predetermined до его рождения. Я считаю иначе. Я думаю, что возможно все, было бы желание и упорство. Поверь, если достаточно долго трудиться, возможны и не такие чудеса.

И Уголь начал учиться. Он с жадностью хватал каждое слово своего наставника, заставляя себя до одури упражняться с клинком и прочим оружием. Также преподавал ему Гарон и навыки кулачного боя. Сперва парень бывал постоянно крепко бит во всех видах единоборств, благо гитан не делал ему никаких скидок на возраст, вполне справедливо полагая что мягкость в обучении впоследствии приведет к гибели в реальном бою. Но затем постепенно, по мере того как Уголь рос и набирался сил, он начал выигрывать у наставника и прочих воинов все больше и больше учебных схваток.

И в итоге природные способности вкупе с изнурительными тренировками взяли свое. К восемнадцати годам Уголь стал лучшим воином среди братства вольных охотников, превзойдя в этом отношении даже своего наставника, чего до него не удавалось еще никому и никогда. Уголь не был особенно ловким и подвижным, но обладал феноменальным чувством дистанции и невероятной скоростью когда требовалось нанести всего один единственный удар на опережение. А уж его телесная мощь и вовсе поражала воображение. Парень без проблем мог взять имперского коня тяжеловоза на плечи и пробежаться с ним пару десятков метров. К тому же Уголь излучал странную мистическую силу, которая повергала в трепет любого, кому приходилось сражаться с ним, заставляя леденеть кровь в жилах и самому подставлять себя под смертельный удар.

Помимо воинского искусства парень изучал и обычаи здешних племен, проявляя к этой

науке большой интерес. Пустынные земли представляли собой по сути огромную степь. Лишь на западе на самой границе с империей находились неприступные леса гордых дубней, сильного народа, который Аррексия так и не сумела завоевать хотя и не раз предпринимала попытки. Однако густые дубравы полные рослых могучих богатырей оказались ей не по зубам несмотря на всю ее мощь. Не один легион сгинул в тех лесах, ошибочно посчитав их легкой добычей, а их хозяев неотесанными дикарями не знающими толком с какого конца браться за меч.

Сами вольные жили таборами по несколько сотен человек располагавшимся вдоль берегов великой реки Нэй. Близость столь могучего источника пресной воды и удобного водного пути делала эти земли весьма привлекательными и для прочих степных племен, но вольные охотники были достаточно сильны для чтобы отбить охоту посягать на них у кого бы то ни было.

Кочевые племена степи также не были приятными соседями. Свирепые и воинственные, они сами нередко совершали набеги на южные приграничья империи, и Аррексия была вынуждена до поры до времени мириться с этим, благо ее восточный сосед, могущественная империя Мечей ничуть не уступала ей в мощи. По слухам ее император имел магический клинок похищающий жизненную энергию убитых им врагов и продлевал ему жизнь, делая того чуть ли не бессмертным. А воинов у Мечей было столько, что когда они собирались все вместе, под их бесчисленными рядами не было видно земли...

Гитане тоже вызвали немалый интерес в юноше. Именно из этого удивительного народа преимущественно и состоял вольный люд. Странники и менестрели, самую чуточку маги и убежденные фаталисты, они завораживали парня своей притягательной мистической природой. Он мог ночами напролет слушать их чарующие песни и наблюдать зажигательные страстные танцы гитанских девушек и юношей у ночного огня. Он не раз заводил осторожный разговор с Чотанной, стараясь как можно больше узнать о ее дивном вольнолюбивом народе. Та сперва отвечала неохотно, но затем потихоньку привыкла к юноше и с удовольствием рассказывала ему то, что он хотел знать.

Гитане действительно владели многими тайнами недоступными обычным людям. К примеру почти каждый из этого народа мог ввести человека в состояние некоего колдовского транса, находясь в котором, тот делал все что ему прикажут. Впрочем, находилось и немало людей, на которых подобное колдовство не действовало.

— Нужно обладать сильной волей чтобы противиться нашим чарам. — Объясняла Чотанна, и ее глаза завораживающе блестели в свете ночного костра. — На псов господних и прочих его слуг они не действуют почти никогда, их защищает вера в собственного бога. И на тебя они тоже не подействуют.

— Почему? — вопросительно нахмурился юноша.

— Ты загадка для меня. — Нехотя признала гитанка. — Ты совершенно темен изнутри и недоступен для моего взора. Со мной такое впервые. Раньше я всегда могла видеть человека иным зрением, ощущать его суть и потаенные мысли. Так было со всеми, но только не с тобой. Я не знаю, кто ты, Уголь. В тебе дремлют странные силы, и однажды, если ты сумеешь взять над ними власть, ты достигнешь небывалых высот...

— Надо уходить. — Голос Гарона вернул парня в реальный мир. — Моревы могут вернуться. Нам нужно достичь земель союзников раньше, чем нас нагонят возможные мстители.

Воины наскоро перевязали раны и продолжили путь, пустив коней легкой рысью. Степные лошади были на редкость выносливыми и неприхотливыми, но их тоже следовало беречь чтобы не остаться на своих двоих посреди враждебной степи. До земель союзников было еще пару дней пути. Сейчас же они находились на территории моревов, которые не жаловали чужаков и никогда не заключали ни с кем союзов.

Скачка продолжалась целый день, и лишь глубокой ночью Гарон, наконец, скомандовал привал. Уголь задумчиво смотрел на звезды, завернувшись в теплый походный плащ. Нужно было хоть немного поспать, чтобы завтра быть во всеоружии, но сон все никак не шел к нему. Несмотря на то, что с тех пор прошло десять лет, он ничего не забыл и не простил. Равно как не забыли и гитане. Совсем скоро, если их теперешняя миссия увенчается успехом, соберется большой поход. Пять тысяч воинов вторгнутся в земли мнящей себя всемогущей империи и обрушатся на ее южное приграничье. И конечной целью их набега станет Орроу...

Уголь от всей души надеялся, что Аро и все прочие повинные в смерти Зивиры будут находиться в городе в момент свершения его мести. Он ненавидел своего бывшего хозяина всей душой, но еще больше он ненавидел того церковника руководившего его поисками. Старший пресвитер Преон тогда самолично навестил его в камере и долго вещал о том, какая именно участь его ждет. Именно он заставил его смотреть на казнь гитанки, и глаза слуги господ горели восторженным фанатичным блеском, когда ни в чем не повинная девушка умирала на главной площади под громкие вопли разбушевавшейся толпы...

Рассвет застал их уже в пути. Нельзя было мешкать и давать врагам даже малейшей возможности настигнуть себя. Слишком многое ныне стояло на кону, и они не могли позволить себе проиграть. Однако, как выяснилось, моревы отнюдь не были наивными глупцами и тоже извлекли урок из прошлого поражения.

— За нами погоня. — Остроухий Итар как всегда первым учуял опасность. — Похоже, несколько отрядов.

— Проклятье! — свирепо выругался Гарон. — В галоп! Попытаемся оторваться от них!

Всадники тут же пришпорили лошадей, подчиняясь приказу. Все они были бывальыми опытными воинами и хорошо понимали, что их ждет, если моревы их настигнут. В этом случае быстрая смерть в бою покажется раем в сравнении с возможным пленом, ибо по части пыток и развязыванию языков здешние хозяева слыли истыми мастерами даже в сравнении с прочими кочевниками, которые все как один были далеко не мирными землепашцами.

Однако несмотря на все усилия моревы настигали их. Вдали уже можно было различить темные облачка пыли наступавшими на отряд аж с трех сторон.

— Они отрезают нас! — рыкнул Гарон.

— Что будем делать! — выкрикнул один из бойцов. Моревы не теряли времени даром, послав весть всем своим воинам в окрестностях. Теперь дорога к союзникам равно как и путь назад были для отряда наглухо отрезаны.

— Скачите к скалам! — предводитель как всегда первым сориентировался в ситуации. — Попробуем затеряться там!

Охотники повернули на северо-восток, отчаянно погоняя лошадей. Те несмотря на свою

выносливость уже были все в мыле и скакали из последних сил, будучи готовыми вот-вот пасть. В обычной жизни вольники и гитане крайне трепетно относились к своим коням, однако сейчас было не до сантиментов. Жизнь людей была дороже.

Лошади пали через пару часов неистовой погони когда до скалистых отрогов оставалось всего несколько сотен метров. Всадники, надо отдать им должное, лихо соскочили с коней и опрометью припустили вперед. Только там в горах среди извилистых непроходимых для всадников троп они имели какой-никакой шанс уцелеть. Моревы к тому времени уже почти нагнали их. Над головами беглецов засвистели стрелы. Двое людей из отряда Гарона упали пораженные в незащищенные спины. Еще пятеро развернулись лицом к нападавшим, поднимая луки и обнажая клинки.

— Уходите, братья, мы прикроем вас! — прокричал тяжело дышащий Итар. Старый охотник разменял уже шестой десяток и попросту не мог продолжать бег.

Уголь тоже остановился было, чтобы достойно встретить смерть, но сильная рука Гарона развернула его назад и подтолкнула в спину.

— Вперед, ты нам нужен для другого! — свирепо рыкнул он, и парню ничего не оставалось кроме как подчиниться.

Оставшиеся меж тем схватились с налетевшими конными степняками. Несколько полуголых фигур упало с коней пораженные меткими стрелами вольников. Еще один всадник рухнул на землю вместе с лошадью, которой ловко подрезал сухожилия безымянный молодой охотник. Старый Итар, яростно завопив, метнул топор в голову выскочившего прямо на него наездника и, выхватив кинжал, кинулся на другого конника, сшибив его с коня, и яростно заработал своим коротким клинком, нанося частые быстрые удары. Так продолжалось до тех пор, пока один из моревов не вонзил ему в спину длинное боевое копьё. Старик умер мгновенно, но и его соперник тоже не сумел подняться.

Вольники сражались отчаянно, но добровольные смертники не могли долго сдерживать моревов, благо тех было слишком много, почти полусотня против пяти. Их смяли в считанные секунды, истыкав копьями и стрелами так, что на несчастных не осталось живого места.

Уголь бежал вместе со всеми расчетливым экономным волчьим бегом позволявшим передвигаться достаточно быстро и при этом еще и беречь дыхание. Этим приемом владели все степняки без исключения, а парня ему в свое время обучил сам Гарон, и несмотря на свои увечья тот овладел им вполне сносно.

Когда до скал осталось около сотни метров, охотники резко прибавили скорость и стрелой помчались вперед, выжимая из своих горящих от перенапряжения мускулов последние остатки сил. Степняки были совсем близко, не прекращая стрелять в беглецов даже на полном скаку. То и дело то один, то другой вольник валился на землю с белооперенной стрелой в спине. Скал достигло лишь четверо из них. Уцелевший Гарон лихо вскочил на ближайший уступ и почти в упор выпустил белыт из массивного арбалета в одного из всадников. Степняка буквально смело с коня, и он рухнул на землю далеко позади.

Остальные вольные меж тем продолжали проворно карабкаться вверх, не обращая внимания на бьющие в камни стрелы, проносящиеся порой в считанных сантиметрах от их тел. Когда беглецы оказались, наконец, вне досягаемости от их стрел, степняки с разочарованным криками принялись разворачивать коней. По какой-то причине они не решились преследовать чужаков в горах.

Глава пятая

Проход

— Неужели оторвались... — Гарон радостно оскалил белоснежные зубы, устало привалившись к каменному уступу. Вместе с прочими уцелевшими он обнаружил небольшую пещеру огороженную со всех сторон острыми скалами, где беглецы и решили немного перевести дух.

— Почему они не последовали за нами? — вопросительно рыкнул Уголь. Отличавшийся феноменальной выносливостью богатырь устал меньше других, сохранив гораздо больше сил, но и ему также ныне был необходим отдых.

— Эти горы пользуются дурной славой... — неохотно ответил Гарон. — Местные не решаются здесь появляться без нужды.

— И в чем причина? — в голосе парня промелькнул интерес.

— Говорят, тут обитают чудовища. — Вполголоса произнес один из уцелевших, чернявый жилистый гитан, опасливо оглядываясь по сторонам. — По слухам это великаны вдвое больше любого человека охочие до людской плоти.

— Не повторяй бабьи сказки. — Оборвал гитана предводитель. — Люди много чего говорят. Особенно после пары-тройки полновесных баклаг доброго эля...

— Не скажи, Гарон, моревов не назовешь трусами. — Не согласился с атаманом последний четвертый выживший крепкий седоватый воин с жестким дубленным лицом. — Они непросто так обходят эти места стороной. Что-то за этим да должно стоять...

— Да, их глупые суеверия. — Хмыкнул Гарон. — Я даже как-то слышал байку о том, что в этих горах сокрыт тайный проход в мир демонов... Но в любом случае расслабляться нам не стоит. Помните, мы находимся на враждебной территории. Поэтому сейчас отбой, а после обмозгуем, что делать дальше.

* * *

Беглецы проспали весь остаток дня и почти всю ночь, даже не озаботившись выставить караул, сказалась изнуряющая нечеловеческая усталость выматывающая порой даже самых железных и негиббемых с виду воинов. Наутро они двинулись дальше, решив идти вдоль горной гряды на запад, где скалы граничили с владениями торегов, дружественного племени с которым у вольных охотников был заключен союз. Дорога была относительно легкой поскольку вольным не приходилось совершать подъем и рисковать своей жизнью на крутых перевалах и извилистых тропах здешних мест. Первые часы все складывалось без особых происшествий, пока путники не наткнулись на пещеру, из которой ощутимо тянуло зловонным животным теплом и застарелой падалью.

— Похоже здесь логово какого-то крупного хищника. — Прищурился Гарон. — Идем дальше. Не стоит здесь задерживаться понапрасну.

Однако у хозяина здешних мест похоже были иные планы. Внезапно из глубины раздался глухой раздраженный рев и на свет выскочил огромный заросший редким серым мехом человекоподобный великан с непропорционально длинными могучими конечностями. Яростно зарывав, он наотмашь ударил одного из охотников чудовищно

толстой лапой, отбросив его на один из острых выпирающих уступов.

Уголь отреагировал мгновенно, выхватив полуторный клинок и отгоняя бестию резкими широкими взмахами, не давая ей приближаться к отряду. Гарон рванул из-за спины арбалет, выстрелив навскидку и угодив чудовищу в плоский твердый как дерево живот. Див недовольно взревел и совершил огромный прыжок, стремясь схватить дерзких козляков своими могучими лапами. Уголь едва успел избежать атаки, полоснув чудовище по мохнатому боку, но и сам получив увесистый тычок отбросивший его назад.

Седой вольник, яростно завопив, воткнул твари свой короткий меч в бок с другой стороны. Тварь, взрыкнув, схватила не успевшего убратся куда подальше старого охотника своими неимоверно сильными лапами и легко разорвала пополам, отбросив в сторону окровавленные изувеченные останки. Гарон тем временем, наконец, сумел перезарядить арбалет, и массивный белыт вонзился на этот раз в ярко-желтый глаз великана, глубоко увязнув в черепе. Див судорожно схватился за голову, яростно ревя, но тут задние конечности, бывшие, к слову сказать, одной длины с передними, отказались держать его, и он, тяжело рухнув на землю, постепенно затих.

— Что это была за тварь... — выругался Гарон, наклоняясь над гитаном, которого бестия вырубил в самом начале схватки. Мужчина тяжело дышал, а на губах его пузырилась кровь. Было очевидно, что он не жилец.

— Прости, брат, ты знаешь закон. — Выдохнул атаман и, выхватив кинжал, одним движением перерезал гитану горло. — Легкой тебе дороги в иных подзвездных мирах...

Некоторое время двое выживших молча сидели на камнях переводя дух и отдавая дань памяти погибшим товарищам.

— Пещера... я чувствую странный зов идущий оттуда... — первым нарушил молчание Уголь.

— Плохая идея, парень. — Покачал головой гитан. — Неизвестно что еще скрывается там внутри...

Однако Уголь уже поднялся с земли и словно замороженный шагнул вглубь темного зева. Гарон с проклятьями двинулся за ним. Внутри было довольно просторно, хотя вонь царившая в логове дива и валявшиеся повсюду полуобглоданные кости самых разных размеров и форм напрочь отбивали всякую охоту здесь находиться сколь либо продолжительное время.

— Оно где-то рядом... — прошептал Уголь, направляясь к самой дальней стене пещеры. Его словно вело некое внутреннее наитие. — Я чувствую...

В самой глубине пещеры меж камнями находилась узкая темная расселина размерами как раз такая, чтобы мог протиснуться достаточно крупный человек.

— Что там? — напряженно спросил гитан. Его врожденная любознательность взяла верх над инстинктом самосохранения.

— Какой-то проход... — Уголь осторожно боком протиснулся в расселину и скрылся из глаз.

— Эй, парень, ты где. — Нахмурился Гарон. Но ответа не последовало, и тогда атаман, кряхтя и ругаясь, последовал примеру своего ученика.

Незнакомые причудливые ароматы обрушились на него подобно тяжелому кузнечному молоту. Некоторое время гитан ошарашено тряс головой, тщетно пытаясь придти в себя.

— Где мы... — выдохнул он все еще не в силах справиться с удивлением. — Что это за место...

— Не знаю. — Рыкнул Уголь. — Но я дорого дал бы за то чтобы узнать...

Гарон озадаченно поднял голову. Эти небеса не были небесами привычного мира. Гораздо чище и прозрачнее, они словно принадлежали некоему сказочному месту сотворенному неведомыми всемогущими небожителями, в пределы которого не было хода простым смертным.

— Здесь совершенно другой воздух. — Выдохнул гитан. — И гораздо теплее чем снаружи...

— Я чую огромную силу разлитую вокруг... — Багровые глаза Угля вспыхнули от дикого переполнявшего его восторга. — Силу, которая только и ждет своего властелина...

— Это темное чародейство, оно замутило твой разум... — Опасливо пробормотал Гарон. — Я тоже ощущаю нечто подобное. Значит, легенды все же не лгали... Нужно поскорее убираться отсюда, здесь не место смертным вроде нас с тобой!

— Да... да ты прав. — С усилием выдохнул Уголь, изгоняя наваждение. — Сейчас нам лучше уйти. «Но однажды придет день, и я снова вернусь сюда». — Уже мысленно закончил он.

Глава шестая

Воины степи

— Все в сборе... — Гарон довольно скалился, глядя на бесчисленные шатры раскинувшиеся по зеленой вольной степи. Как и было уговорено все пять тысяч воинов самых разных племен прибыли в ставку вольных охотников когда пришел срок. Стояла середина весны, самое подходящее время для похода в проклятые земли империи. Время когда кровь особенно горяча, а быстрые степные кони так и норовят помчатся вскачь, выказывая свою необузданную природную силу и удаль.

После той заварушки с моревами обоим удалось добраться до земель дружественных им торегов и склонить их к альянсу. У Гарона был повод гордиться собой. Именно ему принадлежала идея разорить южное приграничье Аррексии, и именно его избрали все прочие вожди как лидера, который возглавит великий поход.

— Это лишь начало. — Внушал он Углю, сидя у вечернего огня и с удовольствием хлебая похлебку из мяса косули щедро приправленную ароматными душистыми травами. — Пока племена еще разобщены и то и дело бьются друг с другом, но если все пройдет удачно, в следующий раз соберутся уже десятки тысяч воинов... сотни тысяч! И тогда кто знает...

— Я живу лишь ради того, чтобы нечестивая империя пала, чтобы погиб каждый поганый слугитель кровавого культа Атона, — нахмурился Уголь — но их бог силен...

— Я не верю в богов, парень. — Покачал головой Гарон. — Давным давно, когда я был еще совсем молод, мне довелось знать одного колдуна из нашего рода. Могущественного колдуна, сейчас подобных не осталось... Он умел такое, о чем мы с тобой можем лишь мечтать. И он рассказывал мне странные легенды о людях пришедших из под других солнц. Эти люди были во всем подобны богам, им подчинялись даже своенравные силы природы, а время было не властно над ними. Я скорее воин нежели маг, хотя кое-что могу и я сам, но это так, баловство, жалкие крохи истинного знания. Но я не верю во Всевышнего и презираю тех глупцов, которые слепо идут за пресвитерами, бездумно повторяя их никчемные бессмысленные догмы. Они словно стадо послушных овец и сами называют себя агнцами атоновыми... Это они повинны в том, что мой народ был почти истреблен... Ты прав, они не заслуживают никакой жалости. — Темные глаза Гарона вспыхнули давней застарелой ненавистью. — Когда я буду резать аррексийские головы, мой дух будет петь от счастья...

— Как и мой. — Кивнул Уголь. — В этом можешь на меня положиться. Когда настанет положенный срок, моя рука не дрогнет.

— В таком случае ешь, пей и развлекайся пока можешь. — Сумрачно усмехнулся Гарон, хлопнув богатыря по твердому как дерево плечу. — Кто знает, как в дальнейшем повернется наша судьба...

* * *

Уголь привычно потянул рукоять двуручного меча. Всего в нескольких сотнях метров впереди находилась надежно укрытая густым утренним туманом приграничная деревушка. Парень чувствовал себя не очень хорошо. Пир по случаю Большого Сбора затянулся на всю ночь. Воины степи поглощали жареное на углях мясо и пили крепкую брагу и вино, то и дело

затевая дикие безумные пляски.

Уголь обычно держался в стороне от подобных развлечений, благо его внешность и мрачный нелюдимый характер не слишком способствовали всему этому, однако в ту ночь он не мог не уважить будущих союзников, послушно опорожняя рог за рогом, кои то и дело подносили ему смеющиеся варвары. Отказаться было невозможно, ибо подобный жест в большинстве племен Великой Степи воспринимался как кровная обида, а поставить весь поход под угрозу срыва из-за подобного пустяка было ни в коем случае нельзя. Ведь второго шанса для подобного схода могло и не представиться. И теперь хмельная бессонная ночь вкупе с последующей долгой скачкой не могли не сказаться. Однако близость врагов и возможность наконец-то отомстить и воздать судьбе за все вмиг смыли весь налет усталости. Парень вновь был полон звериного азарта и жажды битвы.

Приграничная деревня оказалась совсем небольшой, всего пара сотен дворов. Ее жители несмотря на ранний час были уже на ногах и занимались своими повседневными делами, когда из молочной туманной белизны на них со свирепым ревом выскочили разъяренные варвары верхом на своих косматых и диких подобно им самим лошадях. Оглашая воздух воинственными кличами, степняки не замедляя разбега обрушились на виллан, на полном скаку поражая их стрелами и копьями.

Опешившие крестьяне попытались было схватиться за топоры и дреколье, но они не были воинами. К тому же враги застали их врасплох, и оттого варвары практически не встречали сопротивления. Перед Углем оказался могучий бородатый смерд размахивающий вилами. Двуручный меч мелькнул подобно молнии, наискось разрубив ему лицо. Какая-то женщина вцепилась в луку его седла, что-то невразумительно крича. Всадник не останавливаясь наотмашь схлестнул клинком, и та упала, захлебываясь кровью. Уголь равнодушно отвернулся от содрогающейся в агонии вилланки. Перед глазами богатыря стояло лицо Зивирь.

Все закончилось быстро. Смерды не сумели оказать пришельцам достойного сопротивления и были вырезаны ими подчистую. Сами степняки потеряли в столкновении всего двоих воинов. Одного заколол вилами тот самый бородач убитый Углем, а второй сам слетел с седла и сломал себе шею, так как изрядно перебрал на недавнем пиру и не сумел совладать с собственным скакуном. Варвары однако на этом не успокоились и принялись тщательно искать уцелевших и поджигать дома, стремясь предать огню и мечу все что только возможно и прихватывая по случаю все мало мальски ценное. Степняки были воинственным народом, к тому же практически у всех их племен имелся огромный счет к империи, и ныне они жаждали сполна взыскать с нее все долги.

Когда степная орда, наконец, двинулась дальше, на месте некогда цветущей деревни остались лишь лежащие на земле окровавленные трупы и сухой черный пепел.

* * *

— Пока все продвигается гладко... — Гарон задумчиво глядел на ошестинившиеся крепостными зубцами город.

— Даже слишком. — Мрачно нахмурился Уголь.

Орда прошлась по южному приграничью огнем и мечом, уничтожая все что попадалось ей на пути. Ни один десяток деревень был сожжен до тла озверевшими от крови степняками.

Все это время Уголь сражался наравне со всеми, а рядом с ним безумно хохоча на черном коне носилась гордая не ведающая жалости воительница с волосами темнее воронова крыла. За последние двадцать лет Чотанна ни капли не изменилась. Это была все та же роскошная красotka, за благосклонный взгляд которой был готов отдать жизнь не один воин вольного народа.

Углю же было все равно. Нет, как мужчина он не мог не оценить всех очевидных прелестей своей подруги, но после смерти Зивирь в нем словно бы что-то умерло. Его душа оказалась намертво замурована в гранитный панцирь также как и изувеченное огнем тело. Гарон, опытный воин, тогда не ошибся. Его природный доспех и впрямь был абсолютно неуязвим для вражеских клинков и стрел. Не раз и не два его поражали могучие удары, играючи прошивавшие нателный кожаный доспех. Но собственная измененная плоть берегла богатыря куда надежнее любой внешней брони.

Его боялись. Степняки уже нарекли его чуть ли не сыном предначальной Тьмы, что не имеет границ, и куда после смерти уходят души людей при жизни запятнавших себя теми или иными грехами. Однако ему было плевать на страхи и предрассудки невежественных степных варваров. Не раз и не два он задавался вопросом кто же именно он такой. И каждый раз не находил ответа. А Чотанна... Чотанна была его другом. Верным надежным боевым товарищем, который в случае чего сумеет надежно прикрыть спину. Но не более того.

Никаких иных чувств меж ними не возникло, да они оба к этому и не стремились, благо внешность Угля была слишком уж специфической даже для не отличавшихся особой брезгливостью варваров, а гитанка и вовсе предпочитала не связывать себя никакими узами и проводить ночи в тех постелях, в которых она сама желала. Для этого народа такое поведение женщин было вполне себе в порядке вещей. Но даже на подобных условиях они так ни разу и не были близки.

Уголь до сих пор не знал женщины, но и это его не волновало. Единственное, чего он по настоящему жаждал, была месть. Мечь завладела всем его существом, он стал ее квинтэссенцией, ее воплощением, и когда в одной из разоренных ими деревень ему попалась чудом уцелевшая маленькая девочка с огромными голубыми глазищами на пол лица, он не колебался ни секунды. И его рука не дрогнула... Пусть боятся. Пусть страдают. Пусть мучаются также, как мучилась ОНА. Пусть они все каждой клеточкой своего каждой частицей своего духа ощутят и познают что такое настоящая боль...

— Имперцы не трусы и не дураки. — Невесело вздохнул Гарон, возвращая парня в реальный мир. — За свой город они будут биться не на жизнь, а на смерть. Первые наши успехи были вызваны их растерянностью, но теперь игры закончились. Здесь скоро будет очень жарко, попомни мои слова...

— Тогда, быть может, имеет смысл обойти Орроу и продолжить разорять приграничье? — прищурился Уголь. — Так мы понесем гораздо меньше потерь и нанесем империи намного больший ущерб.

— Этот поход лишь начало. — Покачал головой военный вождь степной орды. — Мы готовимся к большой войне, парень. А для нее нам нужны не только воины, но и военные механизмы, которыми богат Орроу. Если мы сумеем заполучить их вкупе с тамошними мастерами оружия, то вскоре сможем штурмовать и гораздо более внушительные крепости. Когда против Аррекции поднимется вся степь, нам все это ох как понадобится.

— Мысль дельная. — Согласно кивнул богатырь. — Но как именно ты намерен взять город?

— Ооо... — загадочно усмехнулся гитан. — Пока что это ни к чему знать даже тебе. Поверь, скоро ты сам все увидишь.

* * *

Орроу был атакован спустя несколько часов после состоявшегося разговора. Гарон дожидался арьергардных отрядов которые немного припоздали, увлекшись грабежом и разбоем. Имперцы хорошо подготовились к штурму. Многочисленные бежане в срок принесли весть о вторгшихся в приграничье варварах, и военный легат бывший по совместительству еще и градоправителем сумел вовремя привести войска в боевую готовность и запереть ворота.

Конная лава степняков со свирепыми воплями ринулась вперед. Полуголые торегии скалились жуткими синими лицами, воинственные имры отличались от них лишь цветом боевой раскраски. Их лики были белыми словно у покойников, к тому же в этот же цвет были выкрашены и их длинные развевающиеся от бешеной скачки волосы, что заставляло их выглядеть еще более устрашающе. Помимо вышеназванных в орде находилось еще около десятка самых разнообразных племен, и каждое из них имело свои обычаи, оружие и манеру одеваться.

Атакующая орда действительно выглядела очень грозно, но солдаты на стенах были малыми отнюдь не робкого десятка и прекрасно знали свое дело. На стенах меж бойницами возникли гигантские осадные арбалеты, однако заряжены они были вопреки обыкновению разом целым пучком массивных толстых стрел. Глухо щелкнули спущенные механизмы, и смертоносные гостинцы вынеслись навстречу атакующим. Эффект оказался весьма впечатляющим. Каждое орудие разом выпускало более чем по десятку снарядов, которые имели достаточно широкий радиус разлета. Гигантские стрелы плотным дождем прошили по степнякам, сшибая их с коней и легко прошивая бездоспешные тела насквозь, нередко убивая разом по несколько воинов.

К осадным орудиям присоединились и обычные стрелы, также собирая с варваров обильную жатву. Степняки не оставались в долгу, посылая в защитников тучи стрел, однако потери среди последних были минимальны. Наконец, ордынцы достигли стен и с обрадованным ревом полезли наверх, используя для этого специальные крюки и веревки. Худошавые жилистые воины степи с кошачьей ловкостью буквально взлетали наверх, благо укрепления Орроу хоть и были сработанны из камня, не отличались особенной высотой.

На стенах завязались первые рукопашные схватки. Легионеры империи оборонявшие город имели на себе неполный доспех состоявший из стального нагрудного панциря, поножей и наручей. Они как правило были вооружены короткими мечами и средними деревянными щитами, в то время как у дикарей в основном наличествовали копья и дротики.

Как оказалось, солдаты Аррексии превосходно умели сражаться. Даже здесь в тесноте крепостных сооружений они умудрялись сбиваться в небольшие группы по пять-десять человек и сноровисто выстраивали стену щитов. Подобная тактика была превосходно отработана ими на учениях, и посему атака степняков увязла, разбившись о несокрушимый строй и железную выучку имперцев.

Степняки сражались отчаянно, не щадя себя, бесстрашно бросаясь на ровные шеренги аррексийцев, спойстине звериной яростью стараясь забрать перед смертью хотя бы одну

вражескую жизнь. Из-за спин щитоносцев в варваров летели меткие лучные и арбалетные стрелы, к тому же прибежавшее на подмогу подкрепление также из числа регулярных имперских частей было вооружено уже длинными копьями специально предназначавшимися для боя во второй и третьей линиях фаланги. Чаша весов начала клониться в сторону горожан. Среди воинов орды падало все больше и больше убитых. Они ничего толком не могли противопоставить подобной тактике и уже были готовы отступить, но тут внезапно на стенах показался тяжело дышащий легионер с окровавленным лицом.

— Северные ворота пали! — надсаживаясь, выкрикнул он. — Приказ легата отступить в центр города!

Аррексийцы, надо отдать им должное, не растерялись. Гарон просчитал все четко, и пока основные силы отвлекали имперцев с юга, резервные отряды совершили глубокий обход и тайно атаковали город с севера, откуда защитники не ожидали нападения. И эта тактика полностью оправдала себя. Горожан было гораздо меньше нежели варваров, и теперь когда последние ворвались внутрь крепостных стен, им ничего не оставалось делать кроме как стягивать свои силы к центру города к замку градоправителя и епископскому собору чтобы там на последнем рубеже обороны продолжить сопротивление.

Степняки с ликующими воплями устремились вперед, разом воспрянув духом. Они считали, что победа уже была у них в кармане. Однако, как выяснилось, до полной сдачи города было еще далеко. Легионеры отступали грамотно, не ломая строя, при этом ухитряясь и в отходе наносить своим противникам немалый урон. К тому же к регулярным воинам империи присоединились еще и задействованные в резерве ополченцы. Плохо обученные, вооруженные кто чем, они тем не менее вносили свою лепту в разыгравшуюся битву и не давали варварам скучать, отчаянно защищая свои дома и близких.

А тем временем наступление на Орроу продолжалось. Степняки уже захватили внешние укрепления, выбив из них практически всех защитников, и теперь собирали силы для решающего рывка. Имперцы большей частью сумели пробиться к центру, сосредоточившись главным образом в соборе клириков и замке легата на главной городской площади. Теперь все зависело от того, сумеют ли аррексийцы продержаться до подхода подкрепления из глубинных областей империи. А шансы у них имелись весьма неплохие. Оба здания являлись весьма внушительными хорошо укрепленными каменными строениями, которые не так то просто было взять с наскока.

Варвары окружили последние оплоты обороны Орроу сплошным кольцом. Некоторые немногие отряды правда отстали от своих занявшись грабежом и убийством мирных жителей, но подобных было не слишком много. Как оказалось, оба здания имели весьма внушительные крепкие каменные ворота, и теперь степняки были заняты тем что спешно сооружали тараны из подручных средств.

Наконец, под плотным прикрытием лучников ордынцы двинулись на решающий приступ. Защитники также пытались огрызаться ответными залпами, но под осатанелым огнем варваров они практически не имели возможности высунуться из-за надежных крепостных бойниц. Импровизированные тараны сооруженные из связок тележных оглобель ударили во ворота, вышибая из них каменное крошево, и тут на нападавших сверху полилась черная тягучая вязкая жидкость.

Обожженные степняки дико вопили, катаясь по земле от невыносимой боли. Защитники прекрасно понимали, что от исхода битвы ныне зависит не только судьба города, но и их собственные жизни и потому не жалели горячего варева. Помимо смолы на

пришельцев с юга в изобилии лилось и кипящее масло, и даже простой дымящийся паром крутой кипяток. Замелькали зажженные стрелы выпущенные горожанами, и преддверие крепостей мгновенно превратилось в подобие огненного ада.

Лобовая атака ордынцев захлебнулась в крови, а попытки штурма с тыла наученные недавним горьким опытом защитники также сумели быстро и жестоко пресечь, благо стены обоих твердынь были гораздо более высокими и меньшими по площади нежели городские укрепления и посему оборонять их было намного проще. Всех нападавших сбросили со стен еще на подходе, заставив их отступить ни с чем, а немногих прорвавшихся тотчас же порубили в капусту уже внутри. Выжить из последних не удалось никому.

Осознав, что взять с наскока крепости не вышло, Гарон нехотя отдал команду отойти и взять главную городскую площадь в плотное кольцо окружения. Орде требовалась новая тактика.

— Вождь, на стенах много осадных машин, и еще мы нашли в арсеналах горшки с горючим зельем. — Приблизился к атаману один из вольных. — Если бы мы подогнали их сюда, этим шавкам пришлось бы несладко.

— Так займись этим лично. — Оскалился Гарон. — Бери сколько нужно людей, в случае чего смело ссылайся на меня. Следует как можно скорее покончить с этими засевшими в норе крысами.

Вольный торопливо кивнул и тотчас же помчался выполнять приказ своего предводителя.

— Ты был прав, имперцы оказались не так уж слабы. — К атаману приблизился сплошь залитый вражеской кровью Уголь. — Бились они храбро.

В прошедшей битве он сражался словно одержимый. Его неподъемный двуручник так и летал в его руках, легко рассекая тела имперцев вместе с доспехами. Могучий, практически неуязвимый для обычного оружия богатырь сражался так, что вокруг него мгновенно образовывался настоящий вал из окровавленных тел. Но он, казалось, даже не замечал этого. Из его горла не переставая рвался низкий звериный рык. Боевое безумие почитавшееся среди варваров священным захлестнуло его целиком, превратив обычного пусть и весьма сильного парня в настоящего бога войны, неистового и свирепого, которого в равной степени боялись и свои и чужие, избегая приближаться к темному исполину и стараясь держаться вне досягаемости от его чудовищного клинка.

— Их храбрость им сегодня не поможет. — Хищно усмехнулся Гарон. — Скоро сюда пригонят катапульты и снаряды с аррексийским огнем. Против этого они не устоят.

Уголь в ответ лишь равнодушно пожал плечами. На этой войне он сражался словно некий механизм заведенный неведомо кем лишь для одной единственной цели. Убить как можно больше аррексийцев. И он добросовестно исполнял эту задачу, намертво заперев все свои чувства на семь замков и выбросив ключ.

Наконец, катапульты были подогнаны на достаточное расстояние, и Гарон отдал приказ начать обстрел. В воздух взвились горшки с зажигательным зельем. Они с сухим глиняным треском разбивались о серые гранитные стены крепостей, и их тотчас же охватывало необычайно жаркое пламя, под которым плавился и тек даже камень. Степняки разразились ликующим почти звериным воем. Сейчас они были во всем подобны хищным степным волкам почуявшим долгожданный запах свежей крови.

Однако неожиданно для всех в битву вмешалась третья сторона. Хрипло запела труба, и на опешивших варваров с тыла обрушились ровные шеренги закованных в панцири солдат

вооруженных короткими мечами и длинными военными копьями. Варвары если в первые секунды и растерялись, то быстро сумели взять себя в руки и, неистово рыча, бросились на нового противника.

Но несмотря на всю свою отвагу степняки были изрядно потрепаны и измотаны прошедшей битвой, в то время как прибывшие на подмогу городу легионеры оказались гораздо свежее и сохранили намного больше сил. К тому же они были намного лучше обучены и бились в фаланге словно единый живой организм, нежели полудикие кочевники, которые являлись преимущественно штучными воинами и привыкли сражаться каждый сам за себя. Имперцы медленно но верно теснили их монолитной несокрушимой стеной собственного строя, щедро осыпая южных варваров арбалетными бельтами и умелыми клиньевыми ударами дробя их и без того нестройные порядки.

И, наконец, степняки не выдержали. Грозная орда ударилась в беспорядочное бегство, спеша спастись от жуткого многорукого и многоглавого аррексийского чудовища, не имевшего, казалось, ни единого слабого места и не ведавшего жалости.

Однако командовавший легионерами невысокий коренастый человек средних лет с наплечниками центуриона похоже не был намерен выпускать их живыми. Ворота с северной стороны, куда преимущественно ломанулась перепуганная толпа степных воинов, оказались намертво перекрыты небольшим, но зато превосходно вооруженным отрядом имперцев. Аррексийцы грамотно использовали свое положение, умело защищая сравнительно небольшой промежуток прохода, наскоро перегородив его довольно внушительными баррикадами, так что вырваться из города не было абсолютно никакой возможности.

Степняки уже были готовы удариться в самую натуральную панику, но тут неожиданно шум и нестройный гвалт орды перекрыл сильный звонкий девичий голос.

— Слушайте меня! Нужно пригнать сюда баллисты и катапульты! Тогда мы сумеем прорваться! — неистовая Чотанна, дева-воительница, что вообще-то было большой редкостью среди ее народа, оказалась одной из тех немногих, кто не потерял ныне присутствия духа. В битве она ловко орудовала легкой искусно сработанной саблей, ничуть не отставая в этом от мужчин. Гитанка не была особенно сильной, но компенсировала недостаток грубой мощи невероятной ловкостью и умением, а также какой-то отчаянной, абсолютно бесшабашной храбростью в бою. Она всегда сражалась с такой свирепостью и отвагой, совершенно не заботясь о собственной жизни, что казалась сказочной валькирией сошедшей прямиком со страниц древних сказаний.

И теперь чуть было не утратившие всякую надежду степняки ее послушали. Понукаемые повелительными окриками Гарона, сохранившего в отличие от прочих абсолютное хладнокровие, воины орды погнали повозки с катапультами к северным вратам, в то время как их товарищей из последних сдерживали напирających с юга легионеров вкупе с присоединившимися к ним защитниками крепостей и прочими горожанами из числа тех, ко был достаточно смел чтобы выйти против жутких варваров с оружием в руках.

И карта Чотанны сыграла. Несколько прицельных выстрелов из массивной баллисты напрочь разрушили северные врата и перекрывающую их стену щитов. Воспрявшие духом варвары устремились в образовавшуюся брешь, на ходу остервенело расшвыривая возведенные имперцами рукотворные баррикады из перевернутых телег и нещадно рубя их строителей из числа тех, кто оказался недостаточно проворен чтобы вовремя убратсья с их пути. Часть орды попыталась повторить подобных трюк на южной стороне, но здесь было гораздо больше солдат империи, которым быстро удалось отбить у варваров осадные орудия,

а затем перебить их всех до единого.

Чотанна мчалась впереди всех, ликующе улыбаясь. Пьянящий азарт боя нес ее словно на крыльях. Густые черные как смоль волосы девушки развевались по ветру, а лицо покраснелось от бешеной скачки. Она словно бы стала душой самым воплощением этого неистового прорыва. Уже на самом выезде из города тяжелый арбалетный белыт выпущенный одним из уцелевших защитников вонзился ей под ребро, пронзив сердце. Отважная гитанка рухнула с седла, приняв мгновенную смерть. На ее губах навеки застыла улыбка.

Однако тем что последовали за Чотанной и Гароном удалось вырваться за пределы города. Их было около полутора тысяч, все что осталось от некогда грозного орды. Самым забавным было то, что практически каждый степняк изначально имел при себе в походе двух коней. Одного для верховой езды, второго для перевозки возможной добычи. Теперь запасных лошадей пришлось бросить. Благо в нынешних обстоятельствах было совсем не до жиру.

Уголь также находился среди числа уцелевших. Буйный, могучий черный жеребец, специально подобранный Гароном под его стать и характер вынес хозяина из западни едва не ставшей фатальной для всего степного воинства.

Отъехав от Орроу на довольно приличное расстояние, степняки повернули коней на юг. Нужно было как можно скорее покинуть земли империи, пока на них не объявили масштабную охоту.

* * *

— Варвары уходят. — Грузный седой градоправитель недовольно уставился на стоявшего перед ним старшего центуриона возглавлявшего прибывшие войска.

— Пусть. — холодно улыбнулся тот. — Мои люди слишком вымотаны чтобы преследовать их. Но я буду не я, если император спустит им эту акцию. Посему, думаю, в скором времени эти язычники сполна заплатят нам за свои злодеяния.

Глава седьмая

Аррексион

Уголь молча сидел у огня, рассеянно перебирая травинки могучими пальцами затынутыми в боевую черную кожу. Им удалось вырваться. Проскакав почти три дня практически без остановок, степняки ушли в родные земли, оставив с носом высланные им вдогонку имперские отряды. Но несмотря на спешку варвары пылали жаждой мщения, и посему, когда на их пути попала еще нетронутая ими деревня, они сполна дали выход сжигающей их бешеной ярости.

Уголь хорошо помнил, как один из имров, племени крайне жестокого и воинственного даже по меркам степняков взрезал живот поверженного врага и начал жадно пожирать еще теплые внутренности, выдирая их голыми руками. Его белое искаженное в зверином оскале перемазанное кровью лицо могло повергнуть в трепет кого угодно, но богатырю было плевать. После смерти Зивирь его не могло тронуть уже ничто. Даже геройская гибель Чотанны, тело которой им так и не удалось вынести из оказавшегося столь неожиданно стойким города, отзывалась в сердце лишь легким ледяным уколом, боль от которого быстро утихла. В конце концов она была воином и знала на что шла. А Зивирь... Зивирь была ангелом небесным посланным на землю неведомыми силами чтобы дарить людям свет, и кто-кто, а она уж точно не заслужила той участи, что уготовили ей псы господни. Впрочем, рано или поздно там откуда не возвращаются окажутся все, а значит и горевать об этом бессмысленно.

Глядя же на зверски убитых и замученных имперцев, он и вовсе не ощущал ничего кроме глубокого удовлетворения. Эти твари заслужили свою участь, и Уголь по сути все это время и жил ради этих мгновений. Мгновений, когда можно было сполна дать волю сжигающей его ненависти. Ведь ничего иного ему попросту не оставили.

* * *

— Похоже, мы сильно разозлили имперцев. — Скупое усмехнулся Гарон, рассеянно глядя на собственное отражение в гладком как зеркало лезвии широкого кинжала. Ходят слухи о карательном рейде, что готовится против нас по приказу самого императора.

— Мы не сможем противостоять Аррекции в прямом столкновении. — Покачал головой Уголь. — У них слишком много солдат.

— Боюсь, что ты прав. — Гитан почесал массивный заросший подбородок. — Кочевья придется сменить. Уйти еще дальше в степь, чтобы имперцы трижды подумали, стоит ли овчинка выделки.

— Тебе это покажется странным, но... Помнишь то чудище, что едва не прикончило нас в скалах. Если бы мы сумели выкрасть потомство подобных ему, то смогли бы вырастить их послушными нашей воле. Они стали бы могучими воинами сражающимися за нас...

— Выбрось это из головы, парень. — Нахмурился Гарон. — Мы вчетвером едва сумели прикончить одного, а если станем похищать детенышей... Сколько наших тогда еще погибнет... К тому же там не наши земли, придется биться еще и с моревами, и прочими... Нет, так мы больше потеряем чем приобретем.

— Лишь обороняясь, войну не выиграть. Что предлагаешь ты?

— Мы должны отступить, пока все не уляжется. Аррекс не может рисковать и затевать с нами большую войну, ведь тогда на него обрушатся Мечи. Но это не все. Не так давно мне удалось выяснить кое-что еще...

— Что именно? — рыкнул Уголь.

— Мои люди сумели выведать маршрут следования эскорта принца. Папаша специально направил его на юг, чтобы он под присмотром опытных командиров набирался военного опыта и оттачивал на нас свои зубы. Если император лишится единственного наследника, это станет серьезным ударом для Аррексии. К тому же мы можем взять его в плен и выторговать себе немало уступок.

— Аррекс слывет жестким правителем. Он вряд ли пойдет нам на уступки. — Покачал головой Уголь. — Даже ради жизни собственного сына.

— В таком случае мы просто отправим псеньша на тот свет. — Жестоко оскалился Гарон. — Эти твари сполна заплатят нам за гибель Чотанны и прочих братьев.

— Если мы убьем аррексия, то рискуем спровоцировать начало большой войны. Вольным не выстоять против всей совокупной мощи имперских легионов.

— В чем дело, парень, ты боишься? — прищурился гитан. — Вот уж не ожидал от тебя подобной мягкотелости.

— Мягкотелость здесь не причем. Я просто просчитываю возможные варианты.

— Ты умен не по годам и возможно однажды станешь вождем. Но пока еще вождь я, и вольные подчиняются моим приказам! Рано или поздно, хочешь ты того или нет, имперцы все равно возьмутся за нас всерьез. Но мы не будем ждать их нападения подобно покорным баранам, а сами первыми нанесем удар! Поэтому если тебе не по нраву мой план можешь проваливать ко всем чертям из клана! Нам не нужны здесь слабаки. — Произнеся эти слова, Гарон резко вбросил кинжал в ножны и быстрым шагом направился к своей палатке, оставив хмуро молчавшего Угля наедине с его мыслями.

* * *

Этий Красс, старший центурион и волею императора ныне командующий девятым легионом, отправленным в степь с карательным рейдом против тамошних варваров, настороженно обводил окрестности цепким холодным взглядом жестких серо-стальных глаз. Стойбища вольных, как гордо предпочитал именовать себя этот сброд, вот-вот должны показаться, и если все пройдет по плану, их победа будет лишь вопросом времени.

Сколько себя помнил Красс всегда был военным. Из патрицианской семьи он поступил на службу империи, едва войдя в совершеннолетие в чине помощника младшего центуриона. Но несмотря на высокое происхождение Этий никогда не кичился своей кровью, честно деля с простыми солдатами все нелегкие тяготы армейской службы. Потом было несколько походов на восток, кровавые стычки с Мечами в ближнем приграничье и долгие годы мира и застоя, которые, говоря начистоту, были Крассу совсем не по душе. Как и всякий воин он мечтал о славе и военных победах, которых было не достичь, сидя безвылазно в безопасных, полностью подконтрольных империи землях.

Нет, конечно, даже там нередко бывали проблемы с чересчур расшалившимися разбойниками, Но они, как правило, очень быстро и умело решались обычными, а то и

младшими центурионами и полусотней-сотней обученных легионеров. Этого с лихвой хватало на чтобы отправить возмнивших о себе «рыцарей дорог» на свидание с пеньковой невестой.

Старшему центуриону, в чине которого Красс пребывал на протяжении последнего десятка лет, на таких вылазках было попросту нечего делать. Он уже совсем было отчаялся и смирился с тем, что на его век так и не придется ни одной по настоящему крупной войны, и вот неожиданная удача. Набег южных варваров, разоренное, выжженное до тла приграничье, множество убитых и растерзанных безжалостными язычниками благочестивых чад Всевышнего, и император на фоне праведного гнева знати и народных масс решает послать войска в степь.

Красса как одного из самых лучших и опытных военачальников, к тому же блестяще отразившего недавнее нападение превосходящих сил степняков на Орроу, назначили командующим, невзирая даже на то, что, как правило, подобную должность дают людям в чине не меньше легата. Императорский посол прямо заявил ему, что это фактически очередное повышение, которое он, Этий, должен подтвердить своей блистательной победой над степняками, и что аррекс не потерпит провала, и в случае поражения старшему центуриону лучше и вовсе не возвращаться в империю и погибнуть на поле брани.

Тем не менее старший центурион совершенно не волновался. Скорее его существо охватил азарт сходный с азартом гончего пса, наконец, почуявшего вожаделенную добычу. Как бы там ни было у дикарей нет ни малейшего шанса против его обученных ветеранов, каждый из которых сполна прошел жестокую легионную муштру и кровавую школу порубежных боев. Десять тысяч отборных легионеров должны были огнем и мечом пройти по стойбищам варваров и раз навсегда отбить у них охоту соваться в земли священной Аррексии.

Первого стойбища они достигли к вечеру следующего дня. Варвары совершенно не ожидали нападения однако, судя по суете царившей в их лагере, по всей видимости были готовы вот-вот сняться с насиженных мест. Впрочем, теперь было уже поздно. С грозным боевым кличем девятый легион пошел в атаку. Тяжелая конница прикрывающая пещев с флангов первой достигла врага и осыпала его залпами бельтов из ручных арбалетов, целя преимущественно во взрослых мужчин.

В стойбище возникла паника. Вольные оказались не готовы к столь скорому прибытию врагов и потому теперь растерянно метались по лагерю, не в силах дать имперцам хоть сколь-нибудь внятного отпора. Ведь даже с учетом женщин и детей их было как минимум вдвое меньше нежели солдат Аррексии, и посему у них не было ни единого шанса. Столкнувшись с начавшим было вызреть очагом обороны степняков, железный строй аррексийцев играючи сломил нестройные порядки варваров и рассеял их, а затем началась обычная резня столь привычная в подобного рода войнах.

Легионеры безжалостно преследовали разбегающихся вольных и методично убивали их, не делая различий между мужчинами, женщинами и детьми. Все эти люди были язычниками а, значит, согласно учению Святой Церкви не служивали никакого снисхождения. К ночи все завершилось. Если неукротимые кочевники в своих нападениях были подобны диким зверям, то аррексийцы скорее напоминали некие диковинные боевые механизмы. С безжалостной методичностью специально сотворенных для войны смертоносных машин они перебили всех вольных до единого, не пощадив даже грудных младенцев и оставив лишь нескольких воинов для допроса. Требовалось выяснить места дислокации иных кланов, а также их силы и

ближайшие планы.

Все эти вопросы Этий Красс задал одному из пленных, чернявому загорелому гитану лет тридцати. Тот в ответ злобно ощерился и плюнул ему в лицо. Флегматично стерев плевок, старший центурион холодно приказал своим помощникам калить железо. Осенние ночи были длинными, а командир аррексийцев никуда особенно не торопился.

* * *

Уголь неподвижно лежал на земле надежно укрытый густыми придорожными зарослями. Вот уже третий день кряду они поджидали вожавленную добычу. Если лазутчики Гарона не обманули, то эскорт принца должен был вот-вот показаться. И тогда здесь станет по настоящему жарко. Атаман взял на эту вылазку сорок лучших своих людей, но охрана принца даже по самым скромным прикидкам насчитывала не менее полусотни отборных воинов. Против них играл лишь тот факт, что имперцы вряд ли ожидают нападения и обороняться им придется на открытой местности.

Уголь прекрасно помнил, с какой пугающей легкостью вольные разделались с псами господними во время его плена. Однако теперь все будет иначе. Богатырь чуял это каким-то глубинным наитием, плюс ко всему у него имелся свой собственный план идущий абсолютно вразрез со стратегией Гарона. Ведь как ни крути, а даже всем воинам великой степи вместе взятым не победить империю в открытом противостоянии. И потому сегодня его рука не дрогнет. Он сделает ровно то что должен сделать чтобы отомстить за гибель Зивиры и прочих невинных жертв, ставших поживой для хищного зверя Аррекции и кровавых служителей Атона. Отомстить по настоящему, а не просто красиво и бесполезно погибнуть с громким боевым кличем на устах. И он искренне надеялся, что Гарон и остальные когда-нибудь сумеют его понять...

Мрачные размышления парня прервал постепенно нарастающий далекий стук копыт. Он быстро переглянулся с лежащим неподалеку одним из вольников и тихо кивнул. Все было ясно и без слов. Личный отряд аррексиона был на подходе. Уголь напряг и распустил могучие мышцы в предвкушении. Он командовал отрядом залегшим с правой стороны, и в его задачу входило начать обстрел эскорта лишь после того, как это сделают люди Гарона, расположившиеся на противоположной стороне. Совсем скоро все начнется. Да помогут ему высшие силы...

Кортеж принца, наконец, выехал на открытое пространство. Пять десятков молодцеватых воинов в позолоченных доспехах с гербом черного имперского дракона на груди. Подобные знаки отличия имели право носить лишь члены императорской династии или их личная охрана. Впрочем, ныне это сыграло против них. Передвижение отряда было крайне легко отследить, плюс у нападавших не осталось никаких сомнений относительно того, кто перед ними.

Раздался тихий свист, и один из всадников окружающих карету принца свалился со стрелой в шее. Началось. Мгновением позже к первому стрелку присоединились и остальные вольные.

— Прости меня, брат. — Прошептал Уголь и разрядил свой массивный арбалет в лежащего неподалеку от него воина, а затем бесшумно покинул укрытие, ползком двинувшись вглубь зарослей.

Тем временем имперцы уже успели разобраться что к чему и вскинули круглые обитые железом деревянные щиты, заняв круговую оборону и окружив карету принца тесным сплошным кольцом. Они стреляли в ответ, разряжая арбалеты в густые заросли и пару раз их белыты умел найти свою цель, поразив двоих нападавших насмерть.

Уголь же тем временем совершенно неслышно подкрался к месту лежки одного из своих людей и, навалившись сзади, легко свернул ему шею. Двинувшись дальше вдоль укрытий, он методично уничтожал своих собратьев, убивая их словно курей. Каждый раз ему без труда удавалось задуманное, ибо хотя степняки и были бывалыми, опытными воинами, они совершенно не ожидали предательства. Богатырь успел перебить половину своего отряда, прежде чем вольные решились, наконец, перевести противостояние в ближний бой, исчерпав стрелы. Телохранители принца действительно оказались штучными вонями. Степнякам удалось перебить лишь треть и ранить с десятков. Остальные были целехоньки и горели жаждой защитить своего господина и сполна воздать трусливым разбойникам нападающим исподтишка за все.

Оглашая воздух воинственными кличами, люди Гарона выбегали на открытое пространство, сжимая в руках мечи и боевые топоры. Имперцы в ответ на это поднимали длинные военные пики, стремясь встретить нападавших в монолитном строю. Аррексийцы подобно варварам сражались пешими, покинув седла еще в самом начале битвы, ведь всадники были куда более видной и легкой мишенью для стрел. Их кони были переведены в центр поближе к карете, чтобы их ненароком не зацепила случайная стрела.

Впрочем, степняки и не желали причинять вред лошадям, благо среди гитан и им подобных кони считались чуть ли не священными животными, и они крайне неохотно калечили их во время боя или употребляли в пищу. Однако сегодня было не до сантиментов. Слишком многое было поставлено на карту. Гарон сражался вместе со всеми. Широкий метательный нож, пущенный его сильной умелой рукой тут же сразил молоденького темноглазого legionера, заставив его рухнуть под ноги его же товарищам.

Следуя примеру своего вожака, степняки принялись метать во врагов всевозможную снасть от простых ножей до тяжелых стальных шаров на цепях и малых боевых секир. Вольные подобно имперцам ныне сажались холодно и расчетливо, не давая слепой звериной ярости вести себя. И это сразу же дало свои плоды. Среди аррексийцев упало пять фигур. В ответ со страшной силой мелькнули длинные копья legionеров с гладкими как зеркало наконечниками. Эта атака стоила жизни трем нападавшим. Остальные сумели ловко увернуться и избежать губительного подарка имперцев.

Рукопашная меж этими воинами оказалась и вовсе достойна того, чтобы внести ее во все учебники о тактическом противостоянии меж малыми отрядами и искусстве взаимодействия между воинами во время битвы. Гвардейцы нерушимо держали строй, понимая, что в этом их основное преимущество перед противниками, однако вольные в отличие от большинства варваров не перли дуром на их копья, вместо этого волчком вертясь в непосредственной близости от их рядов и стараясь поймать того или иного бойца на ошибке и выдернуть его из строя.

И степнякам то и дело улыбалась удача. Телохранители принца были превосходными, великолепно вымуштрованными воинами, однако большинство из них не имело реального боевого опыта. И хотя их и готовили в условиях максимально приближенных к настоящей битве, этого сегодня оказалось недостаточно. Они храбро сражались, то и дело обрывая жизнь того или иного вольного, но среди их рядов убитые падали все же несколько чаще.

И когда исход сражения повис на волоске, на поле боя появилась еще одна фигура. Огромный великан в темных доспехах вооруженный гигантским двуручным мечом, неистово рыча, бросился на степняков, одним ударом рассекая их надвое. Вольные настолько опешили от нежданно негаданно прибывшей к их врагам подмоги, что на несколько секунд растерялись, полностью потеряв нить боя.

Этим сполна воспользовались их соперники, не дав варварам ни малейшего шанса вновь перехватить инициативу. Все закончилось буквально в считанные минуты. Все нападавшие неподвижно лежали в лужах собственной крови. Гарон погиб одним из последних, будучи до конца не в силах поверить в предательство собственного ученика. Меч Угля раскрыл ему череп, и сердце старого гитана остановилось навеки.

— За императора! — хрипло прорычал залитый кровью своих товарищей Уголь, глядя на выживших гвардейцев. Тех осталось всего пятеро, включая центуриона, и теперь они в свою очередь настороженно поглядывали на великана, не спеша опускать свое оружие.

— Кто ты. — Прищурился центурион. — Назови свое имя и звание, если оно у тебя есть.

— Уголь, господин. — Выдохнул вольный, почтительно склонив голову. — Я человек старшего центуриона Этия Красса. — Он узнал о готовящемся покушении на принца и приказал внедриться в их шайку чтобы помешать их планам.

— Почему мои люди не были поставлены об этом в известность, и почему ты был один? А если бы тебя раскрыли, или с тобой приключилась еще какая беда. — Нахмурился центурион.

— Мой господин узнал обо всем этом слишком поздно. Нам ничего не оставалось делать кроме как действовать быстро и по ситуации. Да и потом меня специально готовили для подобных дел. В одиночку я убил больше десятка разбойников, а внедрить большее число агентов не представлялось возможным. Они были слишком опытными и подозрительными. Мне повезло. Из-за моего облика — Уголь провел ладонью по своей блестящей черной коже — меня в детстве едва не сожгли на костре. Я сизмальства жил на улице и потому мне легче находить общий язык со всяким отребьем нежели прочим.

— Чуть не сожгли на костре, говоришь... А с чего это псы господни пощадили тебя? Или ты сбежал от них?

— Благочестивые пресвитеры сохранили мне жизнь, оттого что я не демон, как обо мне порой судачат, и не темный колдун. Мое тело в детстве искалечил лесной пожар, а это не является грехом.

— Ты с большим почтением говоришь о святых братьях. Стало быть, ты добрый атонианец?

— Истинно так, господин. — Склонил голову Уголь, демонстрируя центуриону стальную нагрудную звезду Атона, которую он до этого прятал под доспехами и благочестиво осеняя себя его знаком.

— Оставь его, Антоний. — Раздался насмешливый молодой голос, и из роскошной кареты показался стройный красивый юноша одетый в дорогую расшитую золотой нитью тогу. — Этот человек отважно сражался за нашу жизнь и достоин поощрения... Приблизься. — Кивнул он Углю, и тот почтительно подошел к аррексиону, упав на колени и поцеловав протянутую ему изящную, пахнущую дорогими благовониями ладонь.

— Откуда ты? — усмехнулся принц, разглядывая гиганта со смесью одновременного восхищения и легкой брезгливости.

— Отсюда с юга. — Не стал врать богатырь. — Много лет провел в степи, добывал

сведения для Этия Красса.

— Я знаю Красса. По-моему, он напыщенный солдафон не видящий дальше собственного носа. Но мой царственный отец считает иначе... Как ты познакомился с ним?

— Почтенный Красс подобрал меня, когда я был совсем мальчишкой изувеченным огнем. Это он научил меня сражаться и всему тому, что я знаю. — Низко поклонился Уголь. — Я с радостью умру за него если придется.

— Похвальная преданность. — Холодно усмехнулся аррексион. — А если я, скажем, прикажу тебе убить твоего господина. Ты исполнишь мой приказ?

— Мой господин учил меня, что воля императора и членов его семьи превыше всего. Если таков будет ваш приказ, я сделаю это, хоть мне и будет больно.

— Чувства плебеев меня мало волнуют. — Поджал губы принц. — Ибо сказано мудрыми, что мягкотелый правитель — никудышный правитель. А если быть точнее — аррексион хищно усмехнулся — мертвый правитель... Впрочем, расслабься. Я не собираюсь заставлять тебя убивать твоего господина. Пусть он и дальше служит империи пока может. Что же касается тебя самого, то отныне ты переходишь в мою личную охрану в чине десятника. Такова моя воля. Я лишился почти всех воинов, и эти потери нужно восполнить в наикратчайшие сроки. Считай, что отбор ты прошел. Я никогда ранее не видел бойцов подобных тебе, однако не обольщайся на сей счет. В случае чего я не колеблясь отдам приказ казнить тебя, несмотря даже на то что ты спас меня сегодня. Ты меня хорошо понял?

— Да, Ваше Высочество. — Вновь поклонился Уголь. — Более чем.

— Отлично. В таком случае не будем мешкать и продолжим путь. До Орроу еще полдня пути, и лишь там мы будем в безопасности.

Глава восьмая

Старые враги

В Орроу, город ставший судьбоносным для мальчика, а затем и мужа, в которого превратился за эти двадцать лет Уголь, отряд прибыл уже глухой ночью. Естественно аррекциона сразу же узнали и тут же выдели ему и его эскорту лучшие апартаменты прямо в замке градоправителя.

Койка предназначавшаяся Углю оказалась застелена настолько мягкой и душистой свежей периной, что он моментально провалился в тяжелый сон без сновидений. Наутро же их огорошили неожиданными известиями. Оказывается Этий Красс уже три дня как выступил на юг, не став дожидаться принца. И его можно было понять. Император из-за осеннего времени года приказал ему не затягивать с кампанией чтобы успеть завершить все до зимних холодов, когда воевать даже для обученной армии Аррексии станет довольно накладно. Тем паче что сам принц Эльзикс не слишком-то торопился исполнять повеление своего родителя поспешить на юг, делая долгие стоянки в дороге намного чаще, чем это обычно было принято среди простых солдат во время похода.

Надо сказать, аррекцион не слишком расстроился сему факту, ничтоже сумнящееся приказав готовить пир по случаю собственного прибытия. В конце концов его отец далеко, и он должен хоть как-то вознаградить себя за все те тяготы, что он испытал во время пути в эту богом забытую приграничную глушь. К тому же воины его отряда сильно пострадали. Многие вообще убиты, а выжившие практически все имели легкие ранения, которые требовали немедленного осмотра и лечения.

Пир оказался поистине роскошным. Градоправитель, старый опытный служака, прекрасно понимал, кого именно ныне принимает, и потому расстарался на славу. Длинные столы в главном замковом зале буквально ломились от различных яств. За месяцы прошедшие с момента вторжения варваров горожане сумели заново отстроить все разрушенное войной и теперь не ударили в грязь лицом перед венценосным гостем.

Люди принца вволю пировали, от души наслаждаясь заслуженным отдыхом и свысока посматривая на воинов градоправителя. Последние хмурились, отводя глаза, но по понятным причинам не рисковали затевать ссоры с чужаками. Храбрые воины, они не боялись честной схватки, но аррекцион слыл очень жестоким и мстительным человеком и мог жестоко покарать того, кто осмелится поднять руку на его людей, пусть даже те и первыми спровоцируют ссору.

Уголь ел и пил вместе со всеми, но держался подчеркнуто тихо и скромно, стараясь лишний раз не привлекать к себе внимания, как, впрочем, и всегда. Пока следовало выжидать и по возможности держаться в тени. У него еще будет шанс проявить себя.

— Эй ты, как тебя... Уголь! Отчего ты так невесел и хмур? — принц Эльзикс со смехом уставился на опустившего голову богатыря. — Ты что, не рад моему спасению?

Угля как спасшего жизнь отпрыску царской крови в качестве исключения пригласили за стол для знати, впрочем, как и всех прочих уцелевших гвардейцев принца. Помимо них и аррекциона за ним находились лишь градоправитель, его сын, а также главный пресвитер города, бывший после епископа, который стал уже так немощен и стар, что практически отошел от дел, главным представителем здешней церкви Всеединого.

— Что вы, Ваше Высочество. Ваше спасение — величайшая милость Всевышнего. —

Уголь благочестиво осенил себя знаком Атона.

— Воистину так. — Подобострастно кивнул градоправитель и поднял серебряный кубок полный вина, предлагая выпить за сие свершение. Естественно возражений ни у кого не возникло, и пирующие осушили свои кубки, провозглашая громкие здравицы принцу. Что характерно кубки простых воинов были железными, лишь знать имела право есть и пить на серебре. Аррексион же единственный из всех пировал на золоте.

Празднество тем временем шло своим чередом, многие уже были изрядно пьяны, но не пресвитер, который то и дело кидал на Угля весьма и весьма красноречивые взгляды. Сам богатырь с первого взгляда узнал священника. Именно он двадцать лет назад заставил его смотреть на казнь Зивиры, и хотя годы изрядно прибавили брату Преону морщин и седины, взгляд его холодных серых глаз был все так жесток и пронизателен.

Оставалось лишь гадать, узнал ли он в нем того мальчишку, которого едва не разобрали на куски для личной коллекции самого Первосвященника, однако это Углю предстояло выяснить в самое ближайшее время. Еще когда он только планировал всю эту авантюру, то прекрасно сознавал, что шансов на успех у него практически нет. Даже самый могучий и удачливый воин не сможет в одиночку противостоять всей ужасающей мощи военной и государственной машины империи подкрепленной к тому же тоже далеко немалыми силами атонианских клирикалов.

Однако его внутренний голос упрямо твердил ему обратное. И он решил послушаться его. Он будет очень осторожен. Он будет годами, а если понадобится и десятилетиями упорно двигаться к своей цели, постепенно поднимаясь все выше и выше, на самый верх, чтобы когда придет время, нанести дракону один единственный смертельный удар изнутри, в самое сердце незащищенное в отличие от наружной плоти плотной непробиваемой чешуей. Лишь так можно было победить непобедимое и отомстить за всех тех, кого пожрала бездонная утроба ненасытного аррексийского чудовища. Только так и никак иначе...

— Да мое спасение и впрямь чудо... — Принц Эльзикс рассеянно глядел на Угля, но его цепкий колющий взгляд явно говорил о том, что цезарион был не настолько пьян, насколько хотел казаться. — Скажи мне, насколько на самом деле ты хорош, а? — губы аррекциона тронула слабая усмешка. — Как, сумеешь одолеть в единоборстве командира моей стражи?

— Повелитель, воины устали, и... — Предпринял робкую попытку урезонить кесариона Уголь.

— Ничего не хочу слушать! — в голосе принца прорезались капризные истеричные нотки. — Я желаю, чтобы вы бились здесь и сейчас!.. Ну, начинайте!

По знаку Эльзикса оба бойца медленно встали из-за стола и вышли в центр холла, подняв свое оружие, с которым не расставались даже здесь в пиршественной зале. Уголь сжимал свой верный двуручник, в то время как его соперник вооружился круглым щитом и одноручным прямым обоюдоострым клинком, коим удобно было не столько рубить, сколько колоть. Противники начали медленно сходиться. Антоний был довольно крупным мужчиной, но все же ему было куда как далеко до Угля, в котором было как минимум сто тридцать килограмм при росте два метра, и который по меркам этого мира считался настоящим гигантом.

Уголь первым нанес мощный круговой удар, стремясь расколоть щит соперника, однако центурион ловко отвел клинок богатыря в сторону и сам совершил стремительный колющий выпад, от которого, впрочем, колосс, несмотря на свою с виду неуклюжую комплекцию, легко уклонился. Следующая атака силача должна была напрочь сбрызнуть голову более легкого

и подвижного центуриона, но тот вновь сумел уцелеть, пропустив лезвие чудовищного меча над собой. Оба воина явно стоили один другого.

Осознав, что он поигрывает своему противнику в скорости и подвижности, Уголь сменил тактику. Слегка согнувшись, он пошел вперед легким стелящимся кошачьим шагом, делая клинком резкие обманчивые выпады и то и дело совершая стремительные ложные движения ногами и корпусом таким образом, что было совершенно невозможно просчитать их систематику и закономерность. Антоний замешкался. Этот стиль боя был личным изобретением Угля натасканного на разбойничьих ухватках вольного народа, которые он отточил и довел до совершенства благодаря урокам Гарона и собственным природным талантам, и гвардеец, которому была гораздо ближе чеканная армейская школа с намного более упрощенными а главное не допускающими столь широкой вольности исполнения приемами, не нашел что ему противопоставить.

Совершив очередной ложный выпад, Уголь неожиданно нанес один резкий стремительный удар, и окованный железом золоченый щит центуриона раскололся надвое. Дальнейшее было уже делом техники. Каким бы искусным воином не был начальник стражи принца, его клинок был намного короче, и посему вскоре он оказался сбит с ног могучим гигантом, а острое лезвие двуручного меча было недвусмысленно приставлено к его шее.

— Bravo! — раздался довольный голос принца все это время с неподдельным интересом наблюдавшего за поединком. — Однако бой на этом не закончен. Здесь я решаю, кому жить, а кому умереть. — Голубые глаза на красивом холеном лице Эльзика холодно блестели в свете факелов. — Тебе повезло, Антоний. За то что ты в той стычке с разбойниками столь рьяно защищал меня, я, так и быть, дарую тебе жизнь. — Эльзик поднял вверх большой палец, подтверждая истинность своего намерения. — Однако проигравшим не место среди командиров моей личной гвардии. Посему ты понижаешься в звании с центуриона до десятника и поможешь Углю освоиться на его новой должности... Поздравляю. — Повернулся он к Углю. — Отныне ты мой новый начальник охраны. После потолкуем о твоём внешнем виде и прочем, а пока отдадим должное здешним яствам и напиткам. Ешьте, пейте, развлекайтесь и помните о моей щедрости и доброте. — Эльзик взмахнул рукой, приглашая всех присутствующих возобновить празднество, и шумное хмельное веселье в пиршественной зале закипело с новой силой.

* * *

На следующий день Углю пришлось ни свет ни заря приступать к своим новым обязанностям. Его голова еще немного шумела после вчерашнего веселья, однако в целом он чувствовал себя вполне превосходно. Антоний несмотря на пережитое унижение от поражения и последующего за ним понижения по званию все же нашел в себе силы выстроить своих бойцов во внутреннем дворе замка градоправителя и хмурым голосом известить их о том, что у них отныне новый командир.

— Я не стану подчиняться этому отродью. — Нагло процедил один из гвардейцев, с вызовом глядя на Угля. Это был молодой розовощекий парень с полным веснушчатым лицом. — О нем говорят, будто бы он демон, а не человек. А еще в городе ходит слух, что его здесь приговорили к смерти лет двадцать тому назад, но он тогда сумел сбежать, а теперь вот снова объявился.

— Твое имя, боец. — Тяжело проронил Уголь, пристально глядя на парня.

— Да пошел ты. — Выдохнул гвардеец, тщетно стараясь справиться с дрожью в голосе. Взгляд жутких багровых глаз напрочь лишал его воли к сопротивлению. К тому же он прекрасно видел, как гигант одолел Антония, а центурион по праву считался в своем отряде первым клинком. Лишь среди стражей самого императора встречались более грозные бойцы.

— Твое имя, боец. — С нажимом повторил Уголь, медленно приблизившись к солдату и играючи пресекая его заполюшную попытку вытащить клинок. — Твое имя. — Твердые как железо пальцы богатыря впились в плечо гвардейца, заставив того непроизвольно всхлипнуть от боли.

— Тит... Тит, господин... — Судорожно выдохнул парень. От его бывшей бравады не осталось и следа.

— Тебе следует усвоить урок, Тит. Никогда не пререкайся со старшим по званию. — Чугунный кулак Угля вонзился гвардейцу под дых, заставив того рухнуть на колени, хватая ртом воздух. — Вы слышали волю принца. — Богатырь повернулся к остальным воинам, и никто из них не сумел выдержать его взгляда. — Отныне я ваш командир, и за любое неповиновение буду жестоко карать. Если вы думаете, что я блефую, то вы жестоко заблуждаетесь... Сегодня я отпускаю вас. Но завтра к рассвету всем быть здесь в срок. Трезвыми и готовыми к учениям. Я не враг вам, но распускаться и филонить не позволю никому... Разойтись.

* * *

Еще через день Уголь под присмотром Антония уже всю гонял ветеранов и кандидатов в новобранцы на внутреннем полигоне, когда внезапно на широком посыпанном песком дворе показались серые рясы псов господних. Их было три десятка. Вооруженные копьями пикинеры, за спинами которых безмолвно маячили арбалетчики. Их грозное оружие было заряжено и недвусмысленно направлено в сторону нового командира охранников принца.

— Как это понимать? — нахмурился богатырь, глядя на суровых молчаливых клириков.

— Ты, именующий себя Углем, подлежишь аресту по приказу верховного пресвитера Орроу, благочестивого брата Преона. — Звучным уверенным голосом отчеканил командир вновь прибывшего отряда.

— В чем меня обвиняют? — голос богатыря был абсолютно спокоен. Он был уже далеко не тем беззащитным напуганным мальчиком, которого едва не сожгли на костре вместе с проклятой гитанской ведьмой, путавшейся с нечистыми силами.

— Это ты узнаешь от самого благочестивого брата Преона. — Отрезал командир. — Ну как, пойдешь добровольно, или мне приказать убить тебя на месте?

— Я человек принца Эльзика. — Предпринял последнюю попытку защититься Уголь. — Вы не можете так просто арестовать меня без его ведома.

— Не смей прикрываться именем принца, отродье! — в голосе пресвитера зазвучала едва сдерживаемая ярость. — Аррекциона мы известим отдельно, что же касается тебя самого, то я даю тебе секунду на размышление. Либо ты идешь с нами, либо мои воины настигнут тебя бельтами по самые гланды. Так что ты выбираешь?

И Уголь медленно побрел вслед за тотчас же окружившими его святыми братьями в сторону епископского собора провожаемый злорадными торжествующими взглядами собственных солдат. Внутри собора у него отняли меч и кинжал. Кожаный доспех, впрочем, разрешили оставить, благо богатырь надевал его прямо на голое тело, и, заковав в кандалы, под конвоем препроводили в уже хорошо знакомую ему подземную темницу.

Когда тюремщики, наконец, оставили его в полном одиночестве, Уголь погрузился в мрачные размышления. Все та же тесная клетушка устланная гнилой соломой, да он уже совсем не тот... Двадцать лет минуло, но для него все было словно вчера. Казалось, что даже сейчас среди здешней затхлой вони и смрада застарелых нечистот он отчетливо слышит едва уловимый сладкий аромат смуглой кожи Зивирь...

Итак, его худшие подозрения подтвердились. Старый пресвитер узнал его. Да и как не узнать, когда он даже не озаботился изменить собственное имя. Уголь прекрасно понимал, что по нему его могут легко вычислить, но оно настолько глубоко въелось в его плоть и кровь, что он просто не смог заставить себя назваться как-то иначе. И теперь священник приложит все усилия, чтобы костер, которого ему однажды удалось избежать, наконец-таки настиг его.

Уголь непроизвольно стиснул толстые изрядно проржавевшие прутья решетки. В случае чего ему ничего не стоит выломать ее, убить охранников и уйти в степь, благо ни одного живого свидетеля его предательства не осталось. Однако он не станет этого делать. Гарон и прочие вольные слишком много сделали для него, и их смерти не должны быть напрасны. Он должен сделать все, чтобы там в иных эмпиреях, где ныне пребывают их души, они поняли, почему он совершил именно то что совершил, и простили его. Так или иначе он пойдет до конца.

Слишком долго ждать ему не пришлось. Через пару часов в коридоре послышались тяжелые шаги стражей, которых сопровождал сухощавый лысоватый человек с орлиным профилем в серой пресвитерианской рясе с золотой звездой Атона на груди.

— Вот мы и встретились снова. — Змеиные глаза брата Преона хищно улыбались. — Или ты думал, я не узнаю тебя?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, господин. — Пророкотал Уголь, стараясь чтобы его голос звучал как можно более смиренно. — У меня нет прегрешений перед церковью Всеединого.

— Сколь наглая и вопиющая ересь! — Преон даже всплеснул руками от удивления. — А известно ли тебе, чадо, что согласно заповедями Всевышнего все мы грешны и виновны перед ним? Даже самые чистые и непорочные... Уже за одно это тебя следовало бы предать огню!

— Я не говорил что безгрешен перед Всевышним. — Покачал головой Уголь. — Я сказал лишь, что невиновен перед его слугами и законами империи. Если это не так, то я хотел бы знать, в чем именно меня обвиняют.

— А ты сильно изменился с последней нашей встречи... — Протянул верховный пресвитер. — Двадцать лет назад ты, помниться, не мог даже толком говорить, а лишь рычал подобно дикому зверю.

— Я не понимаю, о чем вы. — Нахмурился богатырь. — Я никогда ранее не встречался с вами.

— Упорствуешь. — Губы Преона тронула слабая улыбка. — Напрасно. Это тебе все равно не поможет. На этот раз тебе не отвертеться, отродье тьмы. Я лично прослежу за тем,

чтобы твое тело сгорело до тла на очистительном костре, а прах развею по ветру. Пусть повелители ада навеки ввергнут твою душу в геенну огненную, если, конечно, она у тебя есть.

— Согласно учению Атона демоны не могут прикасаться к символам его веры. — Уголь указал на висящую на его шее стальную звезду.

— Умно. — Прищурился пресвитер. Казалось, эта игра забавляла его. — Но Тьма многолика, и кто знает, какими скрытыми возможностями могут обладать ее адепты...

— Что здесь происходит? — в коридоре показались новые лица. Это были гвардейцы принца с ним самим во главе. Эльзикс имел заспанный и недовольный вид. Похоже, его только что разбудили, чтобы сообщить о произошедшем. — По какому праву ты задерживаешь моих людей? — аррексион грозно уставился на пресвитера.

— Ваше Высочество. — Преон отвесил кесариону легкий поклон. Похоже, грозный вид монаршего отпрыска ничуть его не обескуражил. — Сие есть не человек, но демон тьмы, обманом похитивший ваше доверие. Он должен был быть казнен еще двадцать лет тому назад. Я лично выносил ему приговор. Но отродью мрака удалось тогда избежать святого суда матери церкви нашей. Ныне же справедливость будет восстановлена.

— Какие у тебя доказательства того, что мой человек и впрямь демон и одержим нечистой силой? — прищурился принц. — Ну же, отвечай!

— Тот демон который ушел от нас был также обожжен с ног до головы и отзывался на имя Уголь. — Пожал плечами Преон. — По-моему, доказательства более чем достаточные.

— А, по-моему, нет. — Отрезал кесарион. Несмотря на жестокую и избалованную натуру принца, сейчас его голос был тверже металла. — Если вы и хотели сжечь кого-то похожего на него двадцать лет тому назад, это еще ничего не доказывает. Мало ли в империи разных уродов... И, конечно же, каждого вы тут же норовите заклеить как демона или колдуна... Не юли и не изворачивайся, священник, мне прекрасно известны ваши методы. А что до имени... то как еще назвать того, кто выглядит словно побывавшая в огне головешка... Нет, пресвитер, на этот раз ты заглотил добычу которая тебе не по зубам. Уголь мой человек, и я забираю его.

— Но как же...

— Ты хочешь поспорить со мной, священник? — лицо аррекциона побагровело от ярости. — Я будущий император, и ты играешь с огнем! В Аррекции нет ничего превыше воли аррекса, а я его единственный сын и наследник! Это ясно?! Отвечай!!!

— Более чем, Ваше Высочество. — Склонил голову Преон, подчиняясь.

— Сегодня я забуду о твоей дерзости. — Голос принца ничуть не смягчился, но звучал уже не столь громко. — Но если ты со своими псами еще хоть раз перейдешь мне дорогу, пеняй на себя... Освободить его! — кивнул он на хранившего молчание Угля, и стражи тут же поспешили выполнить его приказ.

Глава девятая

Последний поход

— То, что говорил о тебе священник, правда? — принц Эльзикс пристально смотрел на опустившего голову Угля.

— Да, Ваше Высочество. — Пробасил тот. Его внутреннее чутье подсказало что на сей раз лучше не лгать.

— Что ж, ты спас мою жизнь, я спас твою. — Усмехнулся аррексион. — Теперь мы в расчете. И помни, в случае чего я могу очень быстро вернуть тебя обратно в казематы слуг Всеединого. Ты даже и глазом моргнуть не успеешь... Как твоя служба? Антоний донес мне, что солдаты не слишком жалуют тебя.

— Им не по нраву мой внешний облик. — Усмехнулся Уголь, машинально проведя рукой по блестящему лысому черепу. — Но я быстро решу эту проблему и не дам им вольничать, если, конечно, Его Высочество не прикажет обратного.

— Не прикажу. — Улыбнулся принц. — Мои воины всегда должны быть готовы к сражению и нести службу, а не хлестать пиво по кабакам... Однако же твой облик и впрямь ужасает! Золоченые латы гвардии не про тебя. Ты будешь смотреться в них смешно и жалко. Нет, для тебя выкуют специальный темный доспех наподобие твоей боевой кожи... Ну, что скажешь? Почему я не вижу радости на твоей уродливой роже?

— На моей уродливой роже трудно что-либо увидеть. — Усмехнулся Уголь. — Я от всей души благодарю Ваше Высочество за такую заботу обо мне.

— А ты весьма и весьма неглуп... — прищурился аррексион. — Я все больше убеждаюсь в том что сделал верный ход, назначив тебя командиров собственных стражей. Постарайся сделать так, чтобы я не разочаровывался в тебе и впредь. Ведь прежде всего это в твоих интересах. Мой отец уже стар, и недалек тот день, когда настанет его время отправляться в чертоги Всеединого. И вот тогда я, наконец, возьму то, что причитается мне по праву крови и рождения. И я не забуду тех, кто был верен мне... Ты понимаешь меня?

— Более чем, Ваше Высочество.

— Вот и отлично. — Улыбнулся Эльзикс. — Оставайся верен мне и получишь все о чем только можешь мечтать... Скоро нам надлежит отправиться в степь. Позаботься о том, чтобы к тому моменту моя гвардия была полностью восстановлена в числе. А теперь ступай. Я устал и хочу отдохнуть.

* * *

Этий Красс спокойно глядел на раскинувшуюся перед ним лаву степных воинов. Те пленные оказались действительно крепкими орешками. Все несравненное умение походных палачей ничего не смогло поделаться с их стойкостью. Они ничего ему не сказали, и как следствие опыт с первой деревней повторить не удалось. Вольные отнюдь не были дураками, и посему все прочие их кланы успели сняться со своих насиженных мест и уйти в степь до того, как туда пожаловали солдаты девятого легиона.

Тем не менее степняки не были и трусами и посему спешно объединили силы и встретили имперцев на самой границе своих земель, призвав на помощь своих ближайших

союзников. Всего им удалось собрать около пяти тысяч бойцов, что было в половину меньше чем у их противников, однако у аррексийцев практически не было конницы, в то время как у степняков мужчина не имеющий коня не считался мужчиной вовсе, что давало варварам пусть и небольшой, но все же шанс на благоприятный исход битвы.

Красс не особенно нервничал. Мало того что у него тотальное численное преимущество, так еще и его солдаты, большинство из которых были ветеранами, элитой, на две головы превосходят в выучке этих неотесанных дикарей. Однако старший центурион как старый опытный военный прекрасно понимал, чем порой оборачивается недооценка противника на поле боя, и посему приказал легиону выстроиться клиньями.

Это было одно из традиционных воинских построений в имперской армии, когда каждая когорта становится своеобразным треугольником повернутым своим острым краем в сторону возможного противника. Подобный строй был особенно хорош для того чтобы ломать вражеские отряды и дробить их войско на части, не давая воинам объединяться и согласовывать свои действия. Для степной кавалерии, которая наступает единой лавой, но каждый воин при этом сражается сам за себя, подобная тактика будет самым оптимальным решением.

Войско варваров, подбадривая себя неистовыми боевыми воплями, пошло в атаку, на скаку стреляя по порядкам легиона из луков и немногочисленных арбалетов. В ответ со стороны имперцев вынесся настоящий дождь из тяжелых пилумов и арбалетных бельтов. Обоюдный перестрел оказался гораздо более эффективным для аррексийцев, нежели для их противников. Защищенные лишь кожаными доспехами и небольшими легкими конными щитами варвары падали мертвыми намного чаще нежели закованные в панцири легионеры, гигантские щиты которых вдобавок скрывали их чуть ли не целиком.

Наконец войска сшиблись. Кавалерия степняков стремилась с наскока рассечь армию Красса на несколько частей и обратить в бегство. Однако у них ничего не вышло. Опытные рубаки девятого как раз и были обучены биться именно против подобных приемов, и в отличие от зеленых сопливых новобранцев их практически невозможно было взять на испуг. Конница варваров завязла среди железных порядков легиона в страшной тесноте ближнего боя, который как раз таки был более выгоден тяжелой пехоте, а не всадникам.

Грозные военные пики легионеров мерно вздымались, стремительными мощными ударами ссаживая варваров с коней и порой пробивая их полуголые тела насквозь. Короткие гладиусы практически не использовались, благо именно плотная нерушимая стена копий была самым эффективным средством против любой кавалерии. Боевая машина легиона мерно и неостановимо вершила свою кровавую работу, без особой злости и азарта, а скорее просто в силу жестокой необходимости. Клиньевой строй легионеров сполна оправдал себя, в очередной раз подтвердив военный гений Этия Красса. Армия варваров оказалась рассечена на отдельные отряды, которые теперь сражались каждый сам за себя, стремясь туго выжить любой ценой и уже и не помышляя ни о какой тактике.

Имперцы же тем временем, пользуясь собственным численным превосходством, совершили глубокий охват вражеского войска по обоим флангам, окончательно разрушая его целостность. Степняки сражались не щадя себя, рубя легионеров поверх щитов, и нередко посылали коней в гибельный разбег, совершая отчаянные прыжки с лошадиных спин и своими телами бросаясь прямо на имперские копья, стремясь пусть даже и ценой собственной жизни, но вырвать ускользающую победу. За их спинами лежали их стойбища, и посему даже теперь, оказавшись в столь невыгодном для себя положении, они и не

помышляли об отступлении.

Битва была долгой и жестокой. Отважные степняки бились до последнего, сумев положить треть легиона, но железная выучка аррексийцев и безупречный расчет их командира все же оказались сильнее их безумной отваги и звериной ярости, и войско варваров оказалось полностью разгромлено. Практически все его воины погибли на этом поле битвы, и лишь жалкой горстке удалось вырваться из окружения и уйти в степь.

* * *

— Мы опоздали. — Антоний недовольно скривился, глядя на военный лагерь девятого легиона разбитый неподалеку от месса разыгравшегося сражения. Варвары оказались достойными соперниками, и теперь солдатам Аррексии был нужен отдых.

— Ваше Высочество. — К сопровождавшему принца отряду приблизился худощавый пожилой легионер с бляхой центуриона. — Добро пожаловать. К сожалению командующий Этий Красс нездоров и не может приветствовать вас лично. От его лица приношу Вашему Высочеству глубочайшие извинения. — Легионер низко поклонился кесариону.

— Что с твоим господином. — Недовольно скривился Эльзикс.

— Гемикрания, (мигрень) господин. — Нахмурился центурион. — Эта хворь уже давно мучает командующего, ведь он далеко немолод.

— Где он сейчас?

— В своем шатре. Но он очень плох, господин. Иначе он ни за что не осмелился бы пренебречь вашим визитом.

— Ладно оставим это пока. Ты дашь мне отчет. Как прошла битва?

— Превосходно, Ваше Высочество. Варвары разбиты наголову. Наши войска понесли ощутимые потери, но воины полны огня и жажды боя.

— Это хорошо. — Одобрительно кивнул принц. — Я так понимаю, кочевники защищали свои стойбища. Я хочу, чтобы эти псы осмелившиеся бросить вызов нашему могуществу были истреблены до последнего человека. Пусть твои люди будут готовы выступить завтра на рассвете. — Губы принца искривила усмешка. — Надеюсь, к тому времени твой господин сумеет оправиться от своего недуга.

* * *

Этий Красс болезненно сморщился, силясь унять разыгравшуюся головную боль. Вот опять уже в который раз проклятая болезнь запускает в него свои ядовитые когти, и он ничего толком не может ей противопоставить. Даже гитанские лекари, признанные мастера и искусники в своем деле, мало чем могли ему помочь. Разве что лишь немного облегчить страдания.

Старший центурион тяжело поднялся со своего ложа и дрожащей рукой нашарил походную флягу с разбавленным водой красным виноградным вином, сделав жадный, судорожный глоток. Нужно было как можно скорее завершить этот проклятый поход, а затем с чистой совестью уйти в отставку. В конце концов он получил что хотел. Варвары разбиты, а больше империи воевать попросту не с кем. Мечи, конечно, грозные противники,

но они никогда не решатся на большую войну. Впрочем, как и Аррексия. Оба колосса слишком хорошо понимают, чем именно закончится для них подобное противостояние. Вволю напившись, Этий Красс вновь с удовольствием откинулся на ложе. Боль слегка отступила, хотя и продолжала нет-нет да и напоминать о себе. Похоже, это был действительно его последний поход...

Внезапно у входа в шатер возникла гигантская тень.

— Кто там еще... — Недовольно проворчал командующий. — Я же приказал никого не... — И осекся на полуслове. Его шею стиснули огромные железные пальцы, не давая вдохнуть. Этий Красс никогда не был слабаком, но напавший на него намного превосходил силой обычного воина. Даже в лучшие свои годы старший центурион вряд ли сумел бы справиться с ним. Теперь же... Через несколько мгновений все было кончено. Обмякшее тело командующего неподвижно лежало на устланном медвежьими шкурами ложе, а его убийца, убедившись, что дело сделано, неслышно также как и появился покинул шатер, бесследно растаяв в ночи.

Глава десятая

Император

— Наконец то, твердые стены... — Эльзикс блаженно откинулся на роскошном парчовом кресле, с удовольствием вытянув усталые ноги. — Должен сказать, эти варвары оказались совершеннейшими трусами. Вот уж не думал, что война на самом деле так скучна и утомительна.

После скоропостижной кончины Этия Красса принц тут же принял на себя командование и приказал теперь уже своей армии идти дальше в степь, чтобы вырезать поселения разгромленных варваров подчистую. Однако его надежды не оправдались. Легкие на подъем кочевники, едва узнали, что их войско потерпело поражение, тут же снялись со своих стоянок и ушли в дальние кочевья. Легионеры, большинство из которых были преимущественно пехотинцами, при всем желании не могли долго их преследовать на враждебной территории, и в итоге после трех дней бесцельных блужданий аррексион нехотя приказал армии возвращаться назад в империю.

В конце концов цель похода была полностью достигнута. Степняки получили жестокий урок и вряд ли в обозримом будущем решатся покуситься на земли священной Аррекции. И это должно было как следует отпраздновать.

— Я решил устроить пир в честь нашей победы и твоего почившего наставника. — Голос кесариона вернул задумавшегося Угля в реальный мир. Ныне они вновь находились в Орроу во дворце градоправителя, что окончательно убедило гиганта, что он воистину связан с этим местом некими незримыми, невидимыми для смертного мистическими узами. — Надеюсь, его смерть не сильно огорчила тебя?

— Этий Красс был мне как отец. — Опустил голову богатырь. — Но на все воля Всеединоного. Рано или поздно наш путь здесь заканчивается. Так было, есть и будет всегда, мы не в силах изменить предначертанного нам свыше. Нет, господин, со мной не будет никаких проблем.

— Я в этом и не сомневаюсь. — Жестоко усмехнулся Эльзикс. — Потому что если они все же возникнут, ты тут же присоединишься к своему учителю. Однако ты чересчур умен для обычного убийцы-шпиона. Подозрительно умен...

— Я такой сколько себя помню, ваше высочество. Люди сызмальства ненавидели и боялись меня, принимая за выходца из ада. Мне в свое время пришлось очень постараться чтобы выжить.

— Мой венценосный отец говорит, что трудности и страдания — наилучшие учителя из всех возможных. Получается, тебе следует поблагодарить Всевышнего за подобную судьбу. — Глаза кесариона смеялись. — Возможно за твои беды тебе однажды и воздастся там в его чертогах. Хотя признаться, я мало верю во все эти байки... что, удивлен? Ты хочешь спросить меня, во что я по настоящему верю? Ну же, не робей!

— Если на то будет воля Вашего Высочества...

— Вот в это. — Эльзикс провел рукой по своему дорогому кинжалу из лучшей имперской стали. — И в это. — В руке принца появилась крупная золотая монета с чеканным профилем немолодого волевого мужчины с хищным вытянутым лицом. — Причем, в последнее я верю гораздо больше. Рука держащая клинок может и дрогнуть. А золото... золото всегда приносит нужный результат. Нет ни одного человека, который

устоял бы перед его властью.

— Степняки бы с вами не согласились. — Осторожно произнес Уголь.

— И где они теперь? — брезгливо скривился аррексион. — Кормят червей в своих степях, а мы с тобой здесь пьем дорогое вино и наслаждаемся жизнью. Да и потом даже среди этих гордецов немало тех, кто с радостью продает своих соплеменников за звонкую монету. Запомни, в этом мире нет ничего сильнее золота. Рано или поздно этот презренный металл овладевает помыслами любого даже самого с виду верного и несгибаемого человека, и он готов сделать ради него все... — На молодом холеном лице принца внезапно отразилась невыносимая горечь и усталость. — Золото сильнее всего. Оно в конечном счете и правит всем.

* * *

Пир по случаю победы над степняками затянулся на неделю. Принц все это время практически беспробудно пил, вставая лишь к обеду и развлекаясь всю ночь напролет. Гвардейцы, которых обычно не допускали на пиры для знати, тем не менее также сполна вознаграждали себя за долгие дни похода и воздержания в многочисленных городских кабаках и домах терпимости, но под бдительным присмотром сурового Угля все же были вынуждены находить время и для ежедневных тренировок.

Так продолжалось до тех пор, пока прибывший из столицы гонец не принес весть о том, что принца вызывает к себе в Геор его венценосный отец. Получив сие послание, Эльзикс, едва придя в себя после очередной попойки, тут же приказал не мешкая готовиться к отбытию. Император Валериан был не тем человеком, чьим приказом можно было пренебречь, пусть даже ты и являешься его единственным сыном и наследником.

И уже на следующий день отряд принца тронулся в обратный путь. Всего в его эскорте ныне насчитывалась целая сотня отборных воинов из числа тех, кто должен был восполнить ряды его личной гвардии изрядно сокращенной в числе отважными людьми Гарона. Конечно, такой заочный набор был лишь временной мерой продиктованной жестокой необходимостью. После большинство потенциальных кандидатов наверняка отсеется, благо желающих попасть в сию воинскую элиту по всей империи было хоть отбавляй, однако на первое время сойдет и так. Тем паче, что, как показала практика, путешествовать малым отрядом по землям Аррекции было отнюдь небезопасно даже для членов императорской семьи.

Ехали верхами как и в прошлый раз, окружив карету принца сплошным плотным кольцом. К слову сказать, последнюю в тот самый злополучный день пришлось оставить, благо у Эльзикса тогда осталось слишком мало людей чтобы без нужды задерживаться на опасном тракте, но после высланный градоправителем Орроу специальный отряд разыскал ее на месте разыгравшейся битвы и вернул прежнему владельцу.

Путь до Геора был неблизкий. Даже для самых быстрых всадников он занимал никак не меньше месяца, а уж зная всю капризную и изнеженную натуру принца и его хроническую нелюбовь к любого рода трудностям, этот поход явно обещал стать намного более долгим.

* * *

Как впоследствии оказалось, сии расчеты полностью оправдались. Отряд аррексии, хотя весь путь и прошел без особых происшествий, достиг столицы лишь к середине зимы. Уголь недобро нахмурился, незаметно покачав головой. Столица Аррексии, славный Геор специально была создана для того чтобы поражать каждого вновь прибывшего своей почти помпезной монументальностью и ошеломляющим великолепием. Ее ослепительно белые мраморные стены вздымались более чем на сотню метров ввысь и были невероятной толщины. Согласно летописям сей город строился пять лет кряду, и для этого сюда согнали рабов со всех концов необъятной империи, а чтобы получить столь гигантское количество мрамора были полностью истощены три крупных рудника, приносившие Аррексии весьма и весьма солидный доход.

Геор был древним городом имевшим богатую многовековую историю, но лишь чуть более столетия назад он стал тем чем стал. Воплощенным символом мощи и нерушимости великой Аррексии. Ее сердцем и средоточием. Циклопические главные ворота целиком сработанные из железа были настолько огромны, что, казалось, будто их сотворили неведомые великаны для нужд себе подобных. Глядя на все это, Уголь именно сейчас как никогда ранее отчетливо осознал, что те, кто построил все это, являлись воистину грозными, почти неодолимыми противниками.

Тем не менее вид столичных красот лишь еще больше разжег его ненависть и подстегнул к осуществлению собственного плана. Сейчас, когда он зашел столь далеко, было уже слишком поздно отступать. Отряд принца въехал в город через специальные малые врата врезынные прямо вовнутрь больших. Главные же распахивались лишь в особых случаях. Например в случае триумфальной победы того или иного полководца или большого праздника. Но хотя Эльзикс и завершил большой поход против варваров полным успехом и формально был достоин триумфа, император из своих личных источников уже получил донесение о том, кто именно одержал победу над степняками, и посему не посчитал своего сына достойным сей чести.

Императорский дворец был вполне под стать внешнему облику столицы, искря золоченым фасадом в свете тусклого зимнего солнца. Уголь зябко поежился, кутаясь в теплый волчий меховой полушубок. Здесь на севере холода были намного более ощутимыми, и организм богатыря еще не вполне освоился в новом для себя климате. На входе во дворец неподвижно застыли могучие белокурые воители в бело-золотых доспехах с массивными бердышами наперевес.

Знаменитые гимнеты, краса и гордость стольного Геора. Избранная дворцовая стража, в которой традиционно служили лишь рослые светловолосые воины из семей потомственных гимнетов, которые уже несколько веков передавали свое дело от отца к сыну. Именно им принадлежала честь охранять и саму священную особу императора, который ныне неподвижно восседал на величественном пурпурном троне расположенном в главном дворцовом зале.

Император Валериан оказался седым худощавым мужем с короткой аккуратной бородкой и абсолютно непроницаемыми темными глазами. Кесарь не обладал особо мощной выдающейся комплекцией, но хорошо знавшие его ни капли не обольщались на сей счет. Валериан небезосновательно слыл очень жестким и сильным правителем. Однако при всем при том он не был тираном и умел как сурово карать, так и щедро вознаграждать тех, кто был того достоин. К тому же аррекс не был склонен и к излишней жестокости и мстительности и являлся смелым и решительным человеком, чем заслужил уважение даже

среди своих врагов.

— Докладывай. — Холодно обратился венценосец к непривычно робкому и молчаливому Эльзиксу.

— Ваше Величество. — Принц отвесил своему отцу почтительный поклон. — Как вы и приказывали, варвары разбиты. Теперь они нескоро осмелятся сунуться в наши земли.

— Как именно проходила кампания? — выражение лица аррекса ни капли не изменилось.

— Я толком не знаю... — замялся принц. — Мы прибыли, когда уже все завершилось... Но Этий Красс справился со своей задачей на ура. Очень жаль, что его болезнь в итоге оказалась сильнее его.

— О кончине Красса мне ведомо. — Кивнул головой император. — Я слышал, твой отряд был атакован разбойниками.

— Это так. — Вновь поклонился Эльзикс. — Они застигли нас врасплох и положили почти всю мою охрану. Но в самый разгар боя нам подоспела подмога в лице этого воина. — Принц указал на почтительно стоявшего за его спиной Угля. — Он в одиночку сумел решить исход противостояния и спас мне жизнь. И еще он утверждает что был человеком Этия Красса.

— Вот как? — на лице императора промелькнул вялый интерес. — Что ж, это весьма похвально. Думаю, ты не останешься в долгу и вознаградишь его как должно.

— Не сомневайтесь, отец. Так и будет. — Почтительно склонил голову аррексион.

— Что ж, все завершилось благополучно, и это к лучшему. — Подытожил Валериан. — Если у тебя все, то не смею более задерживать ни тебя, ни твоих воинов. Смойте с себя дорожную грязь и как следует отдохните. После поговорим о вашей дальнейшей судьбе.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

* * *

Уголь устало откинулся на ложе. Денек сегодня выдался жаркий. Проходили посвящение новобранцы в гвардию принца. Не то заочное, которое имело место быть в Орроу три месяца тому назад, а настоящее, когда прошедшие суровый отбор стражи на всю жизнь давали клятву верности монаршей династии и лично принцу Эльзиксу. Освободить от нее их мог либо император, либо сам аррексион, но подобное случалось крайне редко и лишь в виде исключения. В иных случаях только смерть могла даровать свободу воину по каким-либо причинам пожелавшему оставить свою службу, к слову сказать, самую престижную из всех возможных в Аррекции.

Лишь гимнеты стояли чуть выше, но они вообще считались за образец, и кроме того в дворцовую охрану совершенно невозможно было попасть случайному человеку. Всего несколько сотен семей во всей империи имели право поставлять туда кандидатов, да и то принадлежность к ним отнюдь не являлось стопроцентной гарантией одобрения.

Эльзикс сдержал свое обещание. По его приказу с нового командира его гвардии сняли мерки, и в рекордно короткие сроки лучшие оружейники империи сработали для него полный панцирный доспех из лучшей вороненой стали. Так Уголь приобрел двойную защиту и превратился в самую настоящую боевую башню практически неуязвимую для обычного оружия. Надо сказать, скучать ему не приходилось. Должность центуриона гвардии налагала

на него огромное количество обязанностей, но парень справлялся с ними на ура. Он проявил такое недюжинное усердие на этом поприще, что даже Антоний по понятным причинам откровенно недолголюбивавший богатыря признал, что тот вполне достоин того места, которое ныне занимает.

Остальные гвардейцы дружеских чувств к своему новому командиру также не питали. Благо помимо своей, мягко говоря, весьма специфической внешности он оказался на редкость суровым и требовательным и действительно не давал солдатам скучать. Однако с приказом принца не поспоришь, и гвардейцы вынуждено смирились и постепенно привыкли к богатырю, а потом и вовсе даже стали втихую гордиться тем, что их тренирует едва ли не первый клинок империи, благо равных ему во владении оружием не нашлось даже среди гимнетов и императорской гвардии. Аррекс как и его отпрыск любивший показательные бои гвардии не раз выставлял Угля против лучших своих бойцов. И всегда тот выходил из них победителем.

Сурова была служба в гвардии, однако и награда была соответствующей. Например, комната, в которой жил новоиспеченный центурион, по сути мало чем отличалась от покоев знатных патрициев, хотя вроде бы ныне и сам Уголь входил в эту касту, однако не знал наверняка, ибо Эльзикс не счел нужным просвещать его в этом вопросе, а сам богатырь не рискнул спрашивать об этом в лоб, полагая, что еще не время. Ведь если принцу его вопрос покажется чересчур дерзким, он рискует потерять его доверие, и тогда осуществить собственный план будет крайне сложно, если вообще возможно. В комнатах поменьше жили десятники, ну а рядовые воины довольствовались малыми казармами по пять человек, которые, впрочем, также были намного чище и гораздо более богато обставлены нежели в иных частях.

Видно судьба действительно играла на его стороне. Дерзкий почти невыполнимый план Угля мало помалу начинал воплощаться в жизнь. Его заметили. Не раз и не два он ловил на себе пристальные заинтересованные взгляды самого императора, но продолжал держаться подчеркнуто тихо и скромно. Ведь госпожа фортуна дама крайне капризная. Ее ни в коем случае нельзя было спугнуть.

А сегодня ему предстояло еще одно испытание. Ныне вечером он должен был биться в поединке не с кем-нибудь, а со знаменитым Марком Драком, легатом императорской гвардии почитавшимся первым мечом Аррексии.

Передохнув пару часов, Уголь одним гибким движением, которое было трудно ожидать от человека его комплекции, поднялся с ложа, глянул на массивные песочные часы стояще у изголовья и направился в императорский дворец. Он прибыл как раз вовремя. Знать уже почти в полном составе собралась в главном зале, с нетерпением ожидая предстоящего поединка.

Наконец, двери во внутренний покой распахнулись, и в зал вошел аррекс в сопровождении своих телохранителей. Их возглавлял крупный коротко стриженный мужчина средних лет с перебитым носом в вороненых латах императорской гвардии. В отличие от гимнетов и охраны принца гвардейцы аррекса считались полноценным воинским подразделением и нередко участвовали в битвах наравне с прочими легионами. По сути их задачей являлась охрана столицы и прилежащих окрестностей. Также по совместительству они выполняли и полицейские функции.

Присутствующие тут же низко склонились перед владыкой Аррексии. Тот в свою очередь поприветствовал их небрежным кивком и взошел на трон.

— Итак, если все в сборе, мы пожалуй, начнем. — Кивнул он богато одетому распорядителю.

— Знатные мужи и матроны! — воскликнул церемониймейстер, поклонившись императору. — Мы собрались здесь, чтобы узреть битву титанов! Доселе непревзойденный боец, коего вы все хорошо знаете, фаворит императора и любимец женщин Марк Драк против темной лошадки. Против того, кого многие считают выходцем из преисподний. Против чудовищного монстра невероятной силы и свирепости по имени Уголь! Да начнется битва!

По знаку распорядителя бойцы вышли в центр зала. Здесь было достаточно просторно для проведения поединка без риска задеть и искалечить кого-нибудь из зрителей, кои расположились возле стен. Уголь был облачен в полный доспех и сжимал свой верный двуручник. Его противник был вооружен круглым щитом легионера и средним копьем с длинным обоюдоострым наконечником, подобное оружие было весьма и весьма эффективным в пешем бою. К тому же на его поясе висел короткий кривой клинок в качестве запасного вооружения. У Угля же помимо меча был лишь длинный кинжал, но это его ни капли не волновало. Если все пройдет по плану, никакого иного оружия ему не потребуется.

Соперники начали медленно сходиться. Драк атаковал первым, нанеся богатырю серию стремительных множественных ударов с поистине змеиной ловкостью. Тот парировал, вынужденно отступая. Молниеносные копейные выпады пару раз задели его грудь, но тяжелый доспех с легкостью отразил вражеское лезвие. Ответная атака Угля должна была лишить Марка его щита, однако тот в самый последний момент успел повернуть его, погасив силу удара и отведя клинок противника в сторону. Следующий выпад гиганта он пропустил над головой и резко уйдя вниз, врезал щитом по колену хромой ноги исполина.

Уголь взрыкнул и припал на одно колено, копье Драка тут же устремилось к его лицу, но было перехвачено в воздухе могучей рукой гиганта и вырвано из рук командира гвардии. Марк Драк тут же попытался разорвать дистанцию и выхватить короткий меч, однако исполин ловко подсек его ноги древком трофейного копья и приставил острие пики к горлу растянувшегося на мраморном полу легата.

— Достаточно! — прогремел Валериан, медленно поднимаясь с трона. — Победитель известен! Это Уголь! Приветствуйте нового чемпиона! И ты, Драк, поприветствуй его, не сожалея о поражении. В конце концов — на губах императора промелькнула слабая улыбка — все когда-нибудь бывает в первый раз.

Тронный зал взорвался овациями в честь нового чемпиона, и облаченная в белую тунику ослепительно красивая гетера поднесла ему серебряный кубок победителя. Гигант под одобрительные возгласы присутствующих залпом осушил его до дна и поднял над головой, тем самым обозначая свою победу. Затем был пир в его честь затянувшийся до глубокой ночи, и лишь под утро сонный и хмельной исполин, наконец, сумел добраться до своих покоев.

Похоже, все складывалось именно так как он и желал. Его популярность растет, а значит растет и его влияние. Вскоре он станет достаточно силен чтобы исполнить задуманное. Занятый своими мыслями, Уголь сам не заметил как уснул, не подозревая, что вскоре произойдет нечто, что перевернет не только его судьбу, но и судьбы всех без исключения жителей империи.

Глава одиннадцатая

Империя Мечей

Весть грянула как гром среди ясного неба. То чего не могло произойти ни при каких обстоятельствах, но чего подспудно опасались все без исключения аррексийцы невзирая на звания и сословия, все же случилось. Грозная и загадочная империя Мечей объявила Аррекции войну. Ее войска перешли границу западного соседа и дочиста разорили несколько весьма крупных городов и продолжали методично вырезать аррексийцев и угонять их в рабство. Тамошние легионы не сумели остановить нашествие людей востока и, понеся ощутимые потери, в спешном порядке отошли вглубь империи для того чтобы перегруппировать силы и выработать новую тактику.

Император Валериан отреагировал мгновенно. Тут же были посланы гонцы во все концы необъятной империи со срочным приказом всем легионам ускоренным маршем выступить на восточную границу. Центральные военные части собирались в столице для совместного похода, который великий аррекс возглавит лично, чтобы раз и навсегда положить конец зверствам проклятых иноземцев.

Аррекция замерла в напряженном ожидании. Ее жители издревле привыкли считать себя превыше всего остального мира, однако Мечи ничуть не уступали им ни в мощи, ни в гордыне. На сей счет не возникало иллюзий даже у самых отъявленных глупцов. Чем бы не закончилось это противостояние, оно будет донельзя страшным и кровопролитным и наверняка унесет с собой десятки если не сотни тысяч жизней с обеих сторон.

Всю вторую половину дня Уголь носился как одержимый, раздавая приказы своим людям. Валериан не желал, чтобы его сын рос неженкой, и посему несмотря на риск потерять единственного наследника включил его и его отряд в число собственной армии. И теперь центуриону требовалось как можно скорее подготовить пять десятков гвардейцев к длительному походу. Война по всем признакам обещает стать долгой. И та, и другая сторона отнюдь не страдали недостатком сил и упорства. К тому же сейчас самый разгар весны, до зимних холодов еще очень и очень далеко. Самое подходящее время для кампании, и военачальники Мечей, среди которых, если хотя бы половина того что говорят об их императоре соответствует действительности, вряд ли сыщутся дураки, не могут этого не понимать.

* * *

Аррексийская армия собралась в столице аккурат через неделю и тут же не мешкая выступила на восток. Нужно было как можно скорее перехватить врага, пока он не наделал в их землях по настоящему больших бед. Шли ускоренным маршем, по сути бросив обозы артиллерии и фуража, которые должны были подоспеть после. Провиант несли на себе и восполняли запасы прямо в дороге в прилежащих деревнях, до кучи набирая в них добровольцев для ополчения и еще больше тем самым увеличивая собственное число. В ополчение шли с охотой, благо император обещал щедрое жалование с перспективой зачисления наиболее достойных в регулярные части. Принудительно никого не забирали. Знать прекрасно понимала что таким образом может спровоцировать бунт среди черни и не

желала рисковать. Ведь в случае поражения империи Мечи не пощадят никого, ибо не принадлежащих к их странной желтокожей расе те попросту не считали за людей.

Продовольствия пока также имелось в избытке. Аррекция была богатой страной, и ее жители даже из числа плебса преимущественно жили хорошо и не ведали нужды. Многие простолюдины даже имели рабов в своей собственности. Невольники, к слову сказать, также были отнюдь не редкими гостями в ополчении, ибо по законам империи в военное время любой раб имел право кровью выкупить свою свободу, став солдатом, и его хозяин не мог ему этого запретить.

Громадное трехсоттысячное войско растянулось на многие лиги, и это были лишь центральные части несокрушимой аррексийской армии. Восточные ныне из последних сил сдерживали врага, не давая им проникнуть в глубинные области империи. Западные же двигались в том же направлении чтобы соединиться с аррексом у великой реки Си, бывшей основной водной артерией государства.

Несмотря на спешку обе армии достигли исходной точки лишь к середине лета. К тому времени Мечи razорили практически все восточное приграничье и теперь собирали силы подле переправы чтобы в едином генеральном сражении окончательно решить исход войны. Войско аррекса всеми силами старалось не допустить этого и встретить врага у реки чтобы занять заведомо более выигрышную позицию, однако имперцы опоздали. К тому времени как они прибыли, их противники уже практически закончили переброску солдат на противоположный берег. А, значит, здесь в условиях равнинной степи преимуществ не будет ни у кого. Бой будет равным.

Аррексийцы не мешкая начали строиться плотными фалангами, спеша по максимуму использовать вынужденную задержку противника. Гигантское пятисоттысячное превосходно вооруженное войско. Целых двенадцать легионов плюс многочисленное ополчение и восемьдесят тысяч конницы. Казалось, что могло противостоять подобной силе? Однако империя Мечей недаром славилась своей чудовищной многолюдностью и сумела привести на это поле боя аж полтора миллиона воинов, что было в три раза больше нежели у их соперников. Столь крупных баталий не случалось в мире уже несколько столетий.

Имперцы хладнокровно ждали наступления, сосредоточив свои основные силы по центру. Фланги были отданы ополчению и коннице. Уголь вместе с принцем и императором находился несколько позади основной линии бойцов в составе резерва. Валериан несмотря на всю свою храбрость отнюдь не был глупцом и не желал рисковать понапрасну. Наконец чудовищный темный вал вражеской силы дрогнул и медленно, но неотвратно пошел в атаку. Мечи традиционно не жаловали тяжелых доспехов, однако подобно имперцам имели на вооружении широкие щиты и длинные копья. Можно было даже сказать, что их армия была чем-то средним между железными легионами Аррекции и могучей вольницей великой южной степи.

— Щиты наверх! — рывкнули дюжие громкоголосые десятники при виде настоящего темного урагана, который вынесся из бесчисленных рядов желтокожих узкоглазых воителей. Густой словно удушливый черный дым лесного пожара рой жалящих колючих стрел дробно застучал по щитам легионеров, нет-нет, да и находя дорожку к вожденной живой плоти. Ополчению приходилось и того хуже. Одеты лишь в кожаную бронь преимущественно с легкими наспех сбитыми тонкими деревянными щитами, они валились на землю намного чаще солдат регулярных частей.

Ответ не заставил себя ждать. С оглушительными боевыми воплями в сторону врага полетели грозные тяжелые пилумы, знаменитое «приветствие» аррексийских легионов. Приветствие, после которого у большинства их противников сразу и напрочь отпадала всякая охота продолжать битву. Конница как и ополченцы не отставала от своих товарищей по оружию, осыпая Мечей градом стрел и арбалетных бельтов. Среди наступавших упало множество тел. Но гигантскую пешую лаву сегодня невозможно было остановить одними стрелами.

С воинственными гортанными криками воины востока, прямо на бегу воздвигая сплошную стену копий и щитов, сшиблись с ополчением мало обученным сражаться в едином строю. Разница в выучке тут же не замедлила сказаться. Худощавые низкорослые Мечи несмотря на худосочную комплекцию оказались верткими как выюны и сильными словно дьяволы. Их более короткие по сравнению с аррексийскими копья мелькали темными жалящими змеями, то и дело забирая жизнь кого-нибудь из воинов. Практически бездоспешные вчерашние виллане и ремесленники были для них идеальными мишенями.

Регулярные части империи Мечей были облачены преимущественно в боевую черную кожу с нашитыми на нее тонкими стальными и костяными бляхами. Не было только деревянных. Доспехи усиленные деревом считались на востоке уделов крестьян, вчерашних мирян угодников. Истинному воину носить их считалось зазорным.

Ополченцы имевшие на вооружении вилы и дреколье мало что могли им противопоставить, однако из-за их спин в Мечей продолжали лететь стрелы, собиравшие с людей востока весьма и весьма обильную жатву. К тому же, как оказалось, большинство вражеских бойцов также были вчерашними крестьянами. Эти и вовсе довольствовались длиннополыми рубахами из плотной грубой ткани преимущественно серых и коричневых тонов. На востоке все так или иначе умели сражаться, ибо там царил самый настоящий культ Меча. Воинское искусство издревле являлось их богом и предметом поклонения. Однако ловкие в одиночных схватках единоборцы не особенно хорошо умели действовать сообща. Эти в основном обрушились на фланги, стремясь тупо смять аррексийцев своей чудовищной многочисленностью. Однако имперцы пока держались, не давая Мечам рассеять их порядки.

Ополчение востока было вооружено кто чем. Устрашающие серпы и боевые цепи, обитые железом посохи и стальные шары на массивных цепях, вот лишь то небольшое, что посчастливилось узреть их противникам, многим из них, к слову сказать, уже посмертно. К тому же тактика боя востока существенно отличалась от западной. Один из воинов в длиннополой серой рубахе, худой настолько, что было непонятно, как он вообще стоит на ногах, ловко уклонившись от копейного выпада, вдруг кинулся под ноги одного из легионеров и резко выпрямился, легко бросив здорового, весящего как минимум раза в полтора больше него парня через себя прямо на волну атакующих.

Храбреца тут же пронзило сразу несколько копий, но свое дело он сделал. В открывшийся зазор тут же ринулись его товарищи. И подобный случай был далеко не единичным. Бесстрашные желтокожие воины волчком вертелись подле имперских порядков, норовя отыскать слабое звено и выдернуть зазевавшегося бойца из плотных вражеских рядов. И если оное все же удавалось, Мечи тут же остервенело бросались в образовавшуюся брешь, совершенно не думая о собственной жизни.

И подобная тактика, наконец, возымела эффект. Правый фланг имперцев посыпался. Ополченцы дрогнули и побежали, едва не опрокинув собственную кавалерию, однако бывшие начеку всадники сумели вовремя отойти и продолжить осыпать врага арбалетными

залпами с дальней дистанции. Их тоже изрядно потрепало, но потомственные патриции, ибо иные в коннице попросту не служили, не могли ударить в грязь лицом в присутствии своего императора и потому теперь старались как могли, стремясь всеми силами выправить положение.

Осознав, что его войско на грани поражения, Валериан приказал вступить в битву знаменитому Первому легиону оставленному позади в качестве резерва. Ветераны молча и неотвратно словно сама смерть пошли в атаку. Этих воинов готовили несколько иначе нежели основные регулярные части. Их копья имели подобно восточным более короткое древко, которое было усилено стальными полосами, отчего его практически невозможно было перерубить, а вспомогательным оружием состоял не традиционный гладий, а страшный копис, жуткий клинок представляющий собой по сути идеально сбалансированный короткий вогнутый серповидный меч с постепенно расширяющимся к концу невероятно острым лезвием, заточенным по внутренней кромке. Из-за его необычной формы сиим клинком при должной сноровке можно было легко пробивать даже тяжелую броню.

Это оружие было настолько грозным, что церковь Всевышнего одно время даже пыталась и вовсе запретить его. Однако все чего им удалось добиться, это изъять его из регулярных частей, оставив копис на откуп элиты, что, впрочем, не стало большой бедой, поскольку это оружие при всей его устрашающей мощи требовало и немалого умения от своего обладателя, в отличие от того же гладия, которым можно было обучиться более менее сносно владеть за весьма короткий срок.

Подобным клинком можно было играючи снимать человеческие головы с плеч и наносить страшные резано-рубленые раны, которые потом очень долго заживали и постоянно гноились, нередко сводя получившего их в могилу. Кроме того сия элита была вооружена еще и дальнобойными арбалетами, из которых стреляла на редкость метко. Страшная слава Первого легиона в итоге полностью оправдала себя. Несколько прицельных арбалетных залпов смешали ряды атакующих правый фланг Мечей, а затем последовал страшный копейный удар.

Первые шеренги воинов востока были сметены в мгновение ока. Сами легионеры практически не понесли потерь. Массивные обшитые сталью треугольные щиты скрывали их почти целиком. К тому же ими было удобно не только отражать вражеские удары, но и наносить ответные, которые нередко проламывали противнику череп или просто сбивали на землю прямо под ноги сражающихся. Что же касается мастерства во владении копьем, то здесь Первый оставлял далеко позади все остальные легионы, среди солдат которых также не было неумех и дилетантов. Наступление Мечей захлебнулось в крови. Из-за их чудовищной многочисленности, когда на передние ряды всюду давят задние, спеша как можно скорее вступить в битву и урвать свою вожаделенную порцию крови и славы, захватчиков не удалось обратить в бегство, однако правый фланг аррексийцев выровнялся, уже не угрожая рухнуть, и был готов продолжать сопротивление.

Однако это был еще не конец. Далеко не все войско противника до сих пор вступило в битву, и теперь командующий вражеской армией решил реализовать это преимущество. Без малого тысяч семьдесят воинов обогнули аррексийское войско с левого фланга и, не обращая внимания на открывшийся вражеский тыл, устремилось к императорскому отряду, стремясь одним ударом обезглавить врага. Уголь выругался сквозь зубы, привычно потянув меч из перевязи. Дела складывались для них хуже некуда.

У Валериана в резерве осталось всего двадцать тысяч воинов, десять из которых были псами господними, из которых три тысячи в свою очередь были тяжелыми рыцарями, и еще десять тысяч личной гвардии. Последние были бойцами очень грозными и вряд ли уступали в этом отношении даже ветеранам Первого, а вот насчет церковников у богатыря имелись очень большие сомнения. По его мнению эти серые шавки умели лишь убивать беззащитных в собственных пыточных застенках. Он бы вообще с огромной радостью давно переметнулся к врагу, если бы не знал, что Мечи люто ненавидят всех представителей иных рас, которые в лучшем случае могли стать их рабами со скотскими, абсолютно невыносимыми условиями жизни даже по меркам этого отнюдь не доброго мира. Гарон, мир его праху, в свое время хорошо просветил его на сей счет.

Нет, предательство пока что было не выходом. Он должен защитить Степь, защитить любой ценой, а победа Мечей в этой войне как раз таки приведет к прямо противоположному исходу. Ведь к гадалке не ходи, как только западная империя будет повержена, взор восточного деспота Ши-Нага, о чудовищной силе и жестокости которого давно уже слагали легенды по всему миру, обратится на юг. Пожалуй, он являлся даже большим злом нежели Аррексия. Благо в отличие от воинов востока даже служители Атона в той или иной степени старались идти с покоренными народами на определенные компромиссы. Уголь невесело усмехнулся. Глядя на то, с какой хладнокровной расчетливостью и одновременно безумной яростью сражаются эти желтокожие воители, а также на их полное презрение к смерти, впору поверить, что они и впрямь рождены для того чтобы однажды покорить весь мир. Они воистину взяли все лучшее от степи и империи заката и соединили в одно...

Семьдесят тысяч конных воинов Мечей остервенело ринулись на императорский отряд. Воины аррекса также не ударили грязь лицом, смело встретив и атаку и схлестнувшись с узкоглазыми пришельцами в чудовищном прямом столкновении на полном скаку. Воздух тут же наполнился дикими воплями и жалобным ржанием. В эпицентре схватки мгновенно образовалась кровавая куча мала. Атака Мечей завязла в страшном ближнем бою. Бушующий лесной пожар останавливают встречным палом, и опытные гвардейцы прекрасно знали, что на поле боя действуют абсолютно те же законы. Теперь они всеми силами старались задержать врага и не дать ему окружить их.

Псы господни вопреки опасениям Угля также не дрогнули и показали себя вполне достойными бойцами, тем паче что среди них находились тяжелые рыцари практически неуязвимые в ближнем бою. С фанатичными воплями они рубили нечестивых язычников, вознося хвалу своему богу, и ныне их вера стала тем, что давало им силы не дрогнуть, сражаясь против самых могучих и свирепых воинов этого мира.

Однако Мечи также были отнюдь не новичками в битвах. Пользуясь своим подавляющим численным перевесом, они медленно, но верно теснили аррексийцев, мало-помалу окружая их порядки. Уголь сражался отчаянно, всюду орудуя своим исполинским двуручником. Его черный жеребец Буйный сам по себе был живым оружием. Он кусал вражеских лошадей и молотил их передними копытами, заставляя их пугаться и сбрасывать своих седоков. К тому же он не забывал и о собственном тыле, не давая приближаться к себе сзади, сокрушительными ударами задних ног проламывая головы юрким хитрым лазутчикам, которые не раз пытались применять против воинов Валериана подобную тактику.

Худые неприметные узкоглазые воители ловко спешили и незаметно подкрадывались к аррексийцам сзади, ссаживая их с лошадей и перерезая горло тонкими

очень острыми стилетами. Уже немало имперцев из числа тех, чьи кони не были столь обученными погибло, вовремя не заметив опасность.

Тем временем кольцо стягивалось все плотнее. Сражение уже почти добралось до находившегося за спинами своих гвардейцев аррекса. Марк Драк, легат имперской гвардии хрипло отдавал приказы, лихо хлеща во все стороны своим знаменитым кописом. Ранее он служил в Первом легионе и не пожелал отказываться от вьевшихся вплоть и кровь за долгие годы привычек. Столкнувшись с очередным врагом, он резко нанес рубящий удар. Тот с непостижимой ловкостью отпрянул, и Драк обратным хлестом перерезал горло клонувшего на уловку Меча. Клинок легата в отличие от традиционных мечей легионеров был обоюдоострым.

К тому моменту псы господни полегли практически все. Лишь рыцари еще худо-бедно сопротивлялись, но хитрые, дьявольски жестокие Мечи не шли с ними в прямое столкновение, а вместо этого подрезали сухожилия их коням и легко добивали упавших скованных тяжелыми латами паладинов, сбивая с них шлемы и перерезая глотки. Дела складывались для аррексийцев совсем плохо. Марк Драк погиб, пронзенный копьем безымянного воина востока, все несравненное боевое умение которого не спасло его от кровавой толчеи битвы, когда смертоносные удары сыплются на бойца разом со всех сторон, и так сложилось, что основной очаг обороны сформировался вокруг Угля. Богатырь по прежнему был жив и, казалось, даже не запыхался. Его несокрушимые доспехи и твердый природный панцирь уберегли его от вражеских клинков, а гигантский меч все с той же мерной неотвратимостью взлетал и падал, рассекая худощавые жилистые тела врагов.

— Ваше Величество, скачите в лес! Оставьте штандарт и скачите в лес! — проревел исполин, разрубив голову очередному всаднику. — Без вас империи конец!

Валериан изумлено вскинул брови, глядя на сплошь залитого вражеской кровью гиганта, но затем все же послушался, и три десятка гимнетов из числа его личной охраны вместе с императором и его сыном галопом понеслись прочь в сторону близлежащей рощи. Захваченные азартом битвы Мечи не сразу заметили бегство вражеского правителя. Несколько десятков всадников запоздало устремились следом, но было уже ясно, что беглецам скорее всего удастся уйти. К тому же императорский штандарт с черным драконом в золотой короне на красном фоне по прежнему гордо реял меж аррексийскими рядами. А значит, еще ничего не было кончено. Битва продолжалась.

От всего двадцатитысячного отряда аррекса осталось едва ли три тысячи. Гвардия продолжала ожесточенно сопротивляться. Псы господни легли все до единого, и Уголь невольно испытал жестокое удовлетворение, глядя на лежащие на земле залитые кровью тела в серых пресвитерских рясах.

— Отступаем к основным силам! — проревел Уголь новый приказ. — Продолжим сопротивление там!

И гвардейцы его послушались. Они прекрасно видели, на что способен в бою этот чудовищный исполин, во многом благодаря которому их до сих пор еще окончательно не разбили. К тому же приказ действительно был толковым. Жизнь аррекса была вне опасности, и им не к чему было теперь погибать. Там среди могучих порядков легионов, которые до сих пор несмотря ни что продолжали сопротивляться, у них появлялся шанс уцелеть. Пусть небольшой шанс, но это было все лучше чем верная смерть здесь на открытом пространстве перед лицом тотально превосходящих вражеских сил. Выжившие всадники неожиданно резко развернули коней и поскакали в тыл собственной армии, отчаянным

криками привлекая внимание легионеров.

Слава богу их услышали. Командиры пеших легионов мгновенно оценили опасность и не мешкая отдали приказ на перестроение. Теперь в сторону вражеской конницы также изрядно потрепанной имперской гвардией грозно смотрели стальные наконечники аррексийских копий. Выжившие гвардейцы на полном скаку домчались до стены легионов и тут же спешили, влившись в ряды пеших солдат и бросив коней на произвол судьбы. Последние отдали все силы, спасая своих наездников и уже не годились для битвы. Углю тоже пришлось расстаться со своим жеребцом, хоть тот и сохранил достаточно сил, будучи выносливым словно демон. Но богатырь был за него спокоен. Буйный был достаточно могучим и сообразительным чтобы уцелеть даже в подобной неразберихе и не дать в чужие руки.

Элемент неожиданности был для Мечей упущен. Армия Валериана оказалась в полном окружении, но несмотря на это ничуть не растеряла присутствия духа. Бойцы империи теперь сражались на два фронта. Они отдали очень много сил и держались на одной лишь воле, но и их противники тоже были порядком измотаны и сражались уже далеко не с тем энтузиазмом что вначале битвы.

Жестокое сражение продолжалось до самого вечера, и лишь когда багровый закат окрасил небо, желтокожие воители, наконец, отступили. Аррексийцы обессилено садились на землю прямо посреди луж крови и трупов и тут же забывались тяжелым сном. Их командиры хотя также были невероятно измотаны кошмарной продолжительной бойней все же нашли в себе силы выставить часовых, прежде чем присоединиться к простым солдатам. Мечи расположились лагерем неподалеку. Они понесли тяжелые потери, и им также требовался отдых, однако никто из сражавшихся ни с той, ни с другой стороны не обманывался на сей счет. Несмотря на всю невероятную стойкость воинов Валериана ничего еще не было решено. К утру битва продолжится.

* * *

На следующее утро, едва рассвело, Мечи вновь пошли в атаку на оцетинившиеся сталью порядки легионов. Имперцы молча ожидали их. Этой ночью бойцы Ши-Нага несколько раз предпринимали ложные атаки на лагерь аррексийцев чтобы деморализовать противника и не дать ему столь необходимого ныне отдыха. Однако несмотря на это солдаты Аррексии все же сумели урвать себе пару-тройку часов короткого беспокойного сна, благо легионерам было не привыкать к подобным переделкам, и они при нужде могли спать даже на ходу во время марша. Войско Валериана потеряла больше половины воинов, но и их соперникам изрядно досталось. У последних потерь было намного больше, однако из-за колоссальной численности армии востока в ней имелось немало частей, которые до сих пор еще даже толком и не вступали в битву.

Вновь страшная сшибка, но в этот раз лица гордых узкоглазых воителей уже не были столь уверенными. За прошедшие сутки аррексийцы заставили их уважать себя. Уголь вновь уцелел и вновь сражался вместе со всеми в строю грозного девятого легиона, отражая удары Мечей подобранным щитом одного из убитых легионеров. Его легат Алерий Секст в отсутствие императора принял командование и теперь могучим хриплым голосом отдавал приказы из-за спин своих воинов. Ополченцы из числа уцелевших тоже ныне встали в ряды

регулярных частей, поскольку последние понесли огромные потери, которые нужно было как-то восполнять. Конницы не осталось совсем. Она оказалась большей частью перебита врагом, а уцелевшие малые отряды предпочли спастись бегством и под покровом темноты оставили поле битвы.

На этот раз биться пришлось практически с самого начала в полном окружении поскольку ночью Мечи совершили глубокий охват аррексийского тыла и флангов. Впрочем, легионеры были обучены отражать и не такие натиски. Ополченцев же поставили в передней линии, наскоро объяснив простейшие азы перестроения. Главным образом уход во вторую и третью линии для краткого отдыха прямо во время битвы. Подобная тактика была донельзя эффективна и вкупе с отработанной до совершенства стеной щитов позволяла легионерам громить наголову намного более превосходящие силы. Конечно, в более сложной ситуации вчерашние крестьяне могли и подвести, потеряться и запутаться в собственных действиях, но с этим уже ничего нельзя было поделать. Как говорится, война без риска не война.

Мечи однако тоже далеко не были новичками в битвах. Уступая в выучке легионам, они вовсю давили их числом, обрушивая на имперцев настоящий ливень из стрел. Однако и те не оставались в долгу, благо благодаря гигантскому количеству убитых с обеих сторон боезапаса у них имелось в избытке. Сей факт вкупе с нежеланием вражеского ополчения сражаться играл аррексийцам на руку и позволял пока худо-бедно держаться против превосходящих вражеских сил.

Осознав, что угодники не приносят должного эффекта, Ши-Наг обрушил на бойцов Валериана свою отборную гвардию. Пятьдесят тысяч конников были вооружены копьями и боевыми бичами с устрашающими лезвиями по всей длине кнута. Эти воины ударили между центром и правым флангом, практически мгновенно разбив войско аррексийцев надвое, и столкнулись с бойцами первого легиона. И здесь желтокожих воителей ждал сюрприз. Легионеры Первого, о которых говорили, будто бы те не боятся даже самого дьявола, вполне оправдали свою репутацию. Своими страшными кописами они подрезали ноги лошадям или попросту сбивали бойцов Ши-Нага с коней могучими ударами щитом, и добивали упавших противников, одним ударом рассекая им глотки и пригвождая копьями к земле.

Конечно гвардейцы восточного деспота не оставались в долгу. Не менее свирепые и обученные они рассекали боевыми бичами лица врагов или вышибали оружие из рук, выворачивая копья и щиты с тем, чтобы боец стал легкой мишенью для их товарищей. К тому же их было намного больше, и лишь плотное построение имперцев, а также тот факт, что у их противников совершенно не было тяжелых доспехов, ныне спасали последних от поражения. Легионеры все еще держались, но их противники мало помалу все же одолевали.

Мечи несли чудовищные потери, продвигаясь вперед, но воинов востока было слишком много, чтобы их можно было остановить усталым измотанным защитникам империи. Они уже практически выбились из сил. Даже двужильный Уголь вынужденно отложил свой верный двуручник и взял более легкий копис, и то в большей степени отражая щитом чужие удары нежели нанося собственные. Рядом столь же молча и ожесточенно бился высокий сильный воин лет сорока с нашивками легата. Алерий Секст никогда не чурался грязной работы и всегда делил со своими солдатами все тяготы и невзгоды военной службы.

Не менее грозными в войске Мечей были и сегуны, пешая гвардия Ши-Нага. Эти воины были вооружены катанами превосходнойковки и имели даже некое подобие тяжелого доспеха из очень прочной и толстой кожи с нашитым на нее внахлест тонкими стальными

пластинами. Именно они шли в арьергарде конных гвардейцев и сумели встать мертвым клином между раздробленными частями аррексийского воинства, не оставив ему ни малейшего шанса восстановить собственную целостность.

Эти воины были настолько могучими и умелыми, что даже оказавшись меж двух огней, практически не несли потерь. Их же собственные клинки с легкостью секли и доспехи, и плоть, практически не встречая сопротивления на своем пути. Углю посчастливилось схватиться с одним из этих бойцов, и тот первым же ударом своего клинка рассек ему щит. Впрочем, богатырь не растерялся, а тупо раскрылся навстречу очередной атаке. Катана бессильно звякнула по темным доспехам, не сумев пробить их, и гигант, перехватив меч опешившего врага свободной рукой, одним ударом кописа раскроил ему череп.

Они бились до самого вечера, и когда уже люди совсем было потеряли надежду, грозно запела боевая труба. Семьдесят тысяч воинов наспех собранных из ополчения и наконец прибывших двух западных легионов, наконец, достигли места сражения и пришли на подмогу своим братьям, обрушившись Мечам в тыл. Последнее стало для них полной неожиданностью. Воители востока уже мысленно праздновали свою победу, и теперь, оказавшись меж молотом и наковальней, они дрогнули.

Войско Мечей обратилось в бегство. Их порядки неуклонно рушились, и командиры Ши-Нага не сумели справиться с людской паникой. Ведь как ни крути, большинство в их войске составляли вчерашние крестьяне не заслужившие право на священную метку костью и металлом. Регулярные части сохранили абсолютное хладнокровие, но помешать бегству угодников уже не сумели и посему стали вынужденно отступать, стремясь минимально сократить собственные потери и не дать имперцам атаковать беглецов в спину.

Так продолжалось до глубокой ночи. В итоге Мечи признали собственное поражение и отступили. У аррексийцев уже не было сил преследовать их. От всего пятисоттысячного войска империи осталось едва ли сто тысяч. Прибывшая подмога также потеряла около половины своих, но при этом сообщая за все два дня отгремевшей чудовищной битвы имперцы сумели положить более миллиона солдат противника. Однако даже с учетом колоссальных потерь оставшиеся в живых воины Ши-Нага превосходили их числом как минимум в пять раз. Фактически это даже не было победой в полном смысле этого слова, хотя формально поле боя осталось за аррексийцами, что давало им немалый повод гордиться собой, учитывая тотальное численное превосходство врагов.

Глава двенадцатая

Состязание

— Докладывай. — Худощавый воитель с жестокими темными глазами облаченный в черный кожаный панцирь с насмешкой глядел на опустившего голову мощного темноволосого мужчину.

— Повелитель. — Отчеканил тот. — По вашему приказу в войсках наведен порядок. Виновные в позорном бегстве казнены. Воины готовы хоть сейчас идти в бой.

— Скажи мне, Миттонг, как так вышло, что армия величайшей в мире империи оказалась остановлена какими-то широкоглазыми бледнокожими отродьями? Те, кто волей самой судьбы должны стать нашими рабами, утерли нос детям Меча... Как ты мне это объяснишь... — Император Ши-Наг рассеянно вынул кривой короткий меч с абсолютно черным поглощающим свет лезвием и осторожно, даже с некоторой нежностью провел им по шее военачальника.

Тот уже открыл было рот чтобы ответить, но внезапно почувствовал, как его голова медленно отделяется от шеи... О знаменитом черном мече императора слагали легенды. Его лезвие было настолько острым, что даже самый тонкий волос, брошенный на него мгновенно распадался надвое. К тому же многие полагали, что клинок пьет жизненные силы своих жертв, даруя своему обладателю вечную молодость. Ши-Нагу было уже далеко за шестьдесят, а он внешне все также оставался зрелым сорокалетним мужем без малейших признаков увядания.

— Жаль, ты служил мне верой и правдой многие годы. Но в моей армии нет места неудачникам. — Констатировал Ши-Наг, равнодушно переступая через обезглавленный труп Миттонга.

Конь военачальника, огромный боевой жеребец бурой масти настороженно косился на императора налитым кровью глазом. Хороший конь, но эта порода специально выведенная степняками за всю жизнь признает лишь одного хозяина. Клинок Ши-Нага превратился в темную размытую полосу, и жеребец рухнул на землю с напрочь отсеченной нижней частью морды, издавая дикий ни на что не похожий чудовищный визг. Воины и слуги стояли, опустив глаза, не смея лишний раз вздохнуть, чувствуя обессиливающий противоестественный ужас перед своим владыкой. Тот же с наслаждением глядел на содрогающееся в агонии животное, не спеша прерывать его мучения. Наконец, ему все же наскучила эта забава, и черный меч одним стремительным взмахом перерезал горло коню, заставив его затихнуть.

— Дэй-Кон! — голос императора резал не хуже клинка. — Ты займешь место Миттонга. Отныне ты мой верховный военачальник. Смотри, не разочаруй меня...

* * *

Уголь устало оперся на каменный парапет, глядя на раскинувшееся внизу темное людское море. Сумев выдержать жесточайшее горнило битвы у реки Си, аррексийские войска в спешном порядке отступили к Иэхру, городу расположенному в нескольких днях пути от места боя. Армия Ши-Нага преследовала их буквально по пятам, но все же имперцы

сумели вовремя достигнуть городских стен и захлопнуть ворота буквально пред самым носом у преследователей. Император Валериан находился там же. Его отряду удалось оторваться от погони, и все его воины, включая и принца, были живы.

Тем не менее дела складывались для аррексийцев не самым лучшим образом. Чуть больше ста тысяч воинов осталось у них против пятисот тысяч Мечей к которым в скором времени должна была подоспеть подмога. У Аррексии в резерве остались лишь три южных легиона которые были нужны для сдерживания степняков, и один северный. Они вскоре должны были прибыть, но эта была капля в море в сравнении с неисчислимыми армдами хищной восточной империи.

Размышления Угля прервал звучный рожок герольда. Возле стен показался небольшой отряд с крупным белым флагом. Мечи вызывали своих противников на переговоры. На стене показался император облаченный в легкий позолоченный доспех в сопровождении вооруженного эскорта.

— Каково ваше послание? — Валериан несмотря на трудность положения держался бодро и был готов и дальше продолжать войну до победного конца.

— Великий Владыка Ши-Наг впечатлен тем, сколь храбро сражались твои воины, и предлагает решить ваш спор в испытании! — посланник довольно сносно говорил на аррексийском хотя и не без акцента.

— О каком испытании ты говоришь?

— Пусть четверо лучших ваших воинов сойдутся с четверыми нашими. Если вы победите, великий Ши-Наг отзовет свою армию.

— А если нет? — прищурился император.

— Вы сдадитесь и признаете власть великого владыки! Подумай, твое войско ничтожно перед неисчислимыми армдами Мечей. Мы можем выставить армию вдвое больше той, что пришла на ваши земли. Император Ши-Наг оказывает тебе великую честь сиим предложением.

— Скажи своему владыке, что мы дадим ответ завтра поутру.

— Хорошо я передам. — Усмехнулся посланец. — Но не советую испытывать терпение Великого. Поверь это плохо для тебя кончится. — С этими словами гонец резко развернул коня и поскакал прочь, следом за ним устремились и его люди.

— Неслыханная дерзость... — Глаза Эльзика гневно сверкнули. — Да кем возомнил себя этот дикарь...

— Помолчи, он прав. — Нахмурился Валериан. — Мы практически обескровлены. Стоит признать, нам толком нечего противопоставить армии Мечей.

— То есть ты примешь его предложение? — в голосе принца сквозило неприкрытое удивление.

— А что нам остается... — Жестко усмехнулся император. — Да и потом как ни крути все это нам только на руку. Если мы одолеем, есть шанс что Ши-Наг уберется с наших земель. А если нет, то что нам помешает послать этого варвара куда подальше и продолжить войну.

— Ты поступишь своим словом...

— Запомни, сын. — Валериан пристально взглянул в глаза принца. — Жизнь империи дороже чести или даже жизни императора. Мечи несут с собой лишь рабство и смерть. Нельзя допустить, чтобы они одержали победу. Мы должны заставить их убраться. Любой ценой. И если для этого мне придется всего лишь нарушить свое слово, я не колеблясь

сделаю это. И пусть после меня судит Всевышний, я свершу что должно...

* * *

На следующее утро гонцы императора прибыли вновь и, получив утвердительный ответ, тут же отправились известить своего владыку. Состязание решено было провести перед главными городскими воротами, благо места для того там вполне хватало. Узкая калитка внутри врат распахнулась, и на ристалище вышло четверо воинов Аррексии. Среди них были Уголь, Антоний, Алерий Секст, а также могучий белокурый витязь в полном доспехе из числа паладинов. Последний то и дело бросал на Угля весьма и весьма красноречивые взгляды, но на открытую ссору не нарывался, понимая, что ныне от слаженности их действий зависело не много не мало будущее мира.

Их противники выглядели гораздо более экзотично. Они не имели доспехов вовсе, будучи облаченными в длинные бесформенные одеяния четырех разных оттенков. Однако несмотря на это Уголь сразу оценил и текучую пластику движений и превосходную ковку смертоносных клинков. Ши-Наг явно не был дураком, так что не стоило обольщаться по поводу легкости будущей схватки.

Войско восточного деспота во главе с ним самим расположилось неподалеку от места проведения боя, не рискуя впрочем соваться на дистанцию боя вражеских луков и арбалетов. По его кивку на середину ристалища вышел герольд облаченный в полный доспех сегуна.

— Готовы? — повернулся он к аррексийцам.

Те утвердительно кивнули.

— Бой! — оглушительно рыкнул герольд, и все четверо Мечей тут же сорвались с места.

Воины Ши-Нага как бы воплощали каждый по одной стихии. Закутанный в оранжевую тогу воитель с двумя длинными кривыми клинками схлестнулся с Алерием. Не добежав до него несколько шагов, он неожиданно резко чиркнул клинками, и они тотчас же занялись багрово-рыжим пламенем. Легат Первого если в первое мгновение и опешил от подобного то быстро взял себя в руки и встретил нападавшего молниеносным копейным выпадом. Меч ловко отвел удар и сам атаковал в ответ, с головокружительной скоростью орудуя своими пылающими клинками распространяющими вокруг себя резкий специфический запах. «Масло» — Тотчас же смекнул Алерий, уходя в глухую оборону. Щуплый желтокожий воитель существенно превосходил его в скорости.

Антонию достался воин похожей комплекции в синем балахоне лихо вращающий тессенами, боевыми стальными веерами с острыми тонкими лепестками. Техника его была не столь яростна, но более тягуча и обманчива. По всей видимости сей воитель представлял стихию воды. Вооруженному огромным щитом и не менее впечатляющим полуторным мечом паладину достался Земля. Этот бритый наголо боец в коричневой хламиде отличался богатырской но притом и невероятно жилистой комплекцией и орудовал тяжеленным боевым цепом. Воину господу несмотря на всю его силу с первых секунд боя с трудом удавалось парировать его могучие атаки.

Уголь настороженно приглядывался к тому, с кем выпала честь сражаться ему самому. Этот худощавый высокий воитель был вооружен длинным гибким копьём с белым древком и сам был облачен в белоснежное одеяние. Воздух, который он воплощал, казалось и вправду взял его под свою опеку, ибо никак иначе объяснить его невероятные финты было попросту

невозможно. Он не только совершал немислимо высокие прыжки, но и умудрялся чуть ли не висеть в воздухе, нанося стремительные удары с самых неожиданных позиций и углов. Богатырь уже пару раз пропустил атаки соперника, но полный доспех пока берег его от ран и увечий.

Тем временем Антоний вконец обескураженный необычной тактикой своего противника совершил ошибку, и острый край тессена глубоко пробороzdил его незащищенное доспехом бедро. Вода торжествующе усмехнулся и завращал своими веерами с удвоенной энергией, спеша добить соперника и помочь своим товарищам. Огню тоже улыбнулась удача, и он сумел перерубить копьё Алерия несмотря на стальные полосы усиления последнего. Тот тут же выхватил копие, прыжком разрывая дистанцию. Уже успевшие погаснуть легкие клинки желтокожего воителя были намного длиннее его меча, и потеря копья сильно осложнила его положение.

Антоний слабел с каждой секундой. Кровь из разорванного бедра и не думала останавливаться. Наконец его руки бессильно опустились, и веер Меча играючи взрезал его горло. Осознав, что они на грани поражения, Уголь в очередной раз с силой взмахнул мечом, парируя удар копья противника и отбрасывая его назад, а затем совершил резкий рывок, неожиданно оказавшись прямо за спиной Огня, и от души полоснул его по ногам. Огонь взвыл, рухнув на колени, и не растерявшийся Алерий одним ударом кописа снял его голову с плеч. Счет выровнялся. Ветер и Вода тут же кинулись на них сообща, и аррексийцы встали спина к спине, отражая новую угрозу. Противники применили к ним новую тактику, принявшись швырять в воинов Валериана стальные звездочки. Одна из них зацепила таки щеку Алерия, но к счастью рана оказалась совсем пустяковой.

Паладин из последних сил отражал бешеный натиск Земли. Тот оказался настолько могуч, что даже обладавший богатырским сложением церковник с трудом держался. Его толстый обитый сталью щит был погнут во многих местах и явно доживал последние минуты, а полуторник воина господня в свою очередь никак не мог зацепить сильного, но притом и донельзя верткого соперника даже самым краешком. В итоге паладин замешкался и пропустил мощнейший удар по шлему железным оголовьем цепа, заставивший его рухнуть на колени. Следующий удар пришелся уже в лицо рыцаря света, в одночасье превратив его в кровавое месиво.

Тем временем Ветер ухитрился распластаться чуть ли не параллельно земле и, избежав слегка запоздалой атаки Угля, вонзил свое копьё прямо под нагрудный панцирь Алерия. Легат сплюнул кровью... и неожиданно резко метнул свой копие прямо в Воду. Тот сумел отразить удар, но немного замешкался, и меч Угля разрубил его наискось несмотря на выставленные для защиты веера. Таким образом Уголь остался один против сразу двоих противников. Те пока не спешили атаковать, обходя богатыря с двух сторон. Положение было невеселым. Оба воина явно превосходят его в подвижности, однако на его стороне грубая мощь. Попробовать сыграть на этом?

Стремительно наклонившись над телом Алерия, он подобрал его щит и швырнул его в сторону Ветра, выигрывая время, а сам, яростно рыкнув, сшибся с Землей обрушив свой клинок на голову воителя. Тот принял вызов и с не меньшей силой ударил цепом в ответ. Оба оружия сшиблись с оглушительным звоном, и Земля не сдержал удар. Меч Угля, зазвенев от гнева, вышиб цеп из рук соперника и глубоко пробороzdил его бритую голову. Звериное чутье тут же заставило Угля метнуться в сторону и нанести сильнейший рубящий удар параллельно земле, и острое копьё Ветра пронеслось в сантиметре от его шеи, а сам

воин неба беззвучно распался на две неравные половины сраженный клинком богатыря. Смертельно раненый Земля еще попытался было подняться на ноги, но очередной удар Угля напрочь снес ему голову с плеч. Бой завершился.

Опешившее в первое мгновение темное море воинов Мечей гневно зарокотало, и Уголь поспешил покинуть ристалище, под прикрытием отряда сопровождения отступив в пределы надежных городских стен. Мечи вопреки ожиданиям их преследовать не стали.

* * *

Воины на стенах замерли в напряженном ожидании. Они прекрасно сознавали, что если Мечи нарушат свое слово, выстоять вряд ли удастся. Слишком огромен перевес в грубой мощи. Тем паче что к Ши-Нагу в скором времени пожалует еще более внушительное подкрепление. Карта, которую аррексийцам попросту было нечем крыть. Оставалось надеяться лишь на знаменитую, давным давно уже ставшую притчей во языцях гордость сыном востока. Те, как правило, не нарушали даже данные врагу обещания. Однако из всякого правила всегда бывают свои исключения...

Армады Ши-Нага неподвижно замерли подле стен Иэхра. Они словно чего-то ожидали. Наконец, от основного скопища отделилась небольшая группа всадников устремившихся к городским вратам.

— Я Владыка Мечей! Я желаю говорить с вашим императором! — раздался могучий сильный голос. Голос истинного воина привыкшего легко перекрывать шум битв.

— Я Валериан, Верховный Аррекс Заката, слушаю тебя. — Голос императора был не столь грозен, но звучал не менее уверенно.

— Я предлагаю тебе еще один бой, владыка Заката. Я сражусь в единоборстве с лучшим твоим воином. Победителю достанется все.

— Мои воины и так уже одержали верх над твоими бойцами. К чему мне рисковать. Ты дал слово, так исполни его.

— Я не отказываюсь от своего слова. — Рыкнул Ши-Наг. — Но если я сейчас уйду, то вернусь грядущей весной. У вас не хватит сил остановить меня. Но я дорожу жизнями своих подданных. К чему бойцам погибать понапрасну, если все можно решить гораздо проще. Падет твой воин, и твоя империя достанется мне. Я потерплю поражение — весь люд в пределах моих земель от мала до велика принесет тебе присягу на верность. А клятва для сынов Меча выше их жизни. Ты станешь самым могущественным правителем в истории, если твой воин сумеет победить...

— Хорошо я услышал тебя. — Кивнул Валериан. — Я дам свой ответ к закату.

* * *

— Ты слышал предложение Владыки Мечей? — Валериан пристально глядел на почтительно замершего неподалеку Угля. Когда последнего вызвали к императору, он нисколько не удивился, прекрасно понимая, о чем именно пойдет речь. Едва богатырь был доставлен в его покои, император тут же приказал оставить их наедине.

— Да, Ваше Величество. — Склонил он голову.

— Если я приму его, ты сумеешь одолеть Ши-Нага в единоборстве? — взгляд аррекса стал жестче.

— Я сделаю все что в моих силах, если таков будет ваш приказ. — Отчеканил Уголь.

— Не сомневаюсь. — Усмехнулся император. — Но я спросил об ином.

— Я не могу этого знать, владыка. — Пожал плечами Уголь. — Я не знаю императора Мечей и не видел как он сражается.

— Что ж, по крайней мере, честно. — Хмыкнул аррекс. — Ши-Наг сказал правду, он вернется, если мы отступим сейчас. Поэтому я приму его вызов, и ты будешь тем воином, который выйдет против него. И если тебе дорога твоя родина и память твоего учителя, который всю жизнь посвятил служению ей, ты сумеешь победить. Я верю в тебя, Уголь. Сверши что должно и станешь легатом моей личной гвардии. Таково мое слово. Теперь ступай и отдохни. Час битвы настанет совсем скоро...

* * *

На поединок с Ши-Нагом Уголь выходил с тяжелым сердцем. Не потому что боялся поражения, просто сама мысль о том, что ему придется биться за тех, кого он глубоко ненавидел и презирал не давала ему покоя. Не раз уже он всерьез задумывался, а не стоит ли броситься на императора во время очередного визита и пусть и ценой собственной жизни обезглавить Аррексию. Ведь и к гадалке не ходи такой слизень как Эльзикс в нынешних обстоятельствах профукает империю в два счета. Однако внутренний голос до сей поры ни разу не подводивший богатыря упрямо призывал подождать. И Уголь скрепя сердце раз за разом ему подчинялся. Все же как ни крути жить он хотел.

Багровое тусклое солнце еще лишь поднималось над небосклоном. Бой был назначен на раннее утро чтобы дать Углю как следует отдохнуть и восстановить силы. Ши-Наг несмотря на всю свою жестокость был истым воином и не желал легкой победы. Ведь она не принесет желанной славы, а главное пьянящего чувства азарта и опасности что так знакомо любому из тех, кто однажды избрал путь меча.

Уголь был как всегда облачен в закрытый доспех и сжимал верный двуручник. Император Мечей затянутый в боевую черную кожу уже поджидал его там же, где проходило и первое состязание. Уголь несмотря на то что существенно превосходил противника комплекцией сразу оценил и хищную боевую стойку, и обнаженные руки сплошь перевитые чудовищно толстыми жилами, которые спаивают плоть в единый монолит и превращают обычного человека в несокрушимого боевого голема. Превосходно развитое чутье богатыря буквально кричало ему о том, что никогда ранее он не встречал более грозного противника.

В правой руке император сжимал кривой короткий клинок, при взгляде на который Углю тотчас же сделалось муторно. В мече были явно сокрыты немалые чары причем самого неприятного толка. Голова Ши-Нага была гладко выбита не считая толстого собранного в пучок хвоста иссиня черных волос откинутых назад, а бесстрастные темные глаза неотрывно смотрели на Угля с ожиданием и легкой насмешкой. Похоже восточный деспот был абсолютно уверен в собственных силах.

Уголь медленно пошел на сближение. Враг явно намного быстрее и искуснее его и вряд ли несмотря на мягко говоря невыдающуюся если не сказать тощую комплекцию сильно уступает в грубой мощи. Ходили слухи, что Ши-Наг может положить на землю взрослого

разъяренного быка, и глядя на него Уголь отчего-то ничуть не сомневался в их правдивости. А раз так, то привычная тактика здесь не сработает. Нужно нечто неожиданное. И богатырь решил рискнуть, поставив все на одну карту. Не дойдя до императора около пяти шагов, Уголь неожиданно резко припал на одно колено и с чудовищной силой метнул свой клинок прямо в грудь Ши-Нага.

Тот настолько не ожидал от могучего, но не слишком подвижного противника подобного фортея, что не успел среагировать. Император мечей стоял на земле, с изумлением глядя на торчавший из его груди массивный клинок играючи пробивший кожаную броню, железное тело и добравшийся до самого сердца. Уголь подошел к нему вплотную, тут же перехватив руку сжимавшую черный меч. Несмотря на страшную рану император продолжал бороться, и богатырю даже со всей его могучей силой с трудом удалось заставить его разжать ладонь и завладеть вражеским клинком. Сильный удар кулака облаченного в латную перчатку сбил владыку мечей на землю, а затем пьющий чужие души меч опустился на его шею, одним ударом обезглавив живую легенду.

Темный людской океан неотрывно следивший за битвой титанов как и в прошлый раз замер на несколько мгновений.... а затем все мечи без исключения, все пятьсот тысяч разом опустились перед чужаком повергшим их императора на колени.

Глава тринадцатая

Воля аррекса

Новобранцы мерно вышагивали на плацу, резко нанося один стремительный копейный выпад на каждый окрик командира. Уголь глядя на них лишь мрачно усмехался. Уже год прошел со дня его блистательной победы над владыкой мечей, и все это время ему было не до скуки. Император сдержал свое слово, и после того как богатырь преподнес ему знаменитый черный меч Ши-Нага, возвел его в чин легата своей личной гвардии. В столице же его наряду с самим аррексом встречали как триумфатора и нарекли победителем мечей...

А затем вновь начались привычные суровые армейские будни. Война унесла много жизней, и армия как никогда нуждалась в притоке свежей крови. Правда теперь Аррексия располагала еще и колоссальной армадой своего недавнего противника, благо мечи исполнили клятву и присягнули Валериану на вечную верность, но чужая душа потемки, тем паче если речь идет о гордых и загадочных сынах востока, и империи в любом случае нужно было срочно восстанавливать собственные силы.

К слову сказать сегуны, личная гвардия Ши-Нага предпочли умереть, не снеся поражения своего владыки, и их всех обезглавили прямо на месте недавнего поединка. Это было поистине жуткое зрелище. Несколько тысяч человек выстроились в ровные шеренги и встали на колени. К каждому сзади подошел воин с мечом, и по команде Дей-Кона, верховного военачальника Ши-Нага, все палачи разом нанесли удар...

Так закончилась эта война, однако мудрый и практичный Валериан тут же отдал команду об ускоренном наборе в легионы чтобы как можно быстрее восполнить их численность. Особенно жаркой была конкуренция за места в Первом и императорской гвардии. Туда брали лишь опытных легионеров из иных частей либо особо искусных воинов. Нередко находились хитрецы, которые пытались обмануть придирчивых десятников, приписывая себе несуществующий армейский опыт, но таких быстро вычисляли по отсутствию «рогов» на скулах, которые образовывались при длительном ношении защитного шлема и со смехом изгоняли. В обычных условиях наказание за подобную ложь было гораздо более жестоким, но прошедшая война сильно обескровила империю, и теперь военные инстинктивно относились к подобным вещам гораздо снисходительнее, благо многие из хитрецов воевали в ополчении и уже получили реальный боевой опыт, грудью прикрывая тех же солдат регулярных частей.

Жизнь же текла своим чередом. Отгремели шумные пиры во славу блистательной победы Аррексии и ее великого императора, и затем все постепенно вошло в привычное русло. Валериан в последнее время нередко выходил на балкон, лично наблюдая за тренировкой собственных воинов, и то и дело бросал на Угля странные взгляды, значение которых богатырь как не старался так и не сумел разгадать. А затем...

— Тебя хочет видеть император. — Звучный голос гимнета отвлек новоиспеченного легата от обуревавших его дум. — Сейчас.

— Хорошо. — Кивнул Уголь и, назначив вместо себя другого командующего из числа старших центурионов, двинулся следом за дворцовым стражем.

Великий аррекс ждал его в своих личных покоях в окружении верных гимнетов. Эти к слову сказать в войне с мечами не участвовали, благо их задачей являлась исключительно охрана дворца, и сам император не мог оставить столицу совсем уж без защиты. За

последнее время Валериан сильно сдал. Длительный поход не прошел для него даром, и в легких стареющего монарха поселилась болезнь заставляющая его то и дело заходиться тяжелым мокрым кашлем с кровавыми выделениями. Во дворце давно шептались, что кончина императора лишь дело времени, и со смешанным чувством страха и нетерпения ожидали, что будет дальше.

— Я ждал тебя. — Голос императора был тих, но в нем все еще ощущались отголоски былой силы.

— Ваше Величество. — Почтительно, но без подобострастия как и всегда поклонился Уголь.

— Мы живем в дивное время. — Губы Валериана тронула слабая улыбка. — Если бы мне сказали раньше, что простой степняк... — аррекса скрутил жестокий приступ кашля.

— Ты знаешь, зачем ты здесь? — наконец сумел справиться с собой император, утирая губы дорогим пурпурным платком. «Чтобы не было заметно крови». — Догадался Уголь. — «Слабость правителя не должен зреть никто».

— Нет, Ваше Величество. — Покачал головой богатырь.

— Так узнай. — Усмехнулся аррекс. — Моя смерть уже совсем близко подобралась ко мне, и когда я уйду — лицо императора потяжелело — ты, а не Эльзикс займешь мой трон.

Уголь замер, но внешне никак не выдал своих эмоций. Подспудно он уже давно ожидал чего-то подобного.

— Ты поражен? — император пристально вглядывался в стоявшего неподвижно словно темная статуя гиганта. — Тебе ведомо, почему я принял такое решение?

— Мечи... — Хрипло выдохнул Уголь. — Все дело в них.

— И не только. Эльзикс слишком слаб для трона. Это моя вина. Я не сумел воспитать его мужчиной, но ничего уже не попишешь. Сделанного не воротить. Клирикалы в последнее время взяли слишком большую власть, да и мечи, как ты сам понимаешь, склонились тогда отнюдь не передо мной... — Император глубоко вздохнул, давая очередной приступ зарождающегося кашля. — Я не хочу, чтобы после моей смерти империя погрязла в войнах и междоусобицах. — Выдохнул он, справившись с собой. — Всевышний вряд ли простит мне это. С тобой же Аррексия будет спать спокойно. Я верю, ты все сделаешь как надо...

— Но ваши подданные, они...

— Они примут мою волю. — Отрезал император. — В истории уже бывали случаи, когда на трон восходил избранный аррексом в обход закона о прямом престолонаследии. Завещание уже составлено, а слово аррекса в империи превыше всего. Ну а если неприятности все же случатся.... — Валериан едва заметно усмехнулся — ты знаешь что делать. Прошу лишь об одном, не убивай моего сына. Пусть мой мальчик остаток дней проведет в неге и роскоши, ведь он по сути невинен в собственных грехах. Это совсем небольшая малость в сравнении с троном величайшей в мире империи. Надеюсь, ты исполнишь ее...

* * *

Уголь шел по богато отделанным коридорам дворца уверенным быстрым шагом. Невероятно, но факт. Едва император отпустил его, как тут же прибыл гонец с донесением,

что его хочет видеть принц. Не к добру такие совпадения... Остановившись возле покоев принца, он осторожно постучал.

— Войди, не заперто. — Донесся до него мелодичный голос Эльзика, и богатырь подчинился приказу.

— Как складывается твоя служба? — принц рассеянно полулежал на роскошном пурпурно-золотом ложе, перебирая свои длинные светлые локоны.

— Как нельзя лучше, ваше высочество. — Отчеканил Уголь, стараясь чтобы голос звучал как можно более почтительно. Не стоило рисковать до срока. От этого молодчика можно было ожидать всего.

— Это радует. — Глаза принца смеялись, но в них одновременно застыло и некоторое напряжение. — Мой отец болен, как ты знаешь, и рано или поздно... Нет, не бойся. — Усмехнулся аррексион, видя враз напрягшегося легата. — Я специально отослал всю охрану для этого разговора. Когда аррекса не станет, тебе придется выбирать на чью сторону становиться.

— Я буду верен вашему высочеству до конца. — Тупой преданный служака идеальная роль в нынешней ситуации.

— Что ж, иного ответа я и не ждал. — Удовлетворенно, и, как показалось Углю, с некоторым брезгливым снисхождением улыбнулся принц. — У империи много врагов, видишь ли. Не только внешних, но и внутренних и оттого особенно опасных. Это и аристократия не желающая мириться с единовластием аррекса, и вечно всем недовольные простолюдины, это и мечи, которые теперь тоже часть нас, и у которых наверняка имеются свои амбиции. Будет очень непросто удержать их всех в повиновении... И, конечно же, клирики Всевышнего. Последние особенно опасны. Они словно хитрые мерзкие крысы все суют свои неугомонные носы. — Глаза кесариона вспыхнули злобным огнем. — Но ничего, рано ли поздно я доберусь и до них... — Эльзикс шумно выдохнул, переживая вспышку собственного гнева. — Ты чужак в этой игре, Уголь. Что бы ты там о себе не думал, ты чужак не ведающий и малой толики того что нужно знать, чтобы хотя бы выжить в этом змеином гнезде не говоря уже о чем-то большем. Тебя ненавидят и клирики, и одураченный их лживыми речами народ, и знать, и даже бывшие воины Ши-Нага за то, что ты отнял у них их гордость. Никогда не забывай об этом, победитель мечей. Ты один в этом мире. Совсем один... Оставайся верен мне и получишь лучшую из судеб какую только можно пожелать. Но если предашь... Лучше даже и не помышляй об этом. Ведь это, как ты понимаешь, совсем не в твоих интересах.

* * *

Оказавшись в своих покоях, Уголь заперся с двумя тяжелыми кувшинами крепкого красного вина. Нужно было хорошо все обдумать. Шанс, о котором твердил ему его внутренний голос, наконец-то представился. А, значит, ни в кое случае нельзя было действовать опрометчиво и завалить все дело. Ведь второй возможности исполнить задуманное у него скорее всего уже не будет. И он не оплошает. Главное император теперь на его стороне, что дает ему немалое преимущество перед иными претендентами на трон. И у него уже есть задумка как именно заставить сыграть эту карту. Уголь зловеще усмехнулся, отчего его грубое гротескное лицо стало еще ужаснее. Ход был поистине гениален.

Посмотрим, как его врагам понравится подобный подарочек...

* * *

Великий аррекс Валериан Первый скончался через два месяца после того памятного разговора. Все это время Уголь вел себя тише воды, ниже травы, сосредоточившись лишь на своих основных обязанностях легата императорской гвардии. Эльзикс же наоборот и не думал скрывать того что ждет ухода своего отца как великого праздника. И без того заносчивый и надменный юноша теперь и вовсе вел себя так, как будто уже стал императором.

Придворные боялись лишний раз вздохнуть, когда он появлялся во дворце. Ни у кого из них не возникало и тени сомнения, что отпрыск Валериана станет жестоким тираном, едва возьмет трон. Лишь один Уголь, имперский канцлер, да еще несколько тайных поверенных знали правду. Правду, которую ни в коем случае нельзя было раскрывать до срока.

Завещание аррекса должны были огласить сегодня днем в главном тронном зале, в котором уже с самого утра было не протолкнуться от народа. Эльзикс вместе со своей стражей вошел туда одним из последних, чуть отстав от самого Угля, когда церемония уже вот-вот должна была начаться. Принц не скрывал своего торжества, высокомерно глядя по сторонам, и каждый, на кого падал его взор, поспешно опускал глаза. Вызвать неудовольствие нового императора не хотелось никому.

Наконец, двери во внутренние покои кесаря отворились, и в зал вошел высокий худощавый человек облаченный в белую тогу в сопровождении дворцовых гимнетов. Последние подчинялись исключительно аррексу или в особых случаях как этот хранителю его престола, коим в данный момент являлся канцлер Тинус Камп.

В руках канцлер сжимал большой белый свиток перетянутый пурпурно-золотой нитью. Приблизившись к трону, Тинус Камп медленно развернул пергамент и обвел собравшихся пристальным взглядом, привлекая внимание. Наступила мертвая тишина.

— Великий аррекс покинул нас, да будет легким его пребывание в чертогах Всевышнего! — звучный голос канцлера эхом отдавался в тронном зале, заставив всех присутствующих замереть в тягостном предвкушении. — Вот его завещание. По воле великого аррекса Валериана Первого его трон и вся власть над империей достаются бывшему легату императорской гвардии именем Уголь! Да будет славным его правление! Приветствуйте нового императора!

Зал пораженно замер. До присутствующих доходил смысл последней фразы канцлера.

— Немыслимо...невозможно... — Наконец послышались испуганные шепотки.

— ТЫЫЫ!!! — рыку Эльзикса позавидовал бы и голодный пардус. — ТВАРЬ! УБИТ ЕГО!

Два десятка вооруженной охраны принца разом обнажили клинки, кинувшись к Углю, но были остановлены холодным блеском арбалетных стрел направленных на них не дремавшими гимнетами. Последние находились в зале в количестве более сотни, ибо в их задачу помимо всего прочего входило также и обеспечение порядка на подобных церемониях. К тому же у Угля имелась и собственная охрана набранная им из таких же наемников как он сам.

— Вы что творите! Я законный аррекс! — Эльзикса не так-то просто было

обескуражить. — Взять этого самозванца!

— Это не так. — Покачал головой рослый мускулистый воин в облачении гимнета с нашивками центуриона. — Слово аррекса превыше всего. И его воля известна.

— Да, слово императора сказано. — Низкий тяжелый голос Угля моментально заставил всех умолкнуть. — Отныне аррекс я. Кто-нибудь не согласен?

— Ты еще заплатишь за свое предательство... — Тихо прошипел кесарион, но Уголь его услышал.

— Я терпел тебя достаточно долго, щенок. — Жестоко усмехнулся он, так зыркнув на принца, что того мгновенно прошиб холодный пот. — Взять его. — Кивнул он гимнетам, и те оттеснив телохранителей, выкрутили Эльзиксу руки и поставили перед новым императором на колени. — Обезглавить. — Отчеканил Уголь, равнодушно глядя поверх головы кесариона.

Гимнеты нерешительно замерли. Они привыкли подчиняться приказам, но они не были палачами. К тому же пленник как никак являлся принцем крови, и они заколебались. Тогда новоиспеченный император одним движением выхватил свой двуручник и нанес стремительный удар. Белокурая голова Эльзикса отделилась от тела и беззвучно упала на дорогой мраморный пол, пятная его ярко-алой королевской кровью.

— Это был первый и последний раз, когда я спускаю неповиновение. — Рыкнул он, пристально глядя на опустивших головы гимнетов. — Это ясно?

— Да, Ваше Величество. — Выдохнул десятник. Ему как и его воинам совершенно не нравилось происходящее, но он давал клятву служить империи до последней капли крови и был не намерен ее нарушать.

— Найти и взять под стражу всех приспешников этого слизня. — Уголь брезгливо пнул обезглавленный труп. — Удвоить охрану дворца и столицы. — Аррекс еще раз тяжело обвел взглядом тронный зал, с удовлетворением отмечая, что все те, кто еще вчера брезгливо плевал ему вслед, поспешно опускаются перед ним на колени, а затем медленно взошел на трон.

Глава четырнадцатая

Золото и сталь

Императорские покои буквально с первых мгновений ослепили его своей роскошью. Нет не кричащей, а истинно королевской. Они были отделаны в пурпуре — цвете королей драгоценным шелком и бархатом. Полированная деревянная мебель исключительно дорогих пород довершала их облик. Золота почти не было, что лишь еще больше придавало палатам аррекса ощущение благородной строгости и высокого величия.

Неужели теперь это все принадлежит ему... Уголь рассеянно провел ладонью по изящному палисандровому столику, наслаждаясь его идеально гладкой, ровной поверхностью. Странно раньше он не ощущал в себе тягу к подобным вещам. Видно верна поговорка о том, что ко всему хорошему привыкаешь быстро. Однако пока расслабляться еще не время. Его враги сильны и многочисленны, и они не дремлют. Стоит ему совершить хоть один неверный ход и... Но он не совершит. Новоиспеченный аррекс жестоко усмехнулся своим мыслям. Вскоре для его врагов придет время того самого сюрприза, что он запланировал уже давно. Ему осталось всего лишь немного подождать.

* * *

Они прибыли ровно через два дня после коронации нового монарха. Пятьдесят тысяч отборных воинов из числа бывших бойцов Ши-Нага явились по зову своего нового владыки. Уголь лишь усмехался, глядя на вытянувшиеся лица придворной знати и атонианских клирикалов. Он попросил Валериана призвать мечей в столицу еще два месяца назад, и аррекс не отказал ему, посчитав просьбу вполне разумной и обоснованной.

Теперь его врагам придется как минимум крепко призадуматься. Пятьдесят тысяч сынов востока — грозная сила. Плюс ко всему вся императорская гвардия тоже на его стороне, благо Уголь позаботился о том, чтобы туда набирали преимущественно наемников, солдат удачи не имевших как и он сам ни дома, ни семьи. Подобные сорвиголовы редко верили во что-либо кроме собственного клинка, и, конечно, могучий воин и лихой командир, коим являлся новый император, был им гораздо ближе нежели слащавые толстопузые клирики и слабосильные женоподобные аристократы.

Однако последние имели и собственные отряды, особенно в этом отношении преуспели слуги господни сохранившие после опустошительной войны с мечами намного больше сил нежели кто-либо другой, поскольку послали в поход лишь малую часть своих воинов. Слуги Всеединого тоже были отнюдь не дураками и после войны рассчитывали еще больше усилить свое влияние, однако при новом кесаре это было попросту невозможно. Это прекрасно понимали обе стороны. Мирное сосуществование исключалось. Должен был остаться кто-то один. И Уголь решил действовать первым.

* * *

Этой ночью площадь перед главным собором служителей Атона была практически

неосвещена. Согласно новому указу аррекса жители Геора должны были экономить горючее масло, и факелы теперь встречались в городе намного реже чем обычно. Клирики тоже были вынуждены подчиняться этому указу, поскольку также являлись поданными великой Аррексии и лишь скрипели зубами в ответ на богомерзкие новшества новоиспеченного владыки. Два десятка псов господних в серых рясах поверх кольчуг дежурило подле входа в собор. Их возглавляло двое могучих паладинов в полных доспехах и белых плащах с золотой звездой Всеединоного.

Внезапно в ночной тьме замелькали неясные тени. Впрочем, стражи этого уже не увидели. Прицельный залп из дальнобойных арбалетов скосил их в два счета. Нападавшие, кем бы они не были, обладали феноменальной меткостью и превосходно знали свое дело. Быстро дорезав тех церковников, что еще шевелились, они кинулись к массивным воротам собора отлитым из чистого золота. Один из них быстро облачился в плащ и доспехи паладина и нетерпеливо постучал в калитку.

— Кто? — голос привратника не предвещал позднему визитеру ничего хорошего.

— Срочное донесение Его Святейшеству Архипрелату. — Раздался в ответ сильный чуть глуховатый голос.

С той стороны некоторое время молчали, а затем калитка нехотя отворилась. Лжепаладин среагировал мгновенно. Тяжелый закованный в сталь кулак с чудовищной силой ударил привратника в подбородок, опрокинув назад. А ночной визитер был уже внутри. Двое стражей заполошно заорали, поднимая тревогу, но на подмогу лжерыцарю уже спешили немногословные затянутые в боевую кожу свирепые узкоглазые воины вооруженные кривыми короткими клинками. Стражники пали меньше чем через минуту сраженные богатырскими ударами предводителя нападавших.

Однако из глубины собора уже спешила подмога. Псы господни были свирепыми бойцами и сражались отчаянно. Архипрелат отнюдь не был дураком и на всякий случай утроил охрану собственной резиденции, однако в его распоряжении было всего лишь несколько тысяч воинов, в то время как аррекс располагал десятками тысяч...

Все закончилось довольно быстро. Нападавшим удалось оттеснить клириков от ворот и распахнуть их во всю ширь, что по сути стало для оборонявшихся началом конца. Церковники сопротивлялись до последнего, забрав множество жизней своих врагов, и в итоге забаррикадировались на верхних этажах. Однако Уголь, который и возглавлял сей штурм, ничтоже сумнящееся отдал приказ сжечь их заживо. После того как собор охватило пламя, многие клирики предпочли сдаться.

Среди них был и сам Архипрелат Этош Шестой, тот самый что хотел заспиртовать голову одного странного уродливого мальчика лет двадцать тому назад. Но случилось так, что с плеч слетела его собственная голова, которая потом заняла почетное место в густом заспиртованном растворе среди его бывшей коллекции любовно сохраненной новым императором, бывшим, как оказалось, весьма и весьма неординарным и любознательным человеком...

Псы господни и прочие клирики уцелевшие в огне пожара также приняли смерть все до единого, несмотря на обещание помилования. Воины мечей беспрекословно выполнили приказ своего владыки, перерезав слуг Атона словно свиней и бросив их окровавленные трупы прямо на площади перед их охваченной огнем твердыней. По законам сынов востока воля императора почиталась превыше всего, и он сам был властен решать держать ему свое слово или нет. А Уголь не собирался оставлять в живых эту накипь земли, с самого детства

ненавидимую им всеми фибрами души. Закончив в соборе, аррекс приказал своим людям тщательно прошерстить город и убивать на месте всех клирикалов и их слуг, не беря пленных. Его месть наконец-то начала осуществляться. Но до ее завершения было еще очень далеко.

* * *

На следующее утро город приходил в себя после жестокой резни учиненной аррексом и его воинами. Горожане отсиживались в домах, опасаясь лишний раз выглянуть на улицу. Стольный Геор словно бы вымер в одночасье. Повсюду валялись окровавленные изуродованные тела слуг Всеединога, а по улицам вышагивали многочисленные вооруженные патрули. Новый император уверенно брал власть в свои руки и похоже был не намерен ни с кем ей делиться.

Сам же Уголь находился у себя во дворце. Теперь столица была полностью под его контролем, но в империи имелось еще немало проблем, кои нужно было решать как можно скорее. И первоочередной из них были как ни странно его новые поданные. После победы над Ши-Нагом Аррексия оказалась сильно обескровлена, а то, что многие вчерашние крестьяне вынужденно заняли места погибших legionеров, еще более усугубило положение. Империя остро нуждалась в рабочих руках.

И мудрый Валериан быстро нашел выход. По его приказу с бывшей вражеской территории были пригнаны десятки тысяч крестьян, которые должны были работать на благо великой Аррексии практически задаром, искупая тем самым грехи собственной армии. Положение подобных работников в провинциях фактически ничуть не отличалось от участи самых банальных рабов. Знатные патриции вовсю эксплуатировали сынов востока, выжимая из них все соки. Верные слову мечи пока терпели, безропотно снося насмешки и издевательства от вчерашних противников, но у всякого терпения, как известно...

В двери императорских покоев осторожно постучали, и Уголь приказал впустить вновь прибывшего. Им оказался плотный коренастый воин мечей с длинными усами затянутый в традиционную у этого народа боевую кожу.

— Дэй-Кон, я ждал тебя. — Удовлетворенно кинул Уголь. — Скажи мне, тебе нравится то положение, в котором ныне пребывают твои соплеменники? Говори смело и без утайки.

— Твоя воля закон для нас... — Опустил голову командир мечей. — Но... мы воины, а не рабы... видеть то, чем стал мой народ... наитягчайший позор. Хоть мы и сами навлекли его на свою голову.

— В таком случае вот тебе новый приказ. Пусть твои гонцы скачут во все концы империи и объявят мою волю. Отныне вы все свободны. Больше вы не будете гнуть спину на аррексийцев. Теперь вы такие же полноправные граждане империи как и они. Взамен я требую лишь полного повиновения и вечной верности, в которой вы и так мне поклялись. Тебе ясен приказ?

— Владыка... — Дэй-Кон низко склонился перед императором, а его лицо в один миг озарилось неким внутренним светом. — Только прикажи, и все мечи как один умрут за тебя...

— Мне не нужны ваши смерти. — Усмехнулся Уголь. — Напротив, я хочу, чтобы вы жили. Большую часть своей жизни я провел в южной степи, а тамошний народ гораздо

больше похож на вас нежели на изнеженных сынов заката. Сталь, а не золото должна стать в империи высшей властью, а для этого нужно уничтожить всех тех, кто станет продолжать цепляться за отжившие свое порядки. Безо всякой жалости. Так ты со мной?

— До смерти, повелитель. — Выдохнул Дэй-Кон.

— В таком случае ступай. — Император небрежным жестом указал военачальнику на дверь. — Но прежде еще одно...

* * *

— ...Ваше Величество, при всем уважении на мой взгляд неразумно давать этим дикарям слишком много воли. — Женоподобный утонченный щеголь средних лет почтительно поклонился восседавшему на троне могучему закованному в темные доспехи гиганту и вновь занял свое место.

Императорский совет традиционно проходил в большом тронном зале. Первый совет, на котором Уголь находился в качестве владыки половины мира, и который по сути проходил под его эгидой. Ему не слишком нравились подобные церемонии, где помимо знатнейших семей патрициев и наиболее крупных торговых кланов нередко присутствовали и откровенно лишние, а то и вовсе нежелательные люди. Но пока еще он был вынужден считаться с аристократами и влиятельными негоциантами и сохранять хотя бы относительную видимость прежних порядков.

— Я поддерживаю почтенного Зинобиуса. — Вскочил с места круглый низенький толстяк разодетый в дорогие цветастые тряпки, судя по виду торговец. — Эти узкоглазые давали нам изрядный прибыток в казну как дешевая рабочая сила, а теперь, когда им предоставлены права, они начнут требовать своей доли. К чему это все? Ведь всем известно, что у язычников нет души, и они никогда не станут вровень с верными чадами Всевышнего!

— Кто тебе это сказал, клирики, которые ныне кормят ворон на городских свалках? — рыкнул Уголь, смерив торговца презрительным взглядом. — Эти псы восстали против своего владыки и получили по заслугам. Они раз и навсегда лишились священного права толковать заветы Всеединого, а, значит, их догмы должно пересмотреть. Отныне я сам как верховный владыка благословенной Аррексии стану провозвестником воли Творца. И Творец говорит мне, что мечи могут поклоняться тем богам, которым они сами желают, равно как и все прочие поданные моей империи.

— Да что возомнил о себе ты, чужак без роду и племени! — от душившей его бессильной ярости торговец на мгновение потерял всякий страх и осторожность и уже не мог более себя контролировать. — Жалкий неотесанный дикарь! Ты обманом узурпировал власть, ты убил единственного законного наследника престола... — Толстяк осекся на полуслове остановленный пристальным взглядом жестоких багровых глаз императора.

Не отрывая взора от побледневшего негоцианта, Уголь медленно поднялся с трона и приблизился к нему, осторожно даже с какой-то нежностью обхватив его голову могучими закованными в боевое железо ладонями. Торговец затрепыхался, тщетно пытаясь вырваться, но силы были явно неравны. Владыка Аррексии играючи раздавил череп бунтовщика и, безразлично вытерев пальцы о дорогое цветастое одеяние толстяка, отпихнул залитое кровью еще дергающееся тело в сторону.

— По крайней мере, он был честен. — Гулко пророкотал Уголь, с насмешкой наблюдая

за сжавшимися в безмолвном ужасе членами совета, и глаз не смевших поднять на неведомое чудовище, которое не иначе как волей самого дьявола стало владыкой величайшей в мире империи благословенной (благословенной ли?) священной волей Всеединого. Наемники из числа новой императорской гвардии охранявшие тронный зал довольно ухмылялись, с насмешливым превосходством поглядывая на собравшихся. Они уже поняли, что наступило их время. — Кто еще считает так как он?

Ответом была мертвая тишина.

— В таком случае совет окончен. — Рыкнул аррекс. — Я вызову вас при нужде. Пока же всем патрициям и негоциантам, чье состояние превышает сто золотых талантов, приказываю ни под каким предлогом не покидать столицу до получения особых распоряжений. Тот, кто нарушит этот приказ, станет в моих глазах мятежником и бунтовщиком со всеми вытекающими отсюда последствиями. А теперь пошли все вон. Я смертельно устал от вашего жалкого блеяния...

Глава пятнадцатая

Ассасин

Роскошный сад во внутреннем дворе громадного облицованного белым мрамором особняка был непривычно тих. Даже райские птицы, известные на весь мир пернатые певуны, не смели нарушать царившую сегодня здесь тишину.

— Ты все понял? — тучный холеный молодой человек в дорогой белой тоге вальяжно развалившийся в просторном плетеном гамаке пристально глядел на стоявшего перед ним.

Последний явно был воином. Невысокий и худощавый как практически все представители восточных народов он был облачен в боевую черную кожу наемника. На его поясе висел темный клинок смахивающий на копие гвардейцев знаменитого первого легиона, но гораздо шире и длиннее.

— Не волнуйтесь, господин. — Голос воина был сух и невыразителен. — Кукри сделает все как надо...

* * *

— Владыка, тревожные вести. — Дэй-Кон почтительно склонился перед своим повелителем. — На востоке вспыхнула война. Повстанцы во главе с неким Тибериусом Титом объявили вас самозванцем и собирают войска по всей империи для грядущего штурма столицы.

— Это было ожидаемо. — Усмехнулся Уголь. — И крайне неразумно с их стороны. Этот Тит напыщенный болван из старой знати думает вернуть прежнее положение дел... Ты отправил сообщение армии мечей, как я приказывал?

— Так точно, владыка. Но ответ еще не пришел.

— Ты знаешь своих сородичей лучше меня. Они могут не подчиниться приказу?

— Исключено, повелитель. Сыны востока скорее умрут чем нарушат клятву.

— В таком случае нам нечего опасаться. У них нет толкового командования, и мечи расправятся с этими щенками в два счета. К тому же армия Аррексии по прежнему мне верна... Теперь ступай и готовь своих людей к возможной битве. И позови мне сюда канцлера.

Едва двери за Дей-Коном закрылись, на пороге королевских покоев возник Тинус Камп, который, зная о происходящем, заблаговременно дожидался, когда император изволит его вызвать.

— Похвальное усердие. — Скупой похвалил Уголь инициативного придворного. — Мне нужно как можно больше таких людей... Готовь новый указ. Пусть глашатаи несут вест в каждый уголок империи о том, что великий аррекс пожизненно понизит налоги вдвое для тех, кто присоединится ко мне в моей борьбе против мятежников. Легионы также получают вознаграждение за верную службу в размере... ну, скажем, десять серебряных монет для рядового, двадцать для десятника, тридцать для центуриона и десять золотых для легатов по окончанию войны. Сумма выйдет приличной, но после победы мы с лихвой покроем ее из имущества мятежных патрициев. Те накопили немало золотишка в своих закромах... И пусть герольды сегодня весь день трубят о том, что я выступлю завтра утром на главной площади

столицы. Надеюсь, ты не разочаруешь меня. Вскоре мятежу будет сломен хребет, и Аррексия станет величайшей империей, что когда-либо существовала под солнцем мира.

* * *

Небо с самого утра было затянуто густыми свинцово-серыми тучами. Народ недовольно толпился на главной площади. Хмурые пасмурные лица яснее всего прочего говорили о настрое людей. В империи было беспокойно, и аррексийцы с затаенной тревогой смотрели в будущее, не зная, чего еще ожидать от внезапно обрушившихся на них перемен. Наконец, со стороны дворца показалась внушительная кавалькада облаченных в золоченые доспехи всадников. Во главе на могучем черном жеребце ехал закованный в темные доспехи великан. Его обожженная угольно-черная кожа и жуткие багровые глаза вызывали самую натуральную оторопь у всех, кто зрел его лик.

Но исполину было наплевать на страхи темной невежественной толпы. Придет время, и вся эта чернь с радостью будет идти на смерть по одному его слову... Спешившись, аррекс машинально потрепал Буйного по загривку (неистовый жеребец не иначе как чудом сумел пережить все жестокие перипетии войны с мечами и вернулся к своему хозяину) и медленно направился к высокому деревянному помосту специально сооруженному для подобных случаев.

Толпа на площади замерла в ожидании. Статная могучая фигура нового владыки несмотря на все его увечья выглядела очень внушительно и распространяла вокруг себя незримую ауру величия, которому практически невозможно было противиться.

— Аррексийцы! — низкий рык императора ударил по людским рядам не хуже тарана. — Нам брошен вызов! Мятежники решили свергнуть вашего законного владыку и свергнуть империю в хаос и террор! За ними стоят клирики обманом присвоившие себе право толковать волю Всевышнего и планировавшие совершить покушение на меня, а также некоторые из числа патрициев! Он думают, что победа уже у них в кармане, но я не допущу этого! Все служители Атона ныне объявлены вне закона! Они предали своего императора и лишились доверия короны! Отныне любой носящий серую пресвитерскую рясу — опасный государственный преступник, и долг каждого добропорядочного гражданина либо донести на него гвардии, либо убить на месте. Будьте верны мне, и вместе мы возродим нашу великую империю, ибо целостность Аррексии для меня превыше всего...

— Именно поэтому ты впустил в нашу страну чужаков и с их помощью чинишь насилие и произвол, узурпатор! — раздался в толпе чей-то одинокий голос.

Воины тотчас же кинулись на звук, стремясь обнаружить дерзкого. Стражникам с трудом удавалось пробивать себе дорогу в этой плотной толчее, и в итоге безымянный обвинитель сумел затеряться в толпе. Человеческое море заволновалось с новой силой, люди исступленно кричали что-то, но не решались на открытое неповиновение, благо предусмотрительный Уголь загодя стянул на главную площадь несколько десятков тысяч воинов в том числе и бывших гвардейцев Ши-Нага. Последние бесстрастно, как и это и было принято у их народа, глядели на горожан, недвусмысленно сжимая в руках мощные короткие луки с грозно блестящими стальными наконечниками хищных темнооперенных стрел. Было очевидно, что в случае малейшей попытки агрессии они без колебаний пустят их в ход.

— Сыны востока теперь тоже часть нас. — Грозно нахмурился аррекс. — Они принесли

клятву повиновения и являются такими же гражданами империи как и прочие! Подумайте, разве мирная жизнь бок о бок с соседями хуже войны? Разве мало аррексийцев уже погибло ради того, чтобы земли обеих империй стали единым целым, и на них воцарился мир... Я обещаю вам, что в самое ближайшее время все бунтовщики будут разбиты и уничтожены! Вас же я призываю всеми силами помогать нашей победоносной армии в этом деле! И помните. Любая помощь заговорщикам является изменой и будет караться смертью! Укрывательство мятежников и недонесение об их планах и местонахождении также влекут за собой смертный приговор!

— Слушайте своего аррекса! — взял слово высокий глашатай стоявший по правую руку от императора. — по всему городу будут вывешены свитки с новыми законами, по которым вы теперь будете жить! Внимательно изучите их и донесите до тех, кто сам не способен читать! Ибо незнание законов не освобождает от ответственности...

Внезапно Угля обожгло острое чувство опасности, и он инстинктивно резко дернул головой вправо. Сделал он это вовремя. Мимо него буквально в считанных сантиметрах пронеслась тяжелая арбалетная стрела.

— Покушение! — рыкнул аррекс, ловя прямо в воздухе очередную стрелу. С крыши одного из домов прыгнул темный силуэт.

— Вон он! Взять его! — прозвучала новая команда, и в сторону неудачливого убийцы полетели стрелы.

На площади моментально возникла давка. Стражи спешили как можно скорее добраться до преступника, но пробиться сквозь плотную улюлюкающую толпу было не так-то просто. К тому же многие сознательно затрудняли продвижение воинам, сочувствуя убийце и рискуя нарваться на смертельный удар боевым железом. Правда пока гвардейцы ограничивались лишь тем что щедро раздавали удары направо и налево щитами и древками копий. Они не были смертельными, но многих валили наземь прямо под ноги обезумевшему человеческому стаду, и такому несчастному уже редко удавалось подняться.

Однако мечи были не в пример более проворными нежели аррексийские солдаты. Не стесненные в отличие от последних тяжелым доспехом они резво бросились за убийцей. Тот проявлял просто чудеса ловкости и проворства, умело уворачиваясь от стрел и искусно маневрируя в тесных столичных подворотнях. Однако в гвардии Ши-Нага служили лишь лучшие из лучших. Воины востока быстро рассредоточились, постепенно беря беглеца в кольцо.

И в итоге одна из стрел таки нашла свою цель, вонзившись аккурат в лодыжку преследуемого. Тот затравленно обернулся, поднимая широкий черный клинок. Он уже не мог продолжать бег, но все еще оставался очень опасен, в чем сполна и убедились преследователи, опрометчиво вступив с ним в ближний бой. Они не хотели убивать его, и потому уже на первой минуте боя беглецу удалось зарубить троих. Несмотря на рану он сражался как разъяренный пардус, нанося резкие стремительные удары, вертясь волчком и не давая приблизиться к себе и зацепить хотя бы краешком клинка. Все закончилось, когда несколько гвардейцев метнули в него прочную сеть, специально предназначавшуюся для подобных случаев. Здесь уже у загадочного воителя не было ни единого шанса. Его проворно спеленали по рукам и ногам, навалившись всем скопом, а затем один из стражей с силой опустил на его голову тяжелое древко копья.

— Заговорщик доставлен, император. — Почтительно поклонился рослый узкоглазый воин с массивным копьем наперевес.

По знаку гвардейца в тронный зал приволокли худощавого смуглокожего воина судя по виду явно уроженца степи. Тот несмотря на полученную им жестокую трепку от гвардейцев был вполне в сознании и злобно зыркал на аррекса раскосыми темными глазами.

— Отпустите его. — Уголь в свою очередь не сводил с ассасина своих жутких багровых зраков.

Стражи нехотя выполнили приказ, и степняк тотчас же принялся разминать затекшие мышцы. Он все еще прихрамывал от полученной раны, но кровь уже успела свернуться, и нога почти его не беспокоила. В этом собственно не было ничего удивительного, благо лучшие воины востока и юга владели древними секретами медитации и внутренней работы с телом и духом и посему были гораздо более живучими и выносливыми нежели обычные люди.

— Где его оружие? — рыкнул аррекс.

— Здесь, владыка. — Один из гвардейцев протянул Углю необычный клинок убийцы.

— Дай ему.

— Но, великий...

— Делай, что я сказал. — Голос императора звучал абсолютно ровно.

— Ты искусный воин. — Обратился он уже к ассасину. — Будешь биться против меня в поединке. Если одолеешь, получишь свободу. Если я возьму верх, ты сдашь своего заказчика и станешь служить мне до конца жизни. Ты согласен?

Воин, не ответив, стремительно сорвался с места и совершил высокий прыжок, стремясь добраться клинком до шеи императора. Тот скупно уклонился и отмахнулся могучей дланью, отчего ассасина отбросило в сторону, и он покатился по мраморному полу. Впрочем, убийца тут же вскочил и не мешкая повторил попытку. С тем же результатом. Он был искусен и бесспорно силен для своей комплекции, но в нем не было тяжелой мистической мощи того же Ши-Нага, которая позволяла тому раскидывать могучих богатырей словно малых детей и валить наземь здоровенных быков, и посему для закованной в несокрушимые доспехи темной башни, коей по сути и являлся Уголь, он не представлял практически никакой опасности.

Тот от души развлекался, швыряя ассасина по всему залу как игрушку. Наконец ему это наскучило, и дождавшись очередной атаки противника, он играючи обезоружил его и прижал к полу, пресекая всякое сопротивление. Багровые глаза императора в упор уставились на убийцу, ломая его волю, и тот постепенно обмяк, признав поражение. Сейчас он казался лишь искусно сработанной диковинной куклой в руках разгневанного творца.

— Как твое имя? — рыкнул великан, выпуская соперника из своих лап.

— Кукри... господин. — Выдохнул тот, низко склонившись перед аррексом. — Молва не лгала, ты и вправду сильнейший воин этого мира. Для меня будет величайшей честью служить тебе.

— Кто поручил тебе убить меня?

— Этого человека зовут Менус Камп. Он влиятельный торговец здесь в столице. Вы убили его отца, и он жаждет мести.

— Что ж раз так, принесешь мне его голову... Твоя нога... — Уголь рассеянно, словно бы подчиняясь некоему странному наитию, извлек из ножен кинжал и уколол свой палец. Спекшаяся ороговевшая плоть поддавалась нехотя, но в итоге уступила могучей силе императора. Приблизившись к ассасину, он рывком взял его за подбородок и не обращая внимания на его расширившиеся от ужаса глаза, заставил разжать рот и влил в него пару капель собственной темной крови.

— Пей... — Почти пропел владыка половины мира. — Это поможет тебе стать сильнее...

Глава шестнадцатая

Мастер

— Проклятье, ну и грязища! — Чиллак устало утер пот со лба, не обращая внимания на грязные разводы, которые оставила на смуглой загорелой коже его ладонь. На такой работе все равно чистым не останешься. И так каждый день. Парнишка со злостью швырнул рваную измызанную тряпку в угол. Каждый божий день ему приходилось отдраивать полы трактира мастера Хиттая до блеска, получая взамен лишь ворчливое брюзжание старика, да крепкие подзатыльники. И за что ему только все это...

Родители Чиллака умели совсем рано, и его, сжавившись, взял к себе старый трактирщик Хиттай. Все было бы ничего, если бы последнему на старости лет не стукнуло в голову будто бы он как и любой уважающий себя сын меча должен преподавать молодежи боевые искусства. Это ему то и носа из трактира ни разу в жизни не казавшему! Но Хиттай был довольно зажиточным человеком, и ему удалось на собственные деньги открыть школу, где тренировалось пара десятков учеников из совсем обнищавших семей за скудную двухразовую кормежку. Более никаких резонов посещать сего мастера у них не было и в помине, благо старик Хиттай был в этом деле в отличие от трактирного ремесла сущим позером и неумехой.

Чиллак невесело вздохнул, вновь вернувшись к порядком опостылевшему занятию. Даже у мастера Пэй-Лона, что был весьма падок на молодых мальчиков, и чьи ученики через день не могли нормально ходить, воспитанники знали и умели намного больше. Его самого же нередко поколачивали адепты иных школ, чьи учителя в отличие склочного старого брюзги Хиттая знали свое дело и учили своих парней на совесть.

Мысли мальчугана становились все мрачнее и мрачнее. Он безвылазно торчит в этом проклятом трактире, а ведь он так хотел стать настоящим мастером боевых искусств. Это была его заветная мечта с самого раннего детства. Но ни один нормальный учитель не возьмет к себе худородного сироту чтобы не уронить авторитет школы. И что ему при таких реалиях прикажете делать... У парня мелькнула даже шальная идея перейти к Пэй-Лону, которую он тут же с негодованием отмел. Нет уж ТАКОГО он делать с собой не позволит ни за какие знания и умения...

— Чиллак, проклятый мальчишка! — резкий дребезжащий голос заставил подростка вернуться в реальность. — Почему пол до сих пор грязный! Ты что же думаешь, что он сам себя помое! Сколько раз тебе говорить, что истинный мастер должен быть мастером во всем... — Морщинистое словно печеное яблоко лицо трактирщика было исполнено гордости и непоколебимой уверенности в собственных словах.

— Да откуда вам об этом знать! — неожиданно даже для самого себя вспылil мальчуган. — Вы очень много рассуждаете о единоборствах, но никогда в жизни ни с кем не дрались кроме незащитных детей. В деревне над вами все смеются, а другие мастера не подадут руки! Вы никчемный жалкий позер и неумеха! Даже старый гомик Пэй-Лон, у чьих учеников постоянно болит задница, и тот намного сильнее вас!

— Сейчас задница заболит у тебя самого, дерзкий щенок! — лицо Хиттая приобрело цвет вареной свеклы, и он поднял крепкую бамбуковую трость, стремясь всыпать нерадивому ученику по первое число, однако Чиллак ужом прошмыгнул мимо него, ловко увернувшись от запоздалого удара и выбежал на улицу.

— Себя лучше как следует отхлестай, старый хрен! — уже издалека прокричал он что-то негодующе вопившему трактирщику. — Может быть хоть тогда умения прибавится!

* * *

Прослонявшись по улицам до самого вечера, Чиллак нехотя направился обратно в трактир. Теперь в лучшем случае придется всю ночь стоять на горохе, а в худшем... в худшем ему крепко достанется тростью промеж спины. Хорошо еще что Хиттай толком не умел бить и при всех своих недостатках не был изувером. Так что если он как следует извинится перед стариком, то возможно...

В трактире к моменту его возвращения уже практически не осталось посетителей, что и не мудрено, ведь у них в деревне практически не появлялись путники, а местные вставали рано и им не было никакого резона засиживаться допоздна. Двое крестьян лениво тянувших дешевое темное пиво были хорошо знакомы парню, а вот третий... Третьим был наголо обритый человек средних лет в простом сером одеянии странника. К его столу был прислонен длинный посох из необычного темного дерева. Но отнюдь не это привлекло внимание мальчугана. От незнакомца буквально расходилось ощущение силы и уверенности в себе. Однако эта сила не была злой. Это парень чувствовал неким глубинным наитием и, похоже, не он один. Крестьяне с явным интересом украдкой поглядывали на загадочного посетителя, но в итоге так и не решились завести разговор и потихоньку покинули трактир.

— А, вернулся... — неопределенно протянул маячивший за стойкой Хиттай, хмуро оглядывая подростка. — Ну и чего стоишь? Живо принеси эля тому господину! А уж завтра я с тобой как следует потолкую...

Чиллак поспешил немедленно выполнить распоряжение, бухнув две массивные деревянные кружки на стол перед незнакомцем и едва не расплескав все содержимое.

— Спасибо. — Улыбнулся незнакомец, чем поразил Чиллака еще больше. На его памяти его еще ни разу никто не благодарил. Деревенские считали выше своего достоинства обращать внимание на безродного замухрышку, а пришлые тем паче не замечали его в упор.

— Вы мастер боевых искусств? — выдохнул Чиллак, замирая от собственной дерзости.

— Мудрые говорят, истинный мастер никогда не скажет про себя что он мастер, ибо у пути нет границ. Всегда есть куда расти. — Улыбнулся странник.

— Прекрасно сказано! — старик Хиттай от воодушевления едва ли не подпрыгнул за своей стойкой. — Как же это чудесно встретить наконец-то родственную душу! Я ведь и сам владею школой единоборств. Одной из лучших в этой дыре, к слову сказать... Прошу простить меня за дерзость этого мальчишки. Он еще совсем молод и не понимает, что неприлично докучать своими глупыми вопросами почтенным господам!.. А ты чего стоишь! Марш спать! — повернулся он к Чиллаку. — Хотя нет будешь обслуживать нас с почтенным мастером. — Спохватился он. — Вы ведь не возражаете, если я к вам присоединюсь?

— Нисколько. — Улыбнулся странник, но Чиллаку послышалась в его словах легкая насмешка. — Я буду только рад побеседовать с собратом по ремеслу.

* * *

Чиллак нехотя разомкнул тяжелые веки. Беседа затянулась далеко за полночь, и в итоге парню пришлось обслуживать Хиттая и его посетителя до самого утра. При этом старый трактирщик практически не давал вставить своему собеседнику и слова, громко восхваляя себя, свою школу и таверну. Странник лишь вежливо кивал, не перебивая, и загадочно улыбался в ответ. На фоне его сильной, исполненной истинного, а не показного внутреннего достоинства фигуры, его собственный наставник смотрелся столь нелепо и комично, то парню в какой-то момент даже стало жаль его.

И именно тогда он решился. Завтра он улучит момент и напросится к страннику в ученики. В ноги упадет, костями ляжет, но все сделает для того, чтобы тот согласился. Ибо прозябать в этой темной глуши, изо дня в день драя грязный трактирный пол и получая зуботычины от Хиттая и его грубых пьяных посетителей было выше его сил.

Наконец, более менее продрав глаза, парень спустился из своего небольшого закутка на втором этаже, который даже каморкой можно было назвать лишь с очень большой натяжкой, в трактирную залу.

— А, проснулся... — Хиттай уже поджидал его за трактирной стойкой. Похоже, беседа с пришедшим мастером заметно подняла его настроение, и он решил позабыть о вчерашнем инциденте. — Тогда бери тряпку в зубы и...

— А где странник? — перебил старика Чиллак, оглядывая залу.

— Тебе то что за дело! — взвился трактирщик недовольный тем что его перебили. — Ушел он с полчаса как! Хватай тряпку и принимайся за дело, а не то...

Дальше Чиллак уже не слушал, опрометью бросившись на улицу. Если его расчеты верны, мастер не должен был далеко уйти, и он вряд ли свернет с главного тракта. А значит у него появлялся шанс нагнать его. Только бы успеть...

* * *

Он бежал около двадцати минут без передышки, провожаемый недоуменным взглядами встречных прохожих, когда наконец впереди показалась неспешно бредущая на запад закутанная в серое одеяние фигура.

— Мастер!..Мастер!.. подождите! — прокричал он, задыхаясь от долгого бега.

Странник медленно остановился, повернувшись на его голос.

— Я знаю тебя, ты тот мальчик из трактира, в котором я остановился прошлой ночью. Что у тебя ко мне?

— Мастер, молю возьмите меня с собой! — выдохнул Чиллак, умоляюще глядя на невозмутимо молчавшего мастера.

— Там куда я иду, не место мальчишкам вроде тебя. Зачем ты хочешь идти со мной?

— Всю свою жизнь я мечтал быть воином! — кинулся Чиллак как в омут с головой. — А Хиттай он... Он никчемный мастер! Он ничему не учит, а лишь постоянно заставляет работать до седьмого пота, да еще и колотит! Мне опостылела такая жизнь! Я хочу увидеть новые земли! И еще я хочу научиться сражаться, чтобы больше никто не посмел обидеть меня!

— Твои стремления похвальны, но разве в твоей деревне нет других более искусных мастеров, которые могли бы обучить тебя?

— Ха, да они помешаны на престиже своих школ и за версту воротят нос от таких как

я! — с горечью выдохнул Чиллак. — А к старику Пэй-Лону я не пойду ни за что на свете, он заставляет своих учеников делать ему всякие мерзости, о которых и помыслить стыдно!

— Хорошо я тебя понял, но ты и меня пойми. У меня есть миссия. Очень опасная миссия. Я прошел в своей жизни много сражений, но я не знаю, сумею ли я исполнить ее и остаться в живых.

— Мне все равно! Я готов делить с вами все тяготы пути и прислуживать вам если придется. Я вырос при трактире и многое умею, только позвольте мне пойти с вами! Если хотите, я встану на колени, только не прогоняйте!

— Однажды — лицо мастера посуровело — когда мой дух пребывал во тьме, кое-кто дал мне шанс начать новую жизнь. Видно теперь пришло время выплатить этот долг... Хорошо. Ты пойдешь со мной. Но чтобы слушался меня во всем и никаких жалоб. От этого может зависеть твоя жизнь. В свободное время я буду обучать тебя.

— Бою? — жадно вскинулся Чиллак.

— Жить. — Усмехнулся мастер. — Пока ты и этого не умеешь. А как освоишь сию науку... тогда и посмотрим.

— Спасибо, мастер! — мальчуган всплеснул руками от переполнявшей его радости. — Чиллак... так меня зовут.

— Славное имя. — Улыбнулся странник. — Кстати, мое имя Оранг.

Глава семнадцатая

Темный кесарь

Бесчисленная темная армада простиралась от горизонта до горизонта. Уголь с гордостью оглядывал гигантские полчища свирепых оскаленных лиц. Лиц воинов. Его воинов. А ведь как забавно все сперва складывалось. Он был таким глупцом... Смешно подумать, когда-то его действительно волновали такие никчемные пустяки как честь, доблесть... И смертные были дороги ему. Смертные... Без малого сотня лет прошла с тех пор, как он занял трон величайшей в мире империи, и с тех пор так ни капли и не изменился.

Его темная звериная мощь до сих пор была при нем, а тело не обнаруживало и малейших признаков увядания. Впрочем, аррекса это несколько не удивляло. Отчего-то подспудно он всегда знал, что ему уготована особая судьба, и теперь принял ее как должное. Его правление нельзя было назвать легким. Сперва была тяжелая затяжная война со знатью и слугами Атона длившаяся не одно десятилетие, в ходе которой ему ценой невероятных усилий удалось одержать полную победу. Все его враги нашли свою смерть, а он, заручившись поддержкой армии и простого народа, стал воистину непобедимым, а после и вовсе живым идолом для поклонения, богом во плоти, посланным небом в грешные людские земли на вечные времена.

А вот с религией Атона все было куда сложнее. Крайне непросто было заставить суеверных аррексийцев отказаться от старых убеждений, и посему Уголь действовал постепенно. Сперва были преданы анафеме все пресвитеры и священники. Затем настал черед традиционных звезд Всеединого, что носил на шее каждый благочестивый его последователь. Вестники воли, специально созданные аррексом несли среди народа новое учение о том, что бог не нуждается во внешней атрибутике для поклонения, и все старые символы веры есть кощунство и прямое оскорбление Всевышнего, поскольку оный всемогущ и не нуждается во внешней форме. Затем по тем же причинам было запрещено упоминать имя Атона.

Ну а апогеем всему, когда Уголь совсем распоясался и отбросил последние остатки приличия и осторожности стала подмена Всевышнего им самим. Ведь его бессмертие не было фикцией и как ни что иное служило практически бесспорным доказательством божественной природы неувядающего кесаря. И мало помалу народ смирился с новым положением дел, приняв новый порядок и нового бога в отличие от Атона вполне земного и реального, хотя и не обходилось без кровопролитных восстаний, которые Уголь быстро и безжалостно подавлял, вырезая порой целые деревни и не щадя при этом даже самых малых детей. Но несмотря на это проблемы даже сейчас спустя сто лет еще оставались, и нет-нет, да и находились те, кто стремился возродить старый, отживший свое культ. Но это были уже бессмысленные потуги. Жалкий отголосок темного уже умершего прошлого.

На данный момент Аррекция включала в себя практически все земли обитаемого мира, не исключая даже великую южную степь, которую нынешний император однажды поклялся сберечь ценой собственной жизни. До чего же забавны были эти клятвы... В каком-то смысле он и сберег ее, огнем и мечом распространив на ее просторах новый порядок и вырезав почти половину тамошних обитателей и приведя оставшихся к полной покорности. Сперва он оправдывал это необходимостью объединения, а затем и вовсе перестал

утруждать себя подобными мелочами. Перед кем ему отчитываться? Перед жалкими смертными что сгорают как мотыльки в ночном пламени костра спустя жалкие десятилетия? Что он от них видел кроме ненависти и презрения? Ведь даже те, кого он считал своими соратниками, никогда полностью не принимали его за своего, хотя и с радостью пользовались его силой и умениями.

Ему просто нравилось убивать. Нравилось ощущать собственную власть и силу. Однажды он с глубокой ясностью осознал это и перестал играть уже порядком опостылевшую ему роль народного благодетеля. Сила и власть это все что было ему нужно. Особенно сила. Его суть настойчиво твердила ему, что он неполон, незавершен, и это жгло гораздо сильнее самых жарких огней, что когда-то непоправимо искалечили плоть могучего сверхчеловека. Непоправимо ли? Внутренний голос, что доселе ни разу не обманывал его, твердил, что это не так. Что в этом мире возможно все, была бы сила. И эту силу он обретет однажды. Вопреки всему...

— Повелитель, войска готовы. — Дэй-Кон осторожно приблизился к императору. Это был еще один дар Угля. Дар врученный неведомо кем. Своей кровью он мог посвятить в бессмертие любого человека. И Дэй-Кон за верную службу стал одним из таких счастливцев.

— Хорошо. Отправь дубням послание. Скажи им, что я хочу встретиться с их вождем.

* * *

— Что привело вас на наши земли чужеземцы? — рослый светловолосый воин пристально глядел на императорскую свиту, как бы невзначай поигрывая огромным топором. Помимо него за деревьями прятались не менее высокие мужи с огромными луками, стрелы которых были направлены прямым ходом на воинов кавалькады императора.

Дэй-Кон едва слышно пробормотал ругательство. Дубни возникли из леса словно призраки. Их могучие полуобнаженные тела бугрились чудовищными мышцами. Он казались сплетенными из великанских корней древ собственного леса, в котором обитали испокон веков. Этот народ был единственным, кто до сих пор не покорился великому аррексу и бросал вызов его громкому титулу владыки мира.

— Я владыка мечей, верховный аррекс восхода и заката. У меня предложение вашему вождю. — Рыкнул Уголь. Его высоченная темная фигура верхом на гигантском черном коне внушала трепет. — Пусть он выйдет со мной на единоборство. Победителю достается все.

— Поясни свои слова. — Нахмурился светловолосый богатырь.

— Если сумеешь выиграть, мои войска отойдут от ваших границ. Одолею я — и твои воины будут служить мне, принеся клятву вечной верности.

— Наши земли уже не раз пытались завоевать чужаки вроде тебя. Все они нашли здесь свой конец.

— Только не в этот раз. — Рассмеялся Уголь. — Твои разведчики зрели мои армады. Какими бы могучими воинами вы ни были, вам не устоять.

— Я приму твой вызов при условии, что моему народу будет позволено жить по своим законам даже в случае моего поражения.

— Меня мало волнует ваш внутренний уклад. — Пожал плечами аррекс. — Мне нужны лишь ваши воины.

— Да будет так. — Кивнул светловолосый, неспешно выходя на открытое

пространство. — Я Глед, верховный вождь народа древ, принимаю твой вызов. Согласно священным традициям моего племени мы будем биться без оружия голыми руками, до тех пор пока один из нас не упадет мертвым или не попросит пощады.

— Принято. — Рыкнул Уголь, хищно соскакивая со своего жеребца. К нему тут же подскочило двое мечей, принявшись торопливо избавлять кесаря от доспехов.

В итоге он как и его противник остался в одних кожаных портках, открывая взору могучее тело с необычной твердой панцирной черной кожей. Его соперник однако и бровью не повел. Он был слегка пониже аррекса, но притом оказался даже крепче и шире в плечах, а глубиной груди мог поспорить с пивным бочонком. Однако в этом мощном кряжистом теле не было ни капли жира. Глаза вождя дубней отливали яркой синевой, а длинные волосы живым золотом струились по плечам. К тому же он имел короткую светлую бороду. Судя по всему Глед едва-едва перешагнул порог зрелости и был на пике собственной звериной мощи.

— Ты зря пришел в наши края с войной, темный. Здесь в этом лесу нам помогает сама земля. — Глед сурово полыхнул очами.

— В этот раз не поможет. — Усмехнулся аррекс.

Противники настороженно мерили друг друга взглядами, а затем вождь дубней вдруг резко сорвался с места и нанес Углю сокрушительный удар в челюсть. Тот принял на блок и с удивлением почувствовал, что предплечье занемело от боли. Воин древ как минимум не уступал ему силой. Соперники обменялись серией быстрых ударов и разошлись, переводя дух. Ни один из них не сумел достигнуть явного преимущества, но в полной мере ощутил силу другого.

Вновь стремительная сшибка. На этот раз в ход идут уже не только кулаки, но и ноги. Удары с обеих сторон мелькали с невероятной скоростью. Глед оказался не только сильным, но и очень искусным бойцом. Если бы не суровая муштра Гарона Уголь вряд ли бы выстоял даже со всей своей природной звериной мощью. Этот раунд длился намного дольше, но и он в итоге не сумел выявить победителя. Оба противника уже тяжело дышали. У Гледа было сильно разбито лицо, аррекс украдкой сплевывал кровью. Сокрушительные удары вождя дубней пробili даже его казалось бы непробиваемую природную защиту, и теперь император морщился от боли в смятых ребрах. К тому же Уголь готов был поклясться, что проклятая земля леса пьет его силы и приращивает их его сопернику. Ни один смертный, сколь бы силен он не был, не смог бы так долго противостоять его мистической мощи. Видно слова могучего вождя насчет помощи родной земли отнюдь не были пустой похвальбой.

Третий сход должен был стать последним. Оба отдали слишком много сил, но не один не желал отступать. Вновь последовал мощный удар со стороны Гледа, и Уголь, ловко уклонившись, в свою очередь нанес чудовищный по силе прямой удар прямо в могучий лоб соперника. И тут воин древ вновь сумел удивить. Вместо того чтобы рухнуть без сознания он лишь недовольно тряхнул головой, а затем неожиданно резко бросился в ноги противника и повалил его наземь. Уголь сам не понял как оказался под массивной, твердой как дерево тушей вождя дубней и инстинктивно выставил руки для защиты, на которые тотчас же обрушились тяжелые увесистые удары.

Сквозь кровавую пелену аррекс с трудом различал искаженное яростью лицо Гледа. Похоже, того полностью захватило священное боевое безумие. «Не можешь видеть — не можешь биться» — внезапно всплыло в памяти наставление Гарона, и Уголь, выгадав момент, хлестко ударил своими черными кривыми когтями по глазам дубня. Тот взревел от

боли, на секунду потеряв ориентацию, и император мечей изо всех сил вцепился ему обеими руками в бороду, рванув ее вниз.

Могучая челюсть воина древ оглушительно хрустнула напрочь разорванными связками и хрящами, и Уголь ударом ноги спихнул с себя искалеченное тело врага. Однако несмотря на чудовищное увечье Глед нашел в себе силы встать и продолжить бой. Но в его ударах уже не ощущалось былой мощи. Тело инстинктивно берегло энергию, пустив большую ее часть на исцеление. Император не дал ему времени восстановиться. Несколько сильных умелых атак раскрыли защиту дубня, а затем сокрушительный апперкот в и без того изувеченную нижнюю челюсть окончательно довершил дело.

Могучее тело вождя народа древ рухнуло навзничь. Он более не мог продолжать бой. Кесарь аррексийцев, которому тоже сильно досталось, медленно приблизился к нему, ощутимо хромя на правую ногу, и равнодушно наступил тяжелым сапогом на шею богатыря. Он давил до тех пор, пока тело противника не перестало дергаться. Великий аррекс не ведал жалости и не прощал своим врагам ошибок. Покончив с предводителем дубней, Уголь торжествующе поднял руки и издал низкий чудовищный рык. Это был даже не звериный рев, так зарычать могла скорее жуткая древняя рептилия, чьи сородичи, говорят обитали в этих землях эпохи назад. Фигура императора буквально излучала тьму, тень от которой, казалось, сгустилась и под сенью густых дубрав народа древ, ныне безмолвно оплакивавших своего павшего вождя.

— Теперь вы мои! — прорычал Уголь, повернувшись в сторону мрачно молчавших воинов древ.

Воины аррекса обрадовано заревели, приветствуя победу своего владыки. — Этот день знаменует начало новой эры! Весь мир под эгидой единой длани! Под властью одного аррекса! Вечного владыки мира! Явите мне свою покорность! — багровые глаза Угля хищно обвели ряды дубней и собственных воинов, и не нашлось ни одного кто сумел бы выдержать его взгляд. Все как один опускали головы, молчаливо признавая превосходство жуткой неведомой силы неведомо откуда пришедшей в этот мир и сумевшей в итоге поставить его на колени. Теперь уже окончательно.

Глава восемнадцатая

Нежданное пополнение

— Чиллак, проклятый мальчишка, почему я снова вижу на горшках грязь! — багровое лицо мастера Хиттая было преисполнено праведного гнева и, казалось, заняло собой всю трактирную кухню. — Сколько раз тебе говорить, что они должны искриться от блеска! И не смей отворачиваться, когда я говорю с тобой! Истинный мастер должен быть...

— Что я вижу, у нас новый ученик? — обезьянью физиономию Хиттая внезапно сменило немного полноватое хитрое лицо с черными масляно блестящими глазками. — Это просто превосходно. Ну давай скорее снимай штаны, я уже и мазь приготовил, чтобы не так больно было. Это очень хорошая мазь...

— НЕТ! НЕТ! НЕТ! — Чиллак лихорадочно подскочил на постели, судорожно утирающий по лицу липкий холодный пот. — НЕ ХОЧУ! — и только тут осознал, что находится хоть и в трактире, но не в своем, в небольшой двухместной комнате с мастером Орангом, который невозмутимо глядел на него, сидя на соседней кровати. Выражение его лица было совершенно бесстрастным.

— Простите я... — Окончательно смешался парень. — Мне приснился дурной сон.

— Бывает. — Едва заметно усмехнулся Оранг. — Ты намаялся в дороге за последние дни, поэтому сейчас мы позавтракаем, проведем небольшую тренировку, а после можешь отдыхать весь день. У меня все равно здесь назначена встреча, поэтому до завтрашнего утра мы никуда не двинемся.

— Мастер, а куда мы идем? — наконец рискнул нарушить молчание Чиллак.

— Тебе это не к чему. — Нахмурился Оранг. — Достаточно знать лишь то, что у меня есть дело, которое я либо выполню, либо погибну пытаясь. При втором исходе тебе придется самому решать свою судьбу. При первом же... впрочем, узнаешь в свое время.

После легкого завтрака в общей трактирной зале, Оранг повел своего нового ученика во внутренний двор.

— Чему учил тебя твой мастер? — повернулся он к Чиллаку, когда они нашли подходящее по мнению странника место.

— Драить горшки. — Невесело усмехнулся парень, вспомнив недавний сон. — По крайней мере, это получалось у меня не так уж и плохо.

— Очень полезное и достойное умение. — Без капли иронии обронил мастер. — Развивает цепкость кистей, выносливость и концентрацию. А учил ли он тебя правильно дышать?

— Чего? — вытаращился Чиллак. — А что разве дышать можно неправильно?

— Ясно. — Коротко кивнул Оранг. — Поставь ноги на ширину плеч, разведи руками, глубоко вдохни и выдохни. — Пилигрим продемонстрировал ученику, как это нужно делать на собственном примере. — Повтори.

Чиллак робко и неуверенно проделал похожие манипуляции.

— Никуда не годится. — Резюмировал мастер. — Ты должен быть открыт миру, а не бояться его. Воин бегущий от смерти непременно погибнет. Тот же, кто сам заключит ее в свои объятия — выживет. Запомни этот урок. Теперь повторяй эту практику до тех пор пока не ощутишь легкость и не научишься чувствовать энергию мира. Расслабься, но будь сосредоточен. Оставайся собранным, но стань беспечным. Плыви по течению, но не давай

ему увлечь тебя на глубину. Лишь усвоив эту науку, ты вступишь на истинный путь.

— Ничего не понимаю. — пробурчал Чиллак. — Как это одновременно быть и расслабленным, и сосредоточенным, собранным, но беспечным? Это же противоречит одному другому!

— Сама суть пути противоречива как и вся наша жизнь. — Усмехнулся мастер. — Помнишь, я сказал что прежде всего обучу тебя правильно жить? А всякая жизнь для любого живого существа начинается с дыхания, с умения поглощать силу разлитую в воздухе вокруг. Без этого вся прочая наука станет бесполезной. Овладей азами, и постепенно тебе откроются возможности, о которых ты ранее даже не подозревал.

— Вы думаете, у меня получится... — С сомнением выдохнул Чиллак.

— Я уверен. — Улыбнулся мастер. — Это лишь вопрос тренировок и времени.

* * *

К вечеру народу в таверне заметно прибавилось. Мастер Оранг, проведя тренировку, предоставил ученика самому себе, уйдя в город по своим таинственным делам. Вернулся он уже к ужину, строго настрого наказав Чиллаку не следовать за ним, а ждать в комнате, и спустился вниз в обеденную залу. Паренек разумеется наказу не внял, и выгадав момент, незаметно выскользнул из комнаты, принявшись украдкой наблюдать за столиком мастера с верхней веранды, прячась за широкими деревянными перилами.

Долго ждать ему не пришлось. Примерно через десять минут в трактир вошло двое мужчин довольно мрачной наружности. Раньше Чиллак никогда не видел таких бледных широкоглазых лиц, но тут же догадался, что чужаки скорее всего были аррексийцами. Вновь прибывшие цепко оглядели залу и уверенно направились к столику Оранга.

— Плохой идеей было встречаться здесь в землях мечей. — Вместо приветствия недовольно пробасил могучий коренастый коротышка с густой черной бородой. — Мы своими рожами привлекаем слишком много внимания.

— Мы привлечем его еще больше, если ты будешь постоянно ворчать об этом. — Усмехнулся высокий худощавый темноволосый мужчина средних лет, его спутник. — Приветствую. — Обратился он уже к мастеру. — Как прошел твой путь, почтенный?

— Не совсем так как хотелось бы, но это не столь важно. — Бесстрастно ответил Оранг. — А как ваши дела? Вы нашли еще воинов для нашего дела?

— Не вышло. — Криво усмехнулся высокий. — Эта затея практически наверняка приведет нас к гибели. Даже самому храброму бойцу сложно отважиться на такое.

— Я предвидел подобный исход. — Кивнул головой мастер. — Мы вполне управимся и втроем.

— Втроем против всей императорской охраны. Ну, ну... — Хмуро покачал головой коротышка.

— Не ворчи, Нодди. — Осадил приятеля высокий. — Ты знаешь, у нас нет выбора.

— У меня так уж точно. — Лицо коротышки потемнело. — После того что эти ублюдки сделали с моей семьей... Но я не хочу, чтобы эта тварь ускользнула от возмездия. Пусть я погибну, но он непременно должен сдохнуть. Однако если мы тщательно все не продумаем то завалим дело, ты знаешь это не хуже меня, Морн.

— Все предусмотреть невозможно, мой храбрый друг. — Улыбнулся Оранг. — Жизнь

всегда преподносит свои сюрпризы в самый неожиданный момент. И именно на неожиданность мы и сделаем ставку. Но есть еще одно...

— В чем дело на этот раз. — Подобрался Морн.

— Мальчишка. Он прибился ко мне по дороге. Я не могу его прогнать.

— Все веселее и веселее. — Присвистнул Нодди. — Мало того что ты не привел воинов как обещал так еще и предлагаешь нам работать няньками.

— Парень не доставит хлопот. К тому же я обещал ему позаботиться о нем. На дело с нами он не пойдет.

— Ну, спасибо и на этом. — Не удержался от шпильки крепыш.

Тем временем подавальщик принес два увесистых кувшина вина и большую тарелку с тушеным мясом и зеленью. От довольно многочисленной компании за соседним столиком до этого пристально наблюдавшей за ними тотчас же отделилась вертлявая шатающаяся фигура в весьма затрапезном платье.

— Эй, слышь... — Гуляка грубо ухватил мастера за плечо. — Давай ка поделись с народом добрым винишком...

Что сделал Оранг, никто толком понять так и не успел. Просто в один момент молодчик вдруг кувыркнулся через голову и скорчился на полу, баюкая вывихнутую кисть. Его товарищи при виде этого тут же вскочили из-за стола и бросились на отряд, сжимая широкие кривые ножи. В руках мастера мгновенно оказался посох. Резкий круговой удар, и разом двое нападавших повалились на пол, сплевывая выбитые зубы.

Морн и Нодди тоже не отставали, сноровисто выхватив длинный меч и массивный топор соответственно. Обычно подобной демонстрации хватало чтобы успокоить всякую шваль опивающуюся в трактирах, однако на этот раз головорезы будто озверели, и драться пришлось уже всерьез. Пролилась первая кровь. Нодди своим широким топором расколол череп одному из нападавших.

От дальнего столика отделился худосочный всклокоченный гуляка и, пошатываясь, двинулся в центр залы, словно и не замечая всего разыгравшегося веселья. Один из головорезов раздраженно пнул его ногой, но гуляка неожиданно резко перехватил его ногу, и бандит отлетел в дальний угол залы, приземлившись ребрами аккурат на массивный деревянный табурет. К гуляке бросились двое, размахивая ножами, однако тот ловкими ударами сбил их на пол и присоединился к общей схватке. Он двигался одновременно резко и тягуче, запутывая и сбивая соперников с толку, и чем-то напоминал самого мастера Оранга, но его техника была гораздо более вязкой и причудливой, хотя притом и отнюдь не безэффективной.

Все закончилось довольно быстро. Четверым опытным бойцам, из которых никто не был даже ранен, удалось обратить головорезов в бегство, которые, почуяв что пахло жареным, слиняли из трактира, оставив пять тел своих. Трое были мертвы, еще двое сильно искалечены. В числе последних оказался и тот что свел столь близкое знакомство с табуретом. Этот был жив, но не мог подняться с пола, держась за сломанные ребра и то и дело сплевывая кровью.

— Это оказалось проще, чем я думал. — Усмехнулся Нодди, вытирая лезвие топора прямо об одежду одного из убитых. — Эти падальщики совсем никудышные бойцы...

— Благодарю тебя за помощь, почтенный. — Склонил голову Оранг, приветствуя безымянного гуляку. — Ты был безоружен и мог погибнуть.

— За это не беспокойся, почтенный. — Голос хмельного задиры был низким и

хриплым. — Мне любой бой что праздник. К тому же моя жизнь мало стоит... Пар-Хан и твоим услугам.

— Знаменитый мастер пьяного стиля по прозвищу Злая Вода. Наслышан о тебе. — Улыбнулся странник. — Мое имя Оранг и с меня ответная услуга.

— Тогда угости меня доброй выпивкой. — Ухмыльнулся Пар-Хан. — А то в глотке совсем пересохло. Странно что я ничего не слышал о тебе. Бойцов вроде тебя даже среди мастеров можно пересчитать по пальцам одной руки.

— Я совсем недавно в этих краях. К тому же не слишком люблю бывать на виду. — Пожал плечами Оранг, с легкой усмешкой наблюдая, как мастер пьяного стиля присосался к одному из кувшинов с вином и, оправдывая свое прозвище, буквально в несколько глотков выхлестал его до дна.

— Зато у тебя водятся деньжата, как я погляжу. — Осклабился Злая Вода. — Если будешь поить и кормить меня вволю, могу вступить в ваш отряд. Нутром чую, здесь наклевывается что-то интересное...

— Лишний воин нам действительно не помешает. — Кивнул мастер. — Однако об этом мы потолкуем с тобой завтра. Пока же окажи честь и отужинай с нами. Надеюсь, недавнее недоразумение не испортило твой аппетит.

— Ни капли! — довольно ощерился Пар-Хан. — Лихой бой да веселое застолье моя жизнь. Эй, трактирщик! — гаркнул Злая Вода так, будто бы сам оплачивал все явства. — Неси всего самого лучшего мне и моим друзьям!..

* * *

На следующее утро сонного Чиллака разбудил как и всегда внешне совершенно бесстрастный мастер Оранг.

— Вставай. Мы уходим. Нужно лишь купить нам лошадей.

— Так, значит, ваши дела увенчались успехом?

— А я думал, ты сверху все хорошо разглядел и услышал. — Тонко усмехнулся мастер.

— Откуда вы... — Смутился парень, густо покраснев.

— Было бы трудно не догадаться. Кто в твоём возрасте слушает совета старших. Да вы никогда не слушаете...

Внизу их уже ждали. Морн и Нодди недовольно шурились на восходящее солнце, и их взгляд был слегка мутноватым. По лицу же Пар-Хана было совершенно невозможно что-либо прочесть. Впрочем, подобным мог похвастать чуть ли не каждый среди сынов мечей. Хорошо еще что стычка с давешними оборванцам не обернулась для путников проблемами со стороны властей, благо подобные происшествия были в трактирах обычным делом, и стража смотрела на это преимущественно сквозь пальцы, разумеется, если речь не шла о жизни и интересах уважаемых зажиточных горожан. Когда все были в сборе, отряд без лишних слов двинулся к выходу.

— Наша миссия очень опасна, и скажу прямо, шансов на успех крайне мало. — Обернулся Оранг к Злой Воде уже снаружи. — Ты действительно хочешь идти с нами?

— Жизнь без риска ничего не стоит. — Усмехнулся мастер пьяного стиля, почесав свою косматую голову. — Что бы там ни было, я готов.

— Даже если речь идет о самом великом аррексе? — бесстрастные коричневые глаза

пилигрима в упор уставились на Пар-Хана.

— Что, хотите свести с ним счеты... — Понимающе хмыкнул Злая Вода. — Оно и немудрено...

— Значит, ты все понял с самого начала.

— Нет, но догадался, как только ты упомянул это исчадие бездны. Вот уж без кого миру точно станет намного лучше.

— Вопрос, можем ли мы тебе доверять. — Проворчал Нодди, непроизвольно стискивая рукоять боевого топора.

— А тебе самому. — Усмехнулся Пар-Хан. — Чужая душа — потемки. Только глупцы думают что могут в ней что-либо прочесть. Но, впрочем, решать вам. Я не привык навязываться.

— Я за. — Пожал плечам Морн. — Он не выглядит двоедушцем, на тех я насмотрелся, уж можете мне поверить.

— Как и я. — Резюмировал Оранг.

Нодди что-то невразумительно проворчал, но не стал ввязываться в спор. Ныне он оказался в меньшинстве. Тем временем отряд вышел на главную городскую площадь. Она не была особенно большой, благо городок оказался весьма захолустным, однако на ней уже с самого утра толкался довольно многочисленный люд, что и немудрено, поскольку земли мечей были невероятно густо заселены.

Внимание путников привлек низенький толстый торговец в белом тюрбане что-то возбужденно доказывающий настоящему исполину с довольно маленькой для такого массивного тела наголо выбритой головой и чудовищным широченным клинком на плече смахивающим на здоровенную заточенную наковальню. Рядом со спорщиками стояло дюжина очень странных на вид зверей отдаленно похожих на лошадей, но гораздо массивнее, без гривы и с двумя горбами на спине.

— Я тебе толкую уже в десятый раз, не нужны мне лишние воины! — визгливо верещал торговец. — Своих хватает!

— Ты сам не знаешь чего говоришь. Таких как я больше не найдешь нигде. Смотри что могу. — Гулким басом пророкотал гигант и внезапно обрушил свой исполинский клинок на спину одного из горбачей аккуратно между выпуклыми колыхающимися горбами.

Брызнула кровь, и животное распалось на две половины, которые тотчас же начали судорожно дергаться. Из перерубленного вздутого брюха полезли отвратительные на вид сизые внутренности. Чиллака при виде подобного зрелища едва не вывернуло наизнанку.

— Видал. С одного удара. — Колосс довольно оглядел плоды своих трудов.

— Ты что наделал, идиот! — торговца при виде столь беспардонной порчи его имущества едва не хватил удар. — Он же обошелся мне в целых двадцать серебряных! Кто мне теперь за него заплатит?!

— У меня нет денег. — Озадаченно почесал голову гигант. Похоже, до него только сейчас начало доходить, что он, мягко говоря, слегка погорячился с демонстрацией своих возможностей. — Могу отработать.

— Отработать?! Тебе на эти деньги месяц у меня служить! Только на кой мне сдался такой здоровенный идиот! Да на одну твою кормежку денег уйдет больше, чем ты сможешь заработать! А если ты еще чего-нибудь отчебучишь! Нет, ты мне заплатишь здесь и сейчас! Слышишь, здесь и сейчас! Или я позову стражу, и ты отправишься на каменоломни глотать мраморную пыль!

— Я не хочу на каменоломни. — Помотал головой исполин. — Это плохое место... Ты чего это удумал... — Гигант грозно сжал кулаки и двинулся на испуганно шарахнувшегося от него торговца. На подмогу тут же поспешили собственные стражи негоцианта, выставив в сторону богатыря длинные копыя. Тот в свою очередь поднял меч, готовясь встретить противников. Обстановка явно накалялась. Вокруг спорщиков начал потихоньку собираться народ, предвкушая добрую драку.

— Пойдите, почтенные. — Оранг решительным шагом двинулся сквозь толпу. — Не будем горячиться. — Обратился он к красному от гнева торговцу. — Я могу заплатить за него.

— Не знаю, зачем тебе это надо.... почтенный. — Явно пересиливая себя, процедил торговец. — Но если у тебя завалялось в кошельке двадцать серебряных, я, так и быть, забуду об этом недоразумении.

— Хорошо. Вот твои деньги. — Пилигрим протянул толстяку требуемую сумму. — А скажи мне, нет ли у тебя еще подобных животных на продажу?

— Ну вообще то я использую их для перевозок своих товаров, но могу продать тебе нескольких.

— Отлично. Я возьму двоих.

— С тебя сорок серебряных. — Быстро проговорил торговец, принимая деньги из рук мастера. — Поздравляю с удачной сделкой.

— Это чего получается, я тебе теперь должен... — Пробормотал богатырь, только сейчас осознав все произошедшее.

— Ты мне ничего не должен, но нашему отряду нужны воины. — Усмехнулся Оранг. — Чем сильнее тем лучше.

— Так это как раз по мне! — просиял колосс. — Сильнее меня никого не сыщешь.

— Уверен... — с деланным сомнением протянул мастер. — Там, куда мы идем, будет жарко. Очень жарко.

— Хык, никогда еще Сила не бежал от схватки. — Грозно нахмурился исполин. — Укажи мне своих врагов, и я разделаюсь с ними!

— Ну раз так то что ж, ты принят. Поедешь на горбаче. Мы с Пар-Ханом возьмем второго, а мальчишка на тебе, Морн. Пусть едет на твоей лошади. Все равно он вряд ли умеет самостоятельно ездить верхом.

— Да он же редкостный тугодум... — Вполголоса проворчал Нодди, глядя на безмятежного богатыря, который как раз удобно устроился на одном из горбачей. Животное ощутимо просело под тяжестью колосса и, недовольно взревев, попыталось укусить его, однако могучий шлепок богатырской ладонью по слюнявой морде разом пресек всякие попытки сопротивления. Скакун сполна ощутил всю ужасающую силу своего нового наездника и счел за лучшее покориться.

— Зато силы ему не занимать... — Многозначительно хмыкнул Морн. — С таким мордоворотом можно даже городские ворота без тарана штурмовать.

— Ага, до тех пор пока тебя стрелами не утыкают...

— Как бы то ни было, а воины нам нужны до зарезу, сам же жаловался что нас слишком мало. Так что привыкай к новому товарищу и не вздумай задирать его без нужды и тем более путаться у него под ногами. Потому что если он ненароком не заметит и наступит на тебя, даже пройдоха Пар-Хан тебя после не отыщет.

Глава девятнадцатая

Великий турнир

Великий аррекс задумчиво глядел с балкона своего монументального дворца на бесчисленные толпы собравшиеся на главной площади. Все эти люди предвкушали невероятное зрелище, которое вот-вот должно было развернуться перед ними. Турнир. Великий турнир, который по приказу аррекса проводился раз в десятилетие чтобы выявить лучших из лучших. Самых сильных и безжалостных воинов этого мира. Счастливчиков выигрывавших его император приближал к себе, обличая особым доверием. А проигравших... а проигравших уносили с арены вперед ногами, и более никто и никогда не вспоминал их имена.

Как забавно все повернулось. В самом начале своей жизни он стоял ниже низших и не имел даже собственного угла, а ныне он полновластный владыка мира, и любая его прихоть — закон для всех прочих. Все его враги лежали в земле. Все эти патриции и негоцианты... они так истово уповали на свое золото, почитая его превыше хищной стали воинов. Он показал им, как сильно они заблуждались... Однако отчего-то он не ощущал себя счастливым. Не ощущал того что чувствовал, когда у него была его Зивира. Лишь она одна дарила ему свет, и с ее смертью этот свет окончательно угас. Уголь ничего не чувствовал к этому миру кроме глухой темной ненависти и глубокого презрения. Уголь... а ведь он почти забыл это свое прозвище. Теперь у него и вовсе не было имени. Его заменил ему его титул. Ибо у империи может быть лишь один аррекс. Вечный император вечного миропорядка.

Еще в самом начале его правления судьба не иначе как за все прочие его лишения преподнесла ему донельзя приятный сюрприз в лице одного старого знакомого. Он прибыл тогда вместе со своим бродячим цирком на столичное представление, видимо еще не зная о том, что приключилось в империи. Годы прибавили Аро немало седых волос, но несмотря на это Уголь сразу узнал его... Для него он приготовил особое развлечение. Полукровку раздели догола и при помощи специального приспособления, изобретенного, к слову сказать, умельцами пресвитеров Всеедино, закачали в вены расплавленное золото. Забавно, однажды Аро как-то обмолвился, что даже целая река золота не способна будет утолить его страсть к этому металлу. Великий аррекс сполна дал ему возможность проверить это на практике.

Он шел по главной площади в окружении своих верных «драконов», то чем стала бывшая императорская гвардия. Теперь ее воины были закованы в сплошные черненные шипастые доспехи в противовес «белым» гимнетам. Последних император не стал трогать, посчитав подобный контраст довольно забавным. «Черные» и «белые» жестоко соперничали между собой, и турнирные бои меж ними были особенно зрелищными и захватывающими.

На площади яблоку негде было упасть, но люди тем не менее поспешно расступались перед императорским эскортом, склоняясь в униженных раболепных поклонах. На небольшом импровизированном помосте выделявал незатейливые трюки молодой симпатичный акробат со смешливым открытым лицом. Он прекрасно видел приближение кесаря, но тем не менее не прервал свое выступление, все так же продолжая кувыркаться и улыбаться толпе. Аррекс замедлил шаг, знаком велел эскорту остановиться.

— Как тебя зовут. — Поманил он пальцем молодого атлета.

— Фадр, Великий. — Улыбнулся акробат, отвесив императору изящный поклон.

— Твое зрение не иначе подводит тебя. Неужели ты не видел приближение своего владыки. — Рыкнул здоровенный детина в шипастых доспехах с золочеными наплечниками. Кай Грасс, грозный легат «драконов» был одним из самых могущественных и опасных людей империи и верным слугой великого аррекса.

— С моим зрением все славно. — Улыбнулся парень. — Я молод и хорош собой и своим искусством дарю добрым людям свет и радость.

— То есть ты считаешь меня недостаточно важным и красивым для своего внимания... — Усмехнулся аррекс, подходя почти вплотную к юноше. Тот действительно был весьма хорош собой, но ему было далеко до совершенной почти кукольной красоты Гвиона.

Тот ничего не ответил, продолжая улыбаться и не сводя с аррекса открытого, чуть наивного взгляда. Мелькнула рука в бронированной перчатке, и парень рухнул на землю с разбитым лицом, на которое секунду спустя опустился тяжелый обитый железом сапог кесаря. Тело акробата задергалось в агонии. Его голова была размозжена, а лицо представляло собой сплошное кровавое месиво. Люди тяжело молчали, опуская глаза и не решаясь лишний раз поднять голову.

Аррекс же, завершив расправу над юношей, как ни в чем не бывало двинулся дальше. Его верные воины не отставали ни на шаг. Для них насилие было привычным делом. Они не знали иной жизни, да и знать не хотели, предпочитая наслаждаться своей безнаказанностью и властью над беззащитными людьми.

Великий турнир вот-вот должен был начаться.

* * *

— Нам повезло. Аррекс уже прибыл в столицу. — Мастер Оранг удовлетворенно кивнул, глядя на высокий помост специально сооруженный для императора и его свиты. Они были в пути около месяца, и были наслышаны о кампании против дубней, которая к счастью ко времени их приезда в Геор уже успела полностью завершиться.

— Неужели я увижу турнир мастеров! — восторгам Чиллака не было предела. За прошедший месяц он немного подрос и кое-что извлек из тех уроков, что преподавал ему пилигрим во время их стоянок, но все равно еще во многом оставался тем открытым наивным мальчуганом, что сбежал из родной деревни в поисках своей заветной мечты. — В нашей деревне ходило множество легенд об их невероятном искусстве. Но чтобы увидеть это самому... Об этом я мог лишь мечтать.

— Это бои до смерти. — Посуровел Оранг. — Если бы не твое рьяное желание стать воином, я бы ни за что не разрешил тебе смотреть на это в столь юном возрасте. Но к сожалению мир слишком жесток, и ты должен понимать, что тебя ждет, если твердо решишь ступить на эту дорогу.

— Ладно, кончай уже гундеть, мамочка. — Недовольно проворчал Нодди. С его малым ростом было не так то просто рассмотреть происходящее на арене, и от того он был в еще более мрачном настроении чем обычно. — Я в его возрасте уже взял не одну жизнь и был грозой округи. Если бы не легион, меня бы казнили как разбойника...

— Как же тебя взяли туда с таким ростом. — Хмыкнул Морн. — Ты же один в один гном из тех детских сказок, что мне мать в детстве рассказывала.

— Важен не рост, а умение. — Наставительно поднял палец коротышка. — Будто бы ты сам этого не знаешь...

Турнир устроенный аррексом честь своей победы над дубнями и впрямь был достоин того чтобы назвать его великим. Он готовился загодя, и посему для него были отобраны лишь самые могучие и искусные бойцы. Шестьдесят четыре воина со всех необъятных уголков мира должны были сойтись в кровавых поединках не на жизнь, а на смерть. Ристалище было уже готово для боев и представляло собой сооруженную на главной площади большую посыпанную песком арену. Наконец, по знаку аррекса герольд выкрикнул первую пару бойцов.

На арену шагнули двое степняков. Один был вооружен обычной кривой саблей, в то время как его соперник сжимал в руках длинный ременной аркан. Этот поединок закончился быстро. Арканщику уже с первых секунд удалось подцепить клинок соперника и вывернуть его из руки. Затем петля захлестнула шею мечника, и тот рухнул на землю, хрипя от удушья. Умелый удар кинжалом в спину прервал его агонию.

Следующими снова оказались степняки. Первый был гибким и худощавым вооруженным легкими парными ятаганами, второй наоборот грузным с длиной широкой военной шашкой наперевес. Клинки худого выписывали замысловатые узоры, стремясь вскрыть оборону соперника, но грузный был опытным бойцом и умело держал дистанцию, не пуская противника в ближний бой. В итоге он преспокойно дождался, пока его более молодой соперник совершит ошибку, и одним могучим ударом развалил его от плеча до пояса.

Третьей парой бойцов выступили аррексийцы. Эти тоже не ударили в грязь лицом, тем более что одним из них был «дракон». Облаченный в черненую шипастую броню воин вооруженный кописом и широким щитом уверенно теснил legionera одиннадцатого легиона, который был в одном лишь стальном нагруднике и с гладием вместо жуткого полусерпа противника. Этот поединок также не продлился слишком долго. Сперва «дракон» расколол противнику щит, оставив в руке лишь бесполезный огрызок, а затем мощным таранным ударом щита сбил его наземь и перерезал горло.

Четвертый поединок проходил между обнаженным по пояс раскрашенным синими узорами степняком со средним копьём и худощавым мечом в белом балахоне с серебристой боевой цепью с хищным лезвием-клювом на конце. Последний оказался настоящим мастером, его диковинное оружие стремительной змеей мелькало перед глазами противника, обескураживая и сбивая того с толку, а сам он словно вода утекал от ответных выпадов разъяренного дикаря. Наконец степняк совершил ошибку, раскрывшись, и острый клюв цепи ударил его прямо в горло, отворив кровь. Конец его был недолог.

Затем на арене появились воины смахивающие скорее на уличных артистов. Один вертел боевые булавы, совершая при этом головокружительные акробатические кульбиты, второй крутил массивными зажженными факелами, в остальном ничем практически не отличаясь от своего оппонента. Сегодня был воистину праздник боя. Каждый старался не походить ни на кого другого, стремясь не только одержать победу, но и получше запомниться публике. Этот бой был особенно зрелищным и драматичным, но как показала практика, у мастера огня оказался все же на один прием больше. Улучив момент, он неожиданно выдохнул струю пламени прямо в лицо своему визави, а затем тяжелый железный факел врезался в висок потерявшего ориентацию жонглера, проломив череп.

— Как это он так? — округлил глаза Чиллак. — Магия?

— Горючая жидкость во рту. — Со знанием дела пояснил Морн. — Он выдыхает ее через факел, откуда и струя. Старый трюк, годится разве что для совсем неотесанных дикарей. У нас в легионе умельцы еще и не то показывали...

А вот в шестом поединке на арену вышла почти копия Нодди, разве что борода его была огненно-рыжей, а не черной.

— Ну этому коротышке здесь делать нечего. Его ж сразу убьют. — Гулко рассмеялся Сила. Он возвышался над толпой на целую голову и в отличие от Нодди видел все более чем прекрасно.

— Ну ты и дубина. — Укоризненно покачал головой низкорослый крепыш. — Тебе ж говорят, умение зависит от мастерства владения оружием и ловкости, а не от грубой силы. Много с нее толку...

— Помнится, раньше ты говорил иначе. — Рассмеялся Морн. — Признай, тяжело было проигрывать ему в рукоборстве две руки против одной.

— А, много ты понимаешь... — Обиженно пробурчал Нодди. — Да не елозь ты, я и так ничего не могу разглядеть из-за твоей туши! — раздраженно пихнул он в бок здоровяка, и тот, хмыкнув, легко подхватил его под мышки и усадил себе на шею. Коротышка свирепо забранился, но вопреки ожиданиям не потребовал ссадить себя обратно, благо наверху ему все оказалось видно как на ладони.

И тут словно в насмешку над отважным чернобородым воителем на арену шагнул здоровяк с массивным кузнечным молотом на плече.

— Вот поглядишь, наподдаст ему рыжий по первое число. Готов поставить на это десять серебряных. — Оскалился Нодди.

— У меня нет денег. — Громыхнул Сила. — Но здоровяк его уделает.

И как ни странно гигант оказался прав. Вопреки расхожему мнению искусство не всегда одолевает грубую мощь. Порой выходит и иначе. По сути оба поединщика исповедовали грубый силовой стиль боя, и рыжий коротышка хоть и казался гораздо более подвижным привык действовать напролом, сокрушая боевой секирой тела врагов, а не финтить и совершать хитроумные маневры. Кузнец же оказался гораздо более могучим. Первый же удар его молота отшиб двуручный топор соперника в сторону, мазнув по шлему карла. Второй превратил шлем и голову полуоглушенного противника в кровавую лепешку.

— С тебя десять монет. — Радостно прогудел великан. — Эх был бы я там, я бы им всем показал...

— Пари не состоялось. — Угрюмо пробурчал Нодди, скорчив недовольную мину. — Сам же сказал, что в кармане пусто. Так что ничего я тебе не должен.

— А ты с него плату возьми за найм собственной шеи. — Усмехнулся Морн. — По серебряному в минуту. Там много набежит...

— Да ладно чего уж там. — Добродушно улыбнулся гигант. — Мне не трудно. Он же легкий как перышко.

Морн в ответ на это лишь пожал плечами, ничего не сказав. Если для колосса Нодди, который несмотря на свой рост весил отнюдь немало и сам считался далеко не последним среди силачей, легчайшая ноша, то страшно представить, на что он способен на самом деле. Похоже, судьба действительно играет на их стороне, раз послала им в помощь столь могучего богатыря.

Далее на ристалище вышел очень интересный персонаж. Он обнажен до пояса, открывая взорам крепкое бугристое покрытое белесыми шрамами коренастое тело с

толстыми руками, кисти которых заканчивались грубо сделанными огромными железными кулаками приваренными прямо к живой плоти.

— Голем. — Нахмурился Морн. — Известный костолом. Убил в поединках уже более двадцати бойцов. Говорят аррекс лично обещал ему бессмертие, если тот одержит победу на турнире.

Противником Голема оказался облаченный в белый бурнус гибкий худощавый обитатель пустыни что на самом на крайнем юге великой степи. Этот был вооружен традиционной саблей. С самого начала поединка он настороженно приглядывался к сопернику, наслышанный о его зловещей славе. Голем сполна оправдал свое прозвище. Едва прозвучал сигнал герольда, он тут же бросился на врага. Тот отчаянно хлестнул саблей и резко ушел в сторону, стремясь избежать столкновения с грозной машиной для убийств, но клинок был отбит в сторону громадным железным кулаком а второй с чудовищной силой врезался в голову пустынного, расколов ее словно гнилую тыкву.

— Ты гляди, и клинок не помог. — Цокнул языком неугомонный Нодди. — У этого бугая потрясающее чутье дистанции, да и скорость впечатляет.

— Но до нашего великана ему все равно далеко. — Усмехнулся Морн. — Участвовал бы он сейчас — не задумываясь поставил бы на него все свое состояние.

— Было бы что ставить... — Вполголоса пробурчал коротышка.

Сила в ответ на это что-то польщенно прогудел, а на арене тем временем показалась новая пара. Эти были и вовсе странного вида. Невысокий худощавый факир с самой настоящей живой змеей обмотанной вокруг шеи против высокого чернокожего атлета в одной набедренной повязке вооруженного боевым трезубцем и сетью.

— Он что так обгорел на солнце... — вытаращился Чиллак.

— Маары. Их племя обитает в пустыне на стыке земель великой степи и территорией империи мечей. — Со знанием дела пояснил Морн. — Говорят, они грозные бойцы, но сам я ни разу не видел их в деле.

Тем временем бой начался. Факир помимо своего, так сказать, живого оружия сжимал в руке еще и зажженный глиняный сосуд, который сразу и швырнул в атлета. Тот инстинктивно отпрыгнул в сторону и вовремя, потому что сосуд оглушительно взорвался, исторгнув настоящие потоки ярко-рыжего пламени. Народ на площади возбужденно загомонил. Поднявшийся едкий черный дым на время скрыл фигуры сражавшихся. Факир попытался этим воспользоваться и выстрелил своей явно надрессированной и ядовитой змеей прямо в лицо противника. Но того вновь уберегло звериное чутье, и ему вновь удалось избежать атаки. Стремительный ответный выпал трезубца пронзил живот заклинателя рептилий, и то рухнул на землю, корчась в агонии. Второй не менее точный удар пригвоздил к песку арены его чешуйчатую питомицу.

Когда трупы убрали, послышались приветственные крики, и на арену шагнул настоящий исполин целиком закованный в глухую тяжелую броню. В руках он сжимал массивную гизарму, грозно поигрывая своим смертоносным оружием.

— Пуль Септим. Еще один здешний фаворит. — Усмехнулся Морн.

— Из благородных не иначе. — Прищурился Пар-Хан. — Только у них есть деньжата на такую справную броню.

— Ага а у тебя самого, видать, в карманах с самого рождения ветер гуляет. — Скривился Нодди. — Ходишь как босяк без клинка, даже кинжалом годным не разжился. Нет, руками ногами ты знатно машешь, кто бы спорил, но в по настоящему серьезной стычке

тебе хана...

— Пока мне хватало и того, что дала природа. — Улыбнулся ничуть не обидевшийся Злая Вода. — Да и потом ты ошибаешься. У меня есть оружие. Просто я его не вынимаю до срока...

Соперником рыцаря гиганта оказался какой-то босой «меч» с необычным оружием в виде трех деревянных палок соединенных меж собой железной цепью.

— Тройной цеп сложное оружие. — Каменное лицо Оранга чуть ожило. — Немалого мастерства требует.

Однако судьба сыграла с безусловно умелым и искусным мастером злую шутку. Сперва ему удавалось успешно уворачиваться от сильных, но не слишком быстрых атак железного колосса и даже пару раз несильно достать его цепом по стальному шлему, но затем лицо меча внезапно искривилось от боли, и он сильно захромал на левую ногу. Гигант сполна воспользовался сиим подарком судьбы и на втором ударе, молодецки гыкнув, снес своему сопернику полчерепа.

— Не повезло мастеру. — Покачал головой Морн. — Непонятно только что случилось с его ногой.

Впрочем, это выяснилось довольно быстро. По знаку герольда расторопные помощники принялись тщательно осматривать арену, и один из них высоко поднял на головой острый сверкающий осколок, демонстрируя его публике.

— Стекло. — Кивнул своим мыслям мастер Оранг. — Оно возникает при сильном нагревании песка. Огонь факира всему виной.

Тем временем арену принялись спешно очищать от острых осколков. В толпе, пользуясь вынужденной заминкой в представлении, замелькали юркие вертлявые торговцы всякой легкой снедью и прохладительными напитками. Проголодавшемуся Чиллаку пилигрим взял пышный пирожок с мясом и фруктовый напиток в глиняном кувшине. Остальные есть не хотели, слишком увлеченные происходящим.

Когда, наконец, ристалище было готово к продолжению поединков, на нее шагнул тонкий стройный воитель в изысканной белой рубашке и изящно поклонился публике. В его правой руке блистал необычный очень тонкий длинный клинок, практически игла. На левую был намотан темный плащ из плотной грубой ткани.

— Это совсем новый вид боя. — Вновь подал голос Морн. — Вообще такими тонкими словно тростинки клинками обычно бьются мимы чтобы ну... для смеха. А один умелец взял да и сварганил такую штуку из закаленной стали. Сперва над ним посмеялись, но потом... хотя сейчас сами все увидите.

Соперником фехтовальщика оказался здоровенный ражий детина с тяжелым палахом наперевес. Его голова была замотана черной тряпкой, а свирепое лицо украшали многочисленные шрамы. Он был довольно редким в этом мире представителем вольного пиратства. Редким оттого, что на Иорле существовал всего один континент, и морские путешествия как следствие не получили широкого распространения. Иное дело речная торговля. Здесь все обстояло с точностью до наоборот, и находилось немало отчаянных сорвиголов, которые пытали счастье и сбивались в вольные ватаги, нападая на речные торговые суда. Именно таким сорвиголовой и был шрамолицый. Его изловили воины аррекса и впечатленные его силой и отвагой предложили на выбор: либо петля, либо турнир. Речной разбойник выбрал второе.

Уже с первых секунд боя стало понятно, что фехтовальщик намного превосходит своего

соперника в классе и подвижности. Пират яростно орудовал палашиом, нанося мощные и довольно опасные удары, но шпажист ловко уворачивался от них или сбивал плащом. Его шпага стремительно мелькала в ответ, пятная замызганную рубаху детины ярко-алой кровью. Он получил уже множество несильных проколов и порезов, поскольку шпага была неплохо заточена и по боковым кромкам. В итоге здоровяк совсем обессилел, и очередной выпад фехтовальщика пронзил ему сердце.

— Вот дает, а с виду хлыщ хлыщом... — Уважительно крякнул Нодди. — Против такого мастера я бы дважды подумал выходить или нет. Удался турнир, чего греха таить, удался... Поглядим, чего дальше будет.

Глава двадцатая

Неожиданный ход

Одиннадцатый поединок представили два щуплых воина в просторных серых одеяниях вооруженные парными катарами и серпами. По всей видимости распорядители турнира специально делали так, чтобы бойцы со схожим вооружением порой сходились промеж собой и выясняли, кто лучше владеет школой. В этот раз лучшим оказался носитель серпов. Хоть его оружие и было короче длинных лезвий противника закрепленных на специальных кожаных наручах, двигался он столь ловко и стремительно, что катароносец сперва получил чудовищный удар ногой с разворота в грудь, рухнув на песок арены, а затем мастер серпов, вновь стремительно развернувшись вокруг своей оси, резким круговым ударом взрезал глотку не успевшего прийти в себя соперника.

Следующим на ринг, свирепо оскалившись, выскочил могучий слегка сутулый черноволосый воин с большим горбатым носом одетый в звериные шкуры и массивным грубо сделанным топором на плече. Он происходил из горного племени юга степи, чьи воины славились особой жестокостью и свирепостью. Высокий аррексиец в кожаной броне уже поджидал его, поигрывая боевым бичом усиленным мелкими свинцовыми шариками. В левой руке этого воина покоился деревянный щит с острым шипом посередине. Первый же щелчок бича рассек грубую кожу на плече варвара, оставив рваную царапину. Горец взревел от гнева и боли и совершил стремительный прыжок, с ужасающей силой обрушив топор сверху на противника. Тот успел подставить щит, но оружие дикаря играючи раскололо его надвое и раздробило кисть аррексийца. Вновь свистнул боевой бич, стремясь хоть как-то защитить хозяина, но был перехвачен в воздухе сильной загрубелой рукой, и второй удар топора врубился уже в голову мастера кнута.

— Ты гляди, сколько уже боев прошло, а оружие у всех разное. — Восхищенно покачал головой Чиллак. Парень просто заболел турниром, и даже кровавые сцены не вызывали более у него отторжения. — Никто ни разу не повторился!

— Это личное распоряжение аррекса. — Лицо Морна потемнело. — Он истый фанатик смертельных боев. Говорят, он питается смертями живых чтобы оставаться вечно молодым. Не знаю, правда это или нет, но я не встречал более жестокой и омерзительной твари. Да и его прихлебатели ничуть не лучше...

Под оглушающий свист на арену вышел могучий полуголый боец с закованными в латную броню руками в то время как рельефный мускулистый торс оставался обнаженным. Из его латных кулаков торчало по три длинных лезвия.

— Палач... — С ненавистью процедил Нодди. — Истый изувер. То что остается от его соперников годно разве что псам на корм.

Соперник Палача, которого выкрикнули как Пардуса был намного более худым и вооружен напальцевыми стальными когтями на кожаных перчатках. Несмотря на то что это оружие выглядело намного менее грозно нежели внушительный арсенал фаворита, Пардус явно был намного быстрее и подвижнее, да к тому же двигался с истинной грацией знаменитой горной кошки, от которой и получил свое прозвище. С первых секунд боя стало понятно, что Пардус скорее кулачный боец. Он ловко кружил вокруг могучего соперника и наносил ему резкие неожиданные удары, делая упор в основном на подсечки и атаку ног, поскольку верхний уровень Палача был защищен куда более надежно. Наконец сия тактика

возымела эффект, и Палач рухнул на землю. Пардус тут же прыгнул ногами на горло гиганта, и... стальные лезвия правой руки колосса вонзились ему в пах, нанизав его словно жука на булавку. Легко подняв дергающееся тело над головой, Палач радостно взревел, и вонзив вторую руку в грудь несчастного, разорвал его надвое, доведя толпу на площади до полного иступления.

Далее на арену вышел узкоглазый худощавый меч средних лет в просторном коричневом одеянии с двумя короткими деревянными т-образным шпукovinaми.

— Оружие крестьянина, мирного воина. — Улыбнулся Оранг. — Этим приспособлением обычно собирают урожай, сбивая колосья пшеницы.

Его противником оказался крепкий аррексиец среднего роста с тяжелой стальной булавой наперевес. Могучий силач рассчитывал легко расправиться с сухощавым мастером, но тот буквально утек из под его мощной, но чересчур уж прямолинейной атаки и, оказавшись за спиной противника, нанес ему резкий короткий удар своим оружием чуть пониже уха. Тот изумленно всхрипнул и грохнулся на землю лицом вниз, подняв тучу пыли. Мастер же спокойно поклонился и покинул арену под недовольные вопли толпы.

— Вот он пример истинного милосердия и высоты духа. Он мог бы убить своего соперника, но не сделал этого. — Лицо Оранга просветлело. — Смотри внимательно, Чиллак. Это настоящий мастер.

Затем на арене снова появился выбритый наголо уроженец империи мечей, коих на турнире по понятным причинам было больше всех. Этот вертел в руках и вовсе диковинную штуку в виде длинной стальной цепи с крюком на одном конце и массивным шипастым шаром на другом. А вот его противник целиком закутанный в темное одеяние так что не было видно даже лица чем-то неуловимым привлек особое внимание публики, двигаясь с попросту нечеловеческой ловкостью и грацией. Лицо мастера Оранга при виде него приобрело странное выражение, но он ничего не сказал, все так же невозмутимо продолжая смотреть на арену. Герольд выкрикнул этого бойца как Шанга. Что интересно о его происхождении не было сказано ни слова, хотя обычно распорядитель в двух словах упоминал биографию участника и место, откуда тот был родом.

Техника меча оказалась искусной хотя и несколько вычурной, что в общем было неудивительно, учитывая особенности его оружия, но Шанг вооруженный легкой глефой из неведомого темного металла играючи ускользал от его атак, демонстрируя чудеса акробатики и будучи явно на три головы выше классом. Наконец ему наскучила эта забава, и он одним ударом перерубил цепь вражеского оружия, а затем совершил головокружительный кульбит, сделав сальто назад, и одновременно заехал пяткой в челюсть меча, мгновенно вырубив последнего. Публика вновь рассерженно загудела, требуя крови, но загадочный мастер не внял ее мольбам и молча покинул арену, предоставив разбираться с пребывающим без сознания соперником турнирной службе. Этот боец произвел такое сильное впечатление на всех без исключения, что даже сам великий аррекс поднялся со своего черного трона чтобы получше рассмотреть происходящее.

— Похоже, у нас еще один фаворит. — Прищурился Морн. — И это действительно что-то невероятное. Я вижу подобное в первый раз. Кто этот воин...

— Я никогда не бежал от боя и до сегодняшнего дня был уверен что смогу побить любого противника в одиночной схватке. — Задумчиво произнес Злая Вода. — Но против этого мастера у меня нет ни единого шанса.

Неожиданно раздался низкий нечеловеческий рык, и на арену шагнул закованный в

цепи исполин поистине ужасающего вида, его обнаженный торс зарос густым черным волосом, а голова напротив была плешивой с грубым звероватым лицом. Его вело четверо дюжих парней, с трудом сдерживающих животную ярость гиганта. Но самое жуткое заключалось в том, что вместо кистей у него оказались приварены длинные ржавые крюки. Исполин издавал нечеловеческие звуки и похоже не обладал и толикой разума, будучи по сути полузверем.

Против него выпустили молодого, но уже могучего дубня с массивным охотничьим копьём. Синие глаза лесного воина изумленно расширились при виде подобного дива, но он быстро справился с удивлением и уверенно подняв свое оружие, двинулся к зверочеловеку. По команде герольда надсмотрщики отпустили цепи. Колосс, почуяв свободу, грозно зарычал и принялся загребать могучими лапищами, стремясь зацепить юного соперника. Как бы то ни было дубню банально не хватило опыта и умения. Великий аррекс специально отобрал именно такого кандидата среди этого племени чтобы внушить страх народу древ, а заодно и утереть им нос, показав, кто ныне их истинный хозяин. Несмотря на то что его соперник был фактически животным, молодой дубень не сумел подобрать к нему ключик. Сперва его копьё оказалось вырвано из рук сцепленное крюками исполина, а затем зверочеловек набросился на него и принялся наносить беспорядочные удары своими кошмарными смертоубийственными орудиями, кромсая его тело и неистово рыча. Когда его, наконец, сумели оттащить от жертвы, от парня остались одни лишь кровавые ошметки.

— Несчастное создание... — Покачал головой Морн. — Даже для арены это слишком. Придет время, и это чудовище сполна заплатит за все свои бесчисленные злодеяния. — Воин опустил голову. Под чудовищем он явно имел в виду отнюдь не давешнего зверочеловека.

— По крайней мере толпа сполна получила свое. — Потемнел лицом Нодди. — Крови на сей раз было больше чем достаточно...

Арену щедро присыпал песком, избавляясь от последствий буйства зверогиганта, и новая пара воителей встретилась лицом к лицу. На сей раз это был вновь тяжелый рыцарь сжимавший длинный полуторный меч и облаченный в просторный плащ аррексиец с плутоватым проказливым лицом не держащий на виду вообще никакого оружия. Паладин издал грозный воинственный клич и бросился вперед, стремясь одним ударом завершить схватку. В ответ плут резко вскинул руку, и в рыцаря полетел целый веер малых метательных ножей. Клинки со звоном отскочили от тяжелого доспеха, не причинив рыцарю никакого вреда, но и аррексиец успел уйти с линии атаки противника, избежав смертельного удара.

В дальнейшем тяжелый, но малоповоротливый паладин некоторое время деловито гонял шустрого метателя по всей арене, а тот изредка метал в него свои ножи, коих у него на широком поясе оказалось отнюдь немало. Наконец очередной удачно пущенный нож повредил ременную подпругу сплошного стального шлема, и тот слетел с кудлатой головы рыцаря. Следующий клинок прилетел аккурат в его горло.

Затем настал черед кулачных бойцов или по крайней мере близких к этому классу. На ринг, ухмыляясь, вышел чернобородый разбойник с двумя широкими ножами. Его противником оказался обнаженный по пояс невероятно худой и жилистый боец с бешеным взглядом, в котором недвусмысленно читалась неприкрытая жажда крови. В его сухих кулаках было зажато по острому длинному стальному гвоздю.

— Кулачные бои на гвоздях очень жестокий вид боя. — Со знанием дела пояснил Пар-Хан. — Только самые закаленные и свирепые бойцы избирают его в качестве основного стиля.

Тем временем бой начался. Разбойник всеми силами старался не пустить более легкого и подвижного соперника в ближний бой, но у него ничего не вышло. Кулачный боец двигался очень резко и дергано, как будто зачастую и сам не зная, что отчебучит в следующую секунду. Наконец он не мудрствуя лукаво совершил резкий подкат под ноги противника, сбив его наземь, и воспользовавшись его замешательством, частыми быстрыми ударами кулаков буквально превратил его голову в решето. Его лицо осатанело от боевого безумия. Ныне он своим обликом внушал ужас даже больший чем давешний зверочеловек. Никто так и не решился приблизиться к нему, пока он сам не соизволил оставить свою жертву и не покинул арену.

— У этого парня есть потенциал. Но он явно избрал себе не тот путь. — Осуждающе покачал головой пилигрим.

Следующими были здоровенный деревенский верзила с настоящей оглоблей наперевес и сухой мастер боевых искусств опирающийся на посох наподобие посоха самого Оранга. Верзила явно не блистал большим умом, радостно ослабившись при взгляде столь невыдающегося на вид противника, и широко замахнулся оглоблей. Меч только этого и ждал, стремительно поднырнув под руку бугая. Ярko сверкнул острый тонкий клинок, и от лица до самого низа живота верзилы пролегла идеально ровная алая полоса. Посох мастера оказался с секретом. Деревянная оглобля выпала из ослабевшей руки деревенского силача, а сам он тяжело рухнул на спину. Один единственный удар меча оказался смертельным. Мастер же преспокойно убрал свой клинок обратно в посох и неспеша покинул арену, опираясь на свое оружие словно на простую палку.

— Хитро. — Признал Морн, уважительно покачал головой. — Раньше я о таких игрушках только слышал.

— С его стороны было ошибкой раскрывать все секреты столь рано. Остальные бойцы теперь извлекут из этого урок, и у него будет на один прием меньше. — Нахмурился Оранг. — Я отчего-то не вижу Пар-Хана. Что интересно он задумал...

Тем временем герольд выкрикнул очередную пару бойцов. Аррексиец в неполном легком доспехе с тяжелым цепным кистенем уже был на арене, а вот его противник отчего-то запаздывал. Распорядитель выкрикнул его имя три раза, но тот так и не объявился. Толпа обидно заулюлюкала, демонстрируя свое отношение к трусу. К герольду тем временем подбежал один из стражей, указывая на валяющегося неподалеку от ристалища в бессознательном состоянии воина среднего сложения.

— Сами в толк не возьмем. — Растерянно бормотал страж. — Вроде минуту назад был в порядке, и тут на тебе...

— Эй, почтенный! — вдруг раздался из толпы зычный хриловатый голос. — Вижу, у вас накладка, так возьми меня на его место, не пожалеешь!

— Кто ты такой, что считаешь себя достойным биться с лучшими воинами империи? — подбоченился герольд.

— Я Пар-Хан по прозвищу Злая Вода, мастер пьяного стиля! — прокричали в ответ.

— Я слышал о тебе. — Прищурился распорядитель. — Говорят, однажды ты в одиночку разгромил и спалил целую харчевню. От такого как ты всего можно ожидать. А не ты ли виновен в том, что наш боец не может сражаться?

— А коли и так, на кой тебе такой боец! — хохотнул Злая Вода, и толпа поддержала его радостным реготом.

Герольд беспомощно развел рукам и повернулся к императорской ложе. Аррекс едва

заметно кивнул, разрешая рокировку смены, и довольный Пар-Хан двинулся к арене. У него на виду по прежнему не было никакого оружия. Владелец кистеня тем не менее наученный горьким опытом своих товарищей бдительности не терял, держа свое оружие и щит наготове. Он же и нанес первый удар, едва не разбив Злой Воде голову. Тот впрочем умело уклонился и в его ладони из широких рукавов скользнули два гибким черных ремня со стальными грузилами на концах. Один из ремней резко выстрелил, и грузило ударило точно в запястье руки сжимавшей тяжелый кистень. Кисть аррексийца безвольно повисла, и оружие выпало из его ладони. Тот попытался еще нанести удар щитом, но Пар-хан вновь увернулся и в следующий раз грузило ударило уже в лоб молодого парня, отправив его в глубокий нокаут.

— Значит, он решил подобраться к аррексу как можно ближе. — Лицо Оранга наблюдавшего за довольно раскланивающимся во все стороны пропойцей выражало крайнюю степень озабоченности. — Смелый, но рискованный ход. Будьте наготове. — Повернулся он к остальным. — И помните, действовать станем лишь в самом крайнем случае.

* * *

Когда оглушенного Злой Водой бойца вынесли с ринга, на арене появился несколько задумчивый, худой как палка седой аррексиец с длинной боевой косой. Против него вышел еще один речной пират на этот раз с двумя короткими зазубренными клинками.

— Плохое оружие. — Покачал головой мастер Оранг. — Мало того что оно наносит болезненные плохо заживающие раны так еще и постоянно застревает в чужих телах. Я бы не хотел биться подобным.

Поединок был коротким. Пират бился хорошо, но уж чересчур яростно и необдуманно. Косарь же напротив был абсолютно спокоен если не сказать безмятежен. Он действовал с холодной обдуманной расчетливостью будто бы не участвовал в смертельном поединке, а косил траву. Так продолжалось до тех пор, пока разбойник не прозевал очередную стремительную атаку, напрочь срезавшую его бедовую голову с плеч.

— Ты гляди, баба не иначе! — хлопнул себя по ляжкам Нодди, едва не сверзившись с могучей шеи новоиспеченного друга-исполина, глядя на мощную ядреную деваху с длинной рыжей косой, облаченную в кожаную безрукавку оставляющую открытой сильные руки с идеально белой кожей. Оружием ей служили две парные боевые секиры на коротких рукоятках. Противником ей достался очередной меч с малой секирой, двойное лезвие которой болталось на длинной тонкой стальной цепи.

— На кого ставишь? — повернулся Морн к своему низкорослому приятелю.

— Не знаю... — Почесал голову коротышка. — Наверное на воительницу. Слишком уж хлипок на вид ее соперник.

Противник рыжеволосой девы и впрямь был весьма щеделушен, однако оружием своим владел вполне, тут же завертев им над головой и не подпуская воительницу в ближний бой. Однажды ему даже удалось достать ее, нанеся неглубокий порез в области плеча. И тут дева с яростным рыком широко размахнулась и метнула одну из своих секир прямо в голову противника. Меч настолько не ожидал подобного что прозевал эту атаку и рухнул на мягкий песок арены с расколотым черепом.

— Вот эта женщина. Просто огонь! — восхищенно ахнул Нодди. — Интересно какова она в постели...

— Даже и не мечтай. — Рассмеялся Морн. — С ее статью она наверняка предпочтет кого-нибудь повыше.

— Это тебя что ли... — Скривился коротышка. — Эвон одни кости торчат. А я мужчина в самом соку. К тому же чем меньше рост тем крепче корень, если ты конечно понимаешь, о чем я...

На арену же тем временем шагнул очень мощный коренастый хотя и не шибко высокий боец целиком закованный в подвижные пластинчатые латы. У него не было при себе никакого оружия, но, как оказалось, оно ему и не требовалось. Едва прозвучал гонг, он тут же двинулся, раскинув руки, на щуплого облаченного в простую оранжевую тогу молодого узкоплечего мастера с двумя короткими боевыми шестами.

— Борец чтоб его. — Нахмурился Нодди, глядя на низковатую слегка медведистую стойку его соперника. — Я в свое время тоже сподобился, когда совсем молодой был. Полезная наука, но мне все же больше по душе мой боевой топор.

Латник и впрямь оказался первоклассным борцом. К тому же он отлично позаботился о собственной экипировке, защитив себя практически со всех сторон. Мастер шестов тоже был не лыком шит, его оружие то и дело пробовало на прочность толстые подвижные доспехи врага, но все было напрасно. Не слишком подвижный, но явно опытный латник дождался своего шанса, и подловив соперника на оплошности, сбил с ног, и взяв в удушающий захват, одним движением сломал шейные позвонки.

Внезапно толпа взорвалась настоящими овациями. На ринг шагнул двухметровый гигант с длинным черным хвостом волос на гладко выбритой голове. Этот воин казался целиком сплетенным из крепчайших древесных корней с сухим бугрящимся чудовищными мускулами телом. В каждой его руке было зажато по массивному остро заточенному полуторнику.

— Видно император действительно придает турниру огромное значение раз позволяет участвовать в нем одному из своих бессмертных. — Прищурился вновь оказавшийся рядом с друзьями Пар-Хан.

— А кто он? — жадно вытаращился Чиллак.

— Черный Волк. Полукровка. Плод союза одного из горных племен и аррексийской крови. Считается вторым клинком империи после самого аррекса. — Усмехнулся Злая Вода, появляясь из толпы. — Похоже у нашего загадочного друга появился достойный соперник.

— Ты сам-то зачем все это отчебучил. — Нахмурился Нодди. — Совсем с головой не дружишь? Нам светиться лишний раз ни к чему.

— Я живу ради боя. — Пожал плечами Пар-Хан. — Как я мог пропустить подобное. Да и потом возможно так я сумею подобраться к нашей цели поближе.

Черный Волк закончил свой бой быстро. Впрочем, это даже не было боем. Полуголый жирдяй с двумя массивными барабанными било едва успел поднять свое странное оружие, как клинки полукровки одним слитным молниеносным ударом отсекли ему руки по самые плечи. Следующий точно такой же удар лишил толстяка ног, вырезав на конечности торса идеально ровный кровавый треугольник. Закончив свое дело, второй меч империи быстрым шагом покинул арену, не потрудившись даже добить корчащийся на песке истекающий кровью обрубок. За него это сделал один из слуг, кривым кинжалом перерезав горло хрипящей от боли жертве. Толпа на площади ликовала, раз за разом исступленно выкрикивая имя своего кумира.

— Ох и не завидую я тебе, приятель. — Покачал головой Нодди. — Драться с такой машиной смерти себе дороже.

— Любой воин рано или поздно находит свой конец. — Пожал плечами Злая Вода. — А гибель в бою — самая достойная из всех возможных.

Следующими оказались коренастый воин с двумя круглыми стальными щитами заточенным по кромкам как боевое оружие и маленький юркий степняк вооруженный одной лишь кожаной пращей.

— Праща — грозное оружие в умелых руках. — Морн жадно присосался к только что купленной у торговца баклаге с пенным темным пивом. — На этом турнире разрешено почти любое оружие кроме луков и арбалетов, благо из них можно ненароком и кого из зрителей зацепить...

— ...как бы высоко они не сидели... — Многозначительно покосился Нодди на императорскую ложу. Мысль прикончить аррекса из того же дальнобойного арбалета была конечно весьма заманчивой, но на площади находилось уж слишком много охраны и тайных шпионов дворца. К тому же император славился своим невероятным чутьем к подобным вещам, умудрившись за столетие своего правления пережить огромное количество покушений на собственную персону.

С самого начала боя пращник принялся бегать вокруг бойца ближнего боя, обстреливая его небольшими круглыми камнями, которые сноровисто выхватывал из переметной сумки на поясе. Щитonosец напротив ушел в глухую оборону, плотно прикрыв голову и торс. Тогда пращник сменил тактику, принявшись бить по ногам. Щитonosец глухо взревел от боли, когда один из снарядов угодил ему по колену и неожиданно с силой швырнул один из своих щитов в метателя камней, сбив его с ног. А затем подскочил к упавшему телу и принялся остервенело бить острым ободом оставшегося щита по голове обидчика, пока тот не перестал дергаться и окончательно не обмяк.

На арену шагнул очередной стальной гигант на этот раз с тройным цепным кистенем наперевес. Его противником оказался полуголый жилистый дикарь с красными татуировками по всему телу. В одной руке он сжимал короткий дротик, а в другой была зажата полая деревянная трубка непонятного назначения.

— Ну здесь заранее все ясно. — Скептически скривился Нодди. — Степняк ему явно не соперник.

Однако дикаря похоже ни капли не смущала разница в вооружении, едва начался бой, как он тут же поднес свою трубку к губам и дунул в сторону противника. Рыцарь недовольно взрыкнул. Маленький почти незаметный черный шип вонзился ему в щеку сквозь решетчатое забрало. Гигант двинулся к худосочному варвару, угрожающе поднимая свое чудовищное оружие, и внезапно заорал от невыносимой боли, выронив цеп и щит и судорожно пытаясь стащить с себя шлем. Однако боль становилась все сильнее, швырнув колосса на землю. Через пару минут все уже было кончено, и тело рыцаря глядело в небеса застывшим остекленевшим взором.

— Да оружие и амуниция дикарей безусловно оставляют желать лучшего, но зато они превосходно разбираются в ядах. — Мрачно усмехнулся Морн.

— Из всего произошедшего можно извлечь урок: не суди по внешности. — Лицо Оранга вновь осталось совершенно бесстрастным.

— Еще одно страшилище. — Недовольно скривился Нодди, глядя на полуголового мускулистого гиганта в глухой черной маске с огромным трехлезвийным оружием, которое

более всего напоминало исполинскую когтистую лапу неведомого чудовища. — И где он их только берет...

Оппонентом колоссу выступил худощавый мастер-меч вооруженный длинной веревкой средней толщины с массивными узлами по всей длине.

— Опять ваш брат... — Хмыкнул коротышка. — Ничуть не удивлюсь, если победителем турнира окажется именно меч. Бьетесь вы словно ночные демоны...

Бой начался, и грозный на вид гигант оказался на поверку весьма посредственным бойцом. К тому же его подвело его громоздкое оружие, которое мягко говоря было не слишком удобно для битв с худощавыми подвижными воинами делающими упор на ловкость и проворство. Мечу не составляло никакого труда уклоняться от неуклюжих выпадов соперника, а затем он, выгадав момент, продернул свою веревку между ног исполина, заставив того рухнуть лицом вниз. Мастер же оказавшись за его спиной, молниеносно связал мертвую петлю вокруг его лодыжки и свернул ему стопу, вывихнув сустав. Колосс заревел от боли, тщетно пытаясь подняться, но у него ничего не выходило. Меч же, развивая успех, обвил своим оружием бычью шею богатыря и, оперевшись ногами в его могучую спину, давил до тех пор, пока тот не потерял сознание. Добивать поверженного он впрочем не стал, поклонившись сперва аррексу, затем публике, и покинул ристалище, не забыв прихватить свое необычное оружие.

А затем на арене появился еще один представитель древесного люда. Торс этого могучего здоровяка средних лет был обнажен, но талию охватывал очень широкий и плотный коричневый кожаный пояс. Его кожа была темной и грубой словно древесная кора, а тело хоть и не было рельефным бугрилось плотным жилистым мясом безо всякого намека на лишний жир. Дубленое простецкое лицо богатыря было вполне под стать его внешности, но тем не менее отчего-то не вызывало отторжение. Глаза же у него были темными в отличие от ярко-синих очей большинства представителей этого племени. В руках он сжимал массивную дубовую палицу, которую обычный человек вряд ли смог бы даже поднять. Его соперником был довольно высокий худощавый воин с двумя молотами клевцами и длинным клювастым шлемом.

Дубень не стал долго с ним церемониться. На первых секундах боя он отшвырнул свою дубину в сторону и с неожиданной ловкостью перехватил оба запястья противника, вынуждая его выпустить свое оружие. Тот явно не мог тягаться с воином древ в чистой мощи, но еще попытался боднуть того в лицо острием своего клюватого шлема. Богатырь проворно убрал голову в сторону и, перехватив врага за пояс, легко бросил через себя. Последний кое как нашел в себе силы подняться, хотя его уже ощутимо шатало после столь близкого знакомства с чудовищной силой варвара, и сокрушительный удар дубового кулака в челюсть поставил в этом бою финальную точку.

Публика вновь выразила свое недовольство оглушительным свистом. На ринг даже полетели гнилые овощи, но воины аррекса дали в ответ пару арбалетных залпов, убивших и ранивших несколько человек. В тех местах началась было давка и паника, но затем все постепенно стихло, благо подобные демонстрации силы были для Аррекции вполне в порядке вещей. Именно так бессмертный император изволил карать своих поданных за проявление неуважения к нему и его великим деяниям. Когда порядок удалось более менее восстановить, народ вновь оживился. На ристалище показался могучий красноволосый здоровяк целиком облаченный в ярко-алые одежды. Оружием ему служила массивная алебарда устрашающего вида также выкрашенная в цвет крови.

— Кровавый. Победитель прошлого турнира. — Похоже, даже неугомонный Нодди за время проведения этого грандиозного шоу совершенно разучился удивляться. — Что-то да будет...

Напротив чемпиона неуверенно топтался смуглый уроженец южной пустыни в одной набедренной повязке. В руках он сжимал хопеш — бронзовый полусерп на длинной рукояти и неожиданно добротный круглый медный щит. С самого начала поединка стало понятно, что Кровавый любит как следует поиграть со своими жертвами. Он наносил удары вполсилы, откровенно щадя соперника и гоняя его по всей арене. Тот ничего не мог ему противопоставить и через довольно непродолжительное время полностью выбился из сил. Сильный удар древком опрокинул его на спину, и лезвие алебарды вонзилось ему в живот. Чемпион несколько раз с наслаждением провернул лезвие, превращая внутренности соперника в кровавое месиво, а затем отсек ему голову и, зачем то забрав ее с собой, вальяжно ушел с арены.

— Это его особенность. Он коллекционирует головы своих врагов. Говорят, в его доме их уже немало... Гляди, наши. — Морн с улыбкой толкнул Нодди в бок, глядя на бойца с эмблемой девятого легиона на щите.

У его соперника не было на виду никакого оружия кроме чрезмерно длинных рукавов, а длинные выкрашенные в синий цвет волосы обрамляли пожалуй чересчур красивое для воина лицо.

— Он словно девица. — Громыхнул Сила. — Там где я рос, к таким приставали с разными гнусностями. Но я не такой, не думайте. Я честный воин, хотя девушек люблю...

Впрочем, миловидная внешность меча ничуть не помешала ему успешно отражать атаки боевого копья соперника, своими длинными рукавами запутывая его и сбивая с толку. Его просторное синее одеяние казалось превратилось в стремительный живой вихрь. Он оказался невероятно искусен. В следующую секунду копьё легионера было вырвано из его рук, и солдат Аррексии оказался безжалостно избит собственным оружием, беспомощно валяясь на земле не в силах подняться.

Император при виде подобного гневно поднялся с трона и провел ладонью себе по горлу. Один из стражей тотчас же направил свой арбалет на легионера и прострелил ему шею, исполнив волю владыки. Неудачники элитным армейским частям великой Аррексии были не нужны.

— Вот сука... — С горечью выдохнул Нодди. — Сколько всего мы прошли с этими парнями... Такова плата за верность великой империи...

— Вы только посмотрите на это... — Отвлек коротышку Чиллак.

На арену буквально вкатился низкорослый крепко сбитый бритый наголо боец с непропорционально длинными мускулистыми руками. Он скакал на четвереньках словно обезьяна, не принимая вертикальное положение, потому что его ноги заканчивались выше колен. Дальше начинались острые стальные клинки в метр в длину.

— Ну и урод! — не удержался от возгласа Чиллак.

— В его увечье его сила. — Покачал головой пилигрим. — Когда природа забирает в одном, она дает в чем то другом. Посмотри, как ловко он движется.

— Словно дикий зверь... — Озадаченно протянул Нодди.

Тем временем на арену вышел высокий худой воин с двумя необычными бичами в виде тонких остро заточенных стальных нитей.

— А вот это очень неприятно. — Посуровел Оранг. — В бою с таким противником даже

если осилишь его вряд ли сам останешься целым.

Мастер бичей тем временем брезгливо оглядел своего соперника и, явно не сочтя его достойным внимания, начал бой. Его кнуты замелькали серебристыми молниями, полосую обнаженное тело Меченога, именно так выкрикнул его герольд. Тот скакал и вертелся ужом по всему рингу, силясь достать своего врага, но биченосец умело держал дистанцию. Калека был уже весь в обильно кровоточащих порезах, и когда сомнений относительно исхода схватки практически не осталось, он вдруг подхватил с земли горсть песка и швырнул ее в надменное самодовольное лицо противника. Высокий принялся ожесточенно тереть глаза потеряв ориентацию, и коротышка, подкатившись к нему, сделал круговую подсечку, подрезав голеностопное сухожилие, а затем, не мудрствуя лукаво, попросту прыгнул обеими ногами ему на грудь.

Последний поединок проходил между вооруженным кривым скимитаром и метательным боло степняком и воином корпуса гимнетов. Белокурый красивый гимнет сжимал в руках огромный двулезвийный меч и существенно превосходил соперника ростом и силой. Некоторое время противники прощупывали друг друга, пока степняк не совершил ловкий бросок, и его боло опутало ноги гимнета, заставив того рухнуть на песок арены. Степняк тут же кинулся вперед, поднимая скимитар для решающего удара, и... напоролся горлом на вовремя подставленный вражеский клинок.

На этом поединки первого тура подошли к концу, и члены отряда Оранга направились в таверну чтобы как следует отдохнуть и перекусить. Большинство зрителей также покинуло площадь. На сегодня с них было достаточно впечатлений. Финальные бои турнира должны были состояться завтрашним утром.

Глава двадцать первая

Финальные бои

На следующее утро отдохнувшие путники вышли пораньше и сумели подыскать себе места гораздо ближе к арене нежели вчера. Все они находились в превосходном настроении и с нетерпением ждали продолжения турнира. Чиллака правда в итоге все же вывернуло наизнанку в тот день после окончания боев.

— Скажи мне, отчего все те, кто не привык к насилию так реагируют на смерть. — Задал вопрос Оранг своему ученику, едва тот более менее пришел в себя.

— Не знаю... наверное это просто мерзко и противно... — Замялся парень.

— Тебе в твоём трактире наверняка не раз доводилось видеть пьяниц валяющихся в собственных экскрементах и блевотине, однако вряд ли ты тогда реагировал столь бурно. — Хитро усмехнулся Оранг.

— Ну тогда даже и не знаю...

— А если спросить свою суть. Что она говорит тебе?

— Когда я видел умирающих людей, воздух над ними как бы дрожал... и что-то было такое... нет, не могу объяснить...

— Исход силы. Негативная энергия выделяющаяся во время подобных явлений разливается вокруг, и ты волей неволей впитываешь ее. Постепенно она меняет тебя, делая крепче, сильнее, но и злее, равнодушнее к страданиям других. Самое страшное это стать зависимым от нее. Именно в этом и заключается путь тьмы. По сути убийцы ничем не отличаются от пьяниц, только греет их совсем иное... Ты понимаешь, зачем я тебе это говорю?

— Чтобы я учился контролировать эмоции и не стал плохим?

— Верно. Вчера ты был чересчур возбужден кровью и насилием, но тебе стоит помнить, что каждый погибший на этом турнире чей-то муж, чей-то сын, чей-то отец. Отец, который никогда больше не вернется домой, чтобы обнять и приласкать своих детей... Надеюсь, сегодня во время игрищ я увижу на твоём лице совершенно иное выражение.

— ...Хорошо что мы пришли загодя. — Хриплый голос Нодди отвлек Чиллака от размышлений. — Отсюда вся арена как на ладони.

— Как и императорская ложа. — Морн с ненавистью глядел на возвышение, на котором в окружении многочисленной охраны помимо самого великого аррекса находилось еще трое. Черно-золотой «дракон», невысокий плотно сбитый меч и высоченный гигант с могучим, но несколько костистым телом и длинными совершенно седыми волосами обрамлявшими жестокое высохшее словно у мертвеца лицо с безжалостными серыми глазами.

— Бессмертные. Самые страшные и могущественные люди в империи. Дэй-Кон. Наместник аррекса в землях мечей. Кай Грасс — легат «драконов» и верховный военачальник всей Аррекции.

— А третий? — рискнул полюбопытствовать Чиллак.

— Мордред Стервятник. — Нахмурился Морн, и в его глазах промелькнула давняя застарелая боль. — Владыка всей Южной степи. Самый жестокий из всех. — Морн замолчал и отвернулся. Нодди сочувственно покачал головой, но не сказал ни слова. По всей видимости он знал нечто такое, о чем не догадывались остальные. И это нечто явно имело отношение к его другу и жуткому южному владыке.

Тем временем начались бои второго тура. На арену вальяжно вышел Пуль Септим, поигрывая тяжелой гизармой. Его стальные латы грозно сверкали на солнце, придавая могучему рыцарю поистине грозный и величественный вид. Седой воитель с косой стал его соперником в первом бою второго круга. Косарь с самого начала поединка применял необычную тактику, пытаясь зацепить своим оружием ноги противника, однако Септим был для этого слишком опытен. В итоге гизарма одним ловким ударом перерубила тонкое древко косы, а следующая ее атака развалила худощавое тело седовласого надвое.

Мастеру ременной игры достался искусный фехтовальщик-шпажист. Этот бой стал настоящим произведением воинского искусства, высокой игрой двух мастеров. Долгое время оба кружили по арене, пытаясь подловить друг друга на оплошности. В итоге петля арканщика таки захлестнула правую руку его соперника. Намотанный на левую руку шпажиста плащ мелькнул темным сполохом брошенный в лицо степняка. Тот проворно отпрянул в сторону, не забывая держать в поле зрения шпагу противника, и напоролся горлом на хищное лезвие короткого даго скрытого под плащом мастера клинка.

— Вот что значит не раскрывать все таланты до срока. — Восхищенно резюмировал Морн. — Даже я не ожидал подобного.

— Фокус сей далеко не нов. — Покачал головой мастер Оранг. — Но донельзя эффективен. Однако по мне лучше использовать закрепленный на перчатке короткий катар, иначе пальцы могут затечь, что сильно скажется на эффективности удара.

— Ну, у этого парня с этим явно нет проблем. — Не согласился Морн. — Впрочем, спорить не стану. Моему умению до твоего ох как далеко...

— Гляди, снова гвардия пожаловала. — Кивнул Нодди на могучего исполина в шипастых доспехах. — Не люблю этих уродов. Те еще подонки...

— И противник ему под стать. — Морн указал на белокурого гимнета. — Эти тоже ничем не лучше хоть и рядятся в белое...

Толпа разразилась довольными криками. Поединки между гимнетами и драконами пользовались особой популярностью, и как следствие ставки на них были особенно высоки. Клинки соперников сшиблись со страшным звоном. И тот, и другой были потомственными военными, особой породой людей выращенной специально для битв с себе подобными. Доспех дракона был более тяжелым и полным, но зато его одноручный копис оказался намного короче двулезвийного клинка дворцового стража. Пока последний успешно сдерживал врага, то и дело обрушивая свой меч на массивный обшитый сталью щит гвардейца. Так продолжалось до тех пор, пока дракон не отбросил копис и выхватил из-за спины тяжелое среднее копье со стальными полосами усиления вдоль толстого древка. Противники покружили еще некоторое время, а затем дракон резко метнул свое оружие, вонзившееся в бедро соперника. Затем он спокойно подобрал свой клинок и, пинком вышибив меч из слабеющих рук гимнета, перерезал ему горло.

— Твоя дева. — Улыбнулся Морн, пихнув коротышку в бок. — А ее соперник...

— Нет, только не он! — схватился за голову Нодди, глядя на мистического воителя с темной короткой глефой наперевес.

— Спокойно, брат. — Усмехнулся черноволосый воин. — Наш человек-загадка не убивает без нужды.

Рыжеволосая бестия с первых секунд схватки кинулась на Шанга, яростно вращая секирами. Тот действовал точно также как и в первом своем бою. Дав показать деве битв все, на что она способна, он четким выверенным ударом тяжелого древка в висок отправил

ее отдыхать на песчаный настил арены.

— Она выбыла... — Нодди утер со лба обильно струящийся пот. — Хвала небесам...

— Брат, да ты никак влюбился... — Поддел товарища Морн. — Гляди, снова этот бесноватый.

На арену вышел кулачный боец с зажатыми в ладонях гвоздями. Его взор как и в прошлый раз был полон ярости и жажды крови. Противником ему достался грузный обладатель военной пашки. Этот явно не воспринял кулачника всерьез и тут же нанес ему резкий секущий удар клинком по шее. Однако пашка вопреки ожиданиям степняка оставила на молодой смуглой коже лишь неглубокий порез, а затем усиленный гвоздем кулак вонзился опешившему мечнику под дых, бросив того на колени и заставив выпустить свое оружие. Следующий удар кулака пробил его затылок. Победитель что-то рассерженно зашипел, и плюнув на тело поверженного врага, покинул ристалище.

— Ничего не понимаю. — Нахмурился Чиллак. — Как ему удалось уцелеть?

— Он пользуется начальными азами техники железной рубашки. — Усмехнулся пилигрим. — Однако делает это вряд ли осознанно. Скорее уж руководствуется инстинктом.

— А я думал, это искусство лишь легенда... — Прищурился Нодди.

— Нет. — Неожиданно прогрохотал Сила. — Я обучался ему в храме железных цветов. Мой папаша выгнал меня из дома за то, что я такой тугодум и все ломаю, и я подался туда. Сперва у меня ничего не выходило. Мой наставник все время говорил, что я слишком тупой чтобы обучаться работе с силой. Тогда настоятель храма спросил, что для меня тверже всего на свете. Мой папаша был кузнецом, и я сказал, что в мире нет ничего прочнее наковальни. И тогда он сказал мне представлять во время боя что я наковальня. С тех пор меня никто не может сокрушить.

— Весьма поучительная история. — Усмехнулся Оранг. — Только этому искусству обучают в храме Железного Лотоса. О храме железных цветов я слышу впервые.

— Так... того... я подзабыл уж за столько лет, как он прозывался... — Смущенно пробасил Сила под веселый хохот прочих.

— Смотрите, это тот с посохом с секретом. — Оживился Чиллак. — Интересно чего он на этот раз отчебучит...

Обладатель посоха как и в прошлый раз был абсолютно бесстрастен и спокойно глядел на худого плутоватого аррексийца в глухом широком плаще. Неожиданно последний резко вскинул руку, и в мастера полетели метательные ножи. Посох меча мелькнул серой размытой молнией, отражая атаку. Его несравненное искусство уберегло его от смертоносных гостинцев противника. В дальнейшем поединок складывался в точности как с рыцарем. Метатель проворно бегал по арене и швырял свои ножи во врага. Однако на этот раз соперник ему попался явно намного выше классом. Он умудрился отразить все клинки аррексийца, и когда тот наклонился чтобы подобрать пару своих ножей, неожиданно с силой метнул скрытый в посохе клинок прямо в грудь врага. Тот прозевал эту атаку, и меч воина востока пронзил ему сердце.

Быстрый и стремительный обладатель серпов в сером балахоне вышел против мастера огня. Факельщик был искусным воином, но меч был быстрее и прекрасно помнил о смертоносном огненном дыхании соперника. В итоге он дождался, когда тот вновь решит применить этот прием, и неожиданным резким ударом проткнул ему глотку. Зажженный факел в руке мастера дернулся и мазнул пламенем по вытекающей из горла черной жидкости. Жидкость ярко полыхнула, и изо рта и дыры в шее воина вырвались слепящие

струи огня. На площади оглушительно заорали и даже затопали ногами, выражая крайнюю степень восторга.

Палачу сегодня достался очень нелегкий соперник в лице зверочеловека с крюками вместо рук. Этот колосс существенно превосходил комплекцией также отнюдь немаленького аррексийца, но был совершенно безумен, позволяя врагу кружить вокруг него и полосовать его тело стальными когтями своих железных кулаков. В итоге профессиональный костолом сумел повредить ногу гиганта, заставив того рухнуть на колени, и вонзил длинные лезвия ему под подбородок. Однако исполин вопреки ожиданиям не умер сразу, а в свою очередь зацепил серпом шею Палача и, притянув отчаянно дергающегося убийцу к себе, сломал ему шею и лишь затем испустил дух.

— Неожиданно. — Резюмировал Морн. — Теперь участников станет нечетное количество. Интересно, как они выкрутятся...

Тем временем герольд выкрикнул имя Злой Воды, и тому пришлось спешно пробиваться к арене. Там его уже поджидал мастер с боевой веревкой со схожим стилем боя. Эта схватка оказалась на редкость зрелищной и богатой на акробатические финты и кульбиты. Противники из кожи вон лезли чтобы одолеть друг друга, используя в битве не только свое оружие, но и весьма впечатляющую технику рукопашного боя. В итоге Пар-Хану все же удалось одержать верх и лишить противника сознания, но и сам он оказался сильно избит и измотан.

— Узлы на той веревочке что надо. — Хмыкнул он, вернувшись к друзьям и обессиленно сядя на землю прямо посреди толпы. — Добротный бамбуковый шест и тот бьет не так люто...

Народ вновь оглушительно завопил. Живая легенда и бесспорный фаворит турнира вышел на свой второй бой. Черный Волк сошелся с воином гор, оружием которому служил тяжелый боевой топор. Судя по яростным взглядам, которые те кидали друг на друга, меж ними помимо турнира стояла еще и давняя застарелая вражда племен. Едва прозвучал сигнал, секироносец резко бросился вперед, ударив топором сверху вниз. Волк стремительно ушел вбок и, припав на одно колено, с оттягом полоснул по плоскому рельефному животу соперника.

Горец недоуменно уставился на выпадающие из вспоротого живота окровавленные внутренности. Бессмертный же со смехом отбросил свои клинки и медленно двинулся к нему хищным уверенным шагом. Тот попытался отмахнуться топором, но оружие оказалось вырвано у него из рук, а затем гигант играючи поставил горца на колени, и оказавшись позади него, принялся медленно выдавливать глаза, рыча от удовольствия. В глазах полукровки плясал дьявольский огонь. Жертва беспомощно трепыхалась в чудовищных лапах второго меча империи, пока, наконец, тому не наскучила эта забава, и он хладнокровно не свернул ей шею.

— Твою мать... браток, может откажешься? — с сочувствием протянул Нодди. — Тебе ведь и так крепко досталось.

— Смерть в бою слаще позора трусости. — Хладнокровно обронил Злая Вода. — Не хорони меня раньше срока. Жизнь извилистая река. Кто знает, что ждет нас за очередным поворотом.

— Оранг, твой любимчик. — Отвлек друзей Морн, указывая на мастера с т-образными кастетами. — Да и противник ему не уступит...

Владелец серебристой цепи с острием-клювом действительно был ничуть не ниже

классом. Однако на этот раз ему не повезло. Более собранный и сосредоточенный соперник после непродолжительного боя сумел перехватить его оружие и четким ударом кастета в висок лишить его сознания.

— Опять пощадил. Мастер, вы были правы. На такие бои смотреть гораздо приятнее. — Улыбнулся Чиллак.

— Что ж, значит, мой урок не прошел для тебя даром. — Довольно кивнул пилигрим.

Тем временем на арену тяжело шагнул дубень. Его лицо казалось мрачнее тучи. Он был исполнен праведного гнева за судьбу своего сородича и поражение собственного народа в войне и истово жаждал мщения. Ему в соперники поставили закованного в латы борца, который настороженно приглядывался к воину древ, сполна оценив всю чудовищную силу последнего в предыдущем бою. Вновь как и в прошлый раз богатырь отбросил свою дубину и смело шагнул навстречу врагу. Противники сцепили руки, и латник отчаянно закричал, рухнув на колени, железная хватка силача оказалась непомерной даже для его закованных в металл тоже далеко не слабых ладоней. Дубень же молча продолжал давить, пока кисти аррексийца не превратились в кровавую мешанину крови, плоти и стали. Яростно взревев, он сорвал круглый низкий шлем с головы латника и от души двинул ему в переносицу могучим лбом, завершив схватку.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Темный! — могучий голос богатыря разнесся по площади. — Ты послал на смерть мальчишку, которому не было и двух десятков весен! За это я буду бить твоих воинов как собак! — с этими словами дубень гордо покинул арену, заставив герольда растеряно открывать и закрывать рот. На его памяти так с великим аррексом осмелились заговорить впервые.

— Вы это слышали? — хлопнул себя по бокам Нодди. — Похоже, эти древни воистину крепче корней дуба, как вещает о них молва. Так лихо уесть Всетемнейшего... Теперь наш герой вряд ли доживет до следующего тура.

— Не думаю. — Покачал головой Оранг. — Аррекс конечно законченный злодей, но он слишком любит кровавые зрелища. Он вряд ли откажет себе в удовольствии посмотреть на бой древня с кем-нибудь из местных чемпионов.

На арену меж тем выскочил раскрашенный татуировками дикарь с плевательной трубкой и коротким боевым дротиком. Навстречу ему спокойно вышел боец мечей с синими волосами что так ловко отделал солдата девятого легиона в прошлом туре. Варвар сразу же попытался повторить свой трюк с плевком ядовитым шипом, но меч с непостижимой скоростью отпрыгнул в сторону и ринулся врукопашную. Не слишком умелый в ближнем бою степняк едва успел сделать неуверенный выпад дротиком, как получил сильнейший удар в лицо сразу двумя ногами высоко подпрыгнувшего мастера и распростерся на арене без сознания. Длинноволосый же деловито обшарил поверженного врага, сняв с его пояса какой-то мешочек непонятного назначения и растворился в толпе.

Вновь ликующие возгласы ознаменовали собой появление грозного Голема. Тот вышел против богатыря с кузнечным молотом прикончившим фаворита Нодди. Кузнец был довольно молод, но явно очень опытен. Он не стал бросаться в атаку очертя голову, вместо этого настороженно следя за врагом и держа свое оружие наготове. Все закончилось крайне неожиданно. Голем, осознав, что ему не прорваться в ближний бой, внезапно резко плюнул в лицо противника какой-то едкой зеленой дрянью. Парень принялся ожесточенно тереть глаза и получил сокрушительный апперкот железным кулаком чемпиона. Еще два

сильнейших удара по уже упавшему телу раскололи парню череп.

— И этот плюется! — всплеснул рукам Чиллак. — Как же им удастся так долго держать жидкость во рту, не глотая, да еще и вести бой?

— Упорство и долгие годы тренировок. — Усмехнулся Оранг. — У пути нет границ, запомни это. Возможно абсолютно все, было бы время и желание.

Бой еще одного чемпиона в кроваво-алых одеждах проходил с чернокожим уроженцем пустыни. Их оружие было примерно одного класса и длины, поэтому в этой схватке все решило мастерство. Как бы хорош не был чернокожий атлет, Кровавый не даром носил титул чемпиона. Очередной ловкий удар алебарды перерубил древко трезубца. В ответ мелькнула ловчая сеть сына пустыни, но гигант с невероятным для такой туши проворством избежал броска, и лезвие его оружия глубоко врубилось в шею атлета.

В финальной битве второго тура публика вновь увидела Меченога. Этот воин оказался сильно посечен стальными бичами соперника в прошлой схватке, однако уже успел оправиться от трепки и пристально глядел на невысокого крепыща с двумя боевыми щитами. Последний тоже учел всю невероятную ловкость калеки и бдительно следил за нижним уровнем, не давая тому слишком приблизиться к себе и подсечь ноги. Но, как оказалось, у искусного уродца было в запасе еще немало трюков. В воздухе мелькнули острые стальные звездочки, веером ударившие по его сопернику, не причинив, впрочем, тому особого вреда, но рассеяв его внимание и заставив раскрыться. Затем Меченог резко оттолкнулся длинными сильными руками от земли и, буквально взлетев вверх и вперед, прямо в воздухе пронзил горло врага одним из своих ножных клинков.

* * *

После небольшого перерыва глашатай объявил третий тур. На ринг вышли мастер шеста и элегантный владелец пшаги. В этот раз он был без плаща, сжимая в левой руке свое верное даго. Время трюков закончилось. Настало время по настоящему серьезной борьбы. Меч в свою очередь также извлек свой клинок, взяв ножны в качестве вспомогательного оружия. Толпа оживилась. Раньше воители демонстрировали совершенно иную тактику, и народ вовсю предвкушал увлекательное смертельно опасное зрелище. Противники начали осторожно обмениваться ударами, изучая друг друга и не спеша обострять бой. Сперва все складывалось поровну, но затем оказалось, что меч чувствует себя не слишком уверенно с двойным оружием и то и дело припаздывает, чуть открываясь, во время ответных атак. Опытный фехтовальщик быстро заметил эту особенность противника, и выждав, когда тот вновь совершит ошибку, стремительно нанес укол... и взвыл, зажимая кровавую культю на месте напрочь отсеченной кисти. «Неуверенность» соперника оказалась искусной обманкой. Следующий молниеносный удар меча перерезал горло маэстро.

— Вот так. — Хладнокровно резюмировал Оранг. — В играх подобного уровня любые ходы с двойным, а то и тройным дном. И выживает как правило не самый сильный, а самый хитрый и расчетливый.

Мастер деревянных кастетов выступил против полубесноватого Гвоздя, как выкрикивал его герольд. И в этот раз яростный костолом столкнулся с непосильной для себя задачей. Опытный мастер не шел с ним в прямое столкновение, утекая от его усиленных гвоздями сухих жилистых кулаков и не давая тому использовать свою чудовищную силу, а сам бил в

ответ максимально четко и выверено. Прямо по болевым точкам противника. Тот оказался дьявольски силен и вынослив, выдерживая удары, которые любого другого убили бы на месте, однако в итоге своей злобой истощил сам себя и рухнул на песок арены, бессильно сверкая глазами. Из его рта текла кровь, и он не мог более продолжать бой.

— Хоть он и жестокий убийца, но судьба дала ему шанс начать все сначала и ступить на истинный путь. Надеюсь, он им воспользуется. Бедный глупый мальчишка... — Тяжело проронил пилигрим, потемнев лицом. И Чиллаку отчего-то показалось в тот момент, что последняя фраза мастера была обращена отнюдь не к поверженному костолому.

Затем турнир украсил поединок чемпионов. Пуль Септим вышел против Кровавого.

— Гизарма против алебарды. — Хмыкнул Морн. — Даже и не знаю, на кого бы поставил.

Этот бой начался неторопливо. Оба соперника были крупными мужчинами и более привыкли действовать в обороне. Оружие единоборцев высекло первые искры. Силы оказались равны. Медленный осторожный обмен ударами продолжался довольно долго, но затем Кровавый резко взвинтил темп. Его доспех был легче, и посему его противник стал уставать. В итоге последний прозевал сильнейший удар древком по забралу и рухнул навзничь. Стальной шлем богатыря сплюснулся и вмял его лицо вовнутрь черепа. Удар милосердия нанесенный острым передним шипом алебарды в шею прервал его агонию.

— Время отделить воинов от угодников. — Усмехнулся Пар-Хан, когда распорядитель выкрикнул его имя.

— Удач тебе, друг. — Шепнул Морн.

Шанг спокойно глядел на Злую Воду сквозь узкую щель в глухой черной маске. Его глаза также были непроницаемо темны. Оценив, что у его противника нет оружия, он демонстративно воткнул глефу в землю, приглашая мастера пьяного стиля попытать счастья в рукопашной схватке. Тот в свою очередь сноровисто избавился от ремней, швырнув их на край арены, и поклонился сопернику. Шанг сделал то же самое, а затем оба воителя стремительно сорвались с места. Пар-Хан сделал ставку на свой необычный сбивающий с толку стиль, однако Шанг двигался настолько быстро, что даже такой опытный мастер как Злая Вода не успевал за его движениями. Мистический воитель не наносил по настоящему жестоких калечащих ударов, но бил по конечностям соперника, ловя его руки и ноги на жесткие блоки, тем самым отбивая их и лишая подвижности. В итоге в какой-то момент Пар-Хан осознал, что в буквальном смысле превратился в подвешенную на шарнирах марионетку. Его конечности попросту отказывались его слушаться. Шанг же приблизился к шатающемуся мастеру пьяного стиля и легонько пихнул его ладонью в грудь, заставив рухнуть на песок арены.

— Это честь. — Голос мистического воина был слегка шипящим и совсем не походил на человеческий.

Пар-Хан, как бы не был сильно избит, все же нашел в себе силы прижать руки к груди, выражая ответную любезность. К нему уже спешил Морн, заботливо подставив мастеру плечо и не забыв прихватить его необычное оружие. Наемнику пришлось вести Злую Воду едва ли не волоком. Самостоятельно идти тот не мог, хотя и наотрез отказался направиться в таверну. Самые интересные поединки были впереди.

Тем временем дракон получал последние наставления перед поединком у своего командира.

— Как тебе этот синевласый? — рыкнул Кай Грасс, глядя на подчиненного.

— Крашенный гомик. — Пренебрежительно хмыкнул дракон. — Моя фальката (одно из названий кописа) научит его должному почтению.

— Сейчас не время для бахвальства. Следующий бой у тебя с Черным Волком. Одолей меч, а потом ляжешь. Я договорился с горцем. Если сделаешь все как надо, он тебя пощадит.

— Прогнуться под степное отребье... — Нахмурился воин.

— Думай, что говоришь! — осадил его легат. — Волк бессмертный, избранный самим аррексом. Проиграть ему не позор. Великий император не требует от своих воинов невыполнимых задач... А сейчас иди. Твой бой вот-вот объявят.

На этот бой дракон действительно взял копис, с которым был особенно умел. Его соперник вновь вышел с голыми руками. Гвардеец усмехнулся, предвкушая легкую победу, но бой закончился очень быстро и отнюдь не так, как тот рассчитывал. Меч вдруг сделал одно стремительное движение рукой, и подопечный Грасса ожесточенно затряс головой. Веер тончайших стальных игл вонзился ему в лицо сквозь забрало шлема, и через минуту дракон был уже мертв. Синевласый взял на вооружение не только приемы поверженного им дикаря, но и его смертоносный яд.

— И поделом. — Удовлетворенно кивнул Нодди, с ненавистью глядя на тело мертвого гвардейца. — Эти имперские псы не заслуживают жалости.

Могучий древень вышел против чемпиона с железными кулаками. Народ ждал этого боя с особым предвкушением. Дубень вновь отложил свое оружие, встретив соперника с голыми руками. Некоторое время бойцы прощупывали силы друг друга, пока воин древ резко не ушел от могучего крюка Голема, вонзив свой кулак ему в печень. Тот тотчас же рухнул на колени, проблевавшись на арену. Похоже раньше ему не доводилось сталкиваться с воинами подобной силы.

— Ты червивый и гнилой изнутри. — Выдохнул богатырь и одним движением могучих рук сломал костолому шею.

Мастер серпов столкнулся с Меченогом. Тот уже хорошо запомнился публике и числился среди ее любимцев. Этот бой оказался на редкость необычным. Калека волчком вертелся на земле, полосуюя свои ногами-лезвиями по нижнему уровню. Его соперник напротив то и дело совершал высокие прыжки, стремясь обрушиться сверху. Все решила случайность. Дождавшись очередного прыжка мастера серпов, коротышка сам в свою очередь взвился в воздух и, оказавшись за его спиной, резким пинком пронзил вражеский затылок.

Завершил третий круг поединок между Черным Волком и тем самым бойцом, которого так ловко вырубил Пар-Хан, чтобы пробиться на турнир. Его вновь включили в число участников из-за нечетного количества последних. Уроженец империи мечей среднего сложения с двумя широкими полукружными лезвиями похожими на помесь катара и кастета с откровенным ужасом глядел на чемпиона. Похоже, он уже и сам был не рад тому, что ввязался во все это. Бессмертный же похоже решил немного позабавиться, отложив свои полуторники, и двинулся к противнику с голыми руками. Тот настолько растерялся от грозного вида и хищной вальяжной уверенности исполина, что едва сумел сделать один единственный неуверенный выпад. Волк даже не стал уклоняться, легко перехватив широкое лезвие голой рукой, и тут же нанес сильнейший пинок в пах меча, отчего тот отлетел на добрых два метра назад, пропахав лицом песчаный настил арены. Бессмертный же преспокойно приблизился к корчащемуся от боли бедняге и поочередно сломал ему все

четыре конечности, а затем поднял того на руки словно младенца и резко свел их вместе. Позвоночник противника жалобно хрустнул, и чемпион, брезгливо отбросив изувеченное скрюченное тело с вывернутыми под неестественными углами конечностями, двинулся прочь, предоставив разбираться со сломанным словно кукла, но вопреки чудовищным увечьям все еще живым противником турнирным служкам.

— Когда мы доберемся до аррекса и его шавок, этот ублюдок станет вторым, кого я убью после степного падальщика. — Мрачно пообещал Морн, избегая смотреть на то что осталось от противника бессмертного. — Надеюсь, смерть его будет долгой...

* * *

Над ареной меж тем повисла неестественная тишина. В четвертом круге остались лишь лучшие из лучших. Турнир медленно, но неуклонно двигался к своей развязке. Непобедимый Шанг вышел против мастера шеста. Последний демонстративно завязал свисающими с посоха темными шелковыми нитями места соприкосновения ножен и рукояти, приглашая соперника к чистому бескровному поединку. Мистический воитель в ответ обернул лезвие глефы плотной темной тканью, тем самым соглашаясь с условиями.

Шанг приглашающе поманил противника пальцем, и тот сорвался с места, проведя серию стремительных ударов шестом, которые Шанг легко парировал. Глефа и шест замелькали с огромной скоростью, плетя причудливую вязь, заставляя зрителей с широко открытыми глазами следить за разворачивающимся действием. При этом противники практически не двигались с места, совершая лишь незначительные перемещения вбок-вперед-назад. Так продолжалось до тех пор, пока замотанное в ткань лезвие не нанесло три стремительных укола, легко коснувшись обоих плеч и горла мастера. Тот коротко поклонился, признавая поражение, но едва воитель повернулся к нему спиной, мгновенно выхватил свой клинок и бросился вперед. Что произошло дальше, никто толком не разглядел. Просто Шанг вдруг оказался сбоку от противника, а сам мастер судорожно захрипел, содрогаясь всем телом. Из его рта стекала струйка крови, но ран на теле заметно не было. Затем он рухнул на арену лицом вниз, и подбежавший к телу расторопный служка, повернувшись к толпе, провел ладонью по горлу, тем самым обозначая, что участник ныне пребывает уже в совершенно ином мире.

— Что произошло... — Выдохнул Чиллак, повернувшись к Орангу.

— Шанг ударил на опережение в горло основанием древка глефы и сместился в сторону. По сути мастер шеста сам наткнулся на свою смерть. Его хитрость обернулась против него самого.

— Как ты сумел это увидеть. — Восхищенно протянул Морн. — Даже я толком ничего не понял.

— Как и я. — Поддержал его Злая Вода. — А ведь я с самого детства дышу боем.

— Нужно уметь правильно смотреть. — Невозмутимо улыбнулся пилигрим. — Это приходит с годами.

— Но ты моего возраста. — Нахмурился Пар-Хан.

Мастер Оранг вновь загадочно улыбнулся, но ничего не сказал.

— Еще непонятно, как он сумел так быстро выхватить меч, ведь посох был зашнурован. — Вновь отвлек друзей от размышлений Чиллак.

— Это совсем просто. — Рассмеялся Нодди. — Он просто завязал узел неплотно и чуть выше или ниже чем нужно. — Учись, парень, эта наука в будущем тебе ох как пригодится.

Могучего дубня выпустили против Кровавого, чтобы чемпион разделался с дерзким варваром. Однако оказалось что и своей палицей богатырь владеет на редкость умело. Некоторое время соперники обменивались сильными ожесточенными ударами, пока лезвие алебарды алого воителя не врубилась в плотное дерево дубины особенно глубоко и намертво в нем застряло. Древень сильным рывком вырвал оружие из рук соперника. Тот в ответ попытался пнуть его в пах, однако воин древ с силой ударил палицей навстречу прямо по колену чемпиона. Тот глухо взрыкнул от боли и рухнул на землю. Тогда дубень отбросил оружие, и ухватив Кровавого за густую рыжую бороду, одним движением напроць вырвал нижнюю челюсть, продемонстрировав свой жуткий трофей императорской ложе, а затем быстрым шагом покинул арену, брезгливо отбросив бесформенный ком волос и окровавленной плоти и не потрудившись даже добить корчащегося на песке противника. Арбалетная стрела выпущенная одним из гвардейцев по приказу аррекса милосердно прервала его агонию.

Черный Волк вышел против синевласого метателя игл. Прекрасно помня, чем именно кончился предыдущий поединок меча, фаворит облачился в легкую черненую кольчугу и даже лицо защитил сплошной стальной маской оставлявшей открытой лишь глаза. Его соперник вновь вышедший в одной легкой накидке благоразумно не приближался к вооруженному длинными клинками исполину, обстреливая его издалека ядовитыми стальными иглами. Пока это не производило на колосса никакого эффекта, благо его защита оказалась более чем надежной. Осознав, что так поединок не выиграть, меч, наконец, решился и резко пошел на сближение. Уклонившись от просвистевшего над головой лезвия, он взвился высоко в воздух и, сделав высокое сальто, метнул иглы прямо в лицо Волка. Тот в ответ молниеносно рубанул клинком, и тело синевласого рухнуло на арену с кровоточащим обрубком вместо шеи. Меч фаворита снял его голову прямо в полете. Покончив с соперником, чемпион торжествующе поднял свои клинки над головой, но внезапно резко пошатнулся, едва не упав на землю. Одна из игл мастера все же достигла своей цели, вонзившись в глаз первого воина аррекса. Тот с негодованием выдернул ее и, пошатываясь, покинул ристалище, грубо оттолкнув кинувшихся было на подмогу слуг.

— Теперь ему тоже конец? — с надеждой протянул Нодди.

— Кто знает... — Неопределенно протянул пилигрим. — Черный Волк бессмертный, а они гораздо устойчивее к ядам нежели простые люди.

— Даже если он и выживет, яд наверняка ослабит его. — Усмехнулся Морн. — А, значит, у Шанга появляются дополнительные шансы. Лично я всем сердцем желаю ему победы. Лишь у него достанет сил повергнуть полукровку.

Последний поединок четвертьфинала проходил между мастером деревянных кастетов и меченогом. Тот вновь с первых секунд поединка попытался изрубить ноги противника в капусту, однако мастер вдруг резко отпрянул сторону и швырнул в лицо калеки пригоршню красного сыпучего порошка. Тот тут же заорал от невыносимой боли и принялся кататься по арене, остервенело полосую воздух ногами-лезвиями, однако мастер предусмотрительно держался от него в отдалении. Время шло, а боль от загадочной присыпки и не думала утихать. Меченог совершенно выдохся и только и мог что валяться на песке и беспомощно стонать, тщетно слясь прочистить глаза от непонятной дряни.

— Похоже красный перец. — Хохотнул Нодди. — Если так, этот уродец еще нескоро

придет в себя.

В итоге калека так и не встал, и победу засчитали его противнику, хотя и опять не обошлось без оскорбительных воплей и недовольного свиста и улюлюканья.

Полуфинал представили четверо сильнейших воинов. Он проходил после небольшого перерыва, давшего бойцам время немного передохнуть, а публике прийти в себя и подготовиться к новой порции крови и насилия. Могучий воин древ задумчиво глядел на Шанга, а затем приблизился к нему и протянул руку.

— Кто бы ты ни был, я не чувствую в тебе лиха. — Прогудел он. — Пусть победит сильнейший.

И снова бойцы отложили в сторону свое оружие, решив выяснить все в рукопашной схватке. Дубень сразу же попытался схватить соперника в могучие костедробительные объятья, но Шанг буквально утек от его хватки, оказавшись позади богатыря и резко ударив того ногами под колени. Древень рухнул на колени, а его противник внезапно высоко взвился в воздух и сверху припечатал открытой ладонью аккуратно по темени богатыря. Глаза дубня собрались в кучку, и он рухнул на арену лицом вниз. Когда же лесной воин наконец сумел подняться, то с изумлением увидел, как мистический воитель протягивает ему его исполинскую палицу, легко держа ее на весу одной рукой.

— Прости, что одолел тебя уловками. — Улыбнулся Шанг. — Но мне понадобятся все силы для финального боя. Клянусь, если однажды мы вновь встретимся лицом к лицу, я с радостью померяюсь с тобой силами в честной борьбе.

— Ты... силен... — Выдохнул дубень. — Биться с тобой было честью. Надеюсь, ты поступишь со слугой Темного как должно. — Противники вновь пожали друг другу руки и покинули ристалище, освободив его для второй пары полуфинала.

Мастер деревянных кастетов хорошо подготовился к поединку с бессмертным. Он примотал к своему оружию длинные цепи с острыми лезвиями на концах. А когда прозвучал сигнал к началу, из деревянного оружия меча внезапно выскочили короткие стальные обоюдоострые клинки. Черный Волк в ответ на это лишь презрительно усмехнулся и медленно потянул свои страшные полуторники из-за спины, давая толпе как следует насладиться зрелищем. Похоже он уже успел вполне оправиться от яда синевласого и чувствовал себя превосходно. Мастер среагировал мгновенно, и совершив стремительный рывок, нанес свой первый удар, до того как бессмертный вынул оружие, с размаху полоснув цепным лезвием по шее колосса. Тот среагировал недостаточно проворно, и клинок оставил на его шее легкий порез. Волк в ответ крутанул сверкающую мельницу, но меч уже разорвал дистанцию, настороженно глядя на противника. Бессмертный насмешливо погрозил противнику пальцем и медленно провел им себе по шее, сладострастно слизнув кровь, а затем высоко задрал голову и издал леденящий душу вой.

Мастер вновь кинулся вперед. Правда на этот раз до шеи ему достать не удалось, однако цепной клинок все же оставил на открытом чудовищном бицепсе гиганта еще одну пустяковую, но довольно болезненную царапину. Глаза исполина налились кровью. Похоже щуплый соперник сумел всерьез разозлить его. Издав свирепый рык, он кинулся вперед, с сумасшедшей скоростью орудуя мечами. Меч едва успевал уворачиваться, бегая от колосса по всей арене. В итоге, когда тот остановился, сухощавый далеко немолодой уже мастер был еще жив, но лишился части уха и дышал с явными всхрипами, в то время как его противник несколько не запыхался. Черный Волк злобно захохотал, видя слабость врага, и вновь закрутил свой смертоносный вихрь. Меч отчаянно оборонялся, но тяжеленные клинки

бессмертного, которыми он орудовал словно тростинками, в итоге обрубил цепи с кастетов, после чего поражение мастера оказалось лишь вопросом времени.

Наконец он пропустил удар, и один из мечей исполина глубоко вонзился в его живот, хищно высунув лезвие из спины. Волк легко поднял нанизанного на клинок воина на вытянутой руке и, торжествуя усмехнувшись, одним ударом обрубил ему ноги ниже колен. Лицо мастера побелело от боли, но он не издал ни звука, достойно встречая свой конец. Тогда гигант с силой швырнул его изувеченное тело на землю, пригвоздив к земле, и сунул руку в зияющую рану на животе, вынув кишки и намотав их на шею несчастному. Однако и этого Волку показалось мало, и, выдернув клинок из все еще живого тела, фаворит частыми быстрыми ударами превратил агонизирующий кровоточащий обрубок некогда бывший его противником в груды кровавого мяса. Толпа на площади просто осатанела, неистово воя и требуя крови. Воинам охраны даже пришлось сомкнуть плотное кольцо вокруг арены, недвусмысленно выставив в сторону беснующегося людского моря копья и заряженные арбалеты.

— Хоть я и почитаю всякую жизнь священной, не скажу что огорчусь, если этот воин встретит сегодня свою смерть. — Лицо Оранга заледенело.

— А я так и вовсе спляшу на его останках. — Мрачно пообещал Нодди. — Главное чтобы наш человек-загадка не подвел...

Тем временем служки спешно готовили арену для финального поединка, посыпая ее свежим слоем песка с необычным серебристым отливом.

— Красиво... — Прошептал Чиллак, когда арена неожиданно заиграла новыми красками, бликуя и отражая солнечный свет.

— Да. — Кивнул пилигрим. — Жаль лишь, что форма сего действия ни капли не соответствует содержанию.

Наконец все приготовления были окончены, и распорядитель подал знак стоявшим подле ристалища музыкантам. Протрубили фанфары, приветствуя финалистов, и те взошли на арену, неподвижно застыв друг напротив друга. Черный Волк, раны которого были умело обработаны лекарем, глядел на соперника с кривой презрительной усмешкой, за которой тем не менее читался глубокий затаенный страх. Он прекрасно видел, на что способен Шанг, и теперь старался скрыть свою неуверенность за показной бравадой. Его противник напротив был абсолютно спокоен, глядя на исполина своими непроницаемо черными абсолютно неподвижными глазами, что еще больше сбивало последнего с толку и заставляло нервничать с удвоенной силой.

Распорядитель ударил в гонг, и Черный Волк тут же ринулся в атаку, вложив в этот рывок всю свою силу и мастерство до капли. Двое бойцов столкнулись в центре арены, превратившись в один черный смазанный вихрь, и когда тот, наконец, распался, на ногах остался лишь один. Шанг покачивался, болезненно морщась и зажимая довольно глубокую рубленную рану на плече. Его противник лежал на серебристом песке с кровоточащими обрубками вместо рук и ног. Рот полукровки беззвучно открывался, силясь издать хоть какой-то звук, но похоже даже на это сил у него уже не осталось. Толпа на мгновение замерла, а затем разразилась бурными овациями в честь победителя, в изобилии бросая на арену цветы и увитые плющом венки. Такого зрелища никому из них никогда ранее видеть еще не доводилось.

— Великий, какие будут приказания. — Вопросительно уставился на аррекса Кай Грасс, тщетно стараясь скрыть звучавшее в голосе торжество. Они с Черным Волком сильно

недолюбливали друг друга, и теперь он безо всяких усилий с собственной стороны избавился от крайне жестокого и опасного врага.

— Избавьтесь от... этого. — Глухо пророкотал император, брезгливо указав на то, что осталось от его фаворита. — Победителя пусть доставят во дворец. Смотри, не оплошай на этот раз, иначе сам присоеди́нишься к своему дружку.

Глава двадцать вторая

Шанг

— Хороша похлебка... — Сила довольно взрыкнул, опустошая очередную вместительную тарелку. — Давно не ел вволю.

— Оно и видно. — Скривился Нодди. — Это уже третья за вечер. На тебя так никаки денег не напасешься.

— Ладно не ворчи. — Осадил приятеля Морн. — Хороший воин — сытый воин.

— Ты уверен, что твой человек придет? — повернулся к нему мастер Оранг.

— Уверен. — Усмехнулся наемник. — Крысы держат свое слово. К тому же им обещана щедрая плата.

В трактир, где остановились путники, тем временем вошел неприметный серый человечек в засаленных лохмотьях. И бровью не поведя на недовольно покосившегося в его сторону здоровенного вышибалу, он деловито приблизился к столику отряда и уселся на свободный табурет.

— Все в силе? — хрипло проронил он, ничтоже сумнящееся присасываясь к стоящей на столе огромной дубовой кружке полной эля.

— Да. — Сухо кивнул Морн. — Веди.

Оборванец быстро допил пиво и кивком предложил следовать за собой. Остальным ничего не оставалось кроме как последовать его приглашению. Пошли все кроме Чиллака, которого Оранг оставил в комнате, наказав ни под каким предлогом не выходить наружу до их возвращения. На улице постепенно темнело. Квартал, в котором находилась харчевня, не был особо богатым и предназначался для проживания ремесленников и торговцев средней руки, однако оборванец вывел их на и вовсе неказистые извилистые улицы окраины с источающими сшибающий с ног аромат лужами нечистот то и дело попадавшимися прямо посреди дороги и бедными покосившимися лачугами по обочинам.

— Ну и вонь. — Скривился Морн. — У нас в казарме воздух и то был чище.

— Хех, а ты чего хотел. — Усмехнулся Нодди. — Здесь самое городское дно, обитель отринутых и обездоленных. Так что советую беречь кошельки и задницы, ребята. Мы в квартале Уличных Крыс.

Оборванец тем временем уверенно вел отряд в самые дебри столичных трущоб. Туда, куда без нужды не рисковали соваться даже императорские гвардейцы. Наконец, он подвел их к неприметному покосившемуся домику и по особому несколько раз постучал в рассохшуюся деревянную дверь. Дверь распахнулась, на пороге показался мрачный небритый детина на редкость отталкивающей наружности. Хмуро оглядев вновь прибывших, он нехотя посторонился, освобождая дорогу. Внутри более никого не было, однако провожатый уверенно подошел к одной из стен и отодвинул широкую деревянную панель, за которой обнаружился узкий подземный ход ведущий вниз. После непродолжительного спуска путники оказались в просторном подвале. Здесь напротив ошивалось немало людей весьма и весьма затрапезного вида. У многих на виду было оружие.

— Я Жига, здешний старший. — Лениво поднялся с широкого ложа массивный коренастый головорез с крупной серьгой в ухе. — А вы те парни, что хотят свести счета с аррексом, я прав? — главарь ухмыльнулся, обнажив неровный ряд крупных золотых зубов. — Деньги при вас?

— Только половина. — Усмехнулся Морн. — Остальное получишь после того, как мы выполним работу.

— Опасное вы дельце затеяли... — Пожевал губами головорез. — Может мне стоит пришить вас прямо здесь и забыть об остатке. — Уличные крысы за его спиной начали как бы невзначай обступать чужаков со всех сторон, вынимая ножи.

— Плохая идея. — Прищурился Нодди, стискивая рукоять топора.

— Не будь дураком. — Поддержал товарища Морн. — Убийство императора тебе на руку. К тому же этот парень — наемник кивком указал за угрюмо насупившего брови Силу — не понимает таких шуток.

— Так мы с вами и не шутим. Верно я говорю, братва! — хохотнул Жига, и головорезы поддержали его радостным гоготом.

Сила в ответ на это молча приблизился к главарю и легко поднял за шкурку всеящего около центнера бандита, как следует встряхнув. Подле колосса тотчас же оказался головорез похожей комплекции и грубо ухватил того за плечо, на что великан стиснул его ладонь свободной рукой, второй продолжая легко удерживать на весу побледневшего атамана. Головорез сдавлено засипел от боли, тщетно пытаясь вырваться из железной хватки богатыря.

— Хватит, довольно! — прорычал Жига, примиряюще поднимая руки и останавливая вот-вот грозившую вспыхнуть потасовку. — Будем считать, что все наши разногласия улажены. Поставь меня на землю и отпусти моего человека. — Повернулся он к Силе.

Колосс в ответ на это вопросительно уставился на Оранга, и получив от того утвердительный кивок, нехотя исполнил просьбу головореза.

— Ты добыл нам то, о чем мы договаривались? — поднял бровь Морн.

— Все при нас. — Ослабился Жига. — Нужный человек проведет вас во дворец завтра после заката. Дальше дело за вами.

— Хорошо. Тогда пусть твои люди выдадут нам снаряжение. — Морн швырнул довольному головорезу увесистый кошель полный серебра. — Там ровно половина.

— Идет. — Ухмыльнулся атаман, ловко поймав кошель длинной волосатой лапищей.

Пара головорезов покрепче, подчиняясь его кивку, исчезли наверху, вернувшись спустя пару минут с двумя большими мешками из грубой парусины.

— Вот то что надо. — Довольно хохотнул Нодди, вынимая из мешка массивный арбалет размером едва ли не с него самого. — И никакое бессмертие не поможет.

— В таком случае проверьте все как можно тщательнее чтобы завтра быть во всеоружии. — Бесстрастно проронил пилигрим. — Помните, второго шанса у нас не будет.

* * *

Неподвижные непроницаемо черные глаза неотрывно глядели на густую темно-красную жидкость плескавшуюся в дубовой кружке. Шанг лениво потянулся, стряхивая оцепенение. Обычаи смертных оказались на редкость странными. К примеру они пили сок из перебродившего ячменя и винограда, который вызывал у него отвращение даже своим запахом. Люди же словно не замечали этого, явно получая от этого процесса немалое удовольствие, а когда перебарщивали, становились совершенно безумными. Воитель усмехнулся. На его родине даже близко не было ничего подобного, и потому сейчас перед

ним стоял обычный ягодный морс, который с удовольствием пили эльвар и в его родных землях. Мир смертных разочаровал его. Шидан оказался прав. Таким как он здесь было не место. Пора было возвращаться.

Внезапно в трактирной зале послышались тяжелые шаги. Шанг встряхнулся, отгоняя дурные мысли. В таверну вошло два десятка дюжих гвардейцев в угольно-черных латах.

— Ты. Пойдешь с нами. — повелительно рыкнул гвардеец с наплечниками центуриона. — Тебя желает видеть император.

Шанг задумчиво прищурился. Несмотря на недвусмысленно выставленные в его сторону арбалеты стражей, он пожалуй смог бы справиться с ними, но тогда наверняка пострадают невинные. Хотя в сущности какое ему дело до смертных. Он уже и сам жалел что ввязался во всю эту авантюру с турниром, но соблазн оказался слишком велик. Ведь даже среди собственного народа, народа прирожденных воинов он до сих пор не знал себе равных в битве. С другой стороны познакомиться поближе со здешним владыкой будет пожалуй небезынтересно...

Взвесив все за и против, Шанг медленно поднялся, кивком обозначая согласие. Гвардейцы тут же взяли его в кольцо, ни на секунду не теряя бдительности. Их хорошо проинструктировали на сей счет. Кроме того все они отлично помнили, на что способен этот довольно хрупкий на вид воитель в реальном бою.

Шанг лишь криво усмехнулся под своей маской. Если он пожелает то легко положит пару-тройку охранников и скроется в городе, смертные просто не успеют за его скоростью. Как он и ожидал, его повели напрямик во дворец. Гимнеты на входе даже не шелохнулись, без вопросов пропустив отряд вовнутрь. Вступив в пределы тронного зала, Шанг на мгновение растерялся. Никогда ранее он не видел таких колоссальных помещений. Разве что пещеры гремлинов могли с ним потягаться, но искусные коротышки никого не пускали вглубь своих гор, свято оберегая свои секреты. Император неподвижно восседал на гигантском черном троне, напоминая каменное изваяние. Три десятка воинов личной охраны застыло по бокам его трона, опираясь на массивные копьа.

— Предо мной принято преклонять колени. — Рыкнул аррекс, пристально глядя на чемпиона.

— Преклонять колени не в моих правилах. — Холодно отрезал Шанг.

— Вот как. — Ничуть не смутился темный кесарь. — Благородный воин без страха и упрека щадящий своих врагов... — по лицу императора скользнула легкая усмешка. — Твои деяния похвальны, однако мне видится, что за всем этим милосердием скрывается отнюдь не благородство, но нерешительность, мягкотелость.

— Твой миньон вряд ли считает также. — Криво усмехнулся Шанг.

— Он уже ничего не считает. — В голосе аррекса послышался гнев. — В моей империи нет места проигравшим. Ты проявил благородство на турнире, не убивая соперников, но превратил моего фаворита в грудку мяса. С чего бы это.

— Он заслужил смерть. Тот кто не ведает жалости сам ее недостоин.

— Красивые слова скрывающие за собой изящный плевок мне в лицо. — Рыкнул кесарь. — Как бы то ни было воин твоего ранга не может не понимать, что убив моего чемпиона, ты ныне сам должен занять его место. Толпа полюбила тебя, человек-загадка. Но она быстро забывает своих кумиров... Несмотря на твою вопиющую дерзость я предлагаю тебе занять место Черного Волка. Но предлагаю лишь один раз. Каков будет твой ответ.

Ответ Шанга последовал в виде темной смазанной молнии, настолько стремительно его

фигура метнулась к аррексу, занося глефу для решающего удара. Раздался страшный звон, и воителя отбросило назад. Невероятно но император сумел отразить эту атаку.

— Убить его! — неистово прорычал аррекс. Его голос был исполнен бешенства. Похоже выходка Шанга всерьез разозлила его.

Темный силуэт эльвар резко метнулся вбок, уходя от арбалетных выстрелов. Рана полученная в битве с Черным Волком все еще слегка беспокоила воителя, но у его народа все заживало гораздо быстрее нежели у людей. Закинув глефу за спину, Шанг принялся с нечеловеческой ловкостью карабкаться по стене, буквально взлетев наверх.

— Да он как кошка! — озадаченно рыкнул Кай Грасс, выпуская арбалетную стрелу прямо в голову воителя, однако тот в последний момент сумел сместиться в сторону, и короткий массивный белыт лишь бессильно выбил искры из камня в считанных сантиметрах от его шеи.

Тем временем эльвар достиг высокого стрельчатого окна забранного железной решеткой. Резкий рывок, и металлическая преграда летит вниз. Затем удар ногой вдребезги разбивает дорогое разноцветное стекло, и тело воителя почти мгновенно исчезает в образовавшемся проеме. Ни одна стрела его так и не задела.

— Быстрее наружу! — рыкнул Кай Грасс, опрометью бросаясь к выходу. Меньше всего он сейчас желал упустить беглеца и вызвать гнев своего владыки.

Однако его надеждам не суждено было сбыться. Оказавшись наружи, Шанг с поистине кошачьей ловкостью спрыгнул на крышу близлежащей казармы, оттуда перескочил на следующее строение, и когда воины аррекса, наконец, выбежали наружу, был уже далеко.

* * *

— Дело пахнет жареным. — Нодди мрачно глядел на друзей из под густых мохнатых бровей.

— Как же не вовремя... — Нахмурился Морн. После визита к уличным крысам, заговорщики, забрав снаряжение, вновь вернулись в трактир, где и пробыли вплоть до вечера следующего дня. Ныне же бойцы был заняты едой, как следует подкрепляясь перед предстоящим делом. — Этот человек-загадка спутал нам все карты.

— И нет бы сделать работу на совесть, так вместо того переполошил пол города и был таков. — Нодди с досады хватил пудовым кулачищем по столу. — Теперь охрану во дворце наверняка удвоят если не утроят. Да и риск нарваться на патруль куда как велик.

— И тем не менее рискнуть придется. — Глаза пилигрима потемнели. — Если мы не воспользуемся этой возможностью сейчас, иной случай вряд ли представится.

— Крысы могут и не сдержать слово с учетом того, что сегодня произошло. — Покачал головой Морн. — Но Оранг прав. Отступим сейчас, и наши друзья могут обвинить нас в мягкотелости и послать куда подальше. Им только дай повод... К тому же аррекс вряд ли теперь будет ждать нападения. Слишком глупо и опрометчиво сперва тревожить осиное гнездо, а затем совать туда руку. На этом можно сыграть.

— Тогда решено. Идем сегодня. — Отрубил пилигрим. — Чиллак, у меня для тебя поручение. Выведешь лошадей за черту города и будешь дожидаться нас в той дубовой роще неподалеку. Тебе все ясно?

— Я горбачей боюсь, они кусаются. — Пискнул мальчуган, покраснев.

— Пар-Хан, будь так добр завяжи горбачам морды. — Улыбнулся пилигрим. — Давайте собираться. Не хватало еще опоздать на нами же назначенную встречу.

* * *

— Проклятье, что-то слишком быстро в этих краях стало темнеть. — Угрюмо выругался Нодди, наступив в темноте в довольно глубокую зловонную лужу. — И не скажешь что лето...

— Наши друзья должны быть где-то неподалеку. — Нахмурился Морн. — А вот и они. — Кивнул он на появившуюся неподалеку худую оборванную фигуру.

— Все в силе? — вместо приветствия рыкнул Нодди.

— Да. — кивнул оборванец. — Идемте. Я проведу вас верным путем.

Некоторое время заговорщики петляли по темным извилистым улочкам трущоб, пока наконец крыса не вывел их к уже знакомому дому.

— Это ваше убежище. — Подобрался Морн. — Что мы здесь делаем?

— Все в порядке. Ход во дворец там под землей. — Ухмыльнулся оборванец. — Ну же не мешкайте.

— Не нравится мне все это. — Украдкой шепнул Морн пилигриму. — Будьте наготове.

Внутри лачуги на этот раз было довольнолюдно. Пара десятков головорезов вместе со своим атаманом пристально глядели на гостей, нехорошо скалясь.

— Как это понимать? — глаза Морна сузились.

— А вы не шибко то умны. — Осклабился Жига. — Неужели вы и впрямь рассчитывали убить великого аррекса.

— Это ловушка! — рявкнул Нодди, выхватывая топор. — Наружу быстро!

Однако бандиты проворно кинулись наперерез, отрезая путь. Коротышка взревел и разрубил бедро одному. Морн широкими взмахами клинка удерживал на расстоянии остальных. В ловких пальцах главаря мгновенно возникло несколько карт которые он широким веером метнул в бойцов отряда. Тем удалось избежать атаки, но одна из карт рассекла щеку Морну острой боковой кромкой. Жига оказался не так то прост.

— Сила, давай! — скомандовал Оранг, и колосс тут же сорвался с места, устремившись прямо к атаману. Бросившихся на него бандитов он раскидал могучими ударами, и его великанский клинок играючи развалил главаря уличных крыс надвое.

— Дом окружен! — Пар-Хан успевший побывать наружи громко захлопнул дверь, которую тут же насквозь прошил стальной арбалетный болт, хищно высунув острое зазубренное оголовье.

К тому времени остальные сумели покончить с нападавшими, перебив половину. Остальные бросились бежать, уйдя через тот самый подземный проход, которым путники пользовались в свой прошлый визит.

— За ними! — рявкнул Нодди.

— Нет. — Осадил его пилигрим. — Там может быть тупик. Ты не забыл еще железную рубашку? — повернулся он к Силе.

— Шутишь что ли? — пробасил гигант. — То уже часть меня.

— Тогда ломай дверь. Остальные держитесь позади него.

Силу не нужно было просить дважды. Молодецки гыкнув, он одним мощным ударом

вынес хлипкую дверь, устремившись наружу. О его широкую грудь тут же ударились несколько бельтов, но они лишь бессильно отскочили от колосса, не причинив тому никакого вреда. Дом и впрямь был со всех сторон окружен гвардейцами. Заметив бунтовщиков, они тут же ринулись вперед, сохраняя однако боевой порядок. Из складок одеяния пилигрима появились небольшие черные шарики, которые он, широко размахнувшись, швырнул прямо под ноги нападавшим. Раздались оглушительные взрывы. Со всех сторон повалил удушливый черный дым.

— Быстрее, пока они не очухались! — Оранг указал на ближайшую подворотню. Остальные не замедлили воспользоваться приглашением, опрометью бросившись в указанном направлении. Бежали налегке, бросив все снаряжение купленное у уличных крыс. Жизнь дороже.

— Что теперь? — выдохнул Морн, когда удалось более-менее оторваться от погони.

— Придется затаиться до срока. — Прищурился Злая Вода. — Пока на не перестанут искать.

— Нет. — Покачал головой Оранг. — Мы плохо знаем столицу. К тому же теперь нас здесь будет искать каждая собака. Нужно идти на прорыв.

— Ты предлагаешь штурмовать главные ворота? Ты шутишь?! — вытаращился Нодди.

— Весь расчет на внезапность. Он вряд ли будут ожидать нападения именно там. К тому же нас там неподалеку ждет мой ученик с лошадьми. Если атаковать в другом месте, то потом придется идти в обход, и нас наверняка перехватят за городской чертой. Да и вряд ли там меньше охраны. Поэтому если вам неведом тайный ход за городскую стену, это наилучший вариант.

— Ладно некогда рассусоливать. — Тряхнул головой коротышка. — Если ни у кого нет возражений то вперед. Похоже это действительно наш единственный выход.

Еще около получаса беготни наконец привели отряд к цели.

— Гляди ка, не ошибся наш мастер. — Хохотнул Нодди. — Всего полтора десятка стражей. Плевое дело!

— Остальные заняты тем, что обшаривают город. — Усмехнулся Оранг. — Вперед, не будем мешкать. Надеюсь, Чиллак все сделал как должно.

Сила, взревев, вновь ринулся вперед. Для богатыря любой бой был что праздник. Он совершенно не испытывал страха. Остальные держались за его спиной и благоразумно не лезли на рожон. Стражи, увидев несущегося на них исполина, разом вскинули арбалеты, но эффект был точно таким же как и в прошлый раз. Стрелы не смогли причинить колоссу никакого вреда. Гигант на огромной скорости врезался в строй гвардейцев, рубя направо и налево, не обращая никакого внимания на запоздало выставленные копья. Он в считанные секунды расчистил путь, предоставив остальным добивать немногих оставшихся, но оказалось, что это было еще не все. Со стен в отряд полетели стрелы. Орангу удалось отбить пару своим посохом. Один из бельтов едва не пробил грудь Нодди, но был остановлен стремительным сполохом темной стали.

— Ты?! Откуда ты здесь? — вытаращился коротышка на мистического воителя.

— Нет времени объяснять. Вперед. — Прошипела темная фигура, толкая секироносца к арке малых врат предназначенных для прохода путников.

Сила одним ударом вынес опущенную стальную решетку, и выход наружу наконец был свободен. Оранг швырнул еще пару дымовых бомб, скрывая арбалетчикам обзор, и отряд растворился в ночи, оставив преследователей с носом.

Глава двадцать третья

Начало похода

Великий аррекс возлежал на ложе, рассеянно перебирая гроздья сочного винограда стоявшего подле него на широком золотом блюде.

— Скучаешь... — Роскошная черноволосая красotka нежно коснулась могучей длани кесаря.

— Для скуки у меня слишком много планов. — Рыкнул император.

— Не поделишься со мной? — лукаво проворковала красotka.

— С чего ты решила, что можешь требовать отчет от аррекса. — Жестoko усмехнулся владыка мира.

— Я не требую. Я прошу...

— Даже просить у меня позволено немногим. А ты... ты всего лишь шлюха, куртизанка из дома удовольствий. Если наскучишь, я в любой момент могу отправить тебя назад.

— Но ты до сих пор не сделал этого. — Улыбнулась девушка, поправив волосы. — Интересно почему...

— Замолчи. — Голос аррекса опасно потяжелел. — Ты играешь с огнем.

— Все то время, что мы были вместе, ты повторял во сне одно и то же имя. — Словно не слыша, протянула девушка. — Зивира... Кем она была для тебя?

— Ты подошла к самой грани. — Багровые глаза императора хищно сузились. — Предупреждаю, Айлиль, хоть ты и весьма искусна в своем ремесле, мне ничего не стоит убить тебя.

— Зачем убивать того, кто приносит тебе столько радости... — Рассмеялась Айлиль, игриво проведя тонкими пальцами по обнаженной груди кесаря.

— Пожалуй, сегодня я забуду о твоей дерзости. — Рыкнул аррекс. — Но если ты еще раз перейдешь грань... иди сюда...

* * *

— Нужно найти ночлег. Лошади уже на пределе. — Морн обеспокоено оглядел тяжело дышащих коней.

После бегства из Геора отряд разыскал Чиллака, который к счастью не оплошал и поджидал друзей в условленном месте, и направился куда подальше. Им требовалось спешить, ведь аррекс наверняка выслал за ними погоню. В итоге после трех дней ожесточенной скачки почти без перерывов на сон и еду они отделились от столицы достаточно для того чтобы, наконец, подумать о кратком отдыхе.

— А горбачи будто и не устали вовсе. — Восхищенно хмыкнул Нодди. — Жаль тот торгош не продал нам еще нескольких.

Горбачи и впрямь оказались для отряда настоящей находкой. Почти столь же быстрые как лошади они и впрямь оказались настоящими живыми караванами пустыни, как называли их на юге, невероятно сильными и выносливыми.

— Недалеко деревня. — Прошипел Шанг, принюхиваясь. — Я чую людей и воду.

Мистический воин, как выяснилось, оказался в ту ночь подле городских врат

совершенно случайно, высматривая подходящие места для побега из города. И наткнулся на отряд Оранга, который как раз затеял бой со стражами аррекса. Сперва воитель посчитал это чистым самоубийством, но увидев с какой легкостью могучий исполин крошит отборных гвардейцев императора, решил помочь беглецам, а заодно и себе...

— Это было бы как нельзя кстати. — Нахмурился Оранг. — Весь вопрос в том, успели ли имперские ищейки донести весть о нас до этих краев.

— Это вряд ли. — Скептически скривился Морн. — Мы гнали как бешеные, и у нас была фора. К тому же даже у великого аррекса не хватит людей чтобы оповестить все обширные земли империи в столь малый срок. Я за то чтобы рискнуть.

— Я не отказался бы сейчас от пары кружечек доброго эля... — Мечтательно протянул Пар-Хан.

— Тогда решено. Едем вперед. — Скомандовал пилигрим. — Только будьте начеку.

Путники пустили лошадей легкой рысью и двинулись вперед, держа оружие наготове. Деревня обнаружилась совсем неподалеку. На ее улицах несмотря на дневное время суток было абсолютно тихо. Лишь один уже совсем пожилой сухощавый старик в простой серой хламиде стоял прямо посередине дороги, спокойно глядя на отряд и не обнаруживая ни малейших признаков страха.

— Странно все это. — Протянул пилигрим. — Но мое чутье говорит, что опасности нет. Тем временем старик направился в их сторону, подчеркнуто держа руки на виду.

— Мы ждали вас. — Произнес он глубоким сильным голосом. — Идемте со мной.

— Что за чертовщина... — Нодди нервно стиснул рукоять топора. — Откуда он может знать о нас.

— Не знаю, но это вряд ли ловушка. — Глаза пилигрима странно заблестели. — Здесь иное...

— Что именно? — подобрался Морн.

— Я чувствую присутствие некой силы... Но она не враждебна нам... она никому не враждебна... Идемте. — Поманил Оранг пальцем остальных, направляя лошадь седом за стариком. — Знакомство с местными может принести нам немалую пользу...

Здесьний староста же преспокойно повернулся к отряду спиной, как будто имел дело со старыми знакомцами, а не с группой пришлых вооруженных мужчин, от которых непонятно чего еще ждать, и направился к одному из домов. Внутри было чисто хотя и не слишком богато. На лавке за накрытым столом сидела опрятная женщина средних лет и худой хрупкий мальчик лет пяти с наголо выбритой головой. Но не это поразило отряд, а то что парень явно принадлежал к народу мечей, в то время как хозяева дома были оба чистокровными аррексийцами.

— Вы точь в точь такие, как мне и было явлено. — Произнес мальчик совершенно недетским тоном, и его глаза полыхнули чистым голубым пламенем.

— Кто ты? — поражено выдохнул Оранг. Кажется вид ребенка и вся необычность ситуации сумели разрушить даже его всегдашнее хладнокровие.

— Мое имя Оэ. — Улыбнулся мальчик. — Мне было видение, что вы придете и заберете меня с собой.

— С собой? — недоверчиво выдохнул Морн. — Ты никак шутишь! У нас за плечами погоня, все ищейки Аррексии жаждут разыскать и прикончить нас! — он и сам не понимал, зачем говорит все это, раскрывая деревенским их тайну, но попросту ничего не мог с собой поделать.

— Обо всем этом ведомо мне. — Вновь улыбнулся Оэ. — Но не спрашивайте ни о чем. Поверьте, так нужно.

— Господин, Оэ живет в нашей деревне с самого рождения. — Подал голос староста. — Его мать была воительницей из народа мечей. Она родила его здесь, но не вынесла родов и умерла. Мы с женой взяли мальчика на воспитание. Этот его дар... Пророчества... Он ни разу еще не ошибся и очень многим нам всем помог. А за два дня до вашего прибытия он рассказал нам о вас. Мне жаль расставаться с Оэ, ведь он мне как сын, но его устами вещает само Небо. А кто мы такие чтобы противиться божественной воле?

— Этот человек говорит правду. — Прошипел Шанг. — Или по крайней мере верит в собственные слова.

— Да. — Кивнул Оранг. — Оэ настоящее чудо. Это его силу я чувствовал еще на подходе, и поэтому оставлять его здесь ни в коем случае нельзя. Ведь если его дар окажется в руках такого как аррекс...

— Мало нам было одного сопляка, так теперь еще с одним возиться... — Проворчал Нодди.

— Эй, не такой уж я и сопляк! — вскинулся задетый за живое Чиллак. — Да и потом в роще разве я вас не выручил?

— Ладно хватит споров. — Поднял руки Оранг. — Скажи лучше, почтенный, у тебя не найдется еды и лошадей для нас? — повернулся он к хозяину дома.

— Все уже приготовлено. — Улыбнулся староста. — Ночь можете провести здесь. Я вижу, вы нуждаетесь в отдыхе. Поверьте, никто из наших вас не выдаст.

— С чего ты так уверен в своих людях? — прищурился Морн.

— Мы издревле живем в этих местах одной общиной. — Улыбнулся староста. — Чужих здесь нет. Наши пращуры крепко веровали во Всеединого бога, и мы тоже веруем в него. Лживое учение аррекса не смутило наши сердца.

— Как же вас до сих пор не перерезали как кур за такое вольнодумство. — Хмыкнул Нодди.

— Мы не выступаем против императора в открытую. К тому же здесь глухие места, его люди приходят сюда лишь за податью, и мы знаем, что им говорить, чтобы нас и впредь не трогали.

— Ну раз так, не подскажешь ли, где мы могли бы как следует подкрепиться. — Хищно облизнулся Морн. — А то я уже порядком соскучился по горячей еде.

— У нас есть небольшой трактир для путников вроде вас. — Улыбнулся староста. — Я провожу. Заодно и познакомитесь с нашими людьми.

Трактир и впрямь оказался очень скромным. Там уже находилось с десяток местных посмелее, которые изъявили желание поглазеть на чужаков. В основном крепкие зрелые мужики, но была и пара молодых лиц.

— Хорошо выпить с дальней дороги. — Рыкнул Нодди, опустошая огромную кружку эля, заботливо поднесенную трактирщиком. — Эй, глядите ка, а это еще кто... — Протянул коротышка, глядя на худую вертлявую фигуру в пестром цветастом тряпье, дерганой вихляющей походкой направившуюся к их столику.

— Это пришлый юродивый. — Усмехнулся староста. — С неделю как к нам прибился. Видно раньше шутком был в бродячем цирке, а после стал не нужен своим хозяевам. Только дознаться мы у него ни о чем не смогли, мелет все какую-то несусветицу, но Оэ сказал, что вреда от него не будет. Да и штуки он на диво ловкие показывает. Вот хотя бы сами

поглядите.

Шут меж тем ловким движением извлек из-за пазухи колоду карт и начал жонглировать ими с такой скоростью, что в воздухе закружился самый настоящий разноцветный вихрь. Затем он закончил, приблизился к Нодди вплотную и поднес колоду карт к самому его носу, держа их на вытянутой руке. Стремительное движение, и колода бесследно растаяла в воздухе. Рукава же фигляра при этом были закатаны до самых локтей.

— Это как? — вытаращился Нодди, даже не пытаясь скрыть удивление. — Я не понял...

— Ха, бородач! И сам невелик, и ум короток! — резким противным голосом проверещал шут, насмешливо кривляясь.

— Что?! — схватился за топор оскорбленный коротышка, побагровев от злости.

— Пошутил! Пошутил! — испуганно завопил фигляр, грохнувшись на пятую точку и смешно задрав худые ноги кверху.

В трактире раздалась сдержанные смешки. Местные побаивались чужаков, но уж больно забавно выглядело все произошедшее.

— Успокойся, брат. — Засмеялся Морн, кладя руку на плечо друга. — Это все часть представления.

— Хорошо представление... — Недовольно проворчал Нодди, но тем не менее вновь уселся на свое место.

— Не держите на него зла, господин. — Поддержал Морна староста. — Он же убогий, хоть и ловок в своем ремесле. Да и жизнь, по всему видать, его крепко побила. Эвон одна кожа да кости...

— Ладно чего уж там... — Уже тоном ниже пробурчал коротышка. — Давайте несите уже что ли еще эля, и морса ягодного не забудьте, а то у нас тоже есть один... — Нодди выразительно покосился в сторону Шанга. — От доброй выпивки нос воротит. Это ж надо. Сколько живу на свете, первый раз встречаю такое...

— Век живи, век учись. — Улыбнулся Оранг, принимая поднос с самой разнообразной снедью из рук трактирщика. — Хозяин, будь любезен, задай корма нашим скакунам. — А вы сильно не налегайте на выпивку. — Повернулся он к своим, понизив голос. — Местные не внушают мне опасений, но... береженого бог бережет.

* * *

Великий аррекс задумчиво глядел в огромное зеркало. Стекло отражало крупного гиганта с черным блестящим черепом и жестокими багровыми глазами. Чудовище. Монстр во плоти. Но и монстру, как выяснилось, была не чужда любовь. Эта шлюха... она был так похожа на его Зивиру... Император с яростным рыком обрушил бронированный кулак на зеркальную поверхность. Стекло со звоном осыпалось вниз. Нет, с этим надо что-то делать. У него не было слабостей до сего момента, не будет и впредь. Эта красивая кукла не заморочит ему голову. Тем паче что он тогда не солгал ей. Его планы были поистине грандиозны. Еще будучи совсем молодым, он нашел одну странную пещеру, в которой обнаружился проход в совершенно иной мир. И он не забыл об этом.

Уже много позже, став императором, он вернулся в те места. Чутье безошибочно указало ему верную дорогу. Затем были бесчисленные лазутчики из числа вернейших людей посланные в запретные земли. Большинство из них так и не вернулось назад. Но те кто

вернулись... Они принесли поистине удивительные вести о новых землях. Конечно, им не удалось забраться далеко, но и того что он узнал от них с лихвой хватило для того чтобы начать действовать. Целое столетие он создавал свою империю, укрепляя ее исконные земли и расширяя границы. Сотню лет он приводил народы к покорности, жестоко подавляя любые попытки бунта. И теперь, наконец, настал этот час. Час его триумфа. Час когда он сможет двинуть свои армады за грань. В пределы дивных бессмертных земель.

Сразу после окончания турнира ознаменовавшего победу над дубнями был кинут клич во все концы империи. Все неисчислимые армии великой империи приводились в полную боевую готовность. А сегодня он выступит перед своими поданными на главной площади чтобы ознаменовать начало новой эры, а заодно и окончательно завершить становление собственной империи. Аррекс брезгливо отряхнул с перчатки осколки налипшего стекла и вышел из своих покоев. Три десятка отборных гвардейцев из числа его личной охраны тут же вытянулись в струнку и последовали за своим императором. Тот быстрым уверенным шагом шел давно уже знакомой дорогой к высокой каменной ложе, с которой обычно и обращался к толпе.

Главная площадь была битком набита народом. Все они собрались вокруг императорского дворца, с нетерпением ожидая появления своего владыки. Когда его фигура, наконец, возникла на балконе, людское море заревело, приветствуя великого аррекса.

— Подданные Аррексии! — могучий трубный голос императора разносился по площади, перекрывая гул толпы. — Всем вам ведомо о моем триумфе! Последний оплот мятежников пал, и ныне весь мир озарен светом великого аррексийского порядка! Однако на этом наша борьба не закончена! Само Небо послало меня к вам, чтобы я вел вас к процветанию! И я дарую его вам! Я поведу вас в новые невиданные земли, коих вы не зрели ранее! Наша великая армия уже острит клинки, готовясь к скорому походу! И вам я тоже предлагаю присоединиться к нему! Те смельчаки что рискнут попытать судьбу получат наделы в новых землях! А рабы станут свободными гражданами со всеми правами! К тому же каждый воин по возвращении получит щедрую долю добычи! Аррексия не забудет своих сынов!

Толпа в ответ на это взорвалась новыми криками, восхваляя мудрость и заботу великого аррекса.

— Присоединяйтесь ко мне и разделите мой великий удел! — аррекс воздел руки к небу, наслаждаясь собственным величием и властью, а затем покинул ложу, предоставив разбираться с простонародьем имперским вербовщикам. Судя по тому, как восприняла чернь его слова, в скором времени у них будет много работы.

Глава двадцать четвертая

Прорыв

— Ты чего такой хмурый, брат? — Нодди положил широкую загорелую ладонь на плечо Морна неподвижно сидевшего возле костра с донельзя мрачным видом.

— Скоро степь. — Нехотя ответил наемник. — До сих пор нам улыбалась удача, но на открытом пространстве в окружении врагов уцелеть будет непросто.

— Дык и я говорю, плохая затея. — Обрадовано закивал коротышка. — Лучше залечь на дно здесь в приграничье. В лицо ведь нас не знают, а у гонцов лишь наши приметы, по которым нас еще поди сыщи...

— Соваться в степь действительно очень опасно. — Проронил Оранг. — Но Оэ говорит, что это наш единственный шанс уцелеть. Да и меня самого наитие отчего-то настойчиво зовет на юг.

— Опять эти колдовские штучки... Мало нам двоих... нет троих блаженных. — Нодди выразительно покосился в сторону как обычно кривляющегося шута. — Так теперь я должен рисковать своей шкурой только потому, что пацану в очередной раз что-то примерещилось.

С шутком в отряде была своя история. В той деревне, где путники повстречали Оэ, они, как и планировали провели ровно сутки, а затем направились дальше, не забыв запастись едой и сменить лошадей. И каково же было их удивление, когда через несколько часов пути горбач Силы неожиданно плюхнулся на брюхо и жалобно заревел, категорически отказываясь идти дальше. Причина сего странного поведения обнаружилась довольно быстро в виде внезапно ожившего вещевого мешка, из которого медленно выбралась нескладная гуттаперчевая фигура фигляра непонятно как вообще сумевшего там уместиться.

Путники сперва хотели было погнать дурака взашей, но Оэ вдруг заявил, что шут должен идти с ними. МORN и особенно Нодди сперва было воспротивились, но Оранг бывший в отряде старшим поддержал чудо-мальчика, и бывшим legionерам волей неволей пришлось смириться. В принципе никаких особых проблем шут не доставлял. Ел мало, в дела отряда не лез, да и еще и развлекал на привале остальных своими фокусами, но многие в отряде все равно относились к нему с изрядной долей настороженности.

— Кое с кем здесь совсем мутная история. — Хмуро проронил МORN. — Вот хотя бы тот же шут вообще непонятно что за человек, чем жил до того как прибил к нам и отчего потерял разум. Или взять тебя, Шанг. Появляешься неизвестно откуда, играючи повергаешь лучших бойцов аррекса, но при этом никогда не снимаешь маску и молчишь о своем происхождении. С чего мы должны доверять такому как ты?

— Что ж, я прошел с вами немало. Наверное, вы должны знать. — Прошипел Шанг, открывая лицо.

— Ну и ну... — Только и смог вымолвить Нодди.

Кожа воителя была темно-серой, а во рту виднелись внушительные клыки. Даже самый недалекий наблюдатель сразу бы понял, что тот не принадлежал к человеческой расе.

— Мой народ зовется эльвар. — Начал тот свой рассказ. — Наши земли сокрыты от глаз смертных, но в горах что к югу отсюда сразу за степью есть тайный проход. Ранее о нем ведали лишь старшие народы. Но затем о нем стало известно людям. Последние годы эльфы, дружественный нам народ, то и дело ловят в своих лесах лазутчиков. Это искусные обученные воины. И они служат тому, кого вы зовете великим аррексом. Они рассказали,

что аррекс готовит большой поход против нашего мира. Я был послан старейшинами своего народа в ваш мир чтобы разузнать что к чему. Аррекс и впрямь настоящее чудовище. Я попытался убить его, но потерпел неудачу. Теперь я возвращаюсь назад с дурными вестями. Нашим народам предстоит война не на жизнь, а на смерть с чудовищной армадой людей. Пусть один на один вы нам и не соперники, но вас много. Слишком много... — Шанг опустил голову. — Я не знаю, сумеем ли мы выстоять, но могу предложить вам защиту своего племени. Эльвар мудрый народ. Они не откажут в убежище.

— Выходит, легенды не врал. — Улыбнулся Пар-Хан. — Еще в детстве я слышал истории о тайной долине небожителей, каждый из которых силен словно десять могучих воинов, и старость не властна над ними. Но раз Шанг рассказал нам свою историю, быть может и ты расскажешь свою? — повернулся он к Орангу.

— Что ты имеешь в виду. — Лицо пилигрима осталось совершенно бесстрастным.

— Да брось, ты выглядишь как меч, но говоришь с акцентом и на аррексийском, и на языке мечей. Но ты и не степняк, это тоже видно. Да и как ты смотришь, как движешься... Я никогда не видел таких приемов и до нашей встречи ничего не слышал о тебе, хотя знаю всех сильнейших мастеров среди своих соплеменников. Поэтому я спрашиваю, кто ты, Оранг. Со мной и остальными все ясно, и мы все прошли вместе уже немало сеч, так неужели ты не откроешь нам свою тайну.

— Ты очень наблюдателен для пропойцы. — Улыбнулся пилигрим. — Ты прав, я не из этого мира, но и не из мира Шанга. Когда-то давно я был обычным воином, но ярость и тщеславие сжигали мою душу, и я натворил немало зла, прежде чем кое-кто не забрал меня из моего родного мира в школу и пристанище для прирожденных воинов. Те, кто создали его, владеют поистине удивительными тайнами. Они и дали мне шанс на второе рождение. Я искупил свои грехи и в награду получил бессмертие. С тех пор я как и прочие в моем новом доме брожу по разным мирам и помогаю искоренять в них зло. К сожалению мы не можем действовать в открытую, поэтому приходится таиться. На Йорле же я затем чтобы уничтожить аррекса. Его тирания не дает миру дышать и отравляет его скверной. Это необходимо исправить.

— Вот те на... — Хмыкнул Нодди, покачав кудлатой головой. — Сказал бы кто раньше, что я буду с двумя бессмертными возле ночного костерка эль за здорово живешь попивать, плюнул бы ему в рожу. И сколько ж тебе на самом деле лет?

— Больше четырех веков. — Улыбнулся Оранг. — А так... кто считает...

— Столько жить, это ж свихнуться можно. — Недоверчиво хмыкнул Морн.

— По меркам эльвар он совсем молод. — прошипел Шанг. — Я живу тысячелетия и, как видишь, полностью сохранил рассудок.

— Чего не скажешь о нем. — Покосился Нодди в сторону шута. Тот был занят тем, что увлеченно дразнил горбача, швыряя в него мелкими камешками. Наконец, животному это надоело, и он плюнул в фигляра огромным сгустком вонючей зеленой слизи, плотно залепившей его размазанное гримом лицо. Шут недовольно завопил и опрометью побежал к небольшому озерцу, возле которого путники разбили лагерь.

— Редкостный дурень. — Вынес свой вердикт коротышка. — Того и гляди, влипнем мы из-за него в неприятности. Попомните мои слова...

— Ага, это да. — Гулко пробухал Сила. — Я его раз спросил, сколько будет один камень и еще один камень, так он мне свою карту в лицо тычит. — Совсем без ума...

— Ты то уж молчал бы лучше, гроза горбачей. — Отмахнулся Нодди. — Он тебе двойку

треф казал. Потому что один и один будет два. Понял? Двойка треф — два. Так что кто из вас дурнее еще большой вопрос...

Сила в ответ что-то обиженно пробубнил, но ввязываться в спор не стал. Благо на этом поле боя он был, мягко говоря, далеко не так грозен как в лихой рукопашной схватке.

— Ладно, пора на боковую. — Нарушил повисшее молчание Морн. — Завтра нам предстоит нелегкий переход.

— После таких новостей, пожалуй, заснешь. — Проворчал Нодди. — Хотя где-то у меня тут завалялась баклага доброго эля. Вот с ней мне, пожалуй, и твердая земля мягче перины покажется.

* * *

На следующее утро путники проснулись с первыми лучами и принялись готовить завтрак, стремясь как следует насытиться перед длинным переходом. Лица воинов были мрачными. Все они хорошо понимали, что как бы тяжело им не было до сих пор, это лишь малая часть тех трудностей, которая обрушится на них, едва они вступят в южную степь. Там на открытых просторах весь отряд будет как на ладони, и каждый встреченный местный станет считать их своей законной добычей. Несмотря на присоединение к Аррекции южные племена во многом сохранили старые обычаи и не пускали на свои земли никого постороннего. Дерзнувших нарушить их границы одиночек степняки либо убивали, либо продавали в рабство.

Чиллак нервничал не меньше других. В силу возраста он не до конца понимал, отчего его путники так напряжены, но их озабоченность инстинктивно передалась и ему.

— Чиллак, проклятый мальчишка! Почему горшки до сих пор не надраены! Вот сейчас отдеру тебя палкой так, что с неделю нормально сидеть не сможешь! — внезапно раздался резкий неприятный голос, и мальчуган испуганно подскочил на месте.

Прямо напротив него сидел шут и довольно скалился, явно наслаждаясь произведенным эффектом.

— Откуда ты... — Изумленно выдохнул парень. — И голос точь в точь как у... Я же тебе ничего не рассказывал! Нодди, признайся, это ты его научил?

— Шутишь что ли. — Угрюмо пробурчал коротышка, отхлебывая эля из своей заветной фляги. — Делать мне больше нечего кроме как дразнить всяких сопляков.

— Эй, медвежонок, хватит играть, иди скорее есть. Я приготовила яблочный пирог, как ты любишь... — Ласковым голосом почти пропел шут, поворачиваясь к коротышке.

— Ты... — Нодди сжал кулаки. В его глазах стояли крупные злые слезы. — Да я тебя... — Плечи бородача беззвучно тряслись, а лицо потемнело от горя.

— Ты чего это, брат? — озабоченно протянул Морн. — Никогда не видел тебя таким. Что произошло?

— Этот... он... так меня только мать называла... — Нодди, наконец, сумел справиться с собой.

— Странно все это... — Протянул Морн. — Откуда он столько о нас знает... Лазутчик...

— Нет, брат, тут иное. — Голос Нодди был непривычно серьезен и тих. — Я ведь об этом никому не рассказывал, даже тебе. Мать меня так только дома и звала. И в детстве, и

после когда я вырос и связал свою жизнь с легионом. Я так редко видел семью, наезжал урывками... А однажды вернулся в родную деревню, но нашел там лишь кости и пепел. Солдаты сожгли ее за недоимки. В назидание остальным. Мать, братья, сестренка, все погибли... С тех пор я поклялся себе, что не буду знать покоя, пока эти твари не ответят мне за все. — Кулаки бывшего легионера сжались. — Не мог он об этом знать, брат. Никак не мог. Но знает...

— Ничего, брат. — Глаза Морна потемнели. — Час расплаты близок. Поверь, ни один из палачей не уйдет от ответа...

— А ты сам, Морн. — Неожиданно даже для самого себя робко спросил Чиллак. — Отчего ты воюешь против аррекса и за что так ненавидишь того гиганта с лицом мертвеца.

— У меня была возлюбленная. — Опустил голову наемник. — Она была моим светом, всем для меня. Мы хотели пожениться и родить кучу детей. Она была очень красива и нравилась многим мужчинам, но выбрала отчего-то меня, простого легионера, хотя за ней ухаживали гораздо более важные и богатые люди. И один из них не принял отказа. Им был владыка Южной Степи. Он желал заполучить Мину для своего гарема. Она плюнула ему в лицо, и он зарубил ее на месте... Как же я хотел тогда убить эту тварь... Но его слишком хорошо охраняли... Я ушел из легиона, пил по черному, бросался, очертя голову, в самые лихие стычки, мечтая лишь о том, чтобы меня убили, и я, наконец, бы смог соединиться с Миной там в иной жизни... Но смерть все не приходила за мной, и я понял, что это знак. Провидение оставило меня жить, чтобы я сумел отомстить. А потом в одной из таверн я нашел такого же неудачника, как и я сам, у которого жизнь отняла все. Нодди тоже как и я служил в девятом легионе, но при обозе, потому что не с его ростом биться в фаланге. До того мига мы не знали друг друга, но быстро спелись, ведь у нас была одна общая цель. Мы оба жаждали мести. С тех пор мы не расстаемся.

— Мсть порой бывает сильнейшим мотивом, но не стоит слишком давать ей волю. — Покачал головой пилигрим. — Иначе она сожрет тебя целиком... Тушите костер. — Неожиданно оборвал он себя на полуслове. — Пора выдвигаться.

* * *

Великая южная степь и впрямь была достойна того чтобы наречь ее таковой. Зеленые равнинные просторы тянулись от горизонта до горизонта, не имея ни конца, ни края. Теперь путники двигались с максимальной осторожностью, а по ночам выставляли двойной караул, чтобы никто не сумел захватить их врасплох. Неприятности начались на второй день пути, когда чуткое ухо Шанга уловило отдаленный стук неподкованных копыт. К ним явно приближался отряд местных обитателей.

— Можешь определить, сколько их? — подобрался Оранг.

— Два-три десятка, не больше. — Прошипел эльвар.

— Тогда стоит принять бой. — Хищно ощерился Нодди. — Оторваться мы вряд ли сумеем.

Меж тем конский топот все приближался. Вдали уже можно было рассмотреть силуэты всадников.

— Ты был прав. Отряд небольшой. — Кивнул пилигрим. — Попробуем их рассредоточить. Идем рысью. Пусть приблизятся.

Чиллак подобно остальным подчинился приказу, украдкой глядя на невозмутимое лицо Оранга. Да такому все нипочем. А его самого била крупная дрожь. Ведь ни разу до сего момента ему еще не приходилось бывать в настоящем бою... От размышлений его отвлекла свистнувшая над самым ухом короткая стрела. Их преследователи были уже совсем близко, яростно нахлестывая коней. Морн и Нодди вскинули арбалеты, огрызнувшись ответным залпом. Со стороны степняков упала одна фигура.

— Не ускорять ход. Пусть подойдут ближе. — Бесстрастности пилигрима ныне позавидовали бы сами горы.

Меж тем всадники все сокращали расстояние. Уже можно было различить яростные оскаленные лица и вскинутые короткие тугие луки. Над головами беглецов то и дело свистели стрелы, но пока к счастью они летели мимо. Когда враги оказались совсем близко, Оранг неожиданно сделал стремительное движение рукой, и ближайший степняк завалился назад с пробитым черепом и повис, зацепившись ногой за стремя. Маленькие свинцовые шарики, которые с удивительной меткостью метал пилигрим, оказались поистине смертоносным оружием. Следующий бросок сбил еще одного преследователя. Степняки в ответ вскинули арканы. Ременная петля захлестнула шею ехавшего последним Силы, и воин, совершивший удачный бросок, пулей вылетел из седла, щедро пропахав лицом землю. Колосс же лишь недовольно повел плечами, похоже даже не сразу поняв, что именно произошло, и одним движением могучих пальцев разорвал кожаную удавку.

— В галоп! — отдал новую команду пилигрим, и отряд резко взвинтил темп, увеличивая расстояние между собой и степняками.

Многие преследователи тут же отстали. Их лошади были на пределе и не могли более поддерживать необходимую скорость. Однако по меньшей мере половина нападавших упорно продолжала погоню, вися у путников на хвосте.

— В рысь! Встретим их в рукопашной, пока остальные не пожаловали! — прорычал Морн.

— Вот это по мне! — радостно рыкнул Сила, соскакивая с горбача. Первого же степняка он встретил чудовищным таранным ударом богатырского плеча, отчего тот рухнул на землю вместе с лошадью, подняв тучу пыли. Морн и Нодди дали еще пару залпов из арбалетов и присоединились к гиганту. Спустя пару секунд в бой вступили Пар-Хан, Шанг и пилигрим.

Нападавших было около полутора десятков, но несмотря на численный перевес они ничего не смогли поделать против двух бессмертных и одного мастера железной рубашки. Остальные тоже внесли свой вклад в битву, но главным образом все легло на плечи Силы и эльвар. Могучий колосс одним ударом разваливал степняков от плеча до пояса. Ни стрелы, ни легкие сабли врагов не смогли его даже оцарапать. Шанг же мелькал по полю боя темной смазанной молнией, сражая степняков одного за другим. Там где богатырь делал ставку на силу, эльвар уповал на скорость и мастерство. Все было кончено буквально в минуту. Вторая половина отряда преследователей маячила в отдалении, но увидев судьбу своих товарищей, приближаться не рискнула.

— Что теперь? Догоним? — с надеждой протянул Нодди.

— Не к чему рисковать. — Покачал головой пилигрим. — Наши лошади на пределе, и мы не знаем, какими силами они на самом деле располагают.

— Но они могут привести подмогу. — Прищурился Морн.

— Если это не все их воины, мстители так и так явятся за нашими головами. —

Усмехнулся Оранг. — Но возможно, демонстрация наших сил, заставит их отказаться от преследования.

— Тогда вперед. — Подытожил Злая Вода. — Незачем задерживаться тут понапрасну.

* * *

Степняки вернулись спустя четыре дня. Ночью во время одной из стоянок чуткое ухо Шанга уловило приближение по меньшей мере полусотни всадников. Пришлось в срочном порядке уходить от погони. Бешеная скачка продолжалась до утра, пока от степняков не удалось более менее оторваться. Однако это было еще не все. Уже к вечеру эльвар услышал приближение еще одного не менее многочисленного отряда с востока. Их медленно, но верно брали в клещи.

— Может, стоит рискнуть и ввязаться в бой. — Нодди яростно сверкнул глазами.

— Шестеро против полусотни. — Скептически хмыкнул Морн. — Пацаны и шут не бойцы. Даже если осилим, потерь не избежать.

— Оэ, каковы границы твоего дара? — повернулся к мальчику пилигрим. — Сможешь ли ты биться магией?

— Я не могу вредить людям... — Прошептал ребенок. — Простите...

— Тогда в седло. — Отдал команду Оранг. — Если это воины одного племени, у их владений имеются границы. За их пределами они вряд ли рискнут нас преследовать... Оэ, что говорит тебе твое чутье? В какую сторону нам лучше ехать?

— Туда. — Через несколько секунд произнес мальчик, уверенно указав на юг.

— Верно. — Усмехнулся Пар-Хан. — Самый верный путь — прямой путь.

Изнурительная скачка продолжалась до глубокой ночи, до тех пор пока лошади совсем не выбились из сил. У степняков же были сменные кони. Они хорошо подготовились к облаве и могли позволить себе подобный темп. А затем Шанг огорошил остальных известием, что в их сторону движется еще и третий отряд с запада. Это был конец. Против полутора сотен воинов у них не было ни единого шанса.

— Похоже, час смерти близок, друзья. — Лицо Морна светилось торжеством. — Так умрем как подобает мужчинам.

— И то верно. — Ощерился Нодди, спешиваясь и обнажая топор. — Эти степные шакалы умоются кровью прежде чем возьмут меня.

Остальные не мешкая последовали его примеру. Иного выбора действительно не было. Кони и даже двужильные горбачи были слишком измотаны чтобы продолжать бег, а договориться со степняками по хорошему, учитывая тот факт, что на их руках была кровь их соплеменников, тем паче не представлялось возможным. Преследователи не заставили себя долго ждать, возникнув словно из под земли нестройной конной гурьбой. Путники встали спина к спине, подняв оружие. Даже Чиллак и шут не стали исключением. Однако доскакав до места положения отряда, степняки отчего-то начали возбужденно переругиваться и вместо того чтобы атаковать беглецов принялись бестолково крутиться вокруг, гортанно крича друг на друга.

— Чего это они... — Недоверчиво выдохнул Нодди.

— Магия не иначе... — Прищурился Оранг. — Оэ, твоих рук дело?

— Нет, я бы не сумел... — Растерянно прошептал чудо-ребенок. — Если бы людей было

немного, но такую толпу зачаровать мне не по силам.

— Может, то наш друг эльвар постарался. — Выразительно покосился Морн на Шанга.

— Вряд ли. — Покачал головой пилигрим. — Шанг воин как и я. И пусть мы и владеем силой, но она совершенно иного корня. Такие фокусы под силу лишь настоящим чародеям.

— Оранг прав. — Кивнул Шанг. — Я здесь не причем, но чую колоссальную мощь разлитую вокруг. Мыслю, она и есть причина всего этого. Но определить ее источник я не могу.

Степняки тем временем, еще некоторое время покружив вокруг, разочарованно развернули коней, поскакав обратно. Видимо, Оранг оказался прав, и те подошли к самым границам своих владений, соваться за которые было чревато обострением отношений с другими племенами жившими на этой территории.

— Похоже, на сей раз пронесло... — Нодди облегченно утер пот со лба. — Ну, и что будем делать дальше?

— Сперва дадим лошадям полноценный отдых. — Оранг ласково похлопал одного из горбачей по коричневому вздутому боку. — А затем двинемся дальше. Кем или чем бы ни была эта сила, она помогла нам. Так что не будем ломать голову над неразрешимыми загадками и доверимся судьбе.

Глава двадцать пятая

Земли бессмертных

— Ты гляди, не иначе горы Погибели... — Нодди прищурил глаза, вглядываясь в горизонт. — Я о них слышал немало жутких легенд... Эй, серокожий! Ты уверен, что нам действительно стоит туда соваться?

— Уверен, коротышка. — Усмехнулся Шанг. За дни проведенные в одном отряде эльвар привык к грубоватым и немного бесцеремонным манерам Нодди и совершенно на него не обижался. — По крайней мере если ты хочешь оказаться в безопасном месте и увидеть бессмертные земли.

Похоже, путников и впрямь хранила сама судьба. В дальнейшем им не встретилось ни единого врага, и они без особых происшествий сумели пересечь великую степь.

— Через пару, тройку дней будем на месте. — Улыбнулся пилигрим, зябко кутаясь в шерстяной дорожный плащ. Их поход длился месяцы, и лето сменилось поздней осенью, на счастье не особенно стылой и холодной здесь в землях юга.

— Эк ты сказанул! — недоверчиво прогудел Сила. — Да они ж как на ладони! За пару часов домчимся!

— Оптический обман. — Усмехнулся Оранг. — То что кажется близким на самом деле порой таковым не является.

— Хык, ма... — Невнятно пробормотал ничего не понявший богатырь. Остальные сдержанно засмеялись. К причудам колосса и его, мягко говоря, не слишком быстрому уму все давным давно уже привыкли.

Пилигрим оказался прав. Лишь на третий день отряд достиг подножия гор. И здесь перед ними встала новая проблема. Горные тропы оказались слишком крутыми, для того чтобы по ним можно было провести лошадей.

— Животных придется бросить. — Прошипел Шанг. — С ними нам не пройти.

— Жаль, я порядком привязался к своему горбачу. — Вздохнул Пар-Хан, почесав своему скакуну один из горбов.

— Дык, давай я тогда бахну хоть пару раз! — оживился Сила. — Ну как тогда на рынке! Спорим, с одного удара развалю обоих!

— Обидишь горбачей, и я сломаю твой клинок. — Невозмутимо протянул пилигрим. — Животные верой и правдой служили нам долгое время. Справедливо будет отпустить их на волю.

— А ты что и впрямь можешь... — Опасливо покосился колосс на Оранга, инстинктивно пряча свой исполинский меч за спину.

— А то... — Грозно протянул пилигрим, но глаза его смеялись.

Вообще с ранжирами сил меж отряда все было довольно туманно. Однажды к примеру Шанг и Сила решили в шутку побороться и сцепили руки, воздух вокруг них задрожал, а затем Шанг рассерженно зашипел, колосс сочно выругался, и оба спешно расцепили хватку, тряся пострадавшими конечностями. Поединок на этом закончился. Обе стороны по умолчанию признали равенство друг друга. Однако если первым клинком отряда бесспорно считался эльвар, ведь в скорости и умении он существенно превосходил богатыря, то дальше начинались большие вопросы. Сила, будучи физически намного сильнее всех кроме Шанга, в реальном бою все же слегка уступал пилигриму, да и Пар-Хан был куда как грозным бойцом,

и тоже имел весьма неплохие шансы повергнуть исполина, попросту измотав его своей необычной техникой боя. Морн и Нодди в рукопашной скорее всего стояли в конце списка, но у них были арбалеты, что при расстоянии в шагов тридцать и более давало им огромное преимущество перед остальными. Ведь стрелками они были меткими, и даже мастер железной рубашки вряд ли сумел бы отразить белыт выпущенный в глаз.

Ну и в самом низу, разумеется, находились остальные, однако Оэ и даже Шут, как выяснилось, обладали довольно странными возможностями, которые ставили в тупик даже такого древнего бессмертного как Шанг, так что еще неизвестно, на что они по настоящему были способны. Что же до Чиллака, то парень рос и набирался опыта прямо на глазах, постепенно превращаясь в настоящего воина. К тому же его с одной стороны все еще не шибко принимали всерьез, а с другой любили и берегли как собственного ребенка, чем мог похвастать и маленький провидец, ведь многие в отряде потеряли свои семьи и теперь инстинктивно искали им замену. По сути отряд и стал настоящей семьей для всех его членов без исключения. Даже несносного Шута теперь считали своим и перестали подозревать во всех смертных грехах. И разумеется никто из друзей и помыслить не мог о том чтобы поднять руку друг на друга в реальном, а не потешном бою, да и поводов для этого не было никаких. Все по умолчанию уважали друг друга и признавали за каждым право на определенные особенности и недостатки. Это ли не есть настоящая дружба...

* * *

— Это небо совсем непохоже на наше... — Протянул Морн, глядя в непривычно чистые голубые небеса.

— Бездна, не могли сделать ход пошире... — Недовольно проворчал Нодди, с трудом протискиваясь в скальный проход.

— Это да. — Поддержал товарища Сила. — Я себе все плечи ободрал пока вылез наружу. Здешние все задохлики не иначе...

— Ага, с одним из них ты боролся намеренно... — Хмыкнул коротышка. — Напомнить исход?

— Сила могучий воин. — Не согласился с бородачом Шанг. — Я не сумел одолеть его, а ведь я сильнейший среди нашего племени.

— Здесь тепло. — Довольно протянул пилигрим, сбросив шерстяной плащ и оставшись в одной легкой накидке. — И не скажешь, что осень.

— В наших землях не бывает холодов. — Прошипел эльвар. — Даже в горах намного теплее чем в вашей степи. Однако будьте начеку и не шумите понапрасну. Есть риск нарваться на горных великанов, а это те еще твари...

— Вы его слышали. — Оранг неподвижно стоял и пристально вглядывался в горизонт, опираясь на свой посох. — Что еще нас здесь ожидает, и как далеко владения твоего народа?

— Они сразу за лесом эльфов. — Прошипел Шанг.

— Это не тот случай? — Нодди указал на видневшуюся на горизонте зеленую полосу.

— Он самый. — Кивнул эльвар. — У нас с эльфами заключен союз, но они не жалуют чужаков, а вас людей считают врагами после стычек с аррексийскими лазутчиками.

— Они нас пропустят? — нахмурился пилигрим.

— Должны, если я буду с вами. Но... всякое может случиться... — неопределенно

протянул Шанг, двинувшись вперед, и махнул рукой, приглашая следовать за собой. Путникам ничего не оставалось делать кроме как подчиниться.

Границ эльфийского леса путники достигли лишь к вечеру. На счастье на пути им не встретилось ни одного местного страшилища, и все без исключения чувствовали небывалую бодрость и подъем сил, сказывалась волшебная аура здешних мест.

— Стойте. — Повелительно поднял руки Шанг, не дойдя до леса полсотни шагов, и что-то громко прошипел на неизвестном путникам языке.

В ответ из леса молча выступили три высокие фигуры закутанные в темно-зеленые плащи. Одна из них призывно махнула рукой, предлагая путникам приблизиться. Вблизи эльфы оказались весьма похожими на людей, но с очень хрупким вытянутым тонкокостным телосложением и длинными острыми ушами. После короткого обмена репликами на все том же непонятном языке Шанг, наконец, повернулся к остальным.

— Нас хочет видеть их вождь. — Прошипел он. — Идите вперед и не задавайте вопросов.

Вглубь эльфийского леса их сопровождало три десятка лесных воинов в широких зеленых плащах. Все они выглядели примерно одинаково и были вооружены луками и длинными копьями.

— Варвары. — пренебрежительно хмыкнул Нодди, скептически глядя на вооружение аборигенов. — Готов побиться об заклад, что уделаю любого из этих хлыщей один на один.

— Эльфы не так безобидны, как ты думаешь. — Усмехнулся Шанг. — Да в рубке они гораздо слабее нас эльвар, но зато они превосходные лучники. Не промахиваются даже в полной темноте. К тому же их копья и стрелы напоены смертельным ядом, губительным даже для бессмертных.

— Не промахиваются даже ночью... — Недоверчиво хмыкнул Нодди. — Байки не иначе.

Многие из моих сородичей тоже так думали. — Прошипел эльвар. — Ныне их тела покоятся в земле. Мы не всегда жили в мире...

— Как красиво... — Заворожено прошептал Оэ, с восторгом глядя по сторонам. — Эти земли благословили сами ангелы...

— Ангелы? — прищурился Шанг.

— Ангелы. — Подтвердил мальчик. — Они незримо присматривают за нами с небес, помогают и следят, чтобы мы не творили дурных дел.

— Ты говоришь о духах предков. — Понимающе прошипел эльвар. — Мы тоже верим в их существование. Веками они ведут счет нашим делам, и великих воинов после смерти забирают к себе в небесный чертог. Трусов и предателей же ждет подземный мир.

— Ангелам претят убийства. — Покачал головой Оэ. — Им мила лишь доброта и милосердие. К чему убивать друг друга, если можно жить в мире и согласии?

— А как же воинская доблесть? — прищурился эльвар. — Или героям нет места на небесах?

— Герои? Что есть герои? — улыбнулся Оэ.

— Герои — великие воины, что в одиночку совершают подвиги и повергают порой целые армии чтобы показать свою доблесть и силу.

— Но зачем? — непонимающе протянул Оэ, с кроткой улыбкой глядя на серокожего воителя. — Ведь любовь — высшая ценность данная нам миром. Неужели тебе не жаль всех тех, кого ты сразил за бессчетные века своей жизни?

На лице Шанга промелькнуло странное выражение, и он отвернулся от небесного мальчика, ничего не ответив.

Через несколько дней отряд вступил в главную эльфийскую деревню или как еще можно было назвать их поселение состоявшее из многочисленных хижин причудливо выраставших прямо и древ. Растительность здесь, к слову сказать, здесь мало отличалась от аррексийской, однако выглядела намного более цветущей и здоровой, что и немудрено, учитывая благодать и целительные свойства этой земли. Местные вожди на первый взгляд ничем не отличались от обычных воинов, а их жилище было разве что немногим больше обычного. Некоторое время они вполголоса переговаривались с Шангом на пороге, изредка бросая на путников заинтересованные взгляды. Затем, наконец, по всей видимости первоочередные вопросы были улажены, и оба вождя скрылись в своей обители. Путников внутрь так и не пригласили, но зато накормили и даже выделили отдельную просторную хижину для ночлега.

— О чем вы говорили. — Спросил пилигрим, едва они остались наедине.

— Вожди расспрашивали про вас. — Усмехнулся Шанг. — Также спрашивали они и о землях смертных. Я сказал что вы мои побратимы и поручился за вас. Теперь нам будет позволено пройти.

— Вот так просто? — хмыкнул Нодди. — А если мы лазутчики?

— Эльвар не лгут. Но они могут и читать в душах иных, поэтому нас невозможно обмануть. Тем более смертным не видевшим и сотню обновлений.

— Обновлений? — удивился Злая Вода.

— Так в наших землях называют время, за которое деревья сбрасывают листву и обрастают новой. В краях эльвар древ совсем немного, но они есть, и мы почитаем их не менее нежели эльфы свои леса.

— Что ж, раз так предлагаю отдохнуть и, наконец, как следует выспаться. — Подытожил пилигрим. — Сдается мне, в следующий раз нам нескоро выпадет увидеть мягкую постель.

Двадцать шестая. церемония.

Границ земель эльвар они достигли спустя неделю. Эльфы сдержали свое обещание и пропустили путников через свои леса. А затем неожиданно густая лесная сень сменилась открытой равниной чем-то неуловимо похожей на необъятную южную степь.

— Это наши земли. — В голосе Шанга послышалось облегчение. — Здесь мы в безопасности.

Далее поездка проходила не пример веселее. Путники смогли наконец полностью расслабиться и отдохнуть от тягот пути. Останавливались в попадавшихся на пути стойбищах эльвар. Сородичи Шанга такие же худощавые и серокожие как и он сам относились к первому с большим почтением и с радостью предоставляли чужеземцам все необходимое, не скрывая притом живого интереса к гостям. Жили эльвар в шатрах из звериных шкур. По ходу поездки Шанг много и охотно рассказывал остальным об обычаях своего народа. Их племена подразделялись на многочисленные колена, меж которыми в древние времена порой возникала вражда, но ныне все разногласия вроде бы были улажены. Однако Чиллака больше поразило не отсутствие вражды меж здешними, а тот факт, что эльвар не держали у себя никаких домашних животных. Вообще.

— Нам они не требуются. — Улыбнувшись, пояснил эльвар в ответ на вопрос парня. — Все потребное для жизни мы добываем, охотясь.

— А лошади? — искренне удивился мальчуган. — Разве они вам не нужны?

— Мы можем двигаться гораздо быстрее людей. — Прошипел Шанг. — Я научился ездить верхом лишь в землях смертных, узрев ваши обычаи. Должен признать, что это весьма удобно. Однако мои сородичи вряд ли пожелают расстаться со старыми привычками.

Еще через несколько дней пути отряд достиг, наконец, главного стойбища эльвар. Оно практически ничем не отличалось от прочих поселений, будучи лишь несколько больше в размерах. Встречать их вышла целая процессия во главе со статным высоким эльвар облаченным в меховую накидку украшенную большими пестрыми перьями.

— Шидан. Верховный вождь всех эльвар. — Пояснил Шанг остальным.

— Как прошел твой путь, и кто эти смертные? — произнес Шидан сильным голосом. Как и все эльвар он издавал специфические шипящие звуки при разговоре, но у путников подобное давно уже не вызывало отторжения.

— Мои побратимы. — Усмехнулся Шанг. — Они не раз спасали мою жизнь, как и я их. Я ручаюсь за них. Наши подозрения подтвердились. Смертные с той стороны Прохода действительно готовят против нас большой поход. Как я понял, им нет дела до наших земель, но их вождь настоящее чудовище. Он бессмертен как и мы, но правит силой и мечом, не учитывая свободу воли иных. Все люди той стороны его рабы. И он жаждет крови и новых завоеваний.

— Бессмертен? — нахмурился Шидан. — Он не нашей крови?

— Нет. — покачал головой Шанг. — Я не знаю кто он, но сила в нем немалая. Я хотел убить его, но потерпел неудачу. Боюсь, в скором времени нас ожидает вторжение.

— О каком числе воинов идет речь?

— Ты не видел подобного допрежь. Все наше племя лишь ничтожная капля в сравнении с полноводной рекой, столь велики их армады.

— Если это так, то что нам делать? — лицо вождя потемнело. — Как уберечь наш народ от беды?

— Остричь клинки. — Хищно усмехнулся Шанг. — Люди не слишком хорошие бойцы. Один эльвар стоит трех, а то и четырех их воинов, да и эльфийские леса им так просто не взять, Однако меня тревожит их вождь. От него исходит главная опасность. Если бы мы смогли убить его, вторжение бы захлебнулось. Я уже говорил с Эверионом. Как только лесные воины заметят армаду чужаков, они пришлют нам весть. Племя должно быть готово выступить. Лишь совместными силами сумеем мы одолеть врага.

— Я услышал тебя. — Кивнул головой Шидан. На его лице залегли тяжелые тени заботы. — Я передам старейшинам твое послание. Все мы давно уже чуем угрозу незримо нависшую над нами. Посему, думаю, они внимут предостережению и примут верное решение.

* * *

Великий аррекс задумчиво глядел на огонь, рассеянно потрепывая по загривку огромного лохматого гиганта разлегшегося у его ног. Гых был горным великаном похищенным людьми аррекса из родных гор еще детенышем. Уголь лично воспитал его,

превратив могучее чудовище в верного защитника готового отдать жизнь за своего обожаемого хозяина. Более внутри походного императорского шатра никого не было. Без малого год ушел на то чтобы собрать требуемую ему армию, стянув воинов со всех уголков необъятной империи. Сбор был объявлен в великой южной степи, ибо ни один город не вместил бы чудовищную двухмиллионную орду. Для аррекса этот поход был не просто завоевательной кампанией. Нет все это было живым свидетельством, наглядным символом его власти, кровавым пиршеством тьмы, которым он желал насладиться в полной мере, когда плоть и кровь смертных и бессмертных, наконец, столкнется с костью и металлом в ожесточенной схватке не на жизнь а на смерть... И еще это была месть.

Тот неведомый воин, что едва не поверг его по прошествии великого турнира, был бессмертным как и он сам. А лазутчики вернувшиеся из тайных земель неоднократно докладывали ему о необычных мистических воителях с длинными луками, что жили в лесах неподалеку от гор. И хотя у него не было прямых доказательств, его наитие буквально кричало ему о том, что Шанг был родом именно оттуда. А раз так, то значит и он тоже? Ведь никак иначе его бессмертие было не объяснить. Он был рожден таковым. Могучим небожителем, о коих невежественные смерды слагают дивные предания... Но по какой-то причине его вышвырнули из родного края словно безродного щенка, а после огонь искалечил его плоть, превратив в монстра во плоти. Подобное нельзя было оставлять безнаказанным. Ведь не в его правилах было прощать и более мелкие обиды.

По ночам ему снились странные сны. Будто бы он летел по воздуху, сидя на черном как ночь крылатом жеребце более смахивающим на ночного демона, и широкий пластинчатый клинок в его руке так непохожий на его привычный двуручник разил поистине невиданных тварей. В этих снах его кожа была гладкой и смуглой словно темная бронза, и на ней не было ни малейших следов от кошмарных ожогов. Уголь был готов побиться об заклад с кем угодно, что эти видения посещали его отнюдь неспроста.

— Повелитель. Все готового. — Низкий рыкающий голос появившегося на пороге Кая Грасса, отвлек кесаря от размышлений.

— Хорошо. Иди. — Рыкнул Уголь в ответ еще более ужасным голосом. — Сегодня начнется новая эра...

* * *

От ярких слепящих огней раскинувшихся в ночной степи от горизонта до горизонта было светло как днем. Воины со всех необъятных концов великой империи с нетерпением ждали появления своего владыки. Ожидание затягивалось, и когда оно стало особенно нестерпимым, полог императорского шатра, наконец, откинулся, и взорам собравшихся предстала величественная темная фигура в глухом черном доспехе.

— Воины! — аррекс воздел могучие руки вверх. — Настал час нашего триумфа! Я обещал вам новые земли, и я явлю их вам! Вместе мы сокрушим любого противника, и наш стяг навеки будет водружен там, где никогда ранее не ступала нога смертного! А для того чтобы умиловить великие небеса и обеспечить нам скорую и славную победу, я преподнесу им поистине королевский подарок!.. Узрите вашу новую императрицу!

Из близлежащего шатра тут же выступила целая процессия жрецов в длинных темных тогах и молодых женщин сплошь укутанных в драгоценные раззолоченные одежды. В самом

центре процессии находилась девушка в облачении белее первого снега. Немыслимо тонкая дорогая ткань ниспадала до земли тончайшей кисеей, а сама невеста казалась прекрасной словно утренняя заря. Невероятно стройная, высокая и смуглокожая она обладала поистине совершенными чертами лица, а водопад черных как ночь волос струившийся по ее плечам вызывал восхищенные вздохи даже среди самых холодных и черствых.

Меж тем процессия приблизилась к аррексу и неподвижно замерла. Тот в свою очередь подошел к своей невесте и предложил ей руку, опустившись на одно колено. Воины изумленно затаили дыхание. На их памяти это был первый раз, когда грозный аррекс преклонял колени перед кем бы то ни было. Девушка изящно приняла руку и проследовала за императором на возвышение.

— Вот я и поймала тебя в капкан, мой грозный пардус... Ты был непростой добычей, но мои чары оказались сильнее... — Тихонько прошептала Айлиль, лукаво улыбаясь. Ее лицо светилось от счастья и гордости.

— Да, моя дорогая... — Рыкнул Уголь. — Ты добила чего желала. Однако ты забыла о том, что в моей империи есть место лишь одному властелину... — В руке кесаря появился длинный кинжал, и девушка изумленно ахнула, когда тонкое лезвие вошло ей точно в сердце.

— Пусть великие небеса узрят мою жертву! — громовым голосом прорычал аррекс, легко удерживая на весу обмякшее тело своей возлюбленной одной рукой. — Я отдал вам самое дорогое, что было в моей жизни! Взамен я прошу даровать мне победу в грядущей войне! — Уголь взял простой стальной кубок, ибо сталь, а не золото есть истинный король всех металлов, услужливо поднесенный одним из жрецов, и наполнил его кровью своей невесты. — Отныне я нарекаю свои земли империей Дракона! И пусть враги трепещут от одного лишь вида моих славных воинов! За нашу победу! — рыкнул он и одним глотком опорожнил кубок до дна.

— Слава великому аррексу! Слава! Слава! — войско ревело и бесновалось. Воины радостно осушали кубки полные хмельного эля и вина, иступленно выкрикивая здравицы своему владыке. В темных небесах блеснула слепящая молния, а затем секунду спустя ударил оглушающий гром, еще больше распаляя людскую жажду крови. Похоже, небеса услышали молитву их императора и остались довольны жертвой.

Глава двадцать седьмая

Великий поход

— Тебя что-то гнетет? — темные глаза Шанга пристально глядели на непривычно задумчивого пилигрима неподвижно сидевшего возле огня.

— Уже год как мы живем среди твоего племени, а войска аррекса так и не объявились. Мне пришлось даже вернуться в свой родной мир чтобы посоветоваться с его вождями.

— Что они сказали тебе?

— Дали полную свободу действий. — Усмехнулся Оранг. — Иорль не слишком значим для них, а я далеко не первый среди их воинов.

— Как же ты сумел попасть в свой мир и вернуться назад так быстро?

— Это амулет портала. — Пилигрим продемонстрировал эльвар небольшую темную статуэтку. — Позволяет создать проход сквозь завесу междумирья, но лишь один раз. После нужен новый. В моем мире такие штуки весьма ценный товар, и потому следующий мой поход меж мирами окажется для меня последним.

— На границах участились стычки с людскими лазутчиками. Аррекс наверняка атакует в ближайшие месяцы.

— Надеюсь на это. — Кивнул Оранг. — Всякую заразу нужно выжигать на корню. А аррекс — одна из худших болезней, что могут поразить мир. Я просил воинов моего мира о помощи, но мне отказали. У нас и так слишком много врагов.

— Для меня будет честью сражаться рука об руку с таким воином как ты. — Торжественно улыбнулся эльвар. — Я говорил с Шиданом, рассказал ему о ваших подвигах. И вождь согласился, чтобы вы были приняты в наше племя как мои кровные побратимы.

— Это честь. — Улыбнулся Оранг. — Я с радостью войду в ваше племя и думаю, остальные тоже будут не против.

— Тогда пусть они будут готовы. Видящие проведут ритуал завтра поутру.

* * *

— Как продвигается работа. — Аррекс брезгливо глядел на жалкого напуганного человечка униженно стоявшего перед ним на коленях.

— Великий... как вы и приказали, каменщики трудятся не покладая рук, чтобы сделать здешние тропы пригодными для прохода вашей могучей армии.

— У твоих рабочих был целый год. — Рыкнул император. — Однако дороги до сих пор не пригодны для провоза осадной техники. Как ты объяснишь мне это...

— Великий... ты сын неба посланный нам за наши молитвы... но мы простые люди, а не боги. — Испуганно проблеял каменщик. — Здешние скалы слишком круты и непроходимы. Мы сделали все что было в наших силах. Чтобы добиться большего, нужно время...

— Которое ты исчерпал. — Аррекс выхватил из-за пояса короткий абсолютно черный клинок и одним ударом обезглавил несчастного строителя. Меч Ши-Нага долгие десятилетия покоился в сокровищнице императора, не выходя на свет. Уголь не слишком любил это оружие. Казалось, оно обладало собственным разумом и стремилось подчинить

себе волю своего владельца. Ши-Наг был великим воином, но он был смертным, и меч был необходим ему чтобы поддерживать силы и молодость. Аррекс в подобной подпитке не нуждался. У него был собственный внутренний поистине неисчерпаемый источник силы. Энергия буквально распирала его, и он обращал ее в жгучую слепящую ненависть, обрушивая ее на врагов и всех тех, кто смел противиться ему и не признавал его божественную власть. Вот и сейчас кесарь вновь ощутил настойчивую попытку меча пробиться к его сознанию, но усилием воли подавил ее в зародыше и сунул нехотя замолчавший клинок за пояс. Он стал намного сильнее с тех пор как стал владельцем сей жуткой игрушки, но все равно решил без нужды более не использовать ее и прибегнуть на самый крайний случай.

— Дэй-Кон. — Небрежно подозвал он одного из своих военачальников. — Казнить всех рабочих участвовавших в строительстве. А их кровью пусть будут омыты здешние дороги как символ того что ждет всех тех, кто посмеет сопротивляться нам и кто рискнет вызвать мое неудовольствие.

— Что делать с осадными орудиями, владыка? Этот угодник был прав, тропы действительно не пригодны для их прохода.

— Бросьте здесь. — Жестоко усмехнулся аррекс. — У нас два миллиона воинов. Даже без осадной техники мы не оставим врагам не единого шанса.

* * *

Армия новопровозглашенной империи Дракона сплошным потоком устремила к проходу. Каменотесы за прошедший год действительно постарались на совесть, существенно расширив и укрепив горные тропы, так что по ним без труда могла пройти даже кавалерия. Дэй-Кон на славу выполнил приказ своего владыки. Тысячи рабочих были обезглавлены, и ныне тропы, по которым шла неостановимая аррексийская река, побурели от пролитой крови.

Однако неожиданно перед воинами грозной империи возникла новая проблема. Проход в иной мир был слишком узким. Протискиваться в него приходилось поодиночке, а лошади и вовсе не могли здесь пройти. Аррекс гневно скрежетал зубами. Такими темпами переброска армии на ту сторону затянется на многие месяцы, к тому же придется полностью отказаться от кавалерии, что существенно подорвет боевой дух воинов. Нужно было срочно искать выход. Идею продолбить проход пошире император отверг сразу. Если здешние камни обладают магией, то неизвестно, чем еще это может обернуться. А если портал закроется навсегда? Тогда его затея потерпит полное фиаско, а авторитет среди войска существенно упадет. Ведь для них он был живым богом во плоти. А бог не может ошибаться и терпеть неудачи.

Целый день он неподвижно просидел возле самого прохода, расположившись прямо на голых камнях. Ни один из воинов и даже ближайших императорских советников не рискнул потревожить кесаря и нарушить его покой. Однако внешнее спокойствие на самом деле скрывало в себе настоящую бурю бушевавшую в душе великого аррекса. И когда он уже почти отчаялся, его внезапно озарило. На камнях были выбиты древние руны, значения которых не ведал никто, включая и его самого, но темная суть Угля ощущала энергию идущую от камней скрывающих портал в земли бессмертных. Бессмертных как и он сам... А что если эти врата неким образом ощущали вечноживущих, также как он ощущал здешние

мистические энергии? А если это так, то не станет ли его кровь тем ключом, что откроет ему и его армадам путь в новые земли? Мысли императора никогда не расходились с действием. Мгновение и длинный боевой кинжал взрезал черную блестящую ладонь. Темная кровь кесаря густыми тяжелыми каплями полилась на камень. Некоторое время ничего не происходило, а затем стены пещеры задрожали, и спустя мгновение часть стены отъехала в сторону, открыв широкий проход чернеющий непроглядным мраком...

* * *

— Началось. — Стройный изящный воитель напряжено глядел на своего вождя. — Армия людей большим числом вошла в горы великанов.

— Каковы их действия? — Эверион слишком давно правил своим народом и был не склонен чрезмерно выражать эмоции.

— Они расползаются по ним подобно лесному пожару. Некоторая часть вступила на равнины что подле наших лесов. Дальнейшее мне неизвестно. Я спешил к вам как мог, чтобы вовремя доставить послание.

— Ты поступил правильно. — Успокоил гонца правитель. — Ступай и как следует отдохни. Скоро нам предстоят непростые времена... Ты слышал? — повернулся он к статному царственному эльфу похожему на правителя как две капли воды.

— Да, брат. Люди сильны. Потребуется все наши воины до единого чтобы остановить их.

— Эльвар обещали нам помощь. Думаю, стоит послать за ними уже сейчас, чтобы потом не оказалось слишком поздно.

— Это разумное решение. А пока же... думаю, я знаю как сделать так, чтобы прогулка по великаньим горам встала захватчикам поперек горла.

* * *

— Как продвигается кампания? — Аррекс небрежно тронул поводья, глядя на одного из своих бессмертных сверху вниз. Буйный недовольно взрыл копытом землю. Личный конь императора был инициирован темной кровью Угля и подобно прочим бессмертным переродился в нечто совершенно иное. Ему не нравилось, что хозяин сдерживает его норы. Жеребец жаждал дикой скачки на пределе для которой и был рожден.

— Превосходно, повелитель. — Самодовольно рыкнул Кай Грасс. — Вторжение идет по плану. Я отправил десятый и двенадцатый легионы, чтобы они закрепились на равнине и разбили там лагерь для основных наших сил.

— Что остроухие?

— Сидят в своих лесах и не высовываются. — Усмехнулся «дракон». — Мелкие стычки не в счет. Нам удалось захватить пару пленных, но их язык непохож на наш. К тому же это были рядовые воины. Вряд ли они знали слишком много.

— Они живы? — поднял бровь Уголь.

— Нет. — Нехотя ответил бессмертный, опуская взор. — Палачи немного перестарались...

— Ни один из моих лазутчиков не сумел пробраться глубоко в их леса. Добудь мне живого остроухого. Желательно командира. Я хочу выяснить сколько их, и узнать побольше о тех землях, что нам предстоит покорить.

— Я понял, владыка. — Поклонился легат драконов.

— Погоди... ты слышал? — насторожился кесарь.

Вдалеке и впрямь послышался неясный глухой рев.

— Что это, владыка? — прорычал Грасс.

— Похоже, мы здесь не одни... — Занять оборону! — рыкнул кесарь. — У нас незваные гости.

Меж тем на плато неподалеку от Прохода из-за близлежащих скал стали выскакивать гигантские уродливые человекоподобные фигуры, которые принялись рвать солдат аррекса голыми руками, оглушающе ревя.

— Горные великаны! К оружию! — проревел Кай Грасс.

Гвардия тут же окружила императора плотным кольцом, предоставив остальным воинам разбираться с чудовищами. У тех пока получалось из рук вон плохо. Массивные подвижные гиганты в два человеческих роста легко разбрасывали тщедушных для них людей, отрывая им конечности и головы. На плато возникла паника. Видя, что воины вот-вот готовы обратиться в бегство, легат драконов отдал новую команду, и в чудовищ полетели арбалетные стрелы. Резные бронебойные бельты оказались куда эффективнее клинков, и среди великанов начали падать первые убитые. Некоторые из них пытались атаковать сплошную стену закованных в вороненую сталь гвардейцев, но таких буквально скашивали плотные прицельные залпы арбалетов, и им не удавалось даже приблизиться к опцетинившемуся сталью людскому строю. Наконец одной твари все ж улыбнулась удача и она врезалась в шеренгу драконов, смяв троих из них. В ответ бестию прошило разом несколько копий. Выстрел из арбалета в упор прямо в оскаленную морду прервал ее агонию. Гых ревел и бесновался, чуя сородичей, но остановленный властным окриком хозяина, оставался на месте и не лез в схватку.

Наконец, бой завершился. Великаны с разочарованным воем отступили, оставив пару десятков тел своих сородичей. Среди людей потерь также было не слишком много, всего пара сотен раненых и убитых, но это лишь оттого, что напавших чудовищ было не больше трех десятков.

— Они отступают и атакуют словно единое целое! — изумленно порычал Кай Грасс. — А я считал их животными...

— Они и есть животные. — Жестоко усмехнулся аррекс. — Сейчас они действовали подобно волчьей стае. Однако я думал, эти твари одиночки... Интересно, чем мы им так приглянулись... Грасс, пошли своих воинов, пусть прочешут все скалы в округе, найдут их логова и уничтожат всех до единого. Детенышей доставить мне. Живыми. Скажи, что за каждого детеныша я их щедро награжу.

— Как прикажешь, владыка. — Бухнул себя бронированным кулаком в грудь бессмертный. — Будь уверен, я не подведу тебя.

* * *

— Мы потерпели неудачу. — Эвериол виновато смотрел в лицо брата. — Великаны не

смогли покончить с их вождем. Мои лучшие воины пытались подобраться к нему, но его охрана слишком сильна и многочисленна. А его армады все продолжают прибывать.

— Значит, теперь нам придется встретить их на границах наших лесов. — Нахмурился Эверион. Из двоих братьев он был старшим и по праву занимал место верховного вождя всех эльфийских племен. — Пусть наши воины готовятся к битве не на жизнь, а на смерть. Нутром чую, она будет жаркой...

Глава двадцать восьмая

Древние

— Да в фантазии местным не откажешь... — Усмехаясь, протянул Морн, глядя на разодетых в пестрые украшенные разноцветными перьями наряды эльвар.

На следующее утро друзей пригласили в самый центр главного стойбища, где их уже ожидали местные облаченные по случаю торжества в лучшие свои одежды. Видящие, как называли здешних жрецов стояли отдельно. Их лица были разрисованы причудливыми золотыми узорами, а самый старый и уважаемый (по крайней мере так подумали путники, ибо по лицам и телам нестареющих эльвар невозможно было угадать их истинный возраст) держал огромную чашу из темного металла. Затем видящие согласно традициям принялись плавным напевным речитативом тянуть древнюю песнь единения. Когда они закончили, один из жрецов протянул Орангу короткий кривой нож из того же темного металла.

— Надрежь себе запястье и излей в чашу свою кровь. — Тихо подсказал Шанг, и пилигрим исполнил требуемое. Затем то же самое сделали все без исключения члены отряда, благо крови на самом деле требовалось совсем немного. После старший жрец повторил процедуру с собой, а также с Шангом и вождем Шиданом, и каждый из трех эльвар сделал из чаши добрый глоток.

— Теперь ваша очередь. — Улыбнулся Шанг, протягивая сосуд Орангу.

— Не нравится мне все это... — Вполголоса проворчал Нодди, обращаясь к Морну. — Смахивает на те старые сказки о ночных кровососах. Ну, ты меня понял...

— Да ладно брось, не ворчи. — Усмехнулся наемник. — Здешние показали себя отличными товарищами. К тому же, если ты забыл, теперь это наш дом. По крайней мере до тех пор пока жива эта красноглазая тварь...

— Я отчего-то не вижу шута. — Не унимался коротышка. — Он что же решил прогулять церемонию...

— Объявится рано или поздно. — Хмыкнул Морн, принимая чашу и делая изрядный глоток. — С дурака какой спрос...

— Ладно, так уж и быть. — Наконец, решился Нодди, и зажав нос, в свою очередь отхлебнул из священного сосуда. — Не так уж и плохо. — Крякнул он, утирая губы. — Первый раз у меня это, ей богу, хотя в деревне, откуда я родом, иные сцеживали кровь с забитого скота, а потом пили аки упыри. Говорят, верное средство от всех болезней...

Меж тем верховный жрец подходил по очереди к каждому новообращенному, и поднимая их руки над головой, выкрикивал что-то на своем языке. Эльвар в ответ разражались радостными возгласами.

— Церемония завершена. — Улыбнулся Шанг, когда таким образом были инициированы все путники. Отныне вы полноправные члены племени.

* * *

Меж тем в разбитый на равнинах подле эльфийского леса лагерь аррексийской армии продолжали прибывать все новые и новые отряды. Наконец их число оказалось столь велико, что император посчитал возможным начать атаку на земли остроухих воителей.

Командовать этой армией он поставил Кая Грасса. Передовые отряды людей уже вошли в леса, и столкнувшись с дозорной стражей, вынудили последних отступить вглубь. Legionеры закреплялись на окраинах леса, дожидаясь подхода подмоги. В итоге в леса бессмертных лучников вошло три легиона и несколько отрядов варваров южной степи. В общей сложности около пятидесяти тысяч воинов.

Эльфийские воители собирали свою армию неподалеку от своего главного поселения. Все колена этого народа были призваны, и в итоге сообща они умели собрать армию в двадцать тысяч лучников. Враг превосходил их числом более чем вдвое, но здесь в родных лесах каждый эльф стоил десятерых противников. Войска столкнулись возле главной эльфийской деревни. Усталые воины Аррексии едва успели сомкнуть строй, как них из густой чащи посыпались длинные стрелы с зеленым оперением. Обученные легионеры тут же сомкнулись, выстроив «черепашу». Степные варвары незнакомые с тактикой ведения боя в лесу, принялись гортанно кричать и бестолково метаться из стороны в сторону, беспорядочно обстреливая близлежащие заросли из своих коротких луков. Но подобная стрельба была малоэффективна и практически никого не задевала. Именно степняки в этом бою несли больше всего потерь. Их полуголые тела незащищенные практически никаким доспехом оказались превосходной мишенью для метких эльфийских стрелков.

Кай Грасс, надо отдать ему должное, быстро сориентировался в обстановке. Он послал во все стороны небольшие отряды легионеров, которые под прикрытием своих щитов и ответного ливня стрел аррексийской армии должны были подавить сопротивление аборигенов. И подобная тактика возымела успех. Обученные легионеры вступили в рукопашную с легковооруженными стрелками, вынуждая их отступать. Осознав, что дальний бой себя исчерпал, Эверион, лично возглавивший своих воинов отдал приказ основным силам вступить в ближний бой. Ловкие воители вооруженные отравленными копьями принялись выскакивать из кустов и подобно диким лесным кошкам бросились на опешивших людей. Степняки и так изрядно потрепанные смертоносными эльфийскими стрелами обратились в бегство практически сразу. Здесь находился отнюдь не цвет степного войска, а отребье из числа того, что было взято аррексом в эту кампанию в качестве пушечного мяса.

Легионеры же были намного более грозными бойцами. Они ни на секунду не растерялись и встретили врагов дождем пилумов и арбалетных стрел. Среди эльфов упали многие, но ловкие сыны лесов нередко умудрялись уворачиваться от смертоносных гостинцев, и хотя и не имели на себе никаких доспехов, потерь у них оказалось гораздо меньше, нежели ожидали их соперники. Эльфийские копьеносцы оказались на редкость грозными и умелыми воинами. Они приближались к стене легионов и, легко танцуя перед ней, совершали резкие стремительные выпады, стараясь не столько убить врагов, сколько ранить. Остальное довершал смертоносный яд, коим было напоено их оружие. Легионеры валились под ноги своим товарищам один за другим. Даже пустяковые царапины полученные от оружия бессмертных почти мгновенно приводили к быстрой и мучительной смерти. К тому же более быстрые и подвижные нежели обычные смертные эльфийские воины оказались мало восприимчивы к традиционной тактике регулярной аррексийской армии. Ответные копейные выпады людей, слишком медленные и неуклюжие по меркам гордых сынов леса их практически не задевали. Ко всему прочему из-за деревьев ни на секунду не прекращал хлестать колючий дождь отравленных стрел. И легионеры дрогнули.

— Отступаем! — рыкнул Кай Грасс. — Они слишком сильны!

Аррексийцы не замедлили последовать приказу, перекрывшись сплошной стеной щитов и повернув назад. К их чести действовали они слаженно не паникуя и в итоге сумели вырваться с гиблой поляны, оставив на ней две трети своих. Из степняков принявших участие в этой битве не уцелел практически никто.

* * *

— Вы не слишком то торопились. — На красивом удлинённом лице Эвериона залегли тяжёлые тени.

— Мы отправились в путь едва получили ваше послание. — Пожал плечами Шидан. — Битва уже состоялась?

— Да. — Кивнул эльфийский вождь. — Мы разбили людей, но у нас большие потери. А их полчища все прибывают... Боюсь, следующей битвы нам не пережить.

— Я привел десять тысяч эльвар. — Нахмурился Шидан. — Вдвое больше воинов против этого числа находятся в наших родных землях. Если потребуется, мы можем призвать и их.

— Этого недостаточно. — Покачал головой Эверион. — В прошедшей битве принимала участие лишь малая часть людей. Если они обрушатся на нас всеми силами, нам не устоять.

— Что ты предлагаешь?

— Ты и сам знаешь...

* * *

— Ты подвел меня. — Хищные багровые глаза аррекса пристально глядели на опустившего голову легата драконов.

— Эльфы оказались слишком сильны. — Виновато рыкнул он. — Ловкие и стремительные словно пардусы. К тому же их оружие — смертоносный яд, а у меня были отнюдь не лучшие части... Но зато мы захватили в плен нескольких командиров. У них удалось выпытать расположение их главной деревни, а также местонахождение прочих их селений. Они разбили нас подле своей столицы. Взяв ее, мы серьезно подорвем их боевой дух.

— Что ж, эти сведения весьма полезны... — Жестоко усмехнулся аррекс. — Хорошо я не накажу тебя. А остроухих в скором времени ждет полный разгром. Они разбили пятьдесят тысяч наших воинов? Посмотрим, как они справятся с пятью сотнями тысяч. Готовь армию, Грасс. На этот раз я лично поведу вас к победе.

* * *

— Как я понял, все наше войско едва ли наберет пятьдесят тысяч бойцов. У аррекса в десятки раз больше. Ты уверен, что мы сумеем выстоять? — Морн вопросительно глядел на Шанга.

— Я не провидец. — Тяжело усмехнулся эльвар. Вместе с остальными бойцами отряда

он находился меж тех эльвар что пожелали выступить на помощь лесным союзникам, и теперь все защитники дивных земель без исключения с напряжением ожидали грядущей битвы. — Но ты недооцениваешь силу наших воинов. Чтобы войти в совершеннолетие каждый эльвар должен вскарабкаться с зажатым меж колен валуном на высокую отвесную скалу что на севере. А наши клинки при ковке закаливаются нашей кровью и оттого секут оружие людей словно гнилую кору. Эльфы уже утерли чужакам нос, но мы, эльвар, гораздо сильнее. К тому же эти земли оберегают силы и куда более могучие и древние... — Загадочно закончил мистический воин.

— Буду молить небеса, чтобы эти силы вовремя откликнулись на наш зов. — Сумрачно усмехнулся Морн. — Скажи мне лучше об ином. В последнее время я ощущаю в себе перемены. Как будто был я стал сильнее, да и старые раны перестали меня беспокоить...

— Вы стали одними из нас, и к вам перешла наша сила. — Невозмутимо пожал плечами серокожий воитель.

— Кровь, все дело в ней, я угадал? — прищурился наемник. — Вы сделали с нами то же, что и аррекс со своими бессмертными. Значит, выходит...

— Теперь гнет времени не властен и над вами. — Кивнул Шанг. — Вы стали теми, о ком ваш народ слагает сказания.

— Это славно. — Хищно улыбнулся бывший легионер. — По крайней мере я теперь смогу схлестнуться со Стервятником на равных.

— А мне вся эта колдовщина не шибко по нутру. — Проворчал Нодди. — Хотя от силы я и не откажусь... Ладно уж, что сделано того не воротишь. Непонятно только что теперь со всем этим делать...

— Махать топором с удвоенным усердием. — Поддел товарища Морн.

— Это что же получается, если мы с тобой стали сильнее, то и этот дуболом тоже? — вытаращился Нодди на безмятежно сидящего на бревне Силу. — Как же его земля то держит?

— Ваш богатырь владеет огромной мощью. — Усмехнулся эльвар. — Однако мне мыслится, если он был почти равен мне до инициации, то был бессмертен уже и тогда. Практики боевых искусств порой способны одарить смертного этим даром, если те будут особенно упорны в них. Не удивляйтесь, наш народ хранит знания о Проходе тысячелетиями. Многие эльвар немало постраниковали по вашим землям. Да и я сам бывал там неоднократно еще задолго до воцарения аррекса...

— Значит, получается ваша кровь для него бесполезна? — прищурился Злая Вода.

— Кровь древних бессмертных в любом случае несет в себе огромную ценность. Не только силу, но и память, опыт бесчисленных поколений. Ваша суть и суть вашего друга станет более целостной, и многие вещи откроются вам с совершенно неожиданных сторон.

— Ага, глядишь, у нашего тугодума и ума хоть немного прибавится. — Хохотнул Нодди, украдкой поглядывая на простецкое дубленое лицо богатыря пребывающего в полной гармонии с миром в обнимку огромным баулом вина. Эльвар вообще то сами хмельного не пили, но с легкой руки неугомонного Нодди позволили путникам изготавливать сей напиток для собственных нужд. — Хотя верится в это с трудом.

— Меня более заботит наш размалеванный приятель. — Нахмурился Злая Вода. — Сдается мне, с его исчезновением не все чисто.

Шут и впрямь бесследно исчез как раз накануне церемонии, и его поиски так ни к чему и не привели. Он словно бы в воду канул.

— Оэ сказал, что опасности в этом для нас нет. — Вступил в беседу пилигрим. — И что шут вернулся туда, куда ему и должно было вернуться.

— Оэ еще ребенок. — Покачал головой Морн. — Несмотря на свой дар, он не может знать всего. Если Шут окажется лазутчиком аррекса, он может передать ему сведения, которые сильно подпортят нам кровь.

— Как бы то ни было, беспокоиться об этом уже поздно. — Отрезал Оранг. — Что случилось то случилось. Не в нашей власти изменить свершившееся.

— Признаться, я волнуюсь за наших мальцов. — Нехотя признался Нодди. — Как они там...

— Думаю, все будет в порядке. — Улыбнулся Морн. — Я тоже крепко привязался к ним, но эльвар не дадут их в обиду, а что касается аррексийских шакалов, то их путь к ним лежит через нас. А это значит...

— Все верно, брат. — Хищно усмехнулся Нодди, оглаживая рукоять секиры. — У них нет ни единого шанса.

* * *

Гигантская пятисоттысячная армада вступила в эльфийские леса, сокрушая все на своем пути. Ее вел сам великий аррекс. Его грозная темная фигура на огромном черном коне внушала ужас даже его собственным воинам. Никто из них ныне и не помышлял об отступлении. Победа или смерть. Таков был в этот раз настрой аррексийской армии. Войско императора было так велико, что ему пришлось разбиться на несколько частей. Первая во главе с самим кесарем двигалась по центру и нацелилась напрямиком на вражескую столицу. Вторая ведомая Дей-Коном шла несколько западнее и должна была подавить сопротивление тамошних поселений. Ну и последняя во главе с Менагом, смертным полководцем из числа степных вождей частым гребнем должна была прошерстить восточную часть леса и не оставить там никого живого. Уголь специально поставил смертного над этой частью войска, оставив Кая Грасса при себе тем самым наказав его за поражение в предыдущей битве. Мордред Стервятник в кампании не участвовал. Он присматривал за оставшимися войсками кои все продолжали прибывать, ведь против эльфов аррекс выслал лишь четверть от всей своей армады. Судьба светловолосых остроухих воителей вот-вот должна была решиться.

* * *

Менаг радостно потирал руки, предвкушая легкую победу. Еще бы, ведь в его распоряжении целых сто тысяч воинов! И это притом что основные силы остроухих наверняка стянулись к столице. Ему остается лишь сломить сопротивление жалких остатков эльфийской армии и предать огню их деревни. Плевое дело за которое великий аррекс наверняка щедро наградит его, а быть может, даже дарует бессмертие... Обуреваемый радужными мыслями Менаг не сразу заметил, как его войско вступило в весьма необычную рощу. Деревья здесь были намного выше и массивнее, к тому же их очертание пугающе напоминали гротескные человекоподобные фигуры.

— Вождь, поглядите на это. — Указал один из военачальников на странные деревья.

— Эльфийские штучки. — Пренебрежительно хмыкнул Менаг. — Выслать дозоры! Поселения этих ублюдков должны быть где-то неподалеку.

— Вы это слышали... — Военачальник насторожено замер. Среди вершин необычных древ пронесся странный шелест.

— Ты что испугался ветра? — толстое круглое лицо Менага побагровело от злости. — Может быть, тебе надоело твое место...

Внезапно раздался низкий рокочущий гул, и деревья ожили. Издавая жуткий треск, лесные великаны выдирали корни из земли, прямо на глазах принимая человекоподобные очертания, и обрушивались на людей. Чудовищные пятиметровые твари одним ударом толстенных рук-ветвей подбрасывали в воздух разом по несколько десятков человек. Передовые отряды были сметены ими в два счета. Остальные в панике поворачивали назад, но сталкивались со своими же воинами ехавшими позади и толком не видевшими, что именно произошло на поляне. На въезде в рощу возникла кошмарная давка и толчея. Многие воины были на лошадях, которые в панике бились на земле придавленные весом своих товаров и людей и своим отчаянным жалобным ржанием еще больше усиливали панику.

Отдельные храбрецы пытались атаковать ожившие деревья, но копья и мечи против подобных исполинов вдобавок с ног до головы покрытых прочной ороговевшей корой были просто бесполезны. Без малого сотня древесных великанов ныне бушевало на поляне, играючи давя разбегающихся во все стороны людей словно мелких жуков. Покончив с основными силами армии Менага, исполины двинулись дальше, преследуя по пятам в панике удирающих воинов Аррексии. Великаны не были особенно быстрыми, но их гигантские шаги и чудовищные размеры с лихвой компенсировали недостаток проворства.

Немногим удалось уцелеть. В боине учиненной разгневанными великанами погибло больше половины отряда Менага, сам он тоже разделил участь своих людей насмерть затоптанный одним из исполинов. Выжившие же, погоняя лошадей, спешили навстречу основной армии, чтобы как можно скорее донести весть о том, что эльфы оказались не так просты. Похоже, задачка оказалась не столь легкой как представлялась вначале.

* * *

Трехсоттысячное войско аррекса расположилось на ночную стоянку в дне пути от эльфийской столицы. Огромной армии требовалось немало фуража, который в отсутствии повозок везли на лошадях, поэтому продвижение воинов было не слишком быстрым. Были выставлены дозорные, а затем войско отошло ко сну. Бойцы были измотаны прошедшим маршем, поэтому заснули практически мгновенно. Лишь немногочисленные часовые бодрствовали, старательно вглядываясь в ночную тьму и борясь с подступающей усталостью.

Вдруг одному из них, совсем еще молодому парню, почудилось, что впереди мелькнула неясная тень. Он уже открыл было рот чтобы окрикнуть неизвестного, но вместо этого захрипел с длинной стрелой в шее. Та уже участь спустя пару секунд постигла и всех остальных дозорных. Шанг оказался прав. Сыны леса не промахивались даже в полной темноте. Покончив с часовыми, объединенная армия эльфов и эльвар бесшумно двинулась вперед. Бессмертных было всего около тридцати тысяч. Враг превосходил их числом в десять раз, но это их не смущало. Они сражались за свои земли. И были намерены идти до конца. Копья вздымались и опускались, пронзая глотки спящим воинам аррекса. Подобно

кровожадным ночным демонам бессмертные воители вершили свою работу безмолвно и неотвратно.

Они успели положить многих, прежде чем их присутствие, наконец, заметили и подняли тревогу. Бойцы императора спешно вскакивали, хватая оружие, и полусонные бросались в бой, нередко тут же находя смерть от метко разящих даже в ночной тьме клинков бессмертных. Шанг вел в бой своих эльвар, сражая врагов одного за другим. Его глефа покраснела от крови от лезвия до древка, но во мраке ночи этого не было заметно. Эльвар не отставали от своего командира, проявляя чудеса доблести и отваги. Если эльфы были лучшими стрелками в мире, то их ближайшие родичи несомненно первенствовали в высокой игре клинков.

Бессмертные не просто бездумно резали своих врагов. У них была цель. Они пробивались к шатру императора. Последний уже давно был на ногах, как и вся его грозная гвардия драконов. Гвардейцы привычно сбили ряды, образовав непроницаемую защиту вокруг аррекса, и не спешили вступать в бой. Как бы не были сильны их противники, их было слишком мало чтобы одолеть разом триста тысяч воинов. Поэтому не к чему было рисковать. Рано или поздно их просто сомнут числом. А меж тем чаша весов стала клониться в пользу аррексийцев. Все больше и больше их воинов вступало в сражение, и, наконец, клин бессмертных увяз в этой огромной толпе. Эльвар бывшие на острие атаки пока держались за счет своей могучей силы и мастерства, но эльфам везло гораздо меньше. В образовавшемся столпотворении выживали главным образом не ловкие, а сильные, и потому гордые сыны лесов гибли один за другим.

— Если твои древние желают помочь, то сейчас самое время! — крикнул Морн Шангу, сражая своим полуторником очередного аррексийца. Он как и прочие бойцы отряда находился меж строя серокожих воителей, и воины Оранга не ударили в грязь лицом, показав себя опытными и умелыми рубаками, ничуть не уступая в этом отношении даже могучим эльвар.

Словно услышав слова бывшего легионера, воздух в одном из мест сражения странным образом преломился, и нечто невидимое более всего похожее на рябь в ткани мира бросилось на воинов аррекса. Тех при соприкосновении с жуткой неведомой силой буквально разрывало на куски. Отважные, но простые и суеверные воины Аррексии принялись отчаянно кричать, разбегаясь в разные стороны. Противник был неуязвим для обычного оружия, а о его местонахождении можно было догадаться лишь по едва уловимым вибрациям воздуха. К тому же неведомый монстр похоже имел определенную цель. Покончив с ближайшими противниками, он все также совершенно безмолвно устремился к императорскому шатру.

Гвардейцы, борясь с подступающим ужасом, лишь плотнее сомкнули ряды. В тварь полетели стрелы, но они прошли сквозь тело призрака, не причинив тому никакого вреда. Невидимая бестия врезалась в ряды драконов, и оттуда в разные стороны тотчас же полетели окровавленные ошметки бывшие некогда живой плотью.

— В стороны! — внезапно раздался могучий исполненный силы голос.

Великий аррекс покинул строй и, презрев опасность, выступил навстречу чудовищу. Монстр на мгновение остановился, словно приглядываясь к новому сопернику, а затем собрав свое полупрозрачное тело в ком, резко прыгнул вперед. Император не менее стремительно ушел вбок, одновременно полоснув по мерцающему воздуху клинком Ши-Нага. Раздался низкий замогильный рев, от которого у закаленных воинов прошедших не

одну сечу заледенела кровь, и тварь растаяла в воздухе, словно ее и не было. Пьющий чужие души меч распался прахом, также не выдержав столкновения с призрачной плотью противника.

Драконы, надо отдать им должное, быстро пришли в себя и вновь восстановили строй, прикрыв императора своими телами. Армия бессмертных к тому времени потеряла больше половины состава и была слишком измотана чтобы продолжать бой. Шангу скрепя сердце пришлось уводить своих воинов. В этой схватке они себя исчерпали. Аррексийцы донельзя напуганные и подавленные всем произошедшим их преследовать не стали.

* * *

— Великий, каковы дальнейшие приказания? — Кай Грасс вопросительно глядел на императора.

— Не отступать. — Рыкнул аррекс, полыхнув багровыми глазами. — Эти твари нас порядком потрепали, но и сами понесли потери. А их намного меньше... Как только воины Дей-Кона присоединятся к нам, мы продолжим наступление.

— Но этот монстр...

— Повержен. — Усмехнулся Уголь. — Более он нас не потревожит. Конечно у остроухих могут оказаться в запасе и иные козыри, но войны без риска не бывает, не так ли, легат?

— А что делать с теми великанами, что расправились с войском Менага? Не похоже, чтобы его бойцы лгали.

— У нас вдоволь горючего зелья. К тому же... прикажи своим бойцам подготовить осадные арбалеты. Думаю, ходячим деревьям они вряд ли придутся по нутру.

* * *

Аррекс сдержал свое слово. Едва воины Дэй-Кона прибыли в его ставку, армия людей вновь двинулась в наступление. Даже с учетом всех потерь их оставалось не менее трехсотпятидесяти тысяч. Эльфы более не предпринимали попыток упреждающих ударов, решив встретить захватчиков возле своего главного селения. Армада людей двигалась огромной широкой лавой. Первыми в бой вступили степняки и воины мечей, которых аррекс послал в авангарде. Они нарвались на традиционную эльфийскую засаду, и немало их нашло гибель от метких стрел лесных воителей, однако врагов сегодня было слишком много. Не считаясь с потерями, мечи перли и перли вперед и в итоге схлестнулись в рукопашной с эльвар. Тех после прошедшей стычки осталось около семи тысяч, но даже столь малого числа хватило чтобы на некоторое время задержать аррексийскую толпу. Мечи попытались окружить малочисленный отряд, но здесь среди густых лесных зарослей сделать это было не так-то просто, да и сородичи Шанга были намного более ловкими и подвижными нежели даже самые опытные и тренированные смертные бойцы.

Воины ночи, как называли себя эльвар, орудовали традиционными глефами как сумасшедшие. Стоя спина к спине и рассекая тела врагов, они медленно отступали назад к границам эльфийского поселения. Мечи радостно наступали, ни на миг не заподозрив

подвоха. Радость скорой победы несла их как на крыльях. Наконец возле самой эльфийской деревни эльвар как по команде прекратили сопротивление и кинулись в разные стороны. Мечи разразились ликующими возгласами и бросились вдогонку, и тут гигантские деревья которые доселе казались обычными дубами внезапно вытащили корни и обрушились на незваных гостей. Как и в случае с отрядом Менага история повторялась. Обычные люди пусть даже и хорошо обученные были бессильны против древесных титанов, однако аррекс предвидел их появление на поле боя.

Справившись с изумлением и ужасом первых мгновений, мечи, прирожденные хладнокровные воины, принялись швырять в исполинов горшки с зажигательной смесью. Облитые горючей жидкостью великаны мгновенно вспыхивали дымным ярко-рыжим пламенем. Над полем боя повис полный боли низкий яростный гул лесных колоссов. Они не прекратили сражения, по прежнему продолжая крушить порядки людей, но чаша весов заколебалась. Император, прекрасно видя происходящее, послал в бой гвардию драконов, и те продемонстрировали новую тактику. Они выстреливали в колоссов из мощных осадных арбалетов специальными цепными стрелами предназначенными для штурма крепостей.

Толстые массивные стрелы прошивали древесную плоть гигантов, намертво застревая в ней, а затем гвардейцы разом дергали цепи на себя, и великан тяжело заваливался на землю, поднимая жуткий грохот. К упавшему тут же спешили воины с тяжелыми булавами и секирами. Словно муравьи они облепляли тело падшего титана и остервенело рубили его. Многие из них гибли раздавленные чудовищными лапами древней, но оставшиеся нередко достигали успеха, и великан навек застывал гигантской грудой мертвой плоти.

Эльфы и эльвар всеми силами пытались исправить положение. Эвериол, собрав вокруг себя лучших воинов, пошел на прорыв, стремясь добраться до лидера гвардейцев, от которых исходила основная опасность. Меткие стрелы выпущенные практически в упор сразили бойцов первой и второй линии, оголив один из флангов драконов. С боевыми кличами сыны леса ринулись в рукопашную. Отравленные копья столкнулись с военными пиками и кописами гвардейцев. Волна сражения вынесла брата эльфийского вождя прямо на Кая Грасса. Тот злорадно оскалился и швырнул в него боевое копье. Эвериол ловко уклонился, но затем воин с боку на миг отвлек его внимание, и копис бессмертного легата глубоко врубился в его шею, едва не отделив голову от тела. Эльвар попытались было развить успех союзников, но восстановившие строй драконы и кинувшиеся наперерез мечи не дали им этой возможности. Прорвавшихся же внутрь фаланги эльфийских воителей гвардейцы в итоге перебили всех до единого...

Сражение продолжалось до глубокой ночи. Обе стороны сражались с отчаянной храбростью, не желая уступать друг другу победу. В итоге, понеся чудовищные потери, аррекса все же сумела оставить поле боя за собой. Жалкая горстка выживших защитников леса сумела вырваться из окружения и уйти в восточную часть леса. Там Эверион вместе с прочими уцелевшими планировал продолжить сопротивление.

Глава двадцать девятая

Мост

— Послание от великого аррекса, могучий. — Гонец почтительно склонился перед владыкой южной степи.

— Ну, говори. — Нетерпеливо бросил закованный в темные доспехи великан.

— Великий аррекс приказывает тебе и всем твоим воинам немедленно выступать в его ставку.

— Что по кампании? — Рыкнул исполин.

— Остроухие повержены. Но наши войска понесли большие потери. — Скупно отчитался посланец.

— Хорошо, ступай. — Небрежно отпустил гонца Стервятник. — Стража, позовите ко мне ассасина!

— Снова шлялся по горам... — Презрительно скривился Мордред, едва на пороге его шатра возникла худая согбенная фигура.

— В отличие от тебя я не терял времени даром. — К ногам Стервятника упала связка эльфийских голов. — Это они тревожили великанов и заставляли их атаковать наши войска.

— Похвальное рвение. — В глазах владыки южной степи полыхнул жестокий огонь. — Но не забывай с кем говоришь, наемник.

— С таким же бессмертным как и я сам. — Невозмутимо парировал ассасин. — Мы равны.

— Равны? — поднял бровь Стервятник. — Ты, жалкий изгой, смеешь равнять себя с тем, в ком течет благородная кровь вождей юга?

— Аррекс тоже не может похвастать благородным происхождением, ты знаешь это не хуже меня. Во тьме все равны, Стервятник.

— Ты говоришь опасные вещи... На этот раз я закрою глаза на твою дерзость, но запомни, Кукри, расположение великого аррекса вещь весьма и весьма хрупкая. Когда ты надоешь ему, я сполна спрошу с тебя за все.

— Если только ты сам не надоешь ему раньше. — Усмехнулся ассасин, повернувшись к исполину спиной.

— Я еще не отпускал тебя! — взревел Стервятник.

— Я не нуждаюсь в твоём соизволении. Я подчиняюсь лишь приказам великого аррекса. Советую тебе это запомнить. Как я уже сказал, мы равны. Нравится тебе это или нет.

* * *

— Мы потерпели поражение. — Шидан пристально глядел на вождя эльфов. — Теперь людям открылась прямая дорога в мои земли.

— Мой брат мертв... — Словно не слыша его, тяжело проронил эльф. — Мой народ почти уничтожен...

После отгремевшей чудовищной битвы несколько тысяч воинов эльфов и эльвар под прикрытием уцелевших древней сумели скрыться в восточной части леса. Измотанные тяжелым боем люди их преследовать не стали. Кое-как зализав раны, вожди обоих племен

собрались на военный совет чтобы решить, что именно им делать дальше.

— У тебя еще есть воины. — Не согласился эльвар. — Мы сражались за ваши земли не щадя жизней. Будете ли вы сражаться за наши?

— Ты видно плохо услышал меня. — Покачал головой эльф. — Нас осталась жалкая горстка. Дни моего народа сочтены. Воины аррекса не сегодня завтра придут и добьют нас. Если тебе дорога жизнь, уходи отсюда как можно скорее. Предоставь нас нашей судьбе.

— Ты, не прав, о вождь. — Подал голос Шанг. — Как бы не были кровожадны люди, они не дураки. После той бойни что учинили древни, они трижды подумают, прежде чем сунуться в эту часть леса. Возможно твой народ еще будет спасен...

— Не говори глупостей. — Нахмурился Эверион. — Хранитель потерпел поражение. Темная магия вождя людей оказалась сильнее. А древесные великаны... они бесспорно могучи, но их слишком мало. К тому же я знаю одного эльвар, который умудрился в одиночку повергнуть одного из них. Тебе напомнить его имя?

— Веками мы жили в этих землях. — Глаза сильнейшего среди эльвар матово блестели в свете ночных звезд. — Не всегда мирно, но ни эльфам, ни эльвар и в голову не приходило лишать жизни незащитных женщин и детей. Война удел мужчин. Порой на ее языке говорят и отважные воительницы, но жизнь тех, кто избрал для себя иной путь или просто еще слишком мал священна и неприкосновенна. Ты, быть может, забыл об этом, о вождь, но я прекрасно помню мальчишку с горящими глазами, который, стоя над трупом своего отца, обещал мне вырасти и сразить меня в единоборстве. — Шанг позволил себе легкую усмешку. — Все сложилось иначе, наши племена заключили союз, осознав, что месть лишь множит страдания и порождает новых мстителей, но ныне нам угрожает враг не только сильный и многочисленный, но и коварный и безжалостный. Враг, для которого слова: доблесть и честь пустой звук. Люди почитают лишь силу... Нужно продолжать войну до победного конца. И в ней нам понадобятся все силы какие только возможно. Сколь бы малыми они не казались. Женщины и дети твоего народа будут под надежной защитой древней. Жаль, мы не можем заставить их сражаться на равнине. Твои же воины будут нужны нам. И если честь и долг не пустой звук для тебя, ты не станешь прятать голову в песок подобно трусу, а отплатишь нам за помощь так как оно и должно.

— Довольно! — глаза Эвериона гневно сверкнули. — Я услышал достаточно. Завтра я поговорю со своими воинами и передам им твои слова. Пусть они сами решают, как поступить.

— Хорошо, о вождь. — Кивнул эльвар. — Я буду молить великих духов, чтобы твои воины приняли верное решение.

* * *

— Дэй-Кон, твои войска зачистили западный лес? — великий аррекс пристально глядел на предводителя Мечей.

— Да. Как ты и приказал, великий, мы перебили их всех подчистую и предали огню их селения.

— С какими силами вы столкнулись?

— С жалкой горсткой защитников. — Вытянулся в струнку меч. — Остальные женщины и дети. Они почти не оказывали сопротивления.

— Были ли меж них древесные гиганты?

— Нет, великий. Ни одного. Признаться, я сперва не верил в их существование. Но... их мощь производит впечатление.

— Да. — Рыкнул император. — Сотня этих тварей положила больше четырехсот тысяч моих воинов. А сколько еще их может скрываться в восточных лесах.

— Быть может, стоит поджечь лес? — подал голос Кай Грасс также принимавший участие в полевом совете. — В тот раз огонь пришелся им не шибко по нутру.

— Мысль неплохая, но, думаю, эльфов стоит временно оставить в покое. — Покачал головой Уголь. — Они так и так никуда от нас не денутся после того, как мы покорим всех здешние земли... Грасс, пошли гонца Стервятнику. Пусть берет всю орду и идет к нам на соединение. Те отряды, что еще не пересекли портал, пусть также не мешкая выдвигаются за нами. Пора явить аборигенам нашу истинную мощь...

* * *

Отпустив военачальников, аррекс обессиленно растянулся на ложе. Кампания с самого начала пошла не совсем так, как он рассчитывал. Его разведка не ела даром свой хлеб даром, и он уже знал о том, что далее за вотчиной неуловимых лесных воинов располагались земли эльвар, и если с виду хрупкие эльфы дали ему столь ожесточенный отпор, то что его ждет во владениях могучих серокожих воителей? К тому меж этими двумя племенами явно заключен пакт, благо в прошедшей битве они действовали сообща, и это лишь добавляет ему проблем.

Император стиснул массивный стальной кубок в ладони, и тот тотчас же сплюснулся, будто был сделан из глины, а не из металла. Его власть конечно велика, но он отнюдь не всемогущ, как упорно уже столетие клялся своим поданным. Уже сейчас он видел на лицах своих воинов безотчетный страх и сомнения. Великий поход обещавший храбрецам богатую добычу, почет и великую славу на деле обернулся жестокой кровавой бойней, едва начавшись. А раз так, то много ли тех кто пошел за ним, уверовав в его божественную силу, доживут до его конца? Пока страх перед его мистическим могуществом пересиливал все прочие людские сомнения, но надолго ли?... К тому же было еще одно... Его ни с того ни с сего начали посещать странные видения... Лицо девочки с огромными васильковыми глазами. Той самой, что он сразил мечом еще совсем в иной жизни, когда был не великим аррексом, а простым степняком, воином вольного народа. Это лицо стало являться ему во снах, лишая покоя. Оно манило за собой, будоражило, сводило с ума, обещая покой и блаженство. Покой, который он тщетно искал на протяжении всей своей жизни. Это обещание, а также сильнейшее неотвратимое чувство вины ни с того ни с сего нахлынувшее на него сводило с ума и лишало сил. Еда и вино перестали приносить удовольствие, великий кесарь не ощущал их вкуса. А прекрасные соблазнительные наложницы не разжигали в его теле того огня, что горел в нем допрежь... Аррекс издал яростный рык, до боли стиснув обожженные ладони. Нет, как бы то ни было он не позволит отчаянию и тоске овладеть собой. Он рожден воином и как побеждал допрежь всех своих врагов, также сумеет одолеть и самого себя. Нужно лишь время... А его у него всегда будет в избытке. На лице Угля промелькнула зловещая усмешка. Скоро прибудет армия Стервятника. И тогда ему станет уже не до хандры.

— Что теперь? — Шанг вопросительно глядел на Шидана. — Жители оповещены, воины созданы, но нас слишком мало чтобы вступить в открытую схватку.

— Ты прав. — Нахмурился вождь эльвар. — Придется попросить помощи еще кое у кого...

— Ты говоришь о гремлинах. — Понимающе кивнул воитель. — Но эти зеленые коротышки никогда ни во что не вмешиваются, сидя в недрах своих скал. К тому же они вряд ли хорошие бойцы.

— Зато они владеют многими недоступными нам секретами. — Усмехнулся Шидан. — Гремлины действительно отстранены от окружающего мира, но, надеюсь, они поймут, что уничтожив нас, чужаки вряд ли оставят их в покое.

— Можно попросить их об убежище. — Подал голос Эверион. Вождь эльфов вместе со своими воинами в самый последний момент все же изменил свое решение и решил примкнуть к армии эльвар. Ныне все защитники бессмертных земель собрались в главной деревне серокожих воителей чтобы выработать новую тактику. — Норы гремлинов не слишком пригодны для нас, но там можно вести длительную оборону.

— Да, это выход. — Просиял Шидан. — Под защитой их скал мы действительно смогли бы продержаться намного дольше.

— Учитывая, что нас не наберется и тридцати тысяч, сей союз необходим нам как никогда. — Проронил пилигрим. Путники в полном составе находились в деревне эльвар и также принимали участие в совете наравне со всеми прочими. К счастью в прошедшей битве никто из них не был убит или даже ранен.

— В любом случае здесь нам не выстоять. — Нахмурился Шанг. — Врагов слишком много. Однако среди непроходимых скал на севере есть мост ведущий в земли Древних. Этот мост достаточно узок для того чтобы сдержать на нем и тысячекратно сильнеешего противника. Даже если гремлины откажут нам, отбиться в тех местах будет намного легче.

— Ты прав. — Кивнул Шидан. — Похоже это действительно наш единственный выход. Нужно выступать как можно скорее. Женщины и дети замедлят нас, но мы должны успеть добраться в срок.

— В таком случае чего мы ждем? — усмехнулся Шанг. — Командуй выступление.

— Это и есть скалы гремлинов? — Нодди уважительно задрал голову, глядя на теряющиеся в облаках заснеженные горные вершины. — Признаться, выглядит внушительно. Глядишь, и впрямь обломает всемирнейший о них свои зубы...

— А на что похожи гремлины? — подал голос Чиллак, обращаясь к Шангу. Парень вместе с маленьким провидцем не принимали участия в битвах за эльфийский лес, и посему для ученика пилигрима все это во многом до сих пор походило скорее на забавное приключение. Оэ же переживал все гораздо более глубоко. Из-за обостренного восприятия он мог ощущать чужую боль как свою собственную, причем это касалось боли не только живых существ, но и боли самого мира, и потому чувствовал себя сейчас далеко не лучшим

образом.

— Скоро сам увидишь. — Усмехнулся эльвар. — Но будь осторожен. Держи с ними ухо в остро.

— Они такие злые? — удивился мальчуган.

— Скорее очень хитрые и себе на уме. Никогда ничего не делают просто так. Лишь то, что сулит им выгоду.

— Как скоро мы их увидим?

— Не знаю. — Пожал плечами эльвар. — Мы с вождями отправимся к ним в качестве посланцев. Вы, люди, тоже можете пойти с нами. Думаю, ваш рассказ будет для них небезынтересен.

— Как нам дать о себе знать?

— Думаю, они сами нас найдут. — Усмехнулся Шанг. Перед скалами гремлинов и впрямь собралась внушительная толпа. Около пятидесяти тысяч эльфов и эльвар стремились найти здесь убежище от преследующих их по пятам неприятельских орд.

Вожди, Шанг и люди отделились от общей массы и направились к скалам. Остальные остались ждать неподалеку.

— Что вам здесь нужно, серокожие? — внезапно раздался резкий писклявый голос, и из-за близлежащего выступа показалась уродливая гротескная фигурка. Гремлин был мал и зеленокож с большими вислыми ушами. В лапах у него была воинственно зажата грубая ржавая кирка, которая могла служить оружием разве что лишь при отсутствии иных более предпочтительных вариантов. Вслед за предводителем показалось еще двое местных обитателей. Все трое были порядком напуганы однако всячески старались не подавать виду и держаться уверенно если не вызывающе.

— У нас послание к вашему народу. — Произнес Шидан. — Могу ли я поговорить с вашими вождями?

— Сперва скажи нам. — Заупрямился коротышка, воинственно уперев руки в бока. — Мы сами решим, стоит ли ваше послание того чтобы беспокоить старейшин.

— Испокон веков гремлины и эльвар были добрыми соседями. — Начал издалека предводитель эльвар. — Мы не лезли к вам, вы же обменивали свои диковинки на нашу пищу и звериные шкуры. Однако ныне нам всем угрожает опасность. Враг небывалый числом вторгся на наши земли. Эльфы уже потерпели поражение от его орд и практически истреблены. Мы собрали весь наш народ и теперь просим вас о помощи. Позвольте нам укрыться в ваших убежищах от гнева людей и их безжалостного вождя.

— Вас действительно... много. — Озадаченно протянул гремлин, косясь на стоящую в отдалении толпу бессмертных. — Однако такие решения принимает лишь наш вождь вместе со старейшими и уважаемыми членами рода. Хорошо я передам Зинку твои слова. Ждите здесь. Когда решение будет принято, мы явимся вновь.

* * *

Гремлины вернулись к закату. На этот раз их было больше около трех десятков, и меж них находился их вождь, старый сморщенный как гриб гремлин. У него почти не осталось зубов, и он заметно прихрамывал на правую лапу, отчего его все время почтительно поддерживали под лапы двое молодых зеленокожих.

— Мне передали ваши слова. — Прощамкал он, не тратя время на прелюдии. — Но настолько ли велик враг, как ты говоришь? Быть может, все это лишь уловка, чтобы мы пустили вас в свои норы...

— Зачем нам это, о вождь. — Развел руками Шидан. — Мы всегда жили в мире. И пусть эльвар народ воинов, нет чести в убийстве тех, кто не сделал тебе ничего дурного. Нам попросту нечего с вами делить.

— Души эльвар прямее стрелы... — Задумчиво протянул старый гремлин. — Так гласит наша древняя мудрость. — Говорят, ваш народ не может лгать. Так говорили мне мои предки. И я верю их словам. Однако тот враг, он угрожает вам, равнинным жителям. Что же до нас то, ни один недруг никогда не сумеет отыскать и вторгнуться наши жилища, как бы силен он ни был. Не случится ли так, что помогая вам, я навлеку на свой народ гнев тех, кто по сути до сих не сделал нам ничего плохого? Что ты мне скажешь на это, мудрый Шидан?

— Погляди на этих людей, Зинк. Они бежали из своих родных земель от гнева тирана и узурпатора. Они не знают вашего языка, но уже довольно сносно говорят на нашем. Пусть они подтвердят тебе мои слова.

— Почтенный, Шидан говорит правду. — Обратился Оранг к старому гремлину на языке эльвар. — Армады людей велики настолько, что ты и представить себе не можешь. К тому же на службе нашего общего врага не только грубая сила, но и магия, а также хитроумные механизмы, что изобрел народ людей за бесчисленные века своего существования. Как бы глубоко вы не прятались, рано или поздно они выкурят вас из ваших пещер и истребят всех до единого.

— Послушай его, гремлин. — Подал голос Эверион. — Древний Хранитель был повержен в единоборстве с императором людей, угроза ныне намного сильнее, нежели ты можешь себе представить. Лишь сообща мы сумеем выжить и изжить лихо с наших общих земель.

— Ваш Хранитель мертв? — прищурился гремлин. Похоже эта новость пересилила даже естественное любопытство зеленокожих при виде представителей новой неизвестной для них расы.

— Видящие сказали что нет. Но он получил серьезную рану и не сможет помочь нам в ближайшее время.

— Видно все и впрямь серьезнее некуда. — Пожевал губами Зинк. — Чтобы эльфы выступали бок о бок с эльвар... Я о таком слышу впервые... Вот как мы поступим. Я так уж и быть позволю укрыться в наших горах вашим женщинам и детям и даже поделюсь с вами кое-какими нашими изобретениями. Ручаюсь, они подпортят чужеземца немало крови. — Гремлин злобно хихикнул. — Но в остальном рассчитывайте только на себя. Ни один гремлин не примет участия в этой войне. Таково решение старейшин и мое.

— Что ж, спасибо и на этом. — Выдохнул Шидан. — Наша армия станет подле Моста Древних. Там мы примем свой последний бой.

— Таково ваше решение. — Кивнул Зинк. — Пусть ваши женщины и дети следуют за нами. Остальное принесем завтра поутру. Затем ваша армия должна будет отойти от наших скал.

— Даю слово. Так и будет. — Торжественно произнес Шидан. — Благодарю тебя за то что не дал пропасть нашим женам и детям. Теперь даже если мы падём все до единого, род эльвар будет жить.

— Великий, мы обшарили все окрестности. Они словно бы вымерли! — Дэй-Кон виновато глядел на аррекса.

— Они бежали. — Усмехнулся Уголь. — Мои следопыты уже донесли вести. Все они бежали на север.

— Прикажете выдвигаться следом?

— Разумеется. — Полыхнул глазами кесарь. — У тебя что-то еще?

— Армии не хватает продовольствия. Эльфийский лес слишком мал для прокорма наших армад, а здешняя степь... тут за километры не сыщешь стоящей добычи. Фураж конечно регулярно подвозят с Той стороны, но этого недостаточно. Солдатам нечего есть.

— Так пусть жрут друг друга! — рыкнул император. — Настоящий воин должен уметь неделями обходиться без пищи и сохранять боеспособность. Те, кто этого не могут, мне не нужны. Запомни, Дэй-Кон, выживают лишь сильнейшие. Разве не этим законом жили мечи еще и до моего воцарения?

— Это так, владыка. — Склонил голову предводитель мечей.

— Так иди и не морочь мне голову подобной ерундой! Серокожие выступили на стороне наших врагов. За это они умоются своей кровью.

— Похоже, все тихо. — Серый полностью сливающейся с окружающей степью просторный плащ откинулся в сторону, обнажая хищную поджарую фигуру эльвар. — Можно выдвигаться.

— Нужно зайти с заветренной стороны. — Подал голос пилигрим. — Иначе мы рискуем понести урон от собственного оружия.

— Не беспокойся мы учли это. — Усмехнулся Шанг. — Бурая гниль — страшное оружие. В свое время немало эльфов рассталось с жизнью, вдохнув эту отраву.

— Потому их теперь и нет среди нас? — прищурился Злая Вода. Он и Оранг были единственными из людей кого эльвар взяли в эту вылазку. Всем прочим даже после перерождения не хватало сноровки и проворства.

— Или сосуды для них слишком тяжелы. — Весело блеснул клыками эльвар. — Надеюсь, ты принял сегодня не так много огненного зелья, чтобы навернуться на ровно месте и расколошматить свою ношу.

Зинк сдержал свое обещание, приютив в своих скалах всех женщин и детей, а также выделив армии бессмертных полтора десятка массивных полупрозрачных стеклянных шаров, которые гремлины несли с величайшей бережностью.

— Это гремящее стекло с начинкой из бурой гнили. — Довольно прошамкал вождь зеленокожих коротышек. — Будьте очень осторожны с ним. Иначе беды не миновать.

Впрочем эльвар и сами превосходно знали как управляться с подобными игрушками, покупая их у гремлинов еще во времена войн с лесным народом. Армия бессмертных согласно договору отошла к древнему мосту, единственному проходу меж скалами коротышек в загадочные земли Древних, о которых даже невозмутимые эльвар говорили не

иначе как с великим внутренним благоговением. Армия аррекса появилась у отрогов гор гремлинов спустя месяц после битвы в эльфийских лесах. На этот раз великий аррекс собрал под свои знамена всех кого только мог и имел в своем наличие более миллиона воинов, притом что его армады имели еще дальний резерв который все еще находился по ту сторону Прохода, но уже спешил на соединение с основными силами.

Армады императора расположились в нескольких часах пути от дислокации бессмертных, встав на ночную стоянку, и вот тогда у Шанга и родился дерзкий план. Отобрав три десятка самых сильных и выносливых воинов они двинулись к лагерю аррексийцев и по совету пилигрима зашли с заветренной стороны таким образом, чтобы ветер дул в сторону их противников. Казалось бы большая ошибка, учитывая все описания древних трактатов искусства войны, но сегодня в столь грубом нарушении канонов имелась своя необходимость. Миновав дозорных и рассредоточившись по всему периметру лагеря неплотной редкой цепью, лазутчики почти одновременно вынули обернутые в плотную ткань стеклянные шары гремлинов и, размахнувшись, изо всех сил метнули их вперед, тут же опрометью бросившись назад прикрывая плащами и без того затянутые плотными масками лица.

Оглушительно грохнуло. Шары при ударе о землю взорвались фонтаном мельчайших осколков моментально разлетевшихся на несколько десятков метров. По всему лагерю зазвучали тревожные крики проснувшихся людей, но это было еще не все. Взрывы разнесли далеко окрест плотную завесу темно бурого газа совершенно невидимого в густом ночном мраке, однако аррексийцы, вдыхая его, тотчас же начинали корчиться на земле, исходя тяжелым кровавым кашлем, и уже через минуту их настигала смерть. Лазутчики, сделав свое дело, ушли с наветренной стороны и таким образом гниль их не зацепила. Правда для этого пришлось двигаться в сторону прямо противоположную местонахождению лагеря бессмертных, сделав тем самым большой крюк, но это того стоило.

Ставку аррексийцев охватила паника. Они бестолково металась по лагерю, ища невидимого противника, и не находя его, нередко вступали в схватку друг с другом. Бурая гниль разносимая ветром все дальше и дальше тем временем продолжала собирать с воинов императора обильную жатву, еще более тем самым увеличивая панику. От диких криков и звона оружия проснулся император. Он в окружении своей гвардии не стал бросаться очертя голову в места беспорядков, подозревая провокацию, но распорядился выслать во все стороны летучие отряды ассасинов из числа степняков и особо искусных воинов мечей, отличающихся отменным хладнокровием, чтобы они навели порядок и выяснили что к чему. Некоторые из них покинули лагерь, ища по окрестностям возможного врага, однако превосходные маскировочные плащи эльвар уберегли их от погони, позволив надежно укрыться от охотников за головами прямо под самым их носом. В лагере же дела складывались все хуже. Все отменное искусство воинов востока не могло помочь им и уберечь свою армию от губительной отравы и хоть как-то разобраться в происходящем. В итоге несколько часов элитные части армии аррекса наводили порядок и разгоняли рядовых бойцов в разные стороны, не давая терять голову и сражаться друг с другом, но даже с учетом этих весьма грамотных и продуманных действий аррексийцы за ночь в общей сложности потеряли более двухсот тысяч человек, причем большинство из них погибло не от отравы, а от оружия собственных союзников.

Рассвет застал людей в донельзя мрачном настроении. Кесарь скрежетал зубами в бессильной ярости. К тому времени уже удалось худо-бедно разобраться, что к его воинам

была применен какой-то неизвестный яд, однако от этого было не легче. Более семисот тысяч бойцов уже потеряла его армия за весь ход этой злополучной кампании, уничтожив при этом лишь жалкую горстку противников. Лица воинов были хмурыми и озлобленными. Они уже крепко жалели о том, что ввязались во всю эту авантюру. Они были смелыми бойцами, но как, скажите как им биться с противником, который использует подобные подлые приемы, не выступая в открытую и сражаясь лишь уловками и нечестивой магией?

Точно уловив настрой воинов, великий аррекс им приказал не мешкая выдвигаться вперед. Стоя перед рядовыми бойцами, он призвал их к мести за павших товарищей, напомнил о богатой добыче ждущей впереди, и постепенно лица воинов вновь просветлели. Несмотря ни на что они все еще чувствовали себя избранными. Несмотря ни на что они все еще верили в него.

* * *

— Еще не поздно все переиграть. — Эверион пристально смотрел на Шидана. — Твоим воинам не выстоять против этой орды.

— Мои воины сами пожелали этой битвы. — Усмехнулся эльвар. — Кто я такой чтобы перечить им. Это противно нашей сути отдать свои исконные владения без боя. Как бы то ни было, сегодня враги умоются своей кровью. Вы с нами?

— Да. Должен же кто-то прикрывать вам спину. — На тонком лице эльфа промелькнула хищная усмешка. — Будь уверен, наши стрелы сегодня соберут обильную жатву...

Шеренги воинов эльвар неподвижно замерли, безмолвно ожидая приближения врага. Меж их строя находились и спутники Оранга. Даже Оэ и Чиллак обычно не принимавшие непосредственного участия в боях в этот раз уперлись и настояли на том, чтобы их включили в число сражающихся. Последние находились в тылу вместе с эльфийскими стрелками, которые из-за спин эльвар должны были вести огонь по противнику. Аррексийцы расположились напротив широким фронтом. За спинами эльвар был узкий возвышающийся над бездонной пропастью мост шириной всего в полтора метра. Он вел в северные земли этого края запретные даже для бессмертных, однако этот путь был тропой последней надежды. Самое крайнее средство на случай поражения. Впрочем, здесь в узкой горной расселине, даже не ступая на сам мост, эльвар могли долгое время сдерживать гораздо более многочисленного врага. Аррекс, прекрасно это понимая, решил измотать их в затяжном бою и послал против них отряды степняков из числа рядовых воинов.

Подбадривая себе грозными боевыми кличами, степняки устремились к ошетилившемуся глефами строю эльвар. Практически все они были конными, ибо такова была традиция степных народов. Им в ответ вынесся редкий колючий дождь эльфийских стрел. Чиллак что-то невразумительно вопил, разряжая в толпу врагов боевой арбалет выданный ему Нодди. Коротышка приказал пацану беречь сей боевой механизм как зеницу ока, и мальчуган горячо заверил его в этом, будучи на седьмом небе от того, что ему наконец-то доверили настоящее оружие. Лесных воинов в отряде было едва ли три тысячи, однако невероятная меткость сыграла им на руку. Передние шеренги конницы рухнули на землю и мгновенно образовали затор. Многие всадники не успевали затормозить или объехать препятствие увязая в этой кошмарной давилъне людских и лошадиных тел. В итоге

могучий разбег кавалерии захлебнулся. Степняки вынуждены были сбавить ход и обрушились на могучих бессмертных едва ли вполовину от первоначальной мощи. Замелькали страшные глефы серокожих воителей. Темная сталь их оружия легко рассекала как плоть, так и негодное людское железо. Степняки валились на землю десятками. Потери среди эльвар составили считанные единицы. Все было кончено быстро. Степняки были разгромлены на голову. Их жалкие остатки с позором удирали обратно.

Аррекс гневно взмахнул рукой, и горе воителей накрыл дождь арбалетных стрел, уничтоживший их всех до единого. Трусы и неудачники великому императору были ни к чему. Новая команда, и пятый и седьмой легионы двинулись в неотвратимое наступление. Легионеры вели атаку по всем правилам военного искусства. Стена щитов закрывала их от вражеского обстрела, а сами они, едва приблизились на достаточное расстояние, осыпали противника настоящим ливнем пилумов и арбалетных бельтов. Однако худощавые эльвар облаченные в одни лишь грубые порты из кожи и звериных шкур ухитрялись уворачиваться от губельных атак, отбивая глефами смертоносные дары людей. Искерпав стрелы, легионы сшиблись с бессмертными в кровавой рукопашной. Люди всеми силами стремились оттеснить врагов к пропасти, которая находилась за их спиной буквально в нескольких десятках метров, однако, эльвар стояли как влитые. Гораздо более быстрые и сильные нежели простые смертные они играючи раскалывали тяжелые щиты, вышибая легионеров из строя и ловко уворачивались от ответных выпадов, при этом практически не сдвигаясь с места. Наученные горьким опытом степняков легионеры бились не щадя себя и не отступили до самого конца, оставив на поле боя двадцать тысяч окровавленных изуродованных тел. Потери эльвар составили едва ли пару тысяч.

— Эти серокожие весьма упорны. — Рыкнул Кай Грасс.

— Но и их все же можно убить. — Жестоко усмехнулся аррекс. — Бросить на них легион Тьмы.

О легионе Тьмы страшные легенды ходили по всей необъятной империи. Туда отбирали бойцов отличавшихся особой жестокостью и мастерством, либо получивших увечье в войнах. Каждый из них был штучным воином сражавшимся в своей особенной манере, к тому же и внешний вид этих бойцов мог повергнуть в ужас кого угодно. С леденящим душу воем любимчики великого аррекса двинулись вперед. Это также был их излюбленный прием, придуманный для того чтобы нагнать на противника еще больше страха. Впрочем эльвар сложно было чем-либо напугать. При виде раскрашенных размалеванных уродов, у многих из которых отсутствовали конечности замененные на устрашающего вида зазубренные или серповидные клинки, росшие, казалось, прямо из живой плоти, на их лицах появились лишь презрительные усмешки. В отличие от невежественных неотесанных виллан они сами являлись воплощением ночного кошмара и не их, прирожденных воинов, было пугать подобными вещами. Армии столкнулись, и с виду кошмарные воители в большинстве своем оказались на поверку весьма хлипкими бойцами. Привыкшие, что соперник пугается одного их вида, они не ожидали серьезного сопротивления, и столкнувшись с опытными хладнокровными воителями наголову превосходящими их в мощи и мастерстве, растерялись.

Шанг сражался в первых рядах, повергая людей одного за другим. Он уже давно не вел счета поверженным врагам и был с ног до головы забрызган темной вражеской кровью. Эверион привычно брал прицел, хладнокровно посылая в гущу боя стрелу за стрелой. Вдруг его взор упал на могучую обнаженную спину серокожего воителя. Для смертных все они были на одно лицо, но глаз бессмертного безошибочно определил сильнейшего богатыря

эльвар. Могучего Шанга. Убийцу его отца. Тетива лука натянулась, глаз лесного воителя прищурился, выбирая цель... и стрела с зеленым оперением поразила безымянного людского воина замахнувшегося на Шанга сбоку. Как бы не было велико искушение расправиться с давним кровным врагом, древние законы чести были для эльфийского вождя священны. Среди легиона тьмы имелись и свои лучники. Один из них могучий безногий воин с чудовищно толстыми жилистыми руками выпускал вместо стрел настоящие гигантские колья из своего исполинского лука, который вряд ли натянуло бы и трое человек. Этот уродец восседал на небольшом бочонке на колесах служившим ему для передвижений, и когда его огромная стрела поразила очередного эльвар, отшвырнув его на три метра назад, Шанг бросился вперед. Походя сражая бросавшихся ему наперерез уродов, воитель подбежал, наконец, на достаточное расстояние и изо всех сил метнул свою глефу. Оружие с чудовищной силой просвистело в воздухе и вонзилось прямо в лоб бочкообразного уroda, опрокинув его наземь. Ответный выстрел колосса лишь слегка взъерошил волосы на голове сильнейшего среди эльвар. Пройди стрела всего на пару сантиметров ниже, и исход был бы совсем иным.

Морн и Нодди сражались рука об руку. Кровь серокожих воителей значительно усилила их и без того впечатляющие боевые навыки, и теперь они вполне успешно расправлялись с воинами аррекса, почти не отставая от могучих эльвар. Морн схлестнулся с одним из выживших участников турнира мастеров. Тем самым высоким воином с двумя клевцами, которого так ловко вырубил дубень в самом первом туре. Этот воитель крутил перед собой своими молотами, пытаясь зацепить клинок наемника и вывернуть его у него из рук. Однако более ловкий и умелый бывший легионер девятого легиона поймал его на обманном движении и одним широким ударом взрезал глотку. Кровь густым потоком хлынула из под необычного клюватого шлема, и воин рухнул на землю, нелепо задрав длинные худые ноги.

Так сложилось, что против спутников Оранга выступили бойцы турнира мастеров. вступившие в легион Тьмы в полном составе и также старавшиеся держаться вместе. Нодди схватился с крепышом вооружены булавой, однако они успели обменяться лишь парой ударов, как воителю в шею вонзилась эльфийская стрела, вылетевшая из тыла воинства эльвар. Нодди повернулся к очередному противнику и... удивленно застыл. Прямо перед ним возвышалась могучая рыжеволосая деваха, та самая, что так приглянулась ему на турнире.

— Ты... — Заворожено выдохнул коротышка, и одна из секир воительницы глубоко врубилась в его ключицу.

Нодди рухнул как подкошенный, обливаясь кровью. Дева занесла секиру для повторного удара, но ее оружие натолкнулось на вовремя подставленный полуторник Морна. Удар усиленного кровью бессмертных наемника отшвырнул ее далеко назад. Пока Морн возился с рыжеволосой, к телу павшего Нодди под шумок подобрался латник-борец. Поняв, что первый еще жив, он уже наклонился над коротышкой чтобы свернуть тому шею, но бывший легионер опять оказался быстрее, и взмах полуторного клинка отделил голову борца от его короткой массивной шеи. Оранг сражался с обладателем боевой веревки, и пока бой складывался в ровную. Гигант с трехлезвийной лапой атаковал Силу, обрушив на него свое оружие, однако великанский чудовищно толстый клинок последнего одним ударом разрубил и полуобнаженного колосса, и его необычное оружие. Морн оказался прав. При отсутствии Шанга и Черного Волка богатырь вне всякого сомнения выиграл бы турнир мастеров, вздумай он участвовать в нем. К тому же кровь эльвар сделала не слишком быстрого доселе

исполина гораздо более гибким и подвижным, превратив его в еще более грозного и умелого бойца.

Оранг и Пар-Хан отражали натиск мастеров веревки и цепи. Здесь все складывалось примерно поровну, поскольку их противники не лезли на рожон, больше сдерживая союзников эльвар, связывая их боем нежели пытаясь атаковать. Кошмарные воители аррекса оказались упорными бойцами, но несмотря на численное преимущество легионеров тьмы им не удалось одержать верх. Эльвар разгромили их на голову, заставив отступить и вернуться назад пред грозные очи великого аррекса.

— Прикажете перестрелять их? — вопросительно рыкнул Кай Грасс.

— Нет. — Покачал головой император. — Иначе у нас не останется воинов. Выдвигайте дубней. Давно хотел посмотреть на что они способны...

— Повелитель. Эти лесные псы отказываются выполнять ваш приказ. — Озадаченно протянул легат драконов едва, от дубней возвратился гонец.

— В чем причина. — От неестественно ровного голоса кесаря повеяло смертельным холодом.

— Они... считают бесчестьем добивать измотанного врага.

— Жалкие трусы... — Глаза аррекса полыхнули от гнева. — Они просто боятся этих серокожих... Хорошо, брось на них конных латников. Пора уже заканчивать с этим фарсом.

Тяжелая кавалерия, поднимая тучу пыли, устремилась вперед. Ранее еще до воцарения Угля подобные воины были огромной редкостью и встречались лишь среди паладинов, однако новый аррекс, покончив с войнами и разобщением, создал целые отряды подобных бойцов. Грозная стальная лава тяжелых рыцарей в полном доспехе в конном разбеге была попросту неостановима. Ни одна армия не сумела бы сдержать ее силу. Однако эльвар не дрогнули и в этот раз. Не только сильные, но и необычайно юркие и подвижные, они ловко лавировали меж конными тушами, и могучими ударами глеф сбивали всадников на землю. Удары тяжелых рыцарских копий и мечей их почти не задевали даже в плотной толчее разыгравшейся битвы. Они бились почти до самого заката и вновь заставили своих противников отступить ни с чем.

Около восьмидесяти тысяч уже потеряли аррексийцы в этой битве, в то время как эльвар лишились лишь половины своих воинов. Земля перед ними была сплошь завалена окровавленными телами убитых, и серокожие воители вынужденно отступили почти к самому краю пропасти.

— Дэй-Кон! — аррекс буквально осатанел от переполнявшей его ярости. — Высылай своих лучших бойцов! Если и они облажаются, лучше бы всем вам не рождаться на свет...

Испокон веков народ мечей оттачивал свое боевое искусство. Война и боевое самосовершенствование было самой сутью их жизни. Однако и среди них находились те кто отличался особым рвением в тренировках и особой жестокостью к врагам. Именно из подобных воинов формировались лучшие элитные отряды, бывшие грозой непокорных и надежной опорой власти императора. Именно их обрушил аррекс на уже порядком измотанных несмотря на всю свою феноменальную выносливость эльвар. Быстрые и ловкие мечи с боевыми кличами обрушились на бессмертных. Их не пугало устроенное бессмертными побоище. Напротив, они понимали, что их враги измотаны, в то время как они сами были свежи и полны сил. Узкоглазые сородичи Дэй-Кона имели на вооружении самое разнообразное оружие, которым пользовались с завидным мастерством. В который уже раз за сегодняшний день завязалась жестокая рукопашная. Измотанные эльвар начали

нести ощутимые потери, но и теперь они все же малу помалу одолевали врага. Вовремя заметивший это Кай Грасс с разрешения аррекса вывел вперед своих драконов, и те принялись раз за разом обстреливать сражавшихся из дальнобойных арбалетов, не делая различий между своими и чужими.

Солнце уже почти село к тому времени, как битва, наконец, завершилась. Эльвар были практически уничтожены. Лишь несколько сотен бессмертных, осознав, что это их последний шанс уцелеть, отступали по мосту в запретную даже для них глубь древних земель. Шанг как сильнейший воин встал метрах в десяти от края, заграждая врагам проход. Здесь на узкой каменной полосе безо всяких перил они могли атаковать его лишь поодиночке. Сперва отважного эльвар пытались сбить стрелами, но он ловко уклонялся от них или отбивал древком глефы. Тогда вперед выдвинулись лучшие единоборцы вражеского войска. Мечи даже здесь на полутораметровом отрезке с бездонной пропастью под ногами ухитрились атаковать Шанга тройками. Однако эльвар стоял словно влитой, а его могучие удары одного за другим сбрасывали умелых, но не слишком тяжелых и сильных противников в скрытую густым туманом темную бездну.

Осознав, что подобная тактика не приносит успеха, аррекс заинтересованный происходящим послал против эльвар закованных в тяжелую сталь богатырей. Один из них с диким ревом устремился вперед, выставив перед собой тяжелый кованый щит, но Шанг в самый последний момент резко ушел вниз, дав ловкую подсечку, и неповоротливый гигант с отчаянным криком исчез внизу. Остальные рыцари также не преуспели в задуманном. Бессмертный был слишком быстр и силен даже для них. Понадеявшись на грубую мощь, они сшибались с эльвар в прямом столкновении, и исход всегда был один. Шанг оставался невредим, а у аррекса становилось на одного воина меньше.

И тут на мосту возник новый персонаж. Полуголый мускулистый коротышка с лезвиями вместо ног, тот самый, что дошел аж до четвертьфинал турнира мастеров, он вертелся и скакал, выделявая головокружительные кульбиты над пропастью. Закончив импровизированное представление, Меченог внезапно прыгнул на измотанного эльвар, выставив вперед ногу-лезвие, но затем неожиданно прервал атаку приземлившись на руки и дал длинную круговую подсечку. Шанг среагировал мгновенно, подпрыгнув высоко вверх и одновременно обрушив лезвие глефы на выбритую голову соперника. Коротышка сумел избежать атаки, и оружие бессмертного лишь прочертило небольшую полосу по его обнаженному мускулистому плечу. Вновь резкий секущий удар ногой-лезвием едва не вспоровший глотку эльвар, и вновь тому удалось уцелеть, приняв удар на блок. Меченога отбросило назад, и Шанг, развивая успех, устремился вперед, нанося перед собой частые множественные удары глефой с такой скоростью, что они сливались воедино. В итоге коротышка не сумел сдержать столь могучего и неистового напора и отправился вниз вслед за своими товарищами.

До глубокой ночи сдерживал великий воитель несметные полчища аррексийцев. Один против почти семисот тысяч. И лишь когда землю окутала непроглядная тьма, отважный бессмертный растворился в ее лоне, словно демон из неведомых преисподний. Его задача была выполнена. Уцелевшие успели уйти достаточно далеко, а, значит, пришло время позаботиться и о собственном спасении.

Глава тридцатая

Земли Древних

Легко ускользнув от погони в непроглядной ночной тьме, Шанг забрался на один из горных уступов и, завернувшись в серый маскировочный плащ, моментально провалился в глубокий тяжелый сон. Даже его могучему организму бессмертного ныне требовался отдых. Очнулся он уже под вечер следующего дня, проспав почти целые сутки. Ищейки аррекса к счастью его обнаружить не сумели, благо плащ отлично справился со своей задачей, да и укрытие себе опытный в подобных делах эльвар выбрал вполне надежное. Армия императора к тому времени уже успела переправиться на ту сторону в полном составе, и ее хвост постепенно исчезал за горизонтом.

Наскоро обдумав, что ему делать дальше, эльвар решил заняться поисками уцелевших сородичей. Для него это не составило особого труда, благо превосходно развитое обоняние и врожденное чутье родственной крови давали ему значительное преимущество перед простыми смертными. Бесшумно двигаясь вдоль скал и легко ускользая от летучих аррексийских отрядов посланных отыскать беглецов, он к утру набрел на довольно просторную пещеру, где и расположилось большинство уцелевших. Выглядели они неважно. На лицах воинов читалась глубокая горечь и скорбь по погибшим. В горниле чудовищной битвы погибли почти все мужчины эльвар. Эльфов осталось и того меньше. Последняя атака личной гвардии Дэй-Кона вынудила их сражаться в рукопашной в коей те были не столь сильны, сколь их серокожие союзники, и они погибли почти все до единого. Лишь паре десятков во главе с вождем удалось уцелеть. Спутники Оранга как ни странно выжили все. Даже Чиллак и Оэ вовремя прикрытые старшими товарищами сумели пережить круговерт чудовищной битвы, однако Нодди был сильно ранен, и его состояние внушало серьезные опасения.

— Он уже на пути к чертогу предков. — Покачал головой один из Видящих, приложив серую сухую ладонь ко лбу раненого коротышки. Тот и впрямь выглядел неважно, был смертельно бледен и дышал с прерывистыми булькающими хрипами.

— Похоже, задеты легкие. — Поджал губы пилигрим. — Бессмертного сложно убить даже самыми страшными ранами, но Нодди совсем недавно получил свою силу. Теперь все зависит от случая и его воли к жизни. Будем надеяться, он окажется достаточно крепок.

— Все из-за этой рыжей суки. — Нахмурился Морн. — Никогда не понимал женщин, которые вместо того чтобы рожать детей и хранить домашний очаг идут в воины. Встретил бы сейчас эту стерву, не задумываясь прикончил бы.

— Хорошо что они тебя не слышали. — Невесело усмехнулся Злая Вода, украдкой кивая на сидящих в отдалении воительниц эльвар. — А если и слышали, то не разобрали, что именно ты там бормочешь...

— Я никогда не делал этого раньше... — К раненому осторожно приблизился Оэ. — Маленькие ладони небесного мальчика мягко опустились на широкую грудь коротышки, и от них тотчас же начало распространяться яркое голубоватое свечение.

Все пораженно замерли, с трепетом наблюдая за происходящим. Даже для бессмертных чего только не видели на своем долгом веку подобное было в диковинку.

— Раны как не бывало... — С благоговением протянул пилигрим, глядя на ребенка. — Твой дар поистине бесценен...

— Теперь он выживет, но ему нужно много спать чтобы восстановить силы. — Выдохнул мальчик, обессиленно сядя на каменный пол. Фокус с лечением не прошел для него даром.

С Нодди действительно произошли разительные перемены. Его лицо приобрело нормальный розовый цвет, а дыхание стало ровным. Магия маленького пророка явно пошла ему на пользу.

— Ты можешь исцелить наших воинов? — обычно бесстрастное лицо Шидана ныне выражало крайнюю заинтересованность.

— Могу, но мне нужен отдых. Мои силы не беспредельны. — Смущенно потупился Оэ.

— Я чую запах гремлинов. — Нарушил молчание Шанг, когда все более менее пришли в себя. — Здесь их норы.

— На то и расчет. — Кивнул Шидан. — Коротышки позаботятся о наших раненых. А мы с лучшими воинами пойдем за чужаками и будем тревожить их войска сколько сможем.

— План хорош. — Усмехнулся Шанг. — Надеюсь, зеленокожие еще разок проявят гостеприимство и пустят в свои убежища и наших воинов.

— Как бы то ни было, племя должно жить. — Лицо Шидана окаменело. — Несколько десятков мужей вполне хватит, чтобы наш род не угас в вечности времен. Остальные будут биться против захватчиков до последнего. И если мы падём, рано или поздно вырастут новые колена эльвар и отомстят за нас.

— Если мы трусливо спрячемся за спинами сородичей, в то время как они пойдут на смерть, мы навлечем на себя вечный позор. Нам не будет места в чертогах предков. — Подал голос один из эльвар. Его грудь была перевязана не слишком чистой, потемневшей от крови тряпицей, отчего ему явно светило стать одним из кандидатов в «продолжатели рода».

— В этом нет позора. — Покачал головой Шидан. — Жизнь племени превыше всего. Предки мудры, они не станут карать за подобное. Видящие, чьими устами говорят они с нами, явили мне их волю.

Все уцелевшие жрецы эльвар разом склонили головы, подтверждая истинность сказанного. Лица многих эльвар после этого заметно просветлели. Пусть они лишились своих исконных земель, пусть их племя оказалось на грани истребления, но духи предков все же не отвернулись от них и дали им шанс начать все заново. Эльфы же напротив были мрачнее ночи. Мало того что их выжила лишь жалкая горстка, так они еще и находились в полном неведении относительно судьбы своих сородичей оставшихся в лесах. Древесные великаны конечно грозные бойцы, но и на их силу, как выяснилось, можно найти управу. А у многих воинов Эвериона на родине остались жены и дети...

Гремлины как и всегда появились словно из под земли. Миг и совершенно неприметный камень отъехал в сторону, открыв узкий лаз, из которого выбралось двое зеленых коротышек.

— Мы видели, как вы сражались. — Вместо приветствия потянул один из них. — Эльвар — могучие воины. Но люди сильнее. Их много и они хитры. Люди убили нескольких наших, когда обшаривали окрестности. Теперь на людях долг крови. Эти скалы всегда нашими были. Всем людям, что сюда сунутся — смерть.

— Вы уже много сделали для нас. — Шидан приложил руки к груди, выражая благодарность. — Наш народ в долгу перед вами. Пустите ли вы в свои пещеры раненых воинов? Многие из них быстро оправятся и помогут вам в борьбе с людьми.

— Люди — опасный противник. — Задумчиво прищурился коротышка. — Пусть с

ранеными пойдет и половина здоровых. Будут защищать в обмен на пищу и кров.

— Да будет так. — Кивнул Шидан. — Вы получите моих воинов. Я возьму с собой лишь сотню. Все остальные останутся с вами и будут в случае чего защищать вас до последнего. Таково мое слово. Таково слово эльвар.

* * *

Огромная аррексийская армия темным потоком разливалась по равнинам древних земель. Великий аррекс ехал в самом центре в окружении своей верной гвардии. Его лик был ужасен. Даже самые преданные и приближенные его слуги ныне боялись лишней раз беспокоить грозного кесаря. Буйный, чуя настрой своего хозяина, то и дело грозно клацал зубам и злобно взрыкивал словно хищный зверь, когда соседние лошади сходились с ним чересчур близко. Несмотря на свое поражение в битве эльвар удалось нанести императору хлесткую пощечину. Летучие отряды посланные по следу беглецов возвратились ни с чем, и аррекс едва сдержался чтобы не казнить их на месте. Дисциплина его войска и так висела на волоске. Изрядно подавленные и изнуренные прошедшими тяжелыми боями с бессмертными люди жаждали лишь отдыха, не помышляя более о славе и богатой добыче. Лишь божественная природа императора и его железная воля было ныне тем, что удерживало их от открытого бунта.

Ведь страх и неопределенность оказались не единственной проблемой. Охваченный всепожирающей страстью к войне аррекс вел свои армады вперед, не считаясь с трудностями и потерями, и, казалось, все более и более терял связь с реальностью, окончательно превратившись в безумного неистового демона жаждущего крови. Армии было нечего есть. Обозы фуража не поспевали за основной массой войска, и среди аррексийцев вспыхнул голод. То и дело вспыхивали жестокие драки за еду, которые пока к счастью удавалось подавлять за счет железной выучки гвардии и верных словно псы мечей, для которых слово было больше их жизни. Император гневно сжал кулаки, в очередной раз прокручивая перед взором прошедшую битву. Да мечи оказались верными воинами. Чего не скажешь о дубнях. Уже во второй раз этот проклятый народ осмелился бросить вызов его власти. И ему в очередной раз пришлось это проглотить. Лесные дикари несмотря на малое число (всего десять тысяч среди его воинства) были весьма и весьма грозной силой, которую можно было использовать в дальнейшем, учитывая их своеобразные представления о добре и зле. А ради подобной выгоды он был готов поступиться многим. Тем паче что после окончания похода он все равно не оставит этих гордецов в живых и обрушит на их леса все свои армады, а если понадобится то выжжет их до тла, лишь бы эти лесные варвары сгинули все до последнего...

Видения все чаще и чаще навещали его во снах, не давая толком вкусить блаженного отдыха. Он словно грезил наяву, наблюдая поистине жуткие фантасмагорические картины. Иногда ему казалось, что он сходит с ума. Огненная круговерть бесчисленных гибнущих миров, названия которых он не знал, с чудовищной скоростью проносились мимо его воспаленного разума. Лица тех, кого он убил за всю свою долгую несправедную жизнь, приходили к нему уже и среди бела дня, и он гневно рычал, прямо на скаку отмахиваясь от них словно от назойливых мух, чем вызывал среди гвардейцев еще больший ужас и трепет. Среди воинов поползли слухи, что император безумен. Пока они передавались лишь

шепотом и в кругу самых верных товарищей, но надолго ли... К тому же, как оказалось, битва с эльвар имела для аррексийцев и еще кое-какие совершенно непредвиденные последствия. Все дело было в том что среди некоторых степняков и мечей существовал обычай пить кровь поверженного противника. Считалось, что так он может передать победителю свою силу. И многие воины аррекса с радостью вспомнили о нем, отведав крови поверженных эльвар, которые оказались невероятно могучими бойцами. После уцелевшие воины братались друг с другом, празднуя победу и смешивали кровь в чашах или попросту надрезали ладони и сцепляли руки в братском рукопожатии. Уже на следующий день все они почувствовали в себе необычные перемены. Кровь эльвар не только обессмертила их плоть, но и в одночасье сделала их мудрее. Простые в недавнем прошлом воины внезапно осознали, что им попросту нечего ловить на этой войне и под шумок сбежали из лагеря, повернув обратно и бросив своих товарищей на произвол судьбы. Подобных прозревших правда было совсем немного едва ли пара тысяч, но это был еще один весьма и весьма болезненный удар по дисциплине и боевому духу аррексийцев.

Военачальники как могли пытались бороться с бунтарскими настроениями и недостатком пищи. Во все стороны высылались поисковые отряды, однако здешняя земля оказалась на редкость пустынной, даже травяные оазисы были на ней большой редкостью, не говоря уже о различного рода живности. С первыми по настоящему крупными созданиями аррексийцы столкнулись на третью ночь пребывания в землях древних. Они появились словно из ниоткуда. Пара десятков тварей похожих на огромных дикобразов, они обстреляли дозорных гигантскими иглами росшими из спин. Чудовищные снаряды легко пронзали тела людей навывлет. Похватав убитых цепкими передними лапами и закинув их себе на спины, твари поспешно ретировались. Все это рассказал аррексу один из уцелевших дозорных наблюдавший сию картину. Тот, казнив гонца за трусость, приказал удвоить посты, но это не помогло. Твари принялись приходить каждую ночь, совершая дерзкие неожиданные нападения и отступая, едва люди собирались для ответной атаки. Преследовать их в кромешной тьме не было никакой возможности, благо бестии отличались немалым проворством и в отличие от аррексийских солдат явно не страдали от голода и жажды.

Дальнейшие дни похода превратились для армии в сущий кошмар. Почувыв безнаказанность, иглокожие твари не переставали терроризировать людей ни днем ни ночью, совершая налеты небольшими группами и нападая разом с нескольких сторон. Пару удалось подстрелить, когда они, совсем обнаглев, подошли слишком близко к гвардейцам императора, но на этом успехи людей закончились. Более дикобразы не совершали подобных ошибок, атакуя лишь крайние отряды аррексийских армий и не сунувшись вглубь. Но набеги чудовищ не были главной проблемой. У армии закончился провиант. Очередной обоз высланный оставленным подле скал гремлин Дэй-Коном был уничтожен иглокожими тварями, и отчаявшиеся доведенные до последней крайности люди пустили на мясо всех лошадей, а затем начали есть друг друга. От их былой веры и энтузиазма не осталось и следа. Все они втихомолку проклинали великого аррекса, но бунтовать в открытую все равно не решались, благо отборные отряды гвардии не испытывали недостатка в воде и еде и оставались верны своему кесарю. Армия несла колоссальные потери, каждый день в брошенном лагере оставалось по несколько сотен тел, не считая съеденных своими же товарищами. Мясо оставленных трупов не годилось даже в пищу. В аррексийском стане вспыхнула лихорадка. Человек ни с того ни с сего начинал обильно потеть и трястись в

падучей, а через пару дней умирал. Мясо таких больных не решались есть, бросая их на произвол судьбы безо всякого погребения.

Могучий Дуб, тот самый древень, что участвовал в турнире, едва не одержав на нем победу, был мрачнее тучи. Он прекрасно понимал все безумие данного похода, но ничего не мог поделать. Его сородичи держались лучше прочих, однако отсутствие пищи и болезни чужой земли начали потихоньку косить и их ряды. Пока погибших было совсем немного, но... Долго колебался могучий вождь, и наконец, не выдержав, украдкой под покровом ночи собрал свое племя на совет.

— Так дальше продолжаться не может. — Отрубил он, сидя в окружении своих изрядно исхудавших, но все еще по прежнему могучих сородичей. — Мы должны вернуться в свои земли.

— Но мы дали слово, вождь. — Не согласился один из воинов. Он был совсем молод, но его плечи были шириной с наковальню.

— Это плохое слово. Неправильное. — Покачал головой Дуб. — Глед дал его, не ведая, чем именно оно обернется для нашего племени.

— Глед был отважным воином и чтит традиции нашего народа! — запальчиво воскликнул один из дубней.

— Глед сделал все чтобы спасти наш народ, но он не был провидцем. — Нахмурился вождь. — Мы сильны, но воинов древ слишком мало в сравнении с полчищами Темного. Если мы все здесь поляжем, то вскоре и наши леса станут вотчиной чужаков, а наши жены и дети примут смерть от их рук.

— Если мы уйдем сейчас то навлечем вечный позор на наши души.

— Нет, мы навлекли бы его, сражаясь с народами, что не сделали нам ничего дурного. Вы все видели, с какой храбростью бились те серокожие. Горстка против целых армاد... Я, не задумываясь, нарек бы братом каждого из них. А этих падальщиков, что пресмыкаются перед Темным... Они — позор для истинного воина! Издревле вождь среди нас был лишь проводником единой воли народа древ. Теперь вы сами должны решить свою судьбу. Остаться здесь и погибнуть за неправое дело или вернуться назад и своей жизнью доказать, что сегодняшний выбор не был напрасным.

И воины решили, на следующую ночь покинув стан аррексийцев в полном составе. Их не преследовали. К тому времени императору едва удавалось контролировать оставшихся бойцов, чтобы высылать карательные отряды для уничтожения лучших воинов его мира. Вдохновленные примером дубней начали под шумок дезертировать и прочие воины, поворачивая назад порой целыми отрядами. Великий аррекс и сам давно бы поступил бы также, но обострившееся до предела чутье кричало ему о том, что впереди его ждет нечто совершенно невообразимое. То, что он подсудно искал всю свою жизнь. И он упрямо шел вперед, не считаясь с потерями. Даже его собственные гвардейцы, основная опора его власти, украдкой бросали на него странные взгляды, сомневаясь в его рассудке, но ему было наплевать. Маячившая впереди цель влекла его огнем.

Через полторы недели степь вокруг сменилась болотами. Люди вздохнули с облегчением. По крайней мере теперь воды было в избытке. Однако во влажном сыром климате лихорадка вспыхнула с новой силой, забирая все больше и больше людей. Фауна тоже сменилась. Иглокожие монстры исчезли, уступив место огромным бронированным жабам вдвое больше взрослого мужчины. Они выпрыгивали прямо из трясины, выстреливая длинными языками обвивавшими людей, и утаскивали их с собой в топь. Многие воины и

сами неосторожно сходили с троп и мгновенно проваливались на глубину, находя крайне неприятную и мучительную смерть. Но элита войска славившаяся не только мастерством, но и отменным звериным чутьем, особенно мечи и степняки, большей своей частью пока оставалась целой, едва ли не чудом умудряясь находить верную дорогу среди хлюпающей болотной грязи.

К тому времени армия лишилась уже более половины собственных воинов, и потери продолжали нарастать.

— Великий... — Кай Грасс наконец решился обратиться к своему господину. — У нас большие потери, и если так пойдет и дальше, мы рискуем попросту остаться без воинов.

— Скоро... Совсем скоро вы узрите то, что дарует здешним их силу. — В багровых глазах аррекса полыхал безумный огонь. От его фигуры словно струился незримый жар, так что находиться рядом было совершенно невозможно. — Скажи мне, мой верный легат, это стоит того чтобы положить здесь всю нашу армию? Верь мне, и обрешь могущество, о котором ранее и мечтать не мог.

* * *

Через два дня передовые отряды аррексийской армии наткнулись на странных уродливых существ. Внешне они отдаленно напоминали людей с угольно-черной кожей, но были гораздо более худыми с непропорционально вытянутыми головами и конечностями. Эти твари были безволосы и не имели на виду никакого оружия. Бестии не казались серьезными противниками, но едва аррексийцы рискнули атаковать, как тут же жестоко пожалели об этом. Темные дивы обрушились на людей, орудуя своими длинными многосуставчатыми лапами с невероятной скоростью и силой. Люди разлетались от их ударов словно дети. Длинные когти дивов смахивающие на ножи для разделки мясных туш играючи вспарывали им шеи и животы. Ответные удары оставляли на худых, но невероятно крепких телах чудовищ лишь неглубокие порезы, которые тут же затягивались. Уничтожив несколько сотен бойцов, чудовища отступили, буквально растворившись в туманном сумраке болот. Ни одну из тварей убить так и не удалось.

— Грасс, прикажи всем быть наготове! — возбужденно рыкнул аррекс, напрягшись словно голодный пардус почуявший добычу. — То о чем я говорил, совсем близко...

Весь день огромной армии Аррекции приходилось отбиваться от бронированных жаб и темных дивов, которые выскакивали буквально из под земли обрушиваясь на людей и тут же отступая обратно в топи. А ближе к вечеру болота внезапно закончились, сменившись довольно просторной молочно-белой равниной, где вдалеке виднелось небольшое озеро светящейся голубоватой воды. При виде него аррекс непроизвольно облизнул ссохшиеся губы. Колдовские воды незримо манили его к себе. Однако между ним и источником магии безмолвно замерли отряды темных дивов и гигантских жаб неотрывно глядевших на чужаков. Похоже они были намерены защищать свою святыню до последнего.

— Вперед! — рыкнул кесарь, и войско устремилось в атаку.

Несмотря на понесенные чудовищные потери у императора еще хватало бойцов, и их было намного больше нежели защитников священных вод. Однако слабые изможденные люди мало что могли противопоставить древним чудовищам, о которых ранее они слышали лишь страшные сказки и невнятные предания. Рядовых воинов Аррекции твари косили как

траву. Бронированные жабы в два человеческих роста плевались ядовитой зеленой слизью мгновенно разъедавшей плоть и легкие доспехи бойцов. Темные дивы крошили их своими чудовищными когтями, легко уворачиваясь от слишком слабых и медленных ответных ударов людей. Монстров было намного меньше, но и удалось остановить людскую волну и обратить ее в бегство. Доведенные до последней крайности голодом и лишениями войны боле не желали сажаться даже под страхом смерти бросаясь на заградительные отряды лучников и сшибаясь с ними в жестокой схватке.

— В атаку! — рыкнул аррекс, давая сигнал отборным частям вступить в бой. — Нужно во что бы то ни стало добраться до тех вод!

Гвардейцы и мечи бросились вперед. Чудовищ накрыл залп арбалетных стрел, прикончивший некоторых из них. Затем настал черед рукопашной, и элита империи показала что несмотря на выпавшие ей на долю нелегкие испытания здешних земель еще сохранила вполне достаточно сил для битвы. Жабы давили людей своими мощными лапами, но и сами валялись на землю буро-зелеными горами мертвой плоти. Дивы получали чудовищные раны от клинков и копий гвардейцев, но и смертельно раненые они ползли к магическим водам и вылезали оттуда полностью обновленными. Даже отрубленные конечности мгновенно приращивались назад или и вовсе отрастали заново. Однако несмотря на это гвардия упорно продолжала делать свое дело. Люди медленно, но верно теснили чудовищ. И тут в бой неожиданно вступили новые персонажи. Около сотни фигур в темно-серых плащах внезапно возникли в самой гуще битвы и, атаковав гвардейцев с тыла, принялись прорубаться к аррексу. Шидан сдержал свое слово. Все это время его лучшие воины шли по пятам за аррексийским войском, отравляя источники воды и искусно натравливая на них иглокожих обитателей степи. Их было слишком мало для открытого столкновения, но вот наконец их час настал, и пылающие праведным гневом эльвар были не намерены упускать эту возможность. Часть гвардейцев, заметив новую угрозу, бросилась наперерез.

Среди них находился Мордред Стервятник. Великан неистово хохотал, орудуя огромным клинком с необычным волнистым лезвием. Подобное оружие оставляло на теле ужасные незаживающие раны и почиталось оружием изуверов. Во времена слуг Всевышнего за обладание подобным клинком можно было получить смертный приговор. Даже зазубренные клинки считались менее опасными. Фаворит императора сшибся с двумя воинами эльвар и в коротком противостоянии поверг их, срубив своим чудовищным двуручником. Морн при виде своего давнего врага издал отчаянный рык и очертя голову бросился вперед. Клинки столкнулись с оглушающим звоном, и бывшего legionera отбросило назад. Степняк, жестоко ухмыльнувшись, обрушил меч на упавшего врага, но тот проворно откатился в сторону, сам в свою очередь полоснув по ногам Стервятника. Мордред высоко подпрыгнул, избежав атаки, а затем круговерть боя разлучила их. В стане аррексийцев к тому времени царила полная неразбериха. Охваченные страхом и безумием воины сражались друг с другом. Звериная жажда крови и желание выжить любой ценой полностью завладели их сознанием.

Аррекс во главе с большей частью гвардейцев продолжал рваться вперед к вожделенным целебным водам. Он всей кожей ощущал их целебную силу. Они могли даровать ему полное исцеление, и ради такого подарка он не колеблясь был готов положить здесь всю свою армию. Цель была близка как никогда. Оборона чудовищ оказалась почти прорвана, когда озеро внезапно забурило, и из его глубин на свет выбралось огромное

трехметровое создание. Более всего оно походило на гигантскую змею по бокам массивного бронированного туловища которой росло три пары длинных шевелящихся черных щупалец. Бестия издала резкий свист, и ее щупальца метнулись вперед выстрелив на десяток метров. Несколько десятков человек были мгновенно схвачены жуткими отростками и разорваны на куски. В ответ выдвинулись массивные осадные арбалеты, и цельнокованные массивные стальные колья ударили по телу чудовища, однако лишь бессильно отскочили от него, не причинив никакого вреда. Щупальца же ни на секунду не прекращали вершить свою жуткую работу, убивая воинов аррекса десятками. Нерушимый доселе строй гвардии сломался.

— Повелитель, нужно уходить! — прокричал Кай Грасс. — Иначе мы погибнем здесь!

— Нет!!! Только вперед!!! — в глазах императора полыхало боевое безумие. И тут одно из щупалец с силой ударило его в грудь, сбросив с жеребца.

Аррекс медленно поднимался с земли. Удар бестии привел его в чувство, и теперь он наконец увидел, что его воины вот-вот обратятся в бегство и без его приказа. Чудовища при поддержке своего матриарха сумели восстановить оборону и почти оттеснили людей назад в болота. Битва была проиграна. Осознав это в доли секунды, император одним движением вскочил в седло и послал Буйного в бешеный галоп, стремясь как можно скорее покинуть жуткое место. Это стало для его воинов последней каплей. Армия обратилась в повальное бегство, однако чудовища не прекратили атаковать, стремясь уже не только отбить вторжение, но и перебить захватчиков всех до единого. Гораздо более сильные и проворные они легко настигали людей, поражая их в незащищенные спины и разрывая на части. Кай Грасс вместе с остатками гвардии сумели организовать ударный отряд и прорвать кольцо бестий, вырвавшись из окружения. Им повезло, гвардейцы в отличие от прочих аррексийских отрядов сумели в большинстве своем сохранить своих лошадей. Это сегодня и спасло им жизнь. Вырвавшись из окружения, Грасс инстинктивно оглянулся назад, и тут же получил в глаз длинную стрелу с зеленым оперением. Эверион не забыл о том, кто сразил его брата в битве за эльфийские леса, и сполна сумел отомстить убийце.

Глава тридцать первая

Золотой воин

Чиллак рассеянно глядел на серую поросшую зеленоватым мхом стену. Этим мхом к слову сказать можно было как оказалось вполне неплохо питаться. Мох, да подземные грибы вот и весь небогатый рацион гремлинов, который изредка разбавлялся сырой рыбой водившейся в холодных горных реках. Все-таки забавная штука жизнь. Еще совсем недавно он был никчемным сиротой и драил горшки под бдительным присмотром мастера-неумехи Хиттая, получая за свои труды лишь побои да насмешки, а теперь он сражается бок о бок с самыми настоящими героями, которые смотрят на него как на равного и называют своим другом... Как на равного? Ага если бы! В прошлом бою от него толку было меньше чем даже от Оэ, который совсем еще ребенок. Тот хотя бы лечить умеет, а он что? Когда аррексийцы поперли, ему стало так страшно, что большую часть сражения парень просто не запомнил. Ее словно бы вырезали из его головы. В памяти остался лишь дикий рев людских армад и невыносимый тошнотворный запах крови. Видно прав был мастер Оранг, до настоящего воина ему расти и расти. А сам мастер все-таки странный человек. Странный и непонятный. Никогда не поймешь, что у него на уме, хотя вроде бы и не злой. И руки у него необычные, длинные и невероятно жилистые. Такими при желании и небольшое дерево можно с корнями вырвать. И посох тоже странный. Вроде бы на вид обычное дерево, но когда Чиллак украдкой попробовал им помахать то едва не надорвался. Словно свинцовую чушку ворочаешь. А мастеру хоть бы хны... Интересно сумеет ли он сам когда-нибудь также...

— Чего нос повесил. — Добродушно улыбнулся Нодди, глядя на задумавшегося мальчугана. Магия Оэ сотворила чудо и полностью поставила его на ноги, и теперь маленький провидец был занят тем, что лечил раненых. Дело продвигалось не слишком споро, благо его силе нужно было время чтобы восстановиться, но зато даже наиболее пострадавшие благодаря помощи мальчика целителя переставали мучиться от ран и увечий и быстро шли на поправку.

— Нодди, скажи мне правду. — Лицо Чиллака было необычайно серьезным. — Я никогда не стану настоящим воином?

— С чего решил. — Нахмурился коротышка. — С шавками аррекса ты бился славно. Для своих лет...

— Вот я и говорю, не будет из меня воина. — Сокрушенно вздохнул парень. — Ты в моих летах уже был грозным бойцом, а я... а что я... видно на роду написано мне быть угодником...

— Парень, ты того... — Нодди смущенно покраснел. — Не держи зла... ну в общем прихвастнул я тогда... Понимаешь, бывают такие как наш Сила, он наверняка и в детстве всем задавал даже здоровым мужам. Но такие рождаются редко. Как диковинка некая что ли среди людей. А я обычным сорванцом был. Ну бедовый был, драться много приходилось это да, но чтобы убивать... Этому меня уже в легионе только обучили, когда я в полные года вошел. Вот там была наука так наука... А ты молодец не заробел тогда. Видел я видел, как ты стрелял из моей игрушки. А что в рукопашной не был, так и рано тебе пока против взрослого воина. Сомнет и не поморщится. Так что расти, набирайся сил, слушай своего мастера, а не меня дурака, и вот увидишь, о тебе еще заговорят... Тут за всеми хлопотами забыл совсем... Спасибо, брат, что вынес меня тогда из боя. — Повернулся он к Силе,

который невозмутимо сидел неподалеку и деловито точил свой монументальный клинок. Богатырь был могуч, но уж слишком шумен и заметен чтобы его можно было брать на тайные вылазки, где все решали наскок и стремительность, а отнюдь не грубая мощь. — Меня ведь хоть и крепко приложило, а не сомлел я тогда. Если бы не ты, лежать бы мне сейчас в земле. Век буду помнить.

Сила в ответ на это что-то смущенно пробубнил, пожав необъятными плечами. Говорить речи он был не мастер.

* * *

Отряд могучих полуголых воинов облаченных в звериные шкуры эльвар заметили еще на подходе. Зоркие глаза Шанга безошибочно различили и усталые изможденные лица, и выпирающие кости на некогда могучих пышущих здоровьем телах. Также хорошо видел он и лицо их предводителя, с которым судьба свела его на турнире мастеров больше года назад. Решение пришло мгновенно. Знаком показав остальным не высовываться, эльвар смело поднялся во весь рост, сбросив маскировочный плащ. При виде высокой темной фигуры внезапно возникшей на их пути прямо посреди голой степи дубни в первое мгновение опешили, но не спешили атаковать, насторожено приглядываясь к незнакомцу.

— Я хочу поговорить с человеком по имени Дуб. — Произнес незнакомец сильным уверенным голосом.

— Я Дуб. — Пробасил вождь древней выходя вперед. — Как твое имя, и чего ты хочешь от нас?

— Ты не узнаешь меня, воин? А я прекрасно помню нашу последнюю встречу. Помнится, я обещал тебе честный поединок в борьбе...

— Ты тот самый чужеземец что выиграл турнир мастеров. — Дуб склонил голову, приветствуя эльвар. — Теперь понятно откуда в тебе такая сила.

— В нашу прошлую встречу ты показал себя благородным воином чуждым подлости и коварства. Скажи мне, что привело тебя и твой народ в наши земли. Разве бессмертные народы сделали вам что-то дурное?

— Мы были связаны словом своего вождя. — Нахмурился Дуб. — Темный одолел его в единоборстве, и нам пришлось служить ему. Но на наших руках нет крови твоего народа и крови тех лесных лучников. Мы прибыли сюда уже позже и не участвовали в битвах.

— Ты сказал, вы были связаны словом. Что изменилось теперь?

— Аррекс — само зло во плоти. Служить ему — наитягчайший позор для истинного мужа и воина. А что до клятвы, то никакое слово не стоит жизни племени и свободы. Так решил мой народ. Мы не желаем с вами войны. Мы лишь хотим вернуться назад в свои земли.

— Единственный проход, по которому вы добрались сюда, охраняют полчища императора. Сколь бы сильны вы не были, вы не пройдете там.

— Мы не боимся гибели в бою, воин. — Пожал плечами древень. — Если нам суждено пасть, мы встретим смерть как истинные мужи и не запятнаем наш род бесчестьем.

— Достойные слова. — Улыбнулся эльвар. — Но есть и иной путь. Один из наших может провести вас тайными тропами известными лишь нам эльвар. Там в горах вы получите пищу и кров. Взамен вы поможете нам в борьбе против захватчиков. Вы в любом

случае ничего не теряете, ведь пройти мимо аррексийских орд незамеченными невозможно. Вас попросту перебьют.

— Что ж, если таково твое слово, мы с радостью примем союз с вами. Народ древ видел, как вы сражаетесь. Биться рука об руку с вами будет честью для нас.

* * *

Воины Шидана прибыли в скалы гремлинов, чудом уцелев в перипетиях сражений с бессмертными тварями болот. Несмотря на то что они шли пешими, эльвар опережали отряд аррекса на три дневных перехода. Последнему также удалось выжить и вырваться из окружения вместе с парой тысяч наиболее удачливых гвардейцев. Верные своему слову мечи отвлекли тварей на себя, ценой своих жизней дав великому императору шанс спастись и продолжить свою победоносную кампанию. Все это время оставшиеся в скалах воины эльвар также не сидели сложа руки и выслеживали рыскающие по округе малые отряды чужаков, вырезая их подчистую. Пару раз они сами совершили ночные вылазки, подбросив в ставку Дэй-Кона смертоносные сосуды с бурой гнилью. Сия тактика как и в прошлый раз возымела превосходный эффект, забрав множество вражеских жизней и посеяв меж воинства аррекса страх и неуверенность. Дубни, с которыми эльвар встретились еще до битвы в болотах когда преследовали армию аррекса, хоть и чувствовали себя в горах не слишком уверенно, оказали существенную поддержку бессмертным и их зеленокожим союзникам. Нельзя сказать, что их присутствие было особенно приятно гремлинам, но слово Шанга, сильнейшего и наиболее почитаемого воина среди народа, который в принципе не способен ко лжи и при это может читать в чужих душах словно в открытой книге, оказалось наиболее весомым аргументом из всех возможных.

Эльвар не солгал. Воины Дэй-Кона и впрямь наглухо перекрыли мост, лишив ушедших с аррексом всякой возможности вернуться обратно незамеченными. Однако бессмертные из числа тех, что пили кровь эльвар, пользуясь новыми возможностями, сумели под шумок проскользнуть под самым носом у охраны, просачиваясь малыми группами. Остальным повезло меньше. Всех вернувшихся, голодных и изможденных до последней крайности, тотчас же брали под стражу и доставляли командиру мечей, и если их ответы его не удовлетворяли, (а зачастую так оно и было) несчастных ждал смертный приговор. Ныне же последние защитники бессмертных земель готовились к решающей битве. К битве, в которой и решится, кто именно достоин владеть миром вечноживущих. Хотя был еще один вариант решения этой проблемы. Дракон силен и могуч, но лишь до тех пор, пока бьется его сердце. Именно в него воины Шидана и хотели нанести удар. Аррекс наверняка проедет по мосту, никакого иного способа соединится со своей армией у него не было. А значит у них есть преимущество в знании и времени. И они были намерены сполна им воспользоваться.

* * *

Отряд аррекса прибыл к мосту к закату третьего дня. Надо сказать, его воины представляли собой далеко не лучшее зрелище. Усталые и изможденные они шатались от усталости и с трудом держались в седлах. Это было заметно даже на том весьма приличном

расстоянии, на котором расположился отряд эльвар. Лошади выглядели значительно бодрее, благо траву в степях древних земель было отыскать гораздо проще нежели дичь. Засада была подготовлена по всем правилам. Даже невзирая на чудовищные потери врагов было раз в десять больше нежели бессмертных воителей и это не считая огромного пятисоттысячного войска Дэй-Кона стоявшего на другой стороне. Поэтому открытое столкновение не было выходом. Все должна была решить внезапность. Отряд императора меж тем вступил на мост, растянувшись длинной цепью. Аррекс ехал впереди всех, существенно опережая эскорт. Похоже он инстинктивно стремился как можно скорее миновать опасное место.

— Ну же, не мешкай! — прошипел Шанг на ухо Эвериону и тот, прицелившись, пустил стрелу. Стрела просвистев в воздухе со звоном отскочила от темного доспеха. Следующую постигла та же участь. Аррекс ехал, пригнув голову, и посему поразить его в глаза, единственное уязвимое место на теле не представлялось возможным.

— Сейчас! — рыкнул Шанг и навалился на огромный валун лежавший у самого края обрыва. Его примеру последовало еще пятеро воинов, и гигантский обломок скалы с жутким грохотом рухнул вниз, подняв тучу пыли.

Они не успели. Аррекс сумел опередить их, миновав место засады раньше, чем валун наглухо перегородил проезд. Уголь отчаянно гнал Буйного вперед, эльфийские стрелы продолжали лететь ему в спину, бессильно отскакивая от глухой черной брони, и тут внезапно прямо перед ним сгустилось голубоватое полупрозрачное поле. Не останавливаясь, император изо всех сил рубнул по нему своим двуручником. Поле, мигнув исчезло, и Оэ осел на землю, беспомощно всхлипнув. Мальчуган отчаянно просил, чтоб его взяли в эту битву. Бессмертные нехотя исполнили его просьбу, считая его бесполезным для сражения, и вот теперь он доказал, что от него может быть толк и в открытом столкновении. Отрезанные от своего повелителя гвардейцы беспомощно замерли, остановив лошадей, и эльвар не замедлили воспользоваться этим. В людей полетели массивные булыжники и стрелы сбивавшие их в пропасть. Воины в панике заметались, отчаянно пытаясь повернуть назад, но на узкой каменной полосе менее полутора метров в ширину сделать это было не так то легко. Давка и неразбериха все усиливались, и в итоге гвардейцы отступили, потеряв пятую часть от собственного числа. Однако главной мишени засады удалось уцелеть. С противоположной стороны уже неслись хриплые приказы, и площадка, где укрывались бессмертные, оказалась обстреляна арбалетными бельтами.

— Надо уходить. — Шанг тронул за плечо изрыгающего проклятья Эвериона. Эльфу считавшему себя первым лучником среди своего народа было непросто пережить собственную неудачу. — Сегодня ему повезло. Но война на этом не закончена.

* * *

— Людям нет числа... — Зинк задумчиво пожевал губами, глядя на собравшихся в главной пещере гремлинов. — Одолеть их будет непросто.

Это был тайный совет последних уцелевших жителей бессмертных земель. Все они ныне скрывались в скалах зеленокожего народца, объединенные общей угрозой.

— Их воины напуганы. — Глаза Шанга хищно блеснули в тусклом зеленоватом свете фосфоресцирующих гигантских грибов росших прямо из стен и пола пещеры. Эти грибы заменяли гремлинам факелы и позволяли экономить на горючих зельях, которые коротышки

использовали для совершенно иных целей. — Те отряды что вернулись из похода в запретные земли посеют в душах прочих страх и неуверенность.

— Тем не менее назад они не повернут. — Покачал головой Шидан. — Власть их темного владыки слишком велика... Мы потерпели неудачу сегодня. Следующая ошибка станет для нас последней.

— Как бы то ни было, мы с вами до конца. — Гулко пророкотал могучий Дуб. — Пусть на наших руках и нет вашей крови, но Темному должно сгнуться во мраке его породившем. От этого зависит и судьба моего племени.

— Настает час последней битвы. — Сморщенное личико старого вождя гремлинов приняло торжественное выражение. — А, значит, пришло время пробудить того, кто был призван хранить наш род еще до начала времен.

— О ком ты говоришь? — на узком удлинённом лице Эвериона промелькнул нешуточный интерес.

— О том, кого сотворили сами Древние, чтобы он сберег нас в час крайней нужды.

— Выходит, легенды не лгали, и у вас зеленокожих есть свой собственный хранитель. — Усмехнулся Шанг.

— У нас много секретов, которые мы не раскрываем чужакам. — Осклабился Зинк. — Даже тем, с кем живем бок о бок не одну тысячу лет. Но ныне пришло время сбросить покровы тайн. Собирайте своих воинов, славные мужи эльфов, эльвар и древней. И пусть ваша рука не дрогнет в грядущей битве...

* * *

На следующее утро воинам аррекса довелось наблюдать поистине удивительное зрелище. Десять тысяч дубней, меж рядов которых виднелись и редкие фигуры эльфов и эльвар, безмолвно выстроились напротив аррексийских армий. Их лица были торжественны и несколько отрешены. Они не боялись смерти и были готовы идти до конца частью своей уже пребывая в мире духов. Воины Угля чувствовали их настрой и украдкой бормотали заклятья обереги. Суеверные и дикие, но притом и мудрые от исконной глубинной мудрости первозданной природы они прекрасно понимали, на что способны те кому нечего терять. А им самим в отличие от их врагов поневоле терять было что.

Окрыленные собственным великим числом и пламенными речами своего бессмертного владыки воины спешили на завоевание новых земель как на праздник, но их товарищи, вернувшиеся из похода в запретные земли затравленные и изможденные изрядно поубавили им пыла. Даже несмотря на то что Дэй-Кон нещадно расправлялся с недовольными и инакомыслящими, слухи о том, что творилось по сторону моста, все равно просачивались. Да и предыдущие столкновения с эльфами и эльвар нельзя было назвать удачными для великой империи Дракона. От гигантской полуторамилионной армии осталось не более ста тысяч. Сто тысяч озлобленных, потерявших всякую надежду людей. Те пятьсот тысяч что стояли сейчас подле скал гремлинов были последним резервом императора. Лишившись и его, он бы не смог более ходить в походы ибо в противном случае попросту рисковал потерять свои земли. И это понимал не только он, но и его противники.

Осознав, что враги отнюдь не собираются сдаваться, аррекс отдал приказ атаковать. Место выбранное дубнями было довольно удобное, каменная расселина внутри скал похожая

на ту что скрывало за собой мост в запретные земли. Здесь отряд древней так просто было не взять. Глядя на открытые исполненные внутреннего достоинства лица лесных богатырей, император озверел настолько, что приказал своим воинам покончить с ними первым же ударом. Настоящая прорва врагов, среди оскаленных лиц которых мелькали и аррексийцы, и степняки, и мечи, бросилась на древней словно свора бешеных псов на дикого вепря. Однако прямодушные и бесхитростные в недалеком прошлом воители преподнесли своим врагам неожиданный сюрприз. Когда до их порядков осталось несколько десятков шагов, в аррексийцев полетели массивные стеклянные шары и зажженные сланцевые сосуды. Нет в этот раз в них была не смертоносная бурая гниль, которая могла с равным успехом ударить и по своим и по чужим. Ныне это был огонь и гремящее стекло. Убойная и смертоносная смесь. Стеклянные шары оглушительно взрывались прямо в гуще врагов, разрывая и калеча их тела, а мелкая стеклянная пыль повисала в воздухе, наполняя легкие смертоносной начинкой и заставляя людей в буквальном смысле выплевывать собственные легкие. Огонь лишь усугублял дело, превращая стекло в вязкую тягучую жижу плавящую плоть и металл. Атака имперцев захлебнулась. Дети Дракона, как ныне гордо именовал их грозный аррекс, внезапно осознали, что своенравная огненная стихия отнюдь не спешит признавать их своими детьми.

Аррексийцы откатились назад, оставив на земле множество окровавленных и обожженных изуродованных тел. История повторялась. Однако аррекс не желал успокаиваться, вновь и вновь посылая своих воинов вперед. И каждый раз дубни отбивали их атаки с огромным уроном для первых. Благодаря рачительным гремлинам огненных и стеклянных бомб у них имелось в избытке. Но как бы то ни было рано или поздно подобному везению должен был прийти конец, ибо не десяти тысячам, сколь бы могучи они не были, воевать с полумиллионной ордой. Там где не могут преуспеть мечники и копьеносцы в ход пускают лучников. Так поступил и аррекс, спеша завершить становление собственной власти над этими землями. Он уже не жаждал сделать это красиво. В самой глубине его сути поселился дикий безотчетный ужас перед местными обитателями, а сама земля здешних мест сводила его с ума. Все чего он ныне желал это поскорее покинуть сию обитель ужаса и вернуться в свою монументальную цитадель в стольном Георе, где он ощущал себя поистине всемогущим и неуязвимым. Дождь из лучных и арбалетных стрел темным стелящимся пологом накрыл стройные порядки лесных воинов. В ответ поднялись широкие массивные щиты из мореного дуба. Слишком тяжелые для обычного человека они превосходно защищали могучих древней, чьи тела также были ощутимо крепче и мощнее людских. Однако несмотря на это среди их шеренг нет-нет да и падал очередной воин, а аррексийцы и не думали прекращать обстрел. Стрел в их арсеналах имелось в избытке.

— Где этот хранитель, подери его бездна! — рыкнул Шанг, не обращая внимания на дробно стучащий по его щиту колючий ливень. — Мы так долго не продержимся!

И когда сердца последних защитников были готовы дрогнуть, он наконец пришел. Совершенно безмолвно и от того особенно пугающе над скалами поднялась монументальная четырехметровая фигура. Внешне она отдаленно напоминала человека, но была гораздо более массивной и, казалось, состояла сплошь из живого золотистого металла. Все также безмолвно обозрев поле битвы, жуткий голем... улыбнулся? По крайней мере именно так показалось воинам с немим восторгом наблюдавшим за его доселе неподвижным ликом. Выглядело это действительно жутковато, как будто по живому металлу прошла едва заметная рябь. А затем фигура колосса сорвалась с места. Хранитель гигантскими скачками

понесся в сторону аррексийского воинства. Из его чудовищного кулака выросло гигантское широкое двойное лезвие напоминающее исполинский пропеллер. Гигант врезался в самую гущу врагов, и рукотворный пропеллер принялся вращаться с невероятной скоростью, играючи взрезая людские тела, так что стал напоминать маленькое солнце бликующее золотисто-красными отсветами.

Буквально в считанные минуты он расправился с лучниками, крошив их тела на куски и ничтоже сумнящее двинулся дальше, верша свою кровавую работу методично и расчетливо безо всяких эмоций, отчего ввергал своих врагов в еще больший ужас и панику. Воины ударились в паническое бегство, шарахаясь в разные стороны от неуязвимого для обычных копий и стрел металлического чудовища. В огромном аррексийском войске вспыхнула давка и неразбериха. Но и это было еще не все. К спине хранителя был прибит вместительный кожаный мешок с парой десятков сосудов с бурой гнилью. Могучая рука колосса метала их в разные стороны с чудовищной силой и меткостью. Над войском императора повис темно-коричневый ядовитый туман. Может ли один воин остановить пять сотен тысяч врагов? Как выяснилось, может. Паника среди имперцев постепенно превратилась в беспорядочное бегство. Против подобного врага им попросту было нечего противопоставить. Аррекс скрежетал зубами от ярости, призывая своих элитных гвардейцев, которых после прошедших битв осталось не так уж много, остановить панику и заставить людей сражаться, но когда монументальная золотая фигура двинулась в его сторону, явно нацелившись обезглавить аррексийцев, предпочел последовать примеру своих бойцов и направиться восвояси, погнав Буйного во весь опор. Сколь бы не был император надменен и тщеславен, он был опытным воином и понимал, что в битве с подобным противником у него, пусть и нареченного своими поданными бессмертным и непобедимым нет ни единого шанса.

Глава тридцать вторая

Падение Зверя

Легата девятого легиона Девиния Цеста обуревали невеселые мысли. С самого утра он сидел в «Звонком мече» и, повинувшись давней солдатской привычке, хлестал крепкое дешевое вино. А поводов для тревог в империи хватало. После того как аррекс вернулся из похода ни с чем, потеряв больше половины собственного войска, в Аррексии потихоньку начала зарождаться смута. Вернувшиеся из похода воины бывшие свидетелями всей бездарной кампании и двух позорных бегств вечного императора с поля боя пылали жаждой мести. Многие из них лишились не только своих боевых товарищей, но и крыши над головой. Практичная знать под шумок конфисковала их и без того крошечные, едва позволяющие сводить концы с концами земельные наделы, объяснив это тем, что в новом мире они старым хозяевам все равно не понадобятся, а когда те неожиданно нежданно объявились, отказалась возвращать их назад.

Аррексия была на грани бунта. Девятый легион не участвовал в походе, поскольку кто-то должен был следить за порядком в империи в отсутствие его владыки, но Цест сам поднявшийся наверх из самых низов прекрасно понимал, что чувствуют простые парни, которым пообещали красивую сказку, на деле обернувшуюся страшным кошмаром и подлым предательством со стороны своей же родины. В южной степи дела складывались немногим лучше. Потеряв своих братьев и сыновей на войне невыгодной никому кроме аррекса, многие вожди племен втихую объявили его своим кровным врагом, не решаясь правда пока выступать в открытую. Лишь в землях Мечей все было более менее спокойно, но и там тем не менее недовольных хватало. Империя Дракона оказалась на грани распада, а ее владыке будто до того и дела не было. Он наглухо заперся в своих покоях, и приказав никого к себе не пускать, предавался мрачным думам, суть которых была ведома лишь ему одному.

От тяжелых размышлений легата отвлек возникший перед его столиком гвардеец, молчаливо передавший ему послание. Бумага была от Кая Грасса и содержала в себе приглашение на разговор. Девиний вздохнул, нехотя поднимаясь из-за стола. Что ж, первый фаворит императора не тот человек, чьим приглашением можно пренебречь. А, значит, ему стоило поторопиться.

Кай Грасс принял его в собственном роскошном особняке, располагавшимся совсем неподалеку от императорского дворца. В той битве у вод Бессмертия легат драконов сумел уцелеть, хотя и лишился глаза. Верные солдаты вынесли его тогда с поля боя, а целительные способности его вечного организма после смогли справиться с эльфийским ядом. Ныне второй человек в империи был почти здоров, лишь его глаз теперь закрывала глухая черная повязка.

— Как самочувствие, легат? — хмуро поприветствовал Цеста «дракон», чему-то загадочно улыбаясь.

— Благодарю, не жалуюсь. — Скупое усмехнулся легат. — Спросил бы и вас о вашем здоровье, но боюсь, вам за последние месяцы подобные вопросы и так изрядно поднадоели.

— Ты проницателен для своих лет. — Одобрительно кивнул Грасс. — Но самочувствие любого командира складывается не только из его собственного настроения, но и из настроения тех, кем он призван командовать, ты согласен со мной?

— Более чем, легат. — Отчеканил Девиний. Формально они с Грассом были равны в

ранжирах, но лишь формально. На самом деле различий меж ними было намного больше нежели у самого Цеста с самым последним рядовым его легиона.

— Я не буду ходить вокруг да около. — Сменил тон бессмертный. — В государстве неспокойно. По империи ходят слухи о том, что аррекс безумен и не способен более править. И эти слухи имеют под собой веские основания. — Грасс в упор уставился на Девиния. Тот не отвел взора. — Поход в тайные земли обернулся катастрофой. Император сделал неверный ход и проиграл. Империи нужен новый лидер. Такой, который сумел бы навести в ней порядок.

— Кого вы имеете в виду, легат? — выдохнул Цест. Подспудно он ожидал чего-то подобного.

— Отгадай загадку, в чьих жилах течет бессмертная кровь богов, и кто при этом является еще и чистокровным аррексийцем?

— Я знаю лишь одного подобного человека.

— В таком случае тебе известен ответ на свой вопрос. Ты со мной?

— Прежде я хочу услышать весь план. Аррекс все еще могуч, а мечи, они словно верные псы будут с ним до конца. Это грозные воины, грозные и многочисленные. Они даже в случае успеха ни за что не примут вас императором.

— На мечей мне плевать. — Усмехнулся Грасс. — После той мясорубки, что устроили нам твари запретных земель им будет не до войн. Впрочем как и нам. Меня волнуют лишь аррексийские земли. Степняки и мечи пусть убираются к чертям. Проживем как-нибудь и без них.

— Но как именно вы планируете совершить покушение?

— Через три дня аррекс собирает всех военачальников Аррексии для тайного совета. Речь скорее всего пойдет о зарождающихся бунтах внутри страны, поэтому на нем не будет ни мечей, ни степняков. С остальными легатами я уже договорился. Все они согласны. Ты последний кому я предлагаю присоединиться ко мне. Так что ты решил?

— Я с вами. — Выдохнул легат. Несмотря на свой высокий пост он был порядочным человеком чуждым подлости и лжи, но ныне не видел иного выхода. — Целостность Аррексии превыше всего.

* * *

В зале совета царила мертвая тишина. Никто не смел здесь говорить без разрешения императора, да и в любом другом месте в его присутствии, ибо аррекс и в лучшие годы имел привычку карать своих поданных смертью за малейшее своеволие. Ныне же великий кесарь и вовсе превратился в алчущего крови дикого зверя. Никто без содрогания не мог смотреть в его жуткие багровые зраки. Казалось, они были способны выпить душу того, кто осмелился заглянуть в их бездонные глубины. После возвращения Уголь и впрямь разительно изменился. Как будто бы поход в запретные для смертного места окончательно иссушил его дух, убив все то небольшое светлое что еще вопреки всему оставалось в нем допрежь.

— Ну. — Рыкнул кесарь, когда молчание стало совершенно невыносимым. — Излагайте.

— Владыка. — Осторожно начал Кай Грасс. — В империи неспокойно, в провинциях зарождается бунт и...

— Это я знаю и без тебя. — От ледяного тона императора веяло могильным холодом. —

Что ты сделал, чтобы предотвратить это.

— Я привел войска в полную боевую готовность, но без приказа владыки...

— ...ты не можешь вытереть себе и соплю. — Закончил за него аррекс. — Да будет тебе известно, легат, что войска и так должны пребывать в полной боевой готовности, на случай если они вдруг понадобятся мне... Итак, что мы имеем. Ты ничего не сделал чтобы предотвратить беспорядки в моей империи. Ты имеешь наглость заявлять мне об этом. И ты меня предал, Грасс. Предал несмотря на то, что это я сделал тебя тем, кто ты есть, и даровал тебе твою силу. Как ты объяснишь мне это, щенок.

Лицо Грасса налилось дурной кровью. Аррекс насмешливо глядел на него, не делая никаких попыток встать со своего высокого резного кресла. Он был один в зале вместе с двадцатью вооруженными мужами, каждый из которых жаждал его смерти, но ему было все равно.

— Что вы сидите, убейте его! — не выдержал Грасс, и вскочив со стула, первым бросился на императора.

Удар чугунной ладони кесаря отшвырнул его назад словно котенка. Миг, и Уголь был уже на ногах. Легаты принялись медленно окружать его, настороженно поглядывая на массивные запертые на засов деревянные двери, за которыми стояла стража. Стража снаружи тоже заметно нервничала, перетаптываясь с ноги на ногу, но верная приказу владыки не смела вмешаться. Аррекс лично желал уничтожить всех заговорщиков. Бунтовщики меж тем нервно переглядывались, не решаясь атаковать. Они прекрасно знали всю чудовищную мощь своего повелителя и его несравненное боевое искусство и теперь несмотря на то что, и сами были далеко не новичками в битвах, откровенно трусили. Император первый нанес удар, резко шагнув вперед и наискось рубанув своим двуручником. Один из мятежников рухнул на пол с перерубленной грудиной. С остальных после этого словно спало оцепенение, и они разом атаковали четко как на учениях, стараясь не мешать друг другу. Однако это им не помогло. С тыла аррекса надежно защищала стена, а фланги и центр он держал крепко. Снова выпад, и еще один легат валится на пол. Заговорщики замешкались. Их клинки были слишком коротки по сравнению с мечом кесаря, и они никак не могли разорвать дистанцию.

И тут внезапно один из них, совсем молодой темноволосый парень прыгнул вперед и нанес отчаянный рубящий удар. Аррекс парировал, и воина силой столкновения отшвырнуло далеко назад. Этим воспользовались остальные, всем скопом навалившись на императора словно свора злых псов на матерого медведя. Меч кесаря успел срубить пару голов прежде чем руки заговорщиков вцепились в него, лишая подвижности. Кто-то выхватив кинжал, с остервенением полоснув владыку по открытому лицу и оставив на щеке глубокий порез даже несмотря на ороговевшую кожу последнего. Зная с кем именно им придется сражаться, легаты, весьма состоятельные и знающие толк в оружии люди, взяли на дело лишь первосортные клинки. В ответ аррекс со страшной силой боднул одного из противников в переносицу, отчего несчастный тут же обмяк, бессильно осев на пол, а затем не обращая внимания на то и дело бьющие в сплошной доспех клинки расшвырял нападавших в разные стороны словно детей. Меч вновь оказался в его руке. Прыжок удар — и еще одного врага клинок рассекает надвое. Обратное движение взрезает глотку еще одному. Девиний Цест бросился на кесаря подняв клинок, но чудовищный пинок в живот отбросил его прямо в окно, и тот разбив своим телом цветное мозаичное стекло рухнул вниз. Стремительное

движение и в руке аррекса оказывается массивный дубовый стул которым он разбивает голову неосторожно сунувшемуся к нему полного светловолосого легата пятнадцатого легиона. Бросок, и стул сшибает с ног еще одного. На ногах остается двенадцать противников.

Они окружают его, но кесарь играючи порывает заслон и вновь оказывается у стены. Легкие клинки легатов не могут пробить его сплошного кованого доспеха. В императора летят стулья. Противники подхватывают его манеру боя, стараясь хоть что-то сделать с этой неуязвимой машиной смерти, но Уголь несмотря на могучую комплекцию легко уворачивается. Заговорщики вновь остаются с носом.

— Ну же. Или мне позвать стражу? — улыбается аррекс, делая рукой приглашающий жест.

Это стало последней каплей. Понимая, что терять им уже нечего, легаты кинулись на императора все разом, уже не помышляя ни о какой тактике. Уголь метался меж них словно опытный матерый хищник, не делая ни одного лишнего движения. Злой враг — глупый враг. Глупый враг — мертвый враг. Император переиграл своих врагов, заставив их потерять над собой контроль, и теперь безжалостно расправлялся с ними по одиночке в образовавшейся толчее, где они скорее мешали нежели помогали друг другу. Для него первого клинка империи это было не слишком сложно. Последним пал Кай Грасс. Он до последнего не вмешивался в битву, не желая рисковать и ожидая, что работа окажется сделана чужими руками, и когда аррекс, покончив со всеми прочими, направился в его сторону, даже не сумел поднять клинок для защиты, столь жутким показалась ему в тот момент фигура его владыки с ног до головы забрызганная вражеской кровью. Меч кесаря одним ударом разрубил ему голову, а затем вонзился аккуратно под сердце. Зная о живучести своего ученика, Уголь не желал оставлять ему ни единого шанса.

Покончив с заговорщиками, аррекс устало оперся на свой клинок. Клокотавшая в нем ярость на время покинула его, по достоинству оценив столь щедрый дар, но он знал, что она скоро вернется и потребует новых жертв. Кликнув стражу, он безгласно приказал растерянным гвардейцам очистить зал от крови и мертвых тел, а сам отправился в свои покои. В эту ночь он в первый раз за многие месяцы спал без сновидений.

* * *

— В городе неспокойно. — Нодди отставил в сторону пустую кружку, с вожделием поглядывая на огромный дубовый бочонок эля стоявший в углу трактирной залы. — Солдаты оцепили императорский дворец. Почти никого не пропускают. Что-то да будет.

— Или уже произошло. — Морн с наслаждением плюхнулся на лавку, придвигая к себе блюдо с тушеным мясом и грибами. Он только что вернулся из города где от верных людей разжился последними столичными новостями. — На аррекса было совершено покушение. Неудачно. Все заговорщики мертвы. Уцелеть не удалось никому.

— Наши? — выдохнул Нодди.

— Нет вроде как происки Грасса. Хотел свергнуть своего владыку. Да не вышло.

Нодди озадачено покачал головой. Более полугода прошло, с тех пор как аррекс вернулся с тайных земель. Вторжение людей имело для бессмертных земель катастрофические последствия. Народы эльфов и эльвар были сильно обескровлены и еще

нескоро восполнят свою численность. Зинк и все до единого старейшины гремлинов отдали свои жизни, заплатив ими за помощь хранителя. Такова была цена, которую назначили Древние, чтобы их силой не пользовались без крайней на то нужды или во имя негодных дурных целей. Хитрые и трусоватые в обычной жизни перед лицом общей беды они сумели стать настоящими героями... Отряд Оранга тайно двинулся за императором, поклявшись на этот раз во что бы то ни стало уничтожить его. Вместе с ними в смертные земли направились и дубни, спеша как можно скорее оказаться в родных лесах. Их осталось достаточно много, чтобы заградительный заслон степняков выставленный аррексом возле прохода счел за лучшее попустить их, не ввязываясь в битву. Поражение императора сильно пошатнуло его авторитет среди поданных, и теперь приказы живого бога во плоти исполнялись уже не столь рьяно и беспрекословно. За все это время в империи произошли существенные перемены. Появилось множество недовольных как среди вернувшихся ни с чем солдат, так и среди тех, кто потерял в этом бессмысленном походе своих мужей, отцов и сыновей. К тому же в Аррексию вернулись бессмертные, из числа тех, что причастился кровью эльвар. Ныне они жаждали свой кусок пирога и тайно расшатывали и без сильно ослабленные за последние полгода скрепы, на которых держалась целостность империи Дракона.

Мудрый пилигрим и хитрые наемники быстро свели с ними дружбу и теперь тайно готовили полномасштабное восстание против тирании аррекса. Буча должна была начаться во многих местах разом, и потому в последнее время герои буквально сбивались с ног, встречаясь с нужными людьми и обмениваясь различного рода сведениями.

— Что, брат, жажда замучила? — понимающе хмыкнул Пар-Хан, проследив за взглядом Нодди. — Смотри, от эля брюхо вырастет. А ты и так не тростинка.

— Кто бы говорил. — Обиженно протянул Нодди. — Сам дрищ дрищом, а хлещешь хмельное шибче всех нас вместе взятых. Или откуда у тебя такое прозвище?

— Оттуда и есть. — Не стал спорить Злая Вода. — Саки, что готовят у меня на родине, крепкий напиток, в голову сильно дает. А по виду от обычной воды не отличишь. Вот потому и злая вода. Я той воды море могу выпить. Она мне что эликсир жизни...

— Покушение это плохо. — Осадил весельчаков Морн. — Теперь аррекс усилит охрану города. Помнится, в прошлый все начиналось похоже...

— В этот раз все будет иначе. — Не согласился пилигрим. — Почти вся армия на нашей стороне. Люди озлоблены и жаждут перемен. Против стихийного бунта, который поддержит регулярная армия, аррексу не выстоять.

— Все равно некстати. — Скривился Морн. — Эдак потеря будет гораздо больше. Гвардейцы и гимнеты то на его стороне. А взяли бы врасплох — считай малой кровью бы отделались.

— Что поделать, нельзя приготовить жаркое, не зарезав хряка. — Ощерился Нодди. — И в этот раз хряк будет жирный. Жирнее я, пожалуй, еще не видал...

— Все случится через неделю. Посему есть небольшой шанс, что к тому времени все уляжется. — Мастер Оранг неподвижно глядел на колеблющееся пламя стоявшей на столе свечи. — Будем надеяться, что так оно и будет. В противном случае большой крови не избежать.

Великий аррекс неподвижно восседал на малом темном троне расположенном в его покоях. У его ног разлеглась исполинская серая туша. Рассеянно потрепав по горного великана по загривку, император лениво отметил, что ему приятно ощущать тепло исходящее от тела твари к его ногам. Похоже Гых был единственным существом, к которому владыка мира испытывал чувства отдаленно похожие на любовь и привязанность. Бестии повезло. Уголь не взял ее в поход в земли Древних, оставив недовольного великана по ту сторону Моста, вверив его на попечение Дэй-Кона. И последний конечно от души постарался, чтобы с любимцем его повелителя ничего не случилось, благо слишком хорошо понимал, что бывает с теми, кто имеет глупость исполнять поручения императора ненадлежащим образом. А сам Уголь чувствовал себя гораздо лучше. Видимо виной его внезапного безумия стала проклятая земля за Проходом, и оказавшись вне ее пределов он быстро пришел в норму. Видения более почти не беспокоили императора, а что до сжигавшего его гнева... К нему кесарь за столетие жизни уже успел привыкнуть. Темная ярость давным давно уже стала частью его сути, и он не мыслил своей жизни без нее.

Да бессмертные земли оказались крепким орешком, но это не значило, что он примирится с поражением. Год максимум два и у него будет новая армия ничуть не слабее первой. Только на этот раз он не повторит своих ошибок, не даст своей неистовой жажде силы и исцеления взять контроль над разумом. Нет, он продумает все до мелочей, наладит поставки продовольствия, привезет или на худой конец построит на месте смертоносные механизмы губительные даже для того водяного монстра и кошмарного золотого голема. К тому же он дарует бессмертие многим из отличившихся воинов и тем самым еще более усилит свою власть. Но лишь из числа мечей. Все остальные, как показала практика, ненадежны. Грасс послужил для этого вполне наглядным уроком, но аррекс и так давно подозревал, что легат ведет двойную игру, и даже не решился тот на открытый заговор, дни его все равно были бы сочтены.

Император задумчиво провел рукой по щеке, ощущая неровный бугристый шрам оставленный ему на память одни из заговорщиков. Интересно он рассосется, или подобно ожогам останется с ним на всю оставшуюся жизнь... Впрочем это мало волновал его. По понятным причинам аррекс был не из тех мужчин, что излишне щепетильно относятся к собственной внешности. Совсем иное ныне омрачало его мысли. Земли бессмертных преподнесли ему немало неприятных сюрпризов, и далеко не факт что они на этом исчерпали себя. А что если там скрываются твари еще более могучие нежели те, что он уже видел? Не окажется ли тогда его следующий поход последним? Уголь, поморщившись, отогнал дурные мысли. Он воин и рожден для риска и сражений. Без них жизнь стала бы пресной и унылой. А значит, как бы там не сложилось, он не отступит. Победа или смерть. Третьего не дано. Этот древний девиз аррексийских легионов был и его собственным девизом. А ведь надо еще посчитаться с предателями дубнями. Они трижды плюнули ему в лицо, и четвертого раза не будет. Все их племя так или иначе ждет гибель. Вопрос лишь когда... Тщательно взвесив все за и против, кесарь решил все же оставить пока воинов древ в покое. Его армия и так сильно пострадала в битвах с тварями иных земель, и народу нужно было дать время чтобы выпустить пар и забыть об этом досадном поражении. Оставались еще проблемы с лишившимися земель воинами. Перед аррексом встала дилемма, встать ли ему на сторону черни или потрафить аристократии, еще более укрепив перед ней свои позиции. В итоге он решил выбрать второй вариант. Владеющий землей держится за нее и крайне неохотно идет воевать на чужбину. Пусть воины поголодают и помыкаются с годик

другой, с них не убудет, а когда настанет час собора, начало похода станет для них сушим праздником, и ряды его армии вновь возрастут десятикратно. Аррекс потянулся к серебряному кувшину и наполнил украшенный черепами массивный стальной кубок изысканным красным вином. Он пил за свою грядущую победу.

* * *

Он со стоном разлепил тяжелые веки, тщетно пытаясь унять дикий приступ головной боли. Сознание возвращалось медленно. Перед глазами все плыло, отчего окружающее тонуло в зыбком мареве, пробиться через которое было совершенно невозможно.

— Он очнулся... — Голос был женским и довольно приятным.

— Легат, вы меня слышите? — озабоченно спросил другой голос гораздо более грубый.

— Цина... — С трудом выдавил из себя Девиний Цест, медленно приходя в себя. Несмотря на крайне неважное стояние, он узнал своего верного центуриона. — Что... что произошло...

— Вы упали с большой высоты. — Участливо отозвался мужской голос. — Вас бросили к мертвым, но дворцовая служанка нашла вас еще живого, и мы принесли вас сюда. Промедли мы хоть немного, и вас расчленили бы на части подобно прочим. Теперь все будет хорошо. Аррекс сполна получит свое.

— Что... мне делать...

— Ничего. Вы все уже сделали. Дальше уже наша забота. Отдыхайте и набирайтесь сил. Вы понадобитесь нам, когда все закончится.

* * *

Как это и обычно бывает в подобных случаях, все началось спонтанно. Лидеры восстания до последнего пытались оттянуть неизбежное и просчитать все до верного, но не вышло. Чаша терпения народа давным давно переполнилась, а слухи о покушении на императора еще больше подлили масла в огонь, и все закрутилось раньше чем планировалось. В столице вспыхнули стихийные бунты. Регулярные войска (и даже знаменитый девятый легион в полном составе) большей частью перешли на сторону восставших, но у аррекса осталось вполне достаточно сил чтобы удерживать под контролем центральные кварталы и императорский дворец. На рубежах обороны то и дело вспыхивали жестокие схватки, шедшие с переменным успехом. Гвардии и гимнетам пока удавалось отбивать штурмы восставших, но не хватало сил на то чтобы перейти в контратаку. Впрочем мало мальски опытному стратегу было очевидно, что аррекс обречен. Численность восставших превышала его войска минимум в пять раз, а подмога вряд ли прибудет, учитывая то, что столичные отряды мятежников должны были поддержать их товарищи в самых разных уголках империи.

Бои продолжались до глубокой ночи. Под ее покровом отряд Оранга двинулся к императорскому дворцу. Вместе с ними шли и повстанцы. Некоторые из них принимали участие в походе аррекса и также как и спутники пилигрима были бессмертны. Один из них знал тайный ход ведущий во дворец, которым повстанцы и хотели воспользоваться. Ход

оказался заброшенным и не охранялся. Некоторое время отряд бесшумно двигался по подземным катакомбам, пока ход не вывел их в дворцовые коридоры. Воины старались идти как можно более незаметно, однако за очередным поворотом наткнулись на патруль гимнетов. Завязалась короткая схватка, в ходе которой гимнетов удалось уничтожить, однако поднявшийся шум раскрыл их. Теперь нужно было действовать как можно быстрее. Сумасшедший бег по извилистым коридорам дворца то и дело сменялся ожесточенными боями, победителями в которых неизменно становились повстанцы. Бежавший впереди всех Сила просто сносил всех врагов напрочь. Против его чудовищной мощи и искусства железной рубашки не могло устоять ничто.

Наконец показались императорские покои. Там их уже ждали. Четыре десятка отборных гвардейцев, а также трое бессмертных и великан Гых наглухо преграждали путь в обитель владыки тьмы. С обеих сторон засвистели арбалетные белыты. И там и там упало по несколько фигур, но в тесном пространстве коридора все должна была решить рукопашная. Гых гигантскими скачками устремился вперед и всей массой обрушился на Силу, двое исполинов рухнули на пол и покатались по каменным плитам, сцепившись в клубок словно два разъяренных медведя. Повстанцы же столкнулись с гвардией. Последние сперва пытались выдавить врагов стеной копий, но среди мятежников были только лучшие бойцы, и они быстр сумели разрушить строй защитников дворца и навязать и беспорядочный хаотичный бой, где все решает умение единоборца, а не слаженность действий. Бессмертные — самый последний рубеж обороны выступили против бойцов Оранга. Морн взял на себя своего старого врага. Пар-Хану достался ассасин Кукри, а сам пилигрим вышел против Дэй-Кона. Плотный коренастый владыка мечей был вооружен двумя кривыми мечами, коими орудовал с необычайной ловкостью. Однако посох Оранга ничуть не уступал им, оказываясь в нужном месте ровно тогда когда нужно и ни секундой позже. Бойцы стояли друг друга. Исполин Мордред при виде тщедушного на вид легионера издал злобный клекот, полностью оправдывая свое грозное прозвище, и завращал чудовищным клинком, стремясь разрубить противника на части. Морн уклонялся и парировал, помня о всей колоссальной силе врага, он не пытался тупо переть напролом, а напротив отступал, выжидая удобного момента. Для него этот бой стал смыслом жизни. Стервятник же просто сражался, ни во что не ставя дерзкого доходягу-наемника. За свою жизнь он загубил бессчетное количество душ, и ему было совершенно плевать на чувства соперника, о подоплеке которых он по сути даже и не подозревал. Кукри и Пар-Хан оказались среди тройки поединщиков самыми подвижными. Они более всех уделяли внимание зрелищным приемам и кульбитам, кои вопреки расхожему мнению могли быть весьма и весьма эффективны, если конечно их использовал настоящий мастер. А оба бойца были истыми доками в своем деле.

Воспользовавшись тем, что все имперцы оказались связаны боем, Шанг пробился к массивным дверям покоев и одним ударом глефы перерубил тяжелый железный засов удерживающий створки. Аррекс спокойно ждал внутри. Полный черный доспех матово мерцал в тусклом свете бронзовых факелов. В каждой руке владыки мира было зажато по полоторному клинку.

— Вот мы и встретились вновь. — Несмотря на то что кесарь не видел его лица в прошлую встречу, он не иначе как неким мистическим образом узнал своего врага.

— В последний раз. — Усмехнулся Шанг, поднимая глефу.

— Воистину так! — рыкнул Уголь, и прихрамывая, двинулся вперед. Два стремительных росчерка, и эльвар едва успел уклониться от просвистевших в считанных

миллиметрах от его лица острых полос смертоносной стали.

Аррекс двигался несколько дергано, нарочито меняя каждую секунду манеру боя. Обманчивая почти стариковская сутулость и расслабленность в следующее мгновение сменялись взрывом чудовищных по силе и скорости ударов. Живя тысячелетия, Шанг участвовал в бессчетном количестве битв и поединков. Но с подобным он столкнулся впервые. Император оказался воистину великим воином. Сыном самого первородного мрака. Противником, победить которого эльвар несмотря всю свою мощь и колоссальный опыт бессмертного будет ох как непросто.

* * *

— Ну, куда теперь? — Чиллак вопросительно уставился на маленького провидца.

Разумеется, мальцов никто не собирался брать на дело, откуда и опытному воину вернуться живым непросто. Однако когда мальчишек останавливали подобные мелочи? Оба сорванца ничтоже сумнящееся тайно последовали за отрядом, полагая, что их помощь может оказаться не лишней, и совершенно не думая о последствиях. Парням везло. Им удавалось обходить посты стражи главным образом из-за провидческого дара Оэ, который чувствовал стражников загодя, и тогда пацаны прятались, ожидая пока охранники пройдут мимо, или выбирали более безопасный путь.

— Там люди... — глаза Оэ вспыхнули сине-голубым пламенем. — Им нужно помочь...

— Подожди какие люди, наши? — вытаращился Чиллак. — Куда тебя вообще понесло?

Маленький провидец же тем временем уверенно направился вниз по коридорам, которые явно вели не в центральную часть дворца, куда было надо сорванцам. Внизу в катакомбах обнаружилась преграждавшая путь массивная железная решетка, возле которой ошивалось двое стражей. Они не слышали шума разыгравшегося внутри дворца боя и посему были довольно беспечны. Полупрозрачный голубоватый ореол, соткавшись вокруг головы Оэ, ярко полыхнул, и оба охранника медленно осели на пол.

— Я погрузил их в сон. — Прошептал чудо-ребенок. — Нужно торопиться.

Быстро обшарив пояс стражей и забрав ключи, парни отперли решетку, за которой обнаружилась вереница тесных железных клеток, в коих по одному, скрючившись, сидели худые изможденные люди. На мальчишек сперва уставились с недоверием, но когда те принялись сноровисто отпирать клетки, в глазах узников вспыхнула надежда.

— Берите оружие тех. — Чиллак небрежно указал на валяющихся возле входа стражей. Он старался держать голос уверенно. Но внутри все же ощутимо робел перед заключенными, среди которых явно были не только невинные люди. — И уходите отсюда. Скоро здесь будет жарко.

Внезапно в самом дальнем углу подземелья раздался жуткий замогильный стон, исполненный такой боли и ужаса, что у парней на мгновение кровь застыла в жилах. Осторожно приблизившись к источнику звука, пацаны увидели поистине кошмарную картину. На стене висел... висело... нет это даже нельзя было назвать человеком. Иссохшееся почти до состояния мумии изувеченное плотной коричневой коростой так, что оно стало напоминать древесную кору, тело пронзала насквозь густая бамбуковая поросль. Однако вопреки всему несчастный был еще жив. Именно он издавал те самые жуткие звуки, которые так потрясли отважных парней. Живая мумия издала еще один жуткий вой,

повернув полные нечеловеческой муки глаза в сторону ребят. Вряд ли кто-нибудь из его современников, если ему бы посчастливилось дожить до сего времени, узнал бы теперь брата Преона. Ненависть аррекса вместе с его кровью и древнее искусство пыток народа мечей изменило его до неузнаваемости. Будучи бессмертным он не мог умереть от полученных увечий, в буквальном смысле этого слова, зависнув между небом и землей. Судьба сыграла с бывшим пресвитером забавную шутку, сотворив ему подобие того ада, в который он столь истово веровал, будучи служителем церкви Всеединого. Испытывая лютую ненависть к мраку и тварям им порожденным, он сам стал одной из них. И теперь жестокая и своенравная стихия сполна отплачивала ему той же монетой, мстя за гибель и муки своих возлюбленных чад.

— Помогите... — Тихо просипел Преон, содрогаясь всем телом. Несмотря на то что в его теле почти не осталось жизни, он явно испытывал поистине ужасную боль. — Прекратите это... пожалуйста... прекратите...

Мальчуганы беспомощно замерли, не зная что делать. Внезапно позади них возникла темная тень, и пресвитер захрипел перерезанным горлом. Кинжал неизвестного вскрыл его от уха до уха, едва не отделив голову от тела.

— Кем бы ни был этот несчастный, он сполна искупил свои грехи... — Протянул крепкий жилистый узник средних лет с жестким дубленным лицом. — Спасибо за помощь, парни. Не знаю, что вы здесь забыли, но теперь надо уходить. Стража может вот-вот нагрянуть...

И двинулся прочь, не обращая более на детей никакого внимания. Выждав немного для верности, парни двинулись следом. К тому времени все узники успели покинуть темницу, об их присутствии напоминали лишь два трупа стражей с перерезанными глотками.

— Зачем... — Тихо прошептал Оэ. — Они же были беззащитны...

— Тебя подержат на хлебе и воде в такой клетушке, тогда узнаешь зачем. — Огрызнулся Чиллак. — Станный ты все-таки. Пошли скорей. А то там и без нас управятся...

* * *

А мятежники тем временем медленно, но верно одолевали защитников дворца. Те сопротивлялись из последних рассчитывая на прибытие подмоги. Но иные отряды бунтовщиков в это же время атаковали внешние подступы цитадели аррекса, и все его солдаты в том числе и дворцовая охрана были ныне заняты тем что отражали вражеский штурм. В итоге повстанцы добились последних гвардейцев и устремились на помощь бессмертным. Те в итоге не смогли устоять. Мордред пал, получив в глаз арбалетную стрелу. Клинок Морна отделил его Глову от тела, положив конец злодеяниям грозного владыки южной степи. Дэй-Кона пригвоздило к стене сразу несколько копий, после чего его тело порубили на части, похожая участь постигла и ловкача Кукри, его сбили с ног ловким ударом древка алебарды и после также иссекли на куски. Сила тяжело дышал, лежа возле исполинской мертвой туши Гыха. У горного великана была свернута шея. Колосс же слабо улыбался, держась за распоротый когтями бестии живот. Даже железная рубашка не спасла богатыря от чудовищной силы твари.

— Мастер, как вы! — за поворотом показалась взъерошенная запыхавшаяся фигура.

— Чиллак, Оэ... я же велел вам присматривать за лошадьми. — Озадаченно протянул

пилигрим.

— Ему нужна помощь... — Юный провидец озабоченно склонился над тяжело раненым богатырем. Уже знакомое голубое свечение сорвалось с его рук, и колосс тихо засопел, погрузившись в глубокий целительный сон прямо на каменном полу коридора. Магия Оэ затянула страшную рану, и теперь жизнь богатыря была вне опасности.

Шанг и Уголь меж тем вершили битву столетия. Клинки аррекса пели нескончаемую песнь смерти, мелькая сплошным смертоносным вихрем, но в итоге, глефе эльвар удалось перерубить их лезвия, и в руках кесаря остались два бесполезных обрубка. С кошачьей ловкостью отпрыгнув назад, император одним движением извлек из-за спины верный двуручник и легким стелющимся шагом двинулся на противника. Не ожидавший от аррекса такой прыти Шанг замешкался и получил неглубокую рану в предплечье.

— Удивлен? — рыкнул кесарь, когда соперники остановились перевести дух. — В бою я могу и не хромать. — И с удвоенной силой атаковал эльвар.

Тому приходилось все хуже и хуже. Тяжелая аура первородного мрака чудовищным прессом давила на сознание Шанга, лишая воли. Аррекс же напротив ощущал небывалый подъем. Пожалуй ни разу допрежь он не ощущал себя толь всемогущим.

— Черный Волк уязвил тебя, но я обучил его всему! — рыкнул он и отбив глефу в сторону нанес страшный удар снизу вверх, наискось разрубив грудь эльвар.

Шанг рухнул на землю, обливаясь кровью.

— Тебе стоило быть умнее. Я непобедим. — Самодовольно рыкнул Уголь, повернувшись спиной к поверженному противнику и внезапно захрипел, рухнув на колени. Из его спины торчало древко глефы. Лезвие оружия эльвар вонзилось в его тело по самую рукоять навывлет, пронзив сердце.

— Тыыы... — неверяще повернулся император к темнокожему воителю.

— Клинки... эльвар... навывлет... пронзают... камень... — Хрипло прокаркал Шанг. Из его рта вытекала струйка темной крови.

Когда в покои императора ворвались ликующие повстанцы, все был уже кончено. Аррекс неподвижно лежал лицом вниз. И его спины торчало темное древко глефы. Шанг лежал на полу совсем неподалеку. Он еще дышал, но явно доживал последние секунды.

— Оэ! — повернулся пилигрим к небесному мальчику.

— Не могу... — Прошептал тот, отводя глаза. — Вся энергия ушла...

— Может ее оправится. — Выдохнул Нодди. — Он могучий воин.

— В ране прозелень. — Покачал головой Оранг. — Клинок был отравлен. И у него разрублено сердце. Боюсь, это конец.

— Прости меня. — Прошептал Оэ, наклоняясь над едва дышащим эльвар. В его глазах стояли слезы. — Я и правда не могу тебе помочь... Теперь я знаю, как выглядят герои... Но я не знал что это так больно...

— Нет нужды... — еле слышно выдохнул Шанг, улыбаясь побелевшими губами. — Я ухожу во славе... Оэ... в тебе сама суть бытия... Теперь я знаю, как выглядят ангелы... И это дивно...

* * *

Так закончилась война за будущее мира. Аррекс вместе со всеми своими

приспешниками оказался повержен. На трон вошел новый император. Им оказался никто иной как легат девятого легиона Девиний Цест. Армия единодушно выбрала его на этот пост как единственного выжившего командира высшего звена после похода в бессмертные земли и последующего Заговора Двадцати, как его уже много позже окрестили хронисты. Чванливых заносчивых аристократов народ сполна настрадавшийся за последнюю сотню лет более терпеть не желал. Мечи и степь сразу же объявили о своей независимости, но не решились на открытую войну, предпочтя заняться обустройством собственных земель. Новый аррекс признал их суверенитет, и на Иорле наконец установился долгожданный мир.

Шанга похоронили с величайшими почестями как того, кто сумел сразить бога во плоти. После когда отгремели пиры во славу блистательной победы отважных героев, отряд пилигрима, к которому примкнули и многие бессмертные из числа, отведавших крови эльвар двинулся в обратный путь. Нужно было передать эльвар тело их величайшего воина. Не один месяц длился этот поход, но ни один степняк не слился преступить и путь. Молва об их деяниях бежала впереди путников, делая их неприкосновенными для любого даже самого свирепого и бесшабашного воина степи. Вступив в бессмертные земли, говорил Оранг с вождем эльфов, а также с вождем эльвар, и оба при виде тела мертвого воителя не смогли сдержать слез. Там на землях эльвар Шанга и предали земле, а его могила на долгие века стала величайшей святыней не только для его сородичей, но и для вех прочих обитателей запретного для людей дивного края. Виделся пилигрим также и карликами гремлинами, и те дали ему своего гремящего зелья чтобы раз и навсегда разрушить проход меж миром смертных и бессмертных, ибо так пожелали все три великих народа. Зелье сделало свое дело намертво завалив Проход глыбами исполинских валунов и серого щебня, сделав его недоступным для кого бы то ни было.

А кода настала пора возвращаться, мастера Оранга поджидал еще один сюрприз. Сунув уку в карман балахона он к своему удивлению не обнаружил там заветной статуэтки.

— Видно обронил в дороге. — Усмехнулся он, виновато разводя руками. — Совсем старый стал, верно пора на покой.

— Как же теперь мы вернемся в твой родной мир, мастер? — вытаращился Чиллак.

— Боюсь никак. Но все к лучшему. — Улыбнулся мастер. — Множество миров давно перестали манить меня своими огнями и тайнами. Только успеешь привыкнуть к очередному миру, и снова пора уходить. А теперь у меня есть шанс стать хранителем того, что я давно уже полюбил всем сердцем. У нас всех есть шанс. — Повернулся к напряженно прислушивающимся к его словам воителям. — Вы пошли за мной, потому что жаждете знаний и света. И пусть я лишь малая искра в сравнении с ярчайшими огнями тех, кто направил меня сюда, если вы разделите со мной сей удел, мы навеки станем братьями друг другу. Выбор за вами.

И все до единого воины шагнули вперед, признавая правоту своего нового предводителя. Так на возник Орден, ставший пристанищем для тех то желал чего-то большего нежели жизнь простого обывателя, будь тот хоть в ранге простого виллана или же императора огромной империи. Те кто жаждал силы и тайного знания стали приходить к пилигриму, стремясь прикоснуться к его мудрости, но далеко не всех принимал старый мастер, лишь тех, в чьей душе он не ощущал изначального лиха, которое рано или поздно заставило бы воспитанника обернуть древние знания во зло. На Иорле началась новая эпоха...

— Вот так и закончилась эта история. Герои возвратились домой. Земля постепенно залечила свои раны, и лишь сказания, да дивные песни гитан напоминают ныне о том славном времени когда трава была зеленее, и по миру бродили отважные воители и древние чудовища...

— А я... я когда-нибудь стану таким же сильным как Шанг, мастер Чиллак? — пятилетний мальчуган с надеждой вглядывался в непроницаемые на первый взгляд карие глаза, в самой глубине которых ощущалось тепло и легкая усмешка.

— Если будешь прилежен в занятиях, юный Лилан. — Гладкое лицо мастера, по которому совершенно не угадывался возраст, расплылось в улыбке. — А теперь тебе пора спать.

— Я постараюсь, дедушка... — Счастливо прошептал мальчик, и откинувшись на подушку, тотчас же засопел. Этот день выдался для него на редкость богатым на впечатления.

— Спи мальчик мой... ты станешь... — Мастер Чиллак заботливо поправил внуку одеяло, с любовью прислушиваясь к тихому ровному дыханию, и постояв еще немного над его кроватью, неслышно покинул келью.

Больше книг на сайте — Knigolub.net